

Ю. Рубцов,  
Д. Филипповых

ГЕРОИ БИТВЫ ЗА КРЫМ



ЖЗЛ

# ГЕРОИ БИТВЫ ЗА КРЫМ



Юрий  
Рубцов,  
Дмитрий  
Филипповых



ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ





ЖИЗНЬ®  
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ  
ЛЮДЕЙ

*Серия биографий*

Основана в 1890 году  
Ф. Павленковым  
и продолжена в 1933 году  
М. Горьким



**ВЫПУСК**

**1994**

---

**(1794)**

Юрий Рубцов, Дмитрий Филипповых

# ГЕРОИ БИТВЫ ЗА КРЫМ

ТАВРИДА В ПЛАМЕНИ  
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ



МОСКВА  
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ  
2019

---

УДК 355.48(47+57:430)  
ББК 63.3(2)622,88  
Р 82



знак информационной  
продукции **16+**

**ISBN 978-5-235-04308-4**

© Рубцов Ю. В., Филипповых Д. Н., 2019  
© Издательство АО «Молодая гвардия»,  
художественное оформление, 2019

---

---

## ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА — В ЛИЦАХ ЕЕ ГЕРОЕВ

*Слово к читателю*

В 2020 г. Россия отмечает 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. Все дальше от нас это исключительное, имеющее непреходящую ценность событие. Но никакой поток времени не в состоянии стереть из памяти подвиг Победителей — наших отцов, дедов, прадедов.

Великая Отечественная война, невиданная по испытаниям, которые выпали на долю воюющего народа, вызвала столь же невиданный всплеск самопожертвования и героизма, как массового, так и индивидуального. Из народа вышли миллионы героев. Рядовой и генерал, ополченец и кадровый военный, пятидесятилетний колхозник, воевавший еще в Первую мировую, и вчерашний десятиклассник, солдат, бросавшийся со связкой гранат под вражеский танк, и медицинская сестра, сутками не смыкавшая глаз в больничной палате, моряк и пехотинец, партизан и подпольщик — все проявили редкое понимание выпавшей на их долю личной ответственности за судьбу страны. Не случайно историки называют фронтовое поколение феноменом XX века.

Но вот уже которое десятилетие известные силы предпринимают упорные попытки представить дела старших поколений, которые и хребет фашизму сломали, и страну из руин подняли, как уцененные историей. Реваншисты от истории преследуют цель «переиграть» войну, переложить ответственность за ее развязывание на Советский Союз и его правопреемницу — Российскую Федерацию, исказить ее ход и пересмотреть итоги, навязать обществу оценки, далекие от исторической истины.

Реальность сегодняшних дней такова, что Великая Победа над фашизмом остается самой серьезной духовной скрепой, сплачивающей российский социум в единое це-

лое. Именно память о войне, о Победе не позволила нашему народу распастись по вероисповеданиям и национальностям, возрастам и территориям проживания, именно она дает нашему народу точки духовной опоры в созидании новой России.

К 75-й годовщине Великой Победы приурочены значимые общественные, образовательные, просветительские инициативы. Они призваны развить интерес наших сограждан к отечественной военной истории, содействовать воспитанию молодежи в духе непреходящих ценностей патриотизма и уважения к подвигу фронтовиков.

В числе этих проектов — задуманная издательством «Молодая гвардия» в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» подборка книг о крупнейших битвах и сражениях Великой Отечественной. На возможный скепсис, мол, что здесь удивительного, ведь в такой литературе недостатка нет, ответим: указанная серия имеет свою изюминку. Полотно каждой из битв — Московской и Берлинской, Сталинградской и Курской, за Днепр и за Белоруссию — авторы складывают, словно из мозаики, из портретов отличившихся в них маршалов, генералов, офицеров, рядовых солдат.

В каждый сборник включено восемь—десять биографий воинов, в числе которых — полководцы, задумавшие и руководившие операциями, командиры корпусов, дивизий, сыгравшие ключевую роль в управлении войсками, наиболее отличившиеся командиры частей и подразделений, а также рядовые герои, совершившие в ходе этих событий подвиги. В результате за боевыми делами воинов встает картина конкретной битвы, а за панорамой битв и сражений — подвиг всего народа-победителя.

Что важно, будет нанесен и мощный удар по фальсификаторам, преследующим неблагоприятную цель доказать отсталость советского военного искусства, неумение командиров Красной армии воевать без несоизмеримых с результатами людских потерь.

Книга, лежащая перед вами, уважаемые читатели, посвящена героям продолжавшейся на протяжении 1941—1944 гг. борьбы за Крым. На ее страницах вновь, как и в годину испытаний, встретятся командующий Отдельной Приморской армией генерал Иван Ефимович Петров и командующий Черноморским флотом адмирал Филипп Сергеевич Октябрьский, командующий Крымским фронтом генерал Дмитрий Тимофеевич Козлов и командующий 51-й



армией генерал Яков Григорьевич Крейзер, командир 63-го стрелкового корпуса генерал Петр Кириллович Кошевой и снайпер 25-й Чапаевской стрелковой дивизии старший лейтенант Людмила Михайловна Павличенко, командир 35-й башенной батареи капитан Алексей Яковлевич Лещенко и командир бронекатера Азовской военной флотилии старший лейтенант Асаф Кутдусович Абдрахманов. Своими героизмом и беспримерной стойкостью они и их боевые побратимы доказали всему миру, что не было и не будет такой силы, которая смогла бы сломить наш народ, поставить его на колени.

Выход книги в свет приурочен к двум историческим датам — 75-летию освобождения полуострова от немецко-румынских захватчиков и пятилетию воссоединения Крыма с матерью-Россией. Нет сомнения, что сделанный в 2014 г. выбор крымчан в пользу возвращения в российскую «гавань» питался в том числе и памятью о подвиге героев фронтового Крыма.

Уверен, что эта книга, как и вся серия, задуманная издательством «Молодая гвардия», будет интересна широкому кругу читателей — военнослужащим Российской армии и флота, ветеранам войны и военной службы, суворовцам и нахимовцам, юнармейцам, всем, кто любит Россию, кто искренне гордится ратными страницами отечественной истории.

*Заместитель Министра обороны  
Российской Федерации — начальник  
Главного военно-политического управления  
Вооруженных Сил  
Российской Федерации  
генерал-полковник А. В. Картаполов*

---

---

## КРЫМ НЕПОКОРЕННЫЙ

Война пришла в Крым в 3 часа 15 минут 22 июня 1941 г., когда немецкие бомбардировщики сбросили свои первые бомбы на Севастополь.

К началу войны Крым представлял собой автономную советскую социалистическую республику в составе РСФСР. Геополитическое значение полуострова трудно переоценить. Он является тем «ключом от моря», владение которым дает возможность контролировать весь Черноморско-Азовский регион. Военно-политическое руководство нацистской Германии не без оснований считало, что до тех пор, пока Крымский полуостров не захвачен вермахтом, будет сохраняться реальная угроза приморскому флангу германского Восточного фронта. Маршал Советского Союза А. М. Василевский по этому поводу писал: «Владея им [Крымом], гитлеровцы могли держать под постоянной угрозой все Черноморское побережье и оказывать давление на политику Румынии, Болгарии и Турции»<sup>1</sup>.

Для вермахта овладение Крымом означало возможность создания важнейшего стратегического плацдарма, откуда можно совершить бросок к нефтеносным районам Кавказа и Каспия и далее к Волге, отрезая всесоюзную житницу — районы Кубани и Дона — от остальной территории Советского Союза. Кроме того, полуостров был идеальным местом базирования люфтваффе, которые, захватив господство в воздухе над Азовским морем и Черноморским побережьем Кавказа, могли бы обеспечить благоприятные условия для дальнейшего продвижения вермахта на восток. В свою очередь, владея полуостровом, советские войска не только угрожали флангу и тылу немецкой группы армий «Юг», но и могли наносить удары по нефтеносным районам Румынии, даже не привлекая дальнюю авиацию, и фак-

тически держали под контролем всю акваторию Черного моря. Недаром на совещании высшего командования вермахта в августе 1941 г. полуостров был назван «авианосцем Советского Союза в его борьбе против румынской нефти»<sup>2</sup>.

Именно эти обстоятельства предопределили особое место полуострова в планах воюющих сторон и ту ожесточенную борьбу, которая велась за Крым в конце 1941-го — первой половине 1942 г. Планом «Барбаросса» предусматривался разгром Советского Союза в ходе быстротечной кампании. Однако, столкнувшись с упорным сопротивлением войск западных приграничных военных округов и эффективными контрударами Красной армии, уже через месяц после начала военных действий нацистское руководство было поставлено перед необходимостью пересмотреть свои оперативно-стратегические планы. Наметились первые признаки срыва блицкрига.

В наступлении групп армий вермахта по трем стратегическим направлениям — «Север» (из Восточной Пруссии на Ленинград), «Центр» (из района восточнее Варшавы на Минск и далее на Москву), «Юг» (из района Люблина на Житомир и Киев) — назревал кризис. 15 августа группа армий «Центр» получила приказ приостановить наступление на Московском направлении и перейти к обороне, с тем чтобы обеспечить наступление групп армий «Север» и «Юг». Против приостановки наступления на Москву выступило Верховное командование сухопутных сил (ОКХ), и 18 августа главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич в памятной записке «Дальнейшее ведение операций группы армий «Центр»» высказался за немедленное продолжение наступления на Москву. Однако в своем ответе от 21 августа Адольф Гитлер выразил противоположное мнение: «Сображения Верховного командования сухопутных сил относительно дальнейшего ведения операций на Востоке от 18 августа не согласуются с моими планами. Приказываю: 1. Главнейшей задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Донце и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа; на севере — окружение Ленинграда и соединение с финнами»<sup>3</sup>.

Существенная корректировка первоначального плана ведения войны, заключающаяся в приостановке наступления на Москву в целях решения крайне важных для вермахта задач на флангах советско-германского фронта, свиде-

тельствоваала о сокращении наступательных возможностей и неспособности немецких войск вести активные боевые действия одновременно на всех направлениях в условиях непрекращающегося сопротивления Красной армии. Группа армий «Юг», понесшая значительные потери в боях, распоряжением Ставки фюрера была усилена 2-й полевой армией и 2-й танковой группой за счет группы армий «Центр». Эти силы были повернуты на юг для окружения и разгрома правого крыла советского Юго-Западного фронта.

В первые два месяца войны общая обстановка на советско-германском фронте складывалась крайне неблагоприятно для советских войск. Ставка Гитлера 27 июля 1941 г. в качестве первоочередной задачи на южном участке Восточного фронта определила «овладение Украиной, Крымом и территорией Российской Федерации до Дона»<sup>4</sup>. В конце сентября 1941 г., после того как войска группы армий «Юг» восточнее Киева нанесли поражение Юго-Западному фронту, а отступавшие советские войска еще не успели закрепиться на новых рубежах обороны, в Ставке фюрера было принято решение сосредоточить основные усилия на овладении Донбассом и Крымом.

Германское командование выделило для захвата Крыма входившую в усиленную группу армий «Юг» 11-ю армию, оперативно подчиненную ей 3-ю румынскую армию (румынский горный корпус) и значительные силы авиации. В командование этой группировкой войск в середине сентября вступил генерал пехоты Эрих фон Манштейн, имевший не только значительный опыт руководства наступательными операциями, но и ведения боевых действий против частей и соединений Красной армии под Ленинградом в летней кампании 1941 г.

11-я армия оставила в тылу осажденную Одессу и устремилась в Крым. В начале сентября ее войска форсировали Днепр в районе Каховки и повели дальнейшее наступление на Перекоп, Геничеськ и Мелитополь. Над Крымским полуостровом нависла реальная угроза вторжения войск противника. Какие же силы советских войск обеспечивали оборону Крымского полуострова? На территории Крыма дислоцировались 9-й отдельный стрелковый корпус, Качинская Краснознаменная военная авиационная школа имени А. Ф. Мясникова, Симферопольское интендантское военное училище РККА, тыловые части Одесского военного округа — всего немногим более 30 тысяч военнослужащих, а также соединения и части Черноморского флота.

Следует отметить, что сам корпус был создан директивой Ставки Главного командования Вооруженных сил СССР № 20 466 от 24 июня 1941 г., то есть уже после начала войны. Формировался 9-й отдельный стрелковый корпус на базе расположенной в Крыму 156-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор П. В. Черняев. Численность дивизии составляла 11,5 тысячи человек.

В соответствии с директивой начальника Генерального штаба РККА генерала армии Г. К. Жукова от 13 мая 1941 г. из Киевского особого военного округа в Крым была переведена 32-я кавалерийская дивизия, дислоцировавшаяся в городе Изяславе Каменец-Подольской области УССР после освободительного похода в Бессарабию в июне—июле 1940 г. Командовал дивизией полковник А. И. Бацкалевич. Личный состав 32-й кавалерийской дивизии насчитывал около восьми тысяч человек. Дивизия вошла в состав 9-го отдельного стрелкового корпуса. Однако уже в середине июля 1941 г. 32-я кавалерийская дивизия была переброшена в состав Западного фронта, в Белоруссию. 16 июля 1940 г. на базе войск Северо-Кавказского военного округа была сформирована 106-я стрелковая дивизия под командованием комбрига М. С. Ткачева. В мае 1941 г. дивизия была передислоцирована в Одесский военный округ, также вошла в состав 9-го отдельного стрелкового корпуса и к началу Великой Отечественной войны размещалась в окрестностях Евпатории. Она насчитывала в своем составе около 12 тысяч человек. В процессе формирования корпуса в него был включен корпусной артиллерийский полк, прибывший из резерва, но материальную часть этот полк до начала войны получить так и не успел.

Генерал-лейтенант П. И. Батов, 20 июня 1941 г. назначенный на должность командующего сухопутными войсками Крыма и одновременно командира 9-го отдельного корпуса, вспоминая первые дни Великой Отечественной, писал: «С началом войны Ставка Верховного командования поставила перед сухопутными войсками Крыма задачу вести оборону побережья и не допустить высадки как морского, так и воздушного десанта, а перед Черноморским флотом — обеспечить господство наших военно-морских сил на Черном море... Полученная задача обязывала нас определить место и роль 9-го отдельного стрелкового корпуса в общей обороне Крыма. Судьба полуострова тесно связана с судьбой Черноморского флота. Следовательно, обязанность сухопутных войск состояла в том, чтобы

всемерно способствовать боевым действиям Черноморского флота и его авиации, располагавшейся (до осени 1941 г.) на равнинной, северной части полуострова, постараться как можно скорее добиться дружной и согласованной работы с командованием флота. Силами 9-го стрелкового корпуса мы должны были построить рубежи обороны, необходимые для защиты Севастополя с суши»<sup>5</sup>.

Кроме штатных дивизий РККА важнейшие объекты и побережье полуострова охраняли 33 истребительных батальона ополченцев, созданных с активной помощью пограничных войск<sup>6</sup>. 15 июля 1941 г. командующий войсками Крыма генерал-лейтенант П. И. Батов назначил своим приказом А. В. Мокроусова командующим крымским народным ополчением. Алексей Васильевич Мокроусов был участником революционных событий в России и Гражданской войны в Крыму, в 1936—1937 гг. добровольцем воевал в Испании в качестве военного советника командующего Арагонским фронтом, а с октября 1941 г. командовал партизанским движением Крыма.

Когда 9-я армия\*, действовавшая на левом крыле Южного фронта, 17 июля 1941 г. оставила Кишинев и с боями отходила на восток, а немецкие войска форсировали Днестр, генерал-лейтенант П. И. Батов принял решение начать строительство укреплений на Перекопском перешейке. Этот перешеек соединяет полуостров Крым с материком и в различных местах имеет ширину от 7 до 23 км. Его длина составляет 30 км. Самое узкое место находится на севере, у деревни Перекоп, где еще в древности перешеек был перегорожен так называемым Перекопским валом. Так, в заметках Плиния Старшего (I в. н. э.) подробно описываются Перекоп и Перекопский перешеек, а также упоминается крепость с большим защитным валом.

Несколько южнее Перекопского вала располагается небольшой поселок Армянск. На юге перешеек достигает 15 км ширины, и здесь находятся пять довольно крупных озер. Дефиле между ними получили название Ишуньских позиций — по имени близлежащей деревни. С востока Перекоп омывает Сиваш — залив на западе Азовского моря, с запада — Каркинитский и Перекопский заливы Черного

---

\* Сформирована 22 июня 1941 г. на базе Одесского военного округа (3-е формирование). Первоначально именовалась 9-й отдельной армией. В ее состав вошли 14, 35 и 48-й стрелковые, 2-й и 18-й механизированные корпуса, 2-й кавалерийский корпус, а также шесть укрепрайонов.

моря. В 1941 г. на полуостров вели три шоссейные дороги, не менее пяти грунтовых дорог, а также две железнодорожные ветки, причем все они шли по разным дамбам. Таким образом, чтобы полностью перекрыть северную границу Крыма (включая Сивашское направление), советские войска должны были занимать примерно 120-км линию обороны. Дальнейшее развитие событий показало, что войска немецкой 11-й армии действительно основной удар нанесли на Перекоп, но не менее активно они с севера атаковали советские позиции и на других участках, и по различным дорогам.

Как и на севере Крыма, местность в этом районе равнинная. Она трудна для наступающих войск. Но и для обороны ее нужны были достаточно мощные, современные укрепления. А в распоряжении советских войск, кроме Перекопского вала и Ишуньских позиций, других фортификационных сооружений к началу войны не было. По приказу командующего войсками Крыма 156-я стрелковая дивизия несла оборону побережья, а 106-я дивизия отдельными частями выдвинулась к Перекопу. Учитывая важное стратегическое значение Крыма и возможность прорыва к нему противника, в соответствии с директивой Ставки ВГК № 00931 от 14 августа 1941 г. за подписью Верховного главнокомандующего И. В. Сталина «О формировании и задачах 51-й отдельной армии», адресованной главнокомандующему войсками Юго-Западного направления, командующему войсками Южного фронта, народному комиссару военно-морского флота, командующему 51-й отдельной армией, командиру 9-го отдельного стрелкового корпуса, было принято решение на базе 9-го стрелкового корпуса сформировать 51-ю отдельную армию.

В директиве Ставки отмечалось следующее:

«1. Для обороны Крыма сформировать 51-ю отдельную армию (на правах фронта) с непосредственным подчинением Верховному главнокомандованию. Командующим армией назначаю генерал-полковника Кузнецова, зам. командующего армией — генерал-майора Батова. Штаб армии — район Симферополя.

2. На армию возложить задачи: а) не допустить врага на территорию Крымского полуострова с суши, с моря и воздуха; б) удерживать Крымский полуостров в наших руках до последнего бойца; в) действиями Черноморского флота воспретить подход и высадку на Крымский полуостров десантов противника. В боевой состав войск вновь сформир-

рованной 51-й отд[ельной] армии включить 106, 156, 271 и 276-ю стр[елковые] дивизии, 40, 42 и 48-ю кав[алерийские] дивизии. Командующему 51-й армией в оперативном отношении подчинить Черноморский флот в отношении выполнения задач, касающихся обороны Крыма.

Военному совету 51-й отд. армии: а) за счет призыва людских ресурсов Крыма до 1895 года [рождения] включительно сформировать две-три стрелковые дивизии и необходимое количество бронеплощадок; б) немедленно развернуть с привлечением местного населения инженерные работы по усилению обороны территории полуострова, прочно закрыв в первую очередь пути на полуостров фронтом на север на рубежах: Юзкуи, ст[анция] Новоалексеевка, Люблинка на Чонгарском перешейке; Первоконстантиновка, свх. Ставки на Перекопском перешейке; северная оконечность Арабатской стрелки, Тюп-Джанкой, ст[анция] Сиваш, Тазанай, Джейтуган, Томашевка, Брулевка, Уржин, Ишунь; в) очистить немедленно территорию полуострова от местных жителей — немцев и других антисоветских элементов; г) для организации обороны Крыма использовать все материальные средства территории полуострова.

Все ценное и ненужное для обороны эвакуировать. Зам[естителю] НКО генерал-лейтенанту авиации Жигареву в ближайшее время пополнить полк ДБ\* Крыма до полного штата и усилить авиацию армии двумя истребительными полками»<sup>7</sup>.

Четырнадцатого августа в соответствии с директивой Генерального штаба было сформировано управление 51-й армии: командующий — генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, член Военного совета — корпусной комиссар А. С. Николаев, начальник штаба — генерал-майор М. М. Иванов. Командование 51-й отдельной армии оказалось в довольно трудном положении. В условиях непосредственной угрозы вторжения передовых частей 11-й армии фон Манштейна на полуостров приходилось формировать новые дивизии, обучать и вооружать их. А это было серьезной проблемой, поскольку в Крыму не имелось запасов оружия, даже винтовок. Две стрелковые и три кавалерийские дивизии, пришедшие с материка, были неполного формирования, их части и подразделения не прошли боевого слаживания, материальная часть нуждалась в пополнении и обновлении.

С начала и до конца обороны Крыма осенью 1941 г. ко-

---

\* Дальнебомбардировочный.



мандующий 51-й армией не имел в своем распоряжении армейских артиллерийских бригад, а значит, и эффективной артиллерийской поддержки своих войск, что в дальнейшем негативно повлияло на ход боевых действий в Крыму. К тому же командующего 51-й армией Ставка ВГК ориентировала прежде всего на противодесантную оборону полуострова. Ударный кулак немецкой 11-й армии угрожал советским войскам с севера, а вышестоящее командование предлагало фактически разделить немногие имеющиеся силы по трем направлениям: на оборону побережья, предгорных районов и перешейков.

Основания для подобного решения Ставки были. Немецкие войска уже имели опыт крупных десантных операций в Средиземном море на острове Крит и в Норвегии. Внешняя политика Турции, выжидавшей исхода блицкрига на советско-германском фронте, не позволяла исключать возможности проникновения в Черное море кораблей германского флота.

51-й отдельной армии и подчиненному ей «в отношении выполнения задач, касающихся обороны Крыма» Черноморскому флоту (командующий — вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, член Военного совета — дивизионный комиссар Н. М. Кулаков, начальник штаба — контр-адмирал И. Д. Елисеев) предписывалось не допустить врага в Крым<sup>8</sup>, удерживать полуостров во что бы то ни стало, силами Черноморского флота воспретить подход и высадку в Крыму десантов противника<sup>9</sup>. Таким образом, генерала Ф. И. Кузнецова ориентировали прежде всего на противодесантную оборону, хотя опасность надвигалась с севера.

В своих воспоминаниях бывший командир 9-го стрелкового корпуса П. И. Батов приводит весьма красноречивый фрагмент из адресованного ему письма Адмирала Флота Советского Союза И. С. Исакова: «У немцев не было реальных возможностей для высадки (тоннажа, прикрытия, поддержки с моря), даже если бы они смогли выделить в десант две-три дивизии... Но, как видно, все были заражены психозом десанта, причем морского. Такие настроения должен был первым ликвидировать Черноморский флот»<sup>10</sup>. Однако этого не произошло. Мысль о десанте не оставляла командование Черноморского флота, она становилась доминирующей, когда речь шла о подготовке войск и сил флота к обороне Крымского полуострова. К тому же 21 августа 1941 г. командующий 51-й отдельной армией получил директиву Ставки ВГК № 001147 «Об организации

обороны Крыма» за подписью начальника Генштаба РККА маршала Б. М. Шапошникова: «Снимать с южного побережья и Керченского полуострова части 156 с[трелковой] д[ивизии], подготовленные к обороне на оборудованных, изученных позициях, вряд ли целесообразно. Необходимо предусмотреть в плане также оборону Керченского полуострова с использованием Ак-Монайских позиций. На командира 9 с[трелкового] к[орпуса] желательно возложить оборону Крыма только с севера. Евпаторийский сектор лучше оставить в непосредственном подчинении Вам, не снимая с него 106 сд. По изложенному донести»<sup>11</sup>.

Все это отразилось в решении командарма 51-й отдельной армии на оборону Крыма. Части и подразделения 276, 106 и 156-й дивизий занимали оборонительные позиции на рубеже Геническ—Сиваш—Перекоп. 48, 42 и 40-я кавалерийские, а также 271-я стрелковая (командир — полковник М. А. Титов) дивизии были выделены для отражения высадки вражеских десантов. Четыре сформированные в Крыму дивизии: 172-я моторизованная (командир — полковник И. Г. Торопцев), 184-я (командир — полковник В. Н. Абрамов), 320-я (командир — полковник М. В. Виноградов), 321-я (командир — полковник И. М. Алиев) — развертывались для охраны и обороны побережья, а также борьбы с вражескими десантами.

В абсолютных цифрах это выглядело так: около 30 тысяч человек личного состава обороняли Крым от вторжения вражеских войск со стороны материка, из них семь тысяч человек — на Перекопе; около 40 тысяч обороняли побережье и до 25 тысяч занимали позиции внутри полуострова. Этот боевой порядок в основном сохранялся в течение всей осенней кампании 1941 г. в Крыму. Именно поэтому в тяжелые дни сентябрьских и октябрьских боев 321-я дивизия в боевых действиях не участвовала, оставаясь в районе Евпатории. Когда же во второй половине октября немецкие войска прорвали оборону советских частей и соединений на Перекопе и Ишуньских позициях, 321-я дивизия в одиночку сражалась с рвавшимися к Евпатории немецкими войсками, нанесла большой урон 132-й пехотной дивизии вермахта, входившей в состав LIV армейского корпуса, но и сама понесла значительные потери. Оставшиеся в живых командиры и красноармейцы дивизии впоследствии ушли к партизанам.

Во время осенних боев на севере Крыма 184-я дивизия продолжала охранять побережье в районе Балаклава — Судак. Бронетанковые силы Крыма состояли из 5-го

танкового полка под командованием майора М. П. Баранова, входившего в состав 172-й моторизованной дивизии. В полку было 10 новых танков Т-34 и 56 танкеток Т-37 и Т-38, которые ранее принадлежали 4-му воздушно-десантному корпусу и были вывезены в Крым для ремонта. Военно-воздушные силы Крыма состояли из 100 самолетов ВВС Черноморского флота под командованием генерала А. А. Ермаченкова, которые оперативно подчинялись ВВС 51-й отдельной армии. Здесь же принимала участие в боевых действиях группа бомбардировщиков Краснодарских курсов усовершенствования ВВС (39 самолетов СБ, девять самолетов ДБ-3) под командованием Героя Советского Союза подполковника Г. М. Прокофьева. Военно-воздушные силы собственно 51-й армии состояли из 82-го и 247-го истребительных авиационных полков<sup>12</sup>.

По воспоминаниям наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова, к началу Великой Отечественной войны Черноморский флот «состоял из линкора, 6 крейсеров, 17 лидеров и эскадренных миноносцев, 2 сторожевых кораблей, 47 подводных лодок, 84 торпедных катеров и ряда вспомогательных судов. Авиация насчитывала 625 самолетов»<sup>13</sup>. Главная база Черноморского флота находилась в городе Севастополь. Она занимала центральное положение по отношению ко всему Черноморскому бассейну, что предоставляло уникальную возможность развертывания сил флота в любом операционном направлении.

Уже в первые часы Великой Отечественной войны моряки Черноморского флота показали высокий уровень боевой выучки. «Через час с четвертью после получения приказа наркома военно-морского флота Н. Г. Кузнецова, — вспоминал, командовавший в начале войны бригадой крейсеров ЧФ капитан 1-го ранга С. Г. Горшков, — Черноморский флот был переведен в оперативную готовность № 1, а спустя еще два часа силы ПВО флота отразили внезапный налет вражеских самолетов на Севастополь и не позволили им сделать минные постановки и заблокировать корабли, стоявшие в Северной бухте.

Но, после того как немецко-фашистские войска вышли к советскому побережью Черного моря, выявились и существенные недостатки в подготовке флота к войне. Они обнаружались в системе развертывания сил и их базирования, в организации противовоздушной и противоминной обороны. Вскрылись недостатки и во взаимодействии флота и армии, на практическое осуществление которого

не было единства во взглядах флотского и общевойскового командования. Не была создана и материально-техническая база для проведения десантных операций, т. е. отсутствовали десантные корабли специальной постройки, плавающая бронетанковая техника и другие средства...

Не полностью решенными оказались к началу войны и вопросы организации совместной обороны морского побережья, военно-морских баз и приморских городов. По взглядам того времени, задача флота в этих действиях сводилась главным образом к отражению нападения противника с моря, организации же защиты военно-морских баз и портов с суши должного внимания не уделялось. Справедливости ради следует отметить, что в декабре 1940 г. Народный комиссариат Военно-морского флота ввел в действие инструкцию по составлению генеральных планов сухопутной и противодесантной обороны на морских театрах и обязал флоты осуществить ряд мероприятий по обороне баз с суши. Однако в ней не был определен порядок взаимодействия сил флота с сухопутными войсками, а реализация намеченных мероприятий требовала значительного времени. В результате почти все наши военно-морские базы к началу войны имели так называемую основную директрису обороны, направленную в сторону моря, и оказались не подготовленными к отражению нападения противника с суши. Между тем развитие военных действий с самого начала показало, что оборона баз, портов, приморских городов и территорий с сухопутных направлений имеет перво-степенное значение»<sup>14</sup>.

Ко второй половине сентября войска немецкой 11-й армии в составе 11 дивизий и большого количества авиации были сосредоточены в Северной Таврии. На них были возложены две крайне важные в планах германского командования на Восточном фронте задачи, к тому же решаемые на двух расходящихся направлениях. Первая задача состояла в том, чтобы основными силами наступать на правом фланге группы армий «Юг» по северному берегу Азовского моря в направлении Ростова-на-Дону, продолжая преследование отходящих войск Южного фронта. Вторая задача заключалась в захвате Крымского полуострова и силами XLIX горного корпуса продолжении наступления через Керченский пролив в направлении на Кавказ.

Эрих фон Манштейн решил в первую очередь занять Крым силами LIV армейского и XLIX горного корпусов. В своих воспоминаниях он писал, что, решая задачу проры-

ва в Крым через Перекоп, опасался начинать операцию с недостаточными средствами и силами. «Такое решение командования армии означало, — писал фон Манштейн, — конечно, значительное ослабление ее восточного крыла... Но без этого мы не могли обойтись, если не хотели начать битву за Крым с недостаточными силами»<sup>15</sup>.

В состав 11-й армии под его командованием входили: XXX армейский корпус генерала пехоты Ганса фон Зальмута (22, 72, 170-я пехотные дивизии), LIV армейский корпус генерала кавалерии Эрика Хансена (46, 50, 73-я пехотные дивизии), XLIX горный корпус генерала горнострелковых войск Людвига Кюблера (1-я и 4-я горнострелковые дивизии), моторизованная бригада «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» и дивизия «Викинг»<sup>16</sup>. Кроме того, фон Манштейн имел в своем распоряжении до 40 полков артиллерии. Его поддерживал IV авиационный корпус в составе 77-й истребительной эскадры (150 самолетов Me. 109) и двух бомбардировочных эскадр (свыше 100 самолетов Ju. 87, до 100 самолетов He. 111).

Первые залпы по прорывавшимся через Перекопский перешеек в Крым частям 11-й немецкой армии произвели 12 сентября 1941 г. 152-мм орудия 725-й подвижной батареи Черноморского флота. «Наши части на Перекопе с 12 сентября фактически уже втянулись в бои и вели их беспрерывно вплоть до 24 сентября, когда Э. фон Манштейн двинул на перешеек свои главные силы... — писал П. И. Батов. — 12 сентября был первый массированный удар авиации по Перекопу»<sup>17</sup>. Так началась героическая борьба за Крымский полуостров — важный стратегический аванпост нашей родины на юге.

Как уже отмечалось выше, война пришла на Крымский полуостров 22 июня 1941 г., когда в первую же военную ночь фашистская авиация нанесла бомбовый удар по главной базе Черноморского флота — Севастополю. Указом Президиума Верховного совета СССР от 22 июня 1941 г. Крым, как и другие приграничные районы, был объявлен на военном положении. Состоявшееся утром этого же дня в Симферополе совещание руководителей Крымской АССР определило первоочередные задачи по перестройке всей работы на военный лад.

Первая военная мобилизация в Крыму завершилась в течение нескольких дней. Уже к началу июля здесь насчитывалось 10 тысяч добровольцев. Всего в первые месяцы войны на полуострове были мобилизованы 93 тысячи

человек<sup>18</sup>. Заводы и фабрики Севастополя, Симферополя, Керчи, Феодосии и других городов переключились на выпуск минометов, гранат, авиабомб, ремонт боевой техники и кораблей. Труженики сельского хозяйства на полмесяца раньше, чем в 1940 г., собрали урожай, досрочно выполнив план продажи хлеба государству<sup>19</sup>.

В первые дни войны, учитывая прифронтовое положение полуострова, были созданы 628 групп самозащиты, 70 взводов противопожарной защиты, сотни постов местной противовоздушной обороны (МПВО). В них насчитывалось свыше 166 тысяч человек<sup>20</sup>. На строительство оборонительных объектов вышли десятки тысяч жителей Крыма.

Четырнадцатого июля, когда нависла опасность вражеского вторжения в Крым, был утвержден состав Совета по эвакуации. Из Крыма в тыл вывозились культурные ценности, оборудование отдельных промышленных предприятий и машинно-тракторных станций, общественный скот. Была организована массовая эвакуация детских учреждений, вузов, научных учреждений.

По указанию советского государственно-политического руководства, на случай захвата Крыма врагом, была развернута работа по формированию партизанских отрядов. Для их активной деятельности создавались также склады оружия и боеприпасов, продовольствия и обмундирования. Всего на территории полуострова было создано 29 партизанских отрядов.

В середине сентября войска противника попытались с ходу ворваться в Крым через Арабатскую стрелку, но были остановлены частями 51-й отдельной армии. 16 сентября отряд кораблей Азовской военной флотилии нанес артиллерийский удар по батареям и войскам противника в районе переправы на Арабатскую стрелку. Это помогло нашим оборонявшимся войскам отразить натиск врага и улучшить положение на рубеже Геничesk — Сальково. В последующие дни корабли неоднократно поддерживали своим огнем правый фланг 51-й отдельной армии.

Для огневого содействия левому флангу наших войск привлекались крейсер «Ворошилов» и эскадренные миноносцы «Бойкий» и «Дзержинский». Особенно эффективным был проведенный 19 сентября крейсером «Ворошилов» обстрел ряда пунктов в северо-восточной части Каркинитского залива. Стрельба, впервые проведенная здесь в дневное время с корректировкой огня самолетом

МБР-2\*, дала хорошие результаты<sup>21</sup>. Мелководье Каркинитского залива и удаленность целей ограничивали возможности кораблей Черноморского флота по оказанию огневой поддержки обороняющимся на севере полуострова советским войскам<sup>22</sup>.

Вместе с тем для усиления огневой мощи 51-й отдельной армии в августе—сентябре 1941 г. Черноморский флот передал в состав Каркинитского сектора береговой обороны и 120-го отдельного Чонгарского артиллерийского дивизиона восемь батарей береговой обороны — 34 орудия калибра 100—152 мм<sup>23</sup>. Силами флота была также осуществлена постановка управляемых минных полей на наиболее танкоопасных направлениях.

События, коренным образом повлиявшие на дальнейший ход боевых действий, развернулись в двадцатых числах сентября в районе Перекопского перешейка и Ишуньских позиций. Утром 24 сентября немецкая 11-я армия обрушила на перекопские позиции 156-й дивизии всю свою огневую мощь и устремилась в прорыв, вглубь Крыма. 24—26 сентября 1941 г. в течение трех суток продолжалось единоборство воинов 156-й дивизии с превосходящими силами противника в районе Перекопского вала.

Двадцать шестого сентября войска 11-й немецкой армии, ведя наступление вдоль Перекопского залива, прорвались частью сил на Перекопский вал и захватили Армянск. Ввиду реальности угрозы прорыва противника в Крым 25 сентября в район Ишуни и Воинки была срочно переброшена оперативная группа войск в составе 172-й и 271-й стрелковых и 42-й кавалерийской дивизий под командованием генерал-лейтенанта П. И. Батова. В нее была также включена и 156-я дивизия. Эти войска 27 сентября предприняли попытку с ходу овладеть Перекопским валом, но из-за запоздалого решения командования и нехватки времени на подготовку выполнить эту задачу не смогли.

Двадцать седьмого сентября по указанию И. В. Сталина начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников направил командующему 51-й отдельной армией директиву Ставки ВГК № 002369, в которой отмечалось: «Из донесений штаба не видно, как протекает бой за Перекопский перешеек и какие силы противника атакуют наши войска. Можно только предполагать, что бои носят упорный харак-

---

\* МБР - 2 (Морской ближний разведчик второй) — советская летающая лодка.

тер или что вследствие слабого укрепления перешейка противник быстро продвигается вперед. По существу, за один день противник взял Перекоп, овладел Турецким валом и занял Армянск. Такое продвижение противника могут объяснить только недостаточной напористостью в обороне наших частей и, по-видимому, разрозненными контратаками группы Батова, не только не сбросившими противника с Турецкого вала на север, но в результате приведшими к оставлению Армянска. Имейте в виду, что с потерей Турецкого вала наступающий получает расширенный плацдарм для развития своих действий»<sup>24</sup>.

Ожесточенные бои продолжались три дня, с 26 по 28 сентября. Немцы были выбиты из Армянска, часть их сил отброшена за Перекопский вал. Контратаки обеих сторон сменяли друг друга. Северо-западная часть Армянска несколько раз переходила из рук в руки. К вечеру 28 сентября по приказу командующего 51-й армией советские войска отошли с боями к Пятиозерью. С 29 сентября по 4 октября немцы пытались прорваться к Ишуну, но их снова остановила 156-я дивизия. «Было бы несправедливо не отдать должное героическим усилиям воинов 51-й отдельной армии, стоявших насмерть на Перекопских позициях, — отмечал Адмирал Флота Советского Союза С. Г. Горшков. — Но недавно сформированные и не полностью укомплектованные дивизии еще не имели боевого опыта. Кроме того, на устойчивость обороны отрицательно повлияло недостаточное количество артиллерии»<sup>25</sup>.

Опасность захвата Крыма врагом заставила Ставку ВГК использовать практически все силы Черноморского флота для обороны полуострова. Но этого было явно недостаточно. Становилось очевидным, что одновременная оборона Одессы и Крыма является непосильной задачей в условиях сложившейся ситуации на южном крыле советско-германского фронта. Одесса оказалась в глубоком тылу наступавших войск противника, возникла угроза потери Крымского полуострова. В конце сентября Одесса еще могла сдерживать натиск врага, сковывая здесь его значительные силы. Но противник нацелился на Севастополь, и стратегические соображения требовали эвакуации войск Одесского оборонительного района в Крым, чтобы поддержать его защитников.

Военный совет Черноморского флота 29 сентября доложил в Ставку о том, что создалась реальная угроза захвата врагом Крымского полуострова, так как 51-я отдельная



армия не в состоянии сдерживать натиск превосходящих сил гитлеровских войск и находится на грани катастрофы. Кроме того, Военный совет флота просил Верховного главнокомандующего принять решение об эвакуации Одессы и переброске войск Одесского оборонительного района в Крым. Такое решение Ставка ВГК приняла в тот же день.

В 1 час 10 минут 30 сентября директива Ставки ВГК № 002454 за подписью Сталина и Шапошникова об эвакуации Одесского оборонительного района была направлена командующим Черноморским флотом, Одесским оборонительным районом, 51-й отдельной армией, народному комиссару военно-морского флота. В ней отмечалось следующее: «В связи с угрозой потери Крымского полуострова, представляющего главную базу Черноморского флота, и ввиду того, что в настоящее время армия не в состоянии одновременно оборонять Крымский полуостров и Одесский оборонительный район, Ставка Верховного главнокомандования решила эвакуировать Одесский район и за счет его войск усилить оборону Крымского полуострова.

Ставка приказывает:

1. Храбро и честно выполнившим свою задачу бойцам и командирам Одесского оборонительного района в кратчайший срок эвакуировать войска Одесского района на Крымский полуостров.

2. Командующему 51-й отдельной армией бросить все силы армии для удержания Арабатской стрелки, Чонгарского перешейка, южного берега Сиваша и Ишуньских позиций в своих руках до прибытия войск Одесского оборонительного района.

3. Командующему Черноморским флотом приступить к переброске из Одессы войск, материальной части и имущества в порты Крыма — Севастополь, Ялта и Феодосия, используя по своему усмотрению и другие удобные пункты высадки.

4. Командующему Черноморским флотом и командующему Одесским оборонительным районом составить план вывода войск из боя, их прикрытия и переброски; при этом особенное внимание обратить на упорное удержание обоих флангов обороны до окончания эвакуации.

5. Командующему Одесским оборонительным районом все, не могущее быть эвакуированным, вооружение, имущество и заводы, связь и радиостанции обязательно уничтожить, выделив ответственных за это лиц.

6. По высадке в Крыму войсковые части Одесского обо-

ронительного района подчинить командующему 51-й отд. армией.

7. Получение и исполнение подтвердить»<sup>26</sup>.

Адмирал Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов, вспоминая об этих драматических днях, писал: «Решение Ставки Верховного главнокомандования об эвакуации Одессы было принято 29 сентября. Тогда же, после совещания в Ставке, где обсуждалось не только и, пожалуй, не столько положение в Одессе, сколько обстановка на подступах к Крыму и на Южном фронте в целом, я направил телеграмму Военному совету Черноморского флота: “Приказываю немедленно готовиться к эвакуации Одессы”... 6 октября радировал снова: “Дайте указание Жукову\* не затягивать эвакуацию. Вывозить в первую очередь войска и оружие. Весь транспорт подчинить этой задаче”. Такое неоднократное напоминание об эвакуации в указанные Ставкой сроки вызывалось усложнявшейся с каждым днем обстановкой на Перекопе и необходимостью срочно перебросить в Крым подкрепление»<sup>27</sup>.

Эвакуация войск Одесского оборонительного района была четко организована и осуществлена без потерь. С 1 по 16 октября в Крым на боевых кораблях и транспортных судах были перевезены 86 тысяч военнослужащих, 15 тысяч человек гражданского населения, 14 танков, 36 бронемашин, 462 орудия, 25 тысяч тонн различных грузов<sup>28</sup>. 73-дневная героическая оборона Одессы сковала до 18 дивизий противника, при этом он потерял свыше 160 тысяч солдат и офицеров, примерно 200 самолетов и 100 танков, что затруднило продвижение правого крыла группы немецких армий «Юг» на восток.

Как показал ход последующих событий, задержка эвакуации войск Одесского оборонительного района могла бы крайне негативно сказаться и на судьбе защитников Одессы, и на обороне Севастополя осенью 1941 г. Опыт обороны Одессы имел большое значение для организации в последующем устойчивой обороны Севастополя. Подчинение разнородных сил единому военному командованию, централизация управления ими позволили организовать тесное взаимодействие армейских частей и соединений, авиации, кораблей и частей флота.

Прибывшие 17 октября из Одессы соединения и ча-

---

\* Г. В. Жуков — вице-адмирал, командующий Одесским оборонительным районом.

сти Приморской армии под командованием генерал-майора И. Е. Петрова представляли собой значительную силу. Это были соединения, получившие хороший боевой опыт на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. 18 октября части 11-й немецкой армии возобновили наступление на Ишуньские позиции, атаковав части 51-й отдельной армии. К этому времени на подступах к Крыму была создана группировка немецких войск, состоявшая из девяти пехотных, двух моторизованных дивизий и двух кавалерийских бригад, усиленная артиллерией и авиацией. В этот же день командование Приморской армии получило приказ выдвинуться на север для оказания поддержки 51-й отдельной армии.

Однако эти, безусловно, правильные решения советского командования радикально изменить обстановку на севере Крыма уже не могли. Используя значительное превосходство в танках и артиллерии, противник 20 октября занял Ишунь, с ходу форсировал устье реки Чатырлык и начал стремительно продвигаться по левому флангу обороны советских войск — вдоль побережья Каркинитского залива. Бои стали смещаться вглубь полуострова. В эти трагические дни вся надежда была на Приморскую армию, полки и дивизии которой форсированным маршем выдвигались на исходные рубежи обороны.

Уже вечером 22 октября первые части Приморской армии вступили в бой с врагом на севере полуострова. Это были бойцы и командиры 2-й кавалерийской дивизии полковника П. Г. Новикова. 23 октября подошли части и подразделения 95-й стрелковой дивизии генерал-майора В. Ф. Воробьева и полк 25-й Чапаевской дивизии. Через три дня все соединения и части Приморской армии обороняли северные рубежи полуострова и даже на отдельных участках контратаковали противника. Так, части 95-й стрелковой дивизии ворвались в Воронцовку и продвинулись к Чатырлыку, заставив немецкие части приостановить наступление.

Однако сил на закрепление и развитие успеха у советских войск уже не было. Катастрофически не хватало боеприпасов для артиллерии, не говоря уже о танках и авиации. В этих условиях обеспечить перелом на фронте Приморская армия не могла. Она оказалась в очень тяжелом положении, поскольку в степной части Крыма не было подготовленных в инженерном отношении рубежей, на которых можно было бы закрепиться. В этот же день совет-

ским командованием была предпринята попытка улучшить организацию управления сухопутными войсками и силами Черноморского флота, находившимися в Крыму, с целью достичь большей согласованности их действий.

Двадцать второго октября Ставка ВГК директивой № 004055 освободила генерал-полковника Ф. И. Кузнецова от командования 51-й отдельной армией, отозвав его в свое распоряжение. С целью объединения управления 51-й отдельной, Приморской армиями и Черноморским флотом Ставка создала командование войск Крыма во главе с заместителем наркома ВМФ вице-адмиралом Г. И. Левченко, подчинив ему 51-ю и Приморскую армии, а также Черноморский флот. Заместителем по сухопутным войскам стал командующий 51-й отдельной армией генерал-лейтенант П. И. Батов, заместителем командующего Черноморским флотом по вопросам обороны главной морской базы — контр-адмирал Г. В. Жуков<sup>29</sup>. В оперативном отношении командующему войсками Крыма был подчинен и Черноморский флот.

Однако все эти меры оказались явно запоздалыми. Противник ввел в сражение вторые эшелоны и, нарастив силу удара, начал теснить советские войска, оказывавшие ему упорное сопротивление.

«При таких условиях, в бою с противником, упорно обороняющим каждую пядь земли... потери были значительными», — писал в своих мемуарах фон Манштейн<sup>30</sup>. Превосходство было на стороне войск 11-й немецкой армии. 26 октября 1941 г., продолжая оказывать ожесточенное сопротивление превосходящим силам противника, 51-я отдельная армия с боями начала отходить к Керченскому полуострову.

Двадцать восьмого октября немецкие войска вырвались на степные просторы Крыма и устремились к Евпатории и далее на Саки и Бахчисарай, чтобы отрезать путь советским войскам, отходившим на Севастополь и Алушту, и перекрыть шоссе на Керчь. Соединения и части Приморской армии с боями отходили в южном направлении. Связь с командованием войск Крыма прервалась. Командующий Приморской армией генерал-майор И. Е. Петров в ночь на 31 октября собрал в поселке Сарабуз (ныне поселок Гвардейское Симферопольского района) Военный совет армии, где было принято решение о дальнейшем направлении движения войск к Севастополю. Через 12 часов Петров собрал еще одно совещание в поселке Экибаш, се-

вернее Симферополя, на которое были вызваны командиры и комиссары всех дивизий Приморской армии, включая и недавно поступивших в подчинение из 51-й армии 172-й стрелковой, 40-й и 42-й кавалерийских дивизий. Было принято решение о выводе Приморской армии на новое операционное направление с целью защиты Севастополя с суши. Вспоминая это судьбоносное для обороны главной базы Черноморского флота решение, бывший начальник штаба Приморской армии Маршал Советского Союза (а тогда полковник) Н. И. Крылов писал: «...Для нас, приморцев, оборона Севастополя началась с Экибаша»<sup>31</sup>.

Как отмечал в своих воспоминаниях Адмирал Флота Советского Союза С. Г. Горшков, «танковые части и моторизованная пехота противника перерезали шоссе Симферополь — Севастополь, основным силам Приморской армии пришлось отступать через горный хребет Яйла на Алушту и Ялту. В течение нескольких дней враг захватил значительную часть Крымского полуострова: 31 октября — Евпаторию, 1 ноября — Симферополь, 3 ноября — Феодосию. К 4 ноября его войска овладели всем побережьем от Ялты до мыса Чауда»<sup>32</sup>.

Немецкие войска заняли также большую часть аэродромов в Крыму, создав тем самым реальную угрозу нанесения воздушных ударов по главной базе Черноморского флота — Севастополю и находившимся в ней кораблям.

Создавшаяся ситуация вынудила командующего Черноморским флотом в ночь на 1 ноября начать перебазирование кораблей эскадры из Севастополя в порты Кавказского побережья. В последующем туда были эвакуированы и некоторые службы флота, а в районе Туапсе развернут запасной флагманский командный пункт флота.

Ведя непрерывные арьергардные бои с превосходящими силами противника, Приморская армия после оставления Ишуньских позиций вынуждена была отойти к Севастополю. В то же время теснимые немецкими войсками соединения и части 51-й отдельной армии отходили к Керченскому полуострову. С 31 октября они остались без централизованного управления, поскольку штаб армии, 172-я, 184-я стрелковые, а также 40-я и 42-я кавалерийские дивизии, отрезанные клиньями моторизованных частей 11-й немецкой армии от основных сил, вынуждены были отходить к Севастополю. Учитывая сложившуюся обстановку, Верховным главнокомандованием было принято решение оборонять Керченский полуостров на Ак-Монайских по-

зициях и остановить наступление противника. Здесь 3 ноября и была организована оборона силами остатков частей и подразделений 106, 156, 320, 157 и 276-й стрелковых дивизий 51-й отдельной армии. Общее руководство обороной возглавил командир 9-го стрелкового корпуса генерал-майор И. Ф. Дашичев.

Еще в сентябре—октябре 1941 г. на Ак-Монайском перешейке возводились инженерные сооружения: сооружались долговременные огневые точки, от Азовского до Черного моря был вырыт противотанковый ров. Это позволило задержать противника на несколько дней.

Следует отметить, что 51-я отдельная армия с начала боевых действий в конце сентября и до начала ноября 1941 г. ни разу не получала пополнений и была значительно ослаблена в ходе непрерывных боев. В армии ощущалась острая нехватка боеприпасов, противотанковых средств и средств ПВО.

Четвертого ноября противник перешел в наступление после предварительной массированной артиллерийской и авиационной подготовки. Через трое суток упорного сопротивления превосходящим силам врага наши войска были вынуждены оставить Ак-Монайские позиции. 8 ноября для оказания помощи командованию войск Крыма по решению Ставки ВГК в Керчь был направлен Маршал Советского Союза Г. И. Кулик в качестве представителя Ставки ВГК. 9 ноября командующему 51-й отдельной армией генерал-лейтенанту П. И. Батову была направлена директива Ставки ВГК за подписью Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова, в которой от войск армии требовалось вести жесткую оборону, а также встретить и оказать содействие Кулику<sup>33</sup>.

К этому времени советские войска находились в тяжелом положении. Они самоотверженно сражались, но силы были неравны. 10 ноября начались ожесточенные бои за Керчь. Последним оборонительным рубежом значительно поредевших частей 51-й отдельной армии стала гора Митридат. 825-й стрелковый полк 302-й горнострелковой дивизии, прибывший с Кавказского побережья для усиления обороны города, не смог переломить ситуацию. Подразделения вермахта прорвались на северные склоны Митридата и открыли огонь по Керчи. Обеспечивавшей противодесантную оборону 9-й бригаде морской пехоты под командованием полковника Н. В. Благовещенского ценой значительных потерь удалось отбросить врага, но положение

по-прежнему оставалось угрожающим. Кроме трех действовавших в районе Керчи дивизий фашистское командование подтянуло к городу еще одну.

Десятого ноября командующий войсками Крыма вице-адмирал Г. И. Левченко докладывал Сталину: «Противник, сосредоточив центр своих усилий на нашем левом фланге, продолжает теснить наши малочисленные, измотанные непрерывными боями, совершенно деморализованные и небоеспособные части. В связи с выводом из строя проволочных средств связи управление войсками осложняется. Положение исключительно тяжелое и ежедневно осложняется. Части не в состоянии удержать Керченского полуострова. Вызывает большое опасение в данной обстановке возможность потери всей материальной части артиллерии и техники. 302 сд сможет прибыть в Керчь не ранее 3–5 дней. Перебрасываемый из Тамани 825 гсп не в состоянии восполнить понесенных потерь. Прошу разрешения приступить к эвакуации с Керченского полуострова войск, матчасти и техники»<sup>34</sup>. 13 ноября Левченко в боевом донесении № 15 Верховному главнокомандующему и наркому ВМФ об обстановке и решении эвакуировать с Керченского полуострова тяжелую технику вновь докладывал о том, что «войска керченского направления в последнее время понесли большие потери, а ведущие бой — крайне устали. Фронт сдерживается исключительно двумя полками вновь прибывшей 302 сд и группами устойчивых бойцов, оставшихся в дивизиях. Противник давит минометами и живой силой. Войска, не имея достаточного количества автоматического оружия и минометов, потеряли всякую сопротивляемость. Сегодня мною принято решение на переправу с Керченского на Таманский полуостров ценной техники, тяжелой артиллерии, специальных машин, излишнего автотранспорта»<sup>35</sup>.

Представитель Ставки ВГК маршал Кулик 13 ноября также доложил Сталину о необходимости с учетом сложившейся обстановки начать эвакуацию войск армии на Таманский полуостров. В это время бои шли уже на западных и южных окраинах Керчи. 14 ноября Шапошников направил командующему войсками Крыма вице-адмиралу Левченко и представителю Ставки в Крыму Кулику директиву № 004842, в которой требовал «удержать Керчь во что бы то ни стало и не дать противнику занять этот район». При этом начальник Генштаба РККА приказал: «Донесите обстановку в Керчи, а также в Севастополе, имея в виду, что

с вас не снято руководство боевыми действиями в Севастопольском районе»<sup>36</sup>.

Однако, несмотря на жесткий тон, что-либо изменить в ситуации, сложившейся на Керченском полуострове, директива Ставки уже не могла. 16 ноября 51-я отдельная армия была эвакуирована на Таманский полуостров. На восточный берег пролива не успела переправиться часть подразделений, прикрывавших эвакуацию армии. Они еще несколько дней вели боевые действия с подразделениями противника, а затем ушли в Старокарантинские и Аджи-мушкайские каменоломни, где вместе с партизанами продолжали сражаться с оккупантами.

К середине ноября 1941 г. почти вся территория Крыма, кроме Севастополя, была оккупирована немецкими войсками. Вместе с тем в ходе ожесточенных боев с войсками 51-й отдельной и Приморской армий противник понес существенные потери, советские войска в течение почти месяца, с 18 октября по 16 ноября, сковывали непрерывными боями крупную группировку немецких войск. Это позволило командованию войск Крыма усилить сухопутную оборону главной военно-морской базы Черноморского флота — Севастополя.

Это были своевременные меры, так как 8 ноября 105-й пехотный полк 72-й пехотной дивизии вермахта овладел Балаклавой. До Севастополя оставалось полтора десятка километров. Манштейн решил ввести в сражение на севастопольском направлении LV армейский корпус, которому ставилась задача прорваться через реки Бельбек и Черную, отрезав путь отступления на Севастополь советским частям, находившимся в горах. Однако на подступах к Севастополю, между реками Кача и Бельбек, а также при продвижении к реке Черной корпус встретил упорное сопротивление советских войск. Попытки противника с ходу захватить Севастополь были отражены. Началась героическая оборона города.

Поражение советских войск на севере Крыма выдвинуло на первый план задачу обороны Севастополя. Военный совет флота, предвидя возможность ударов по главной базе Черноморского флота с суши, еще в июле принял решение приступить к сооружению сухопутных оборонительных рубежей. Ежедневно на их строительстве трудились несколько тысяч человек — личный состав частей гарнизона и жители города. Система сухопутной обороны Севастополя включала три оборонительных рубежа — передовой, глав-



ный и тыловой. Эти мероприятия сыграли важную роль в срыве немецкого плана захватить город до подхода сюда частей отступавшей кружным путем Приморской армии.

Адмирал Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов вспоминал: «По мере приближения противника к городу работы ускорялись. Военный совет флота с каждым днем привлекал к ним все больше воинов и местных жителей. В 10–12 км от города строился главный оборонительный рубеж, ближе к городу, в трех–шести километрах от него, шел тыловой рубеж. К моменту прорыва немцев в Крым было сделано многое. Огромная заслуга в этом принадлежит генералу А. Ф. Хренову. Войска Приморской армии не были бы так боеспособны без надлежащей военно-инженерной подготовки всех линий обороны. Эта подготовка была проведена. Будущий заместитель командующего СОР\* по инженерным войскам А. Ф. Хренов еще в сентябре лично объехал все рубежи сухопутной обороны и обеспечил выполнение всех неотложных работ. Сотни дотов, дзотов и окопов были готовы принять войска»<sup>37</sup>.

Кроме того, главная база флота имела мощную береговую оборону — одиннадцать батарей только крупного и среднего калибра, готовых вести огонь по береговым и морским целям. Всего же Севастопольский гарнизон насчитывал около 23 тысяч человек и имел до 150 полевых и береговых орудий.

К этому же времени относится и начало боевой службы легендарной плавбатареи № 3. С началом войны в нашей стране были прекращены работы по строительству линкоров типа «Советский Союз», но в Северной бухте Севастополя оставалась экспериментальная секция корпуса новейшего линкора. Высокая прочность и непотопляемость конструкции, а также ее внушительные размеры навели офицера Черноморского флота капитана 2-го ранга Г. А. Бутакова на мысль использовать отсек для создания плавучей артиллерийской батареи для защиты Севастополя от авиации и кораблей противника. Он обратился с рапортом к командующему Черноморским флотом Ф. С. Октябрьскому, который поддержал Бутакова, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов также одобрил эту идею.

Секцию отремонтировали, поставили электростанцию, оборудовали кубриками для личного состава, погребами для боеприпасов и провианта, вооружили и осна-

---

\* Севастопольский оборонительный район.

стили средствами наблюдения и связи, закамуфлировали под цвет моря. Первоначально на батарее установили два 130-мм орудия, четыре 76,2-мм зенитных орудия, три 37-мм автоматические пушки, три 12,7-мм зенитных пулемета ДШК и два зенитных прожектора. Позднее 130-мм пушки были сняты и вместе с расчетами переданы в состав береговой обороны Севастополя, а зенитное вооружение усилено счетверенным 7,62-мм пулеметом. Экипаж батареи насчитывал 130 человек, ее командиром стал старший лейтенант С. Я. Мошенский. 3 августа на отдельной плавучей батарее № 3 был поднят военно-морской флаг, на следующий день приказом командующего Черноморским флотом она была включена в состав охраны водного района главной базы, спустя несколько дней отбуксирована в море, поставлена на якоря и начала несение боевой службы. Эффективностью своего огня плавбатарея заслужила у жителей и защитников Севастополя название «Не тронь меня!»\*.

В ноябре, в связи с приближением к Севастополю фашистских войск, а также сильными штормами, плавбатарея была отбуксирована в Казачью бухту и притоплена на отмели. «Не тронь меня!» вошла в систему ПВО героического Херсонесского аэродрома. До июня 1942 г. ее экипаж бесменно нес боевую вахту, прикрывая единственную воздушную трассу к осажденному городу. В воспоминаниях А. Т. Караваева, бывшего в годы войны инспектором Главного политического управления Военно-морского флота, приводится такой характерный эпизод: «“Квадратом смерти” называли славную батарею № 3 немецкие летчики. В записной книжке сбитого и поднятого из воды немецкого летчика Винцеля были такие слова: “Вчера не вернулся из квадрата смерти мой друг Макс. Перед этим не вернулись оттуда Вилли, Пауль и другие. Мы потеряли в этом квадрате уже 10 самолетов. Столько же вернулось подбитыми. Летать туда — значит погибнуть. Огонь этой батареи изумительно меток, страшен, беспощаден. Что там за люди, которые с нескольких выстрелов сбивают наших летчиков?”»<sup>38</sup>.

Забегая несколько вперед отметим: с началом третьего, последнего штурма Севастополя авиация противника совершила ряд налетов на Херсонесский аэродром и плав-

---

\* В память плавучей батареи Российского императорского флота (с 1892 г. броненосца береговой обороны), состоявшей на действительной службе с 1865 по 1895 г.

батарею. 19 июня 1942 г. на батарею «Не тронь меня!» был произведен очередной — 450-й по счету — налет люфтваффе. Одна из бомб попала в левый борт «квадрата», вторая разорвалась прямо у борта. Погибли командир плавбатареи и 28 членов экипажа, были ранены 27 моряков. Целыми оставались только два 76-мм орудия, два 37-мм автомата и пулемет ДШК. На исходе были боеприпасы. Пополнить их в осажденном городе не представлялось возможным. 27 июня экипаж плавбатареи был расформирован. Моряков направили воевать на сухопутные позиции, раненых вывезли на Большую землю корабли Черноморского флота. Командир плавбатареи «Не тронь меня!» капитан-лейтенант Мошенский был похоронен в Камышовой бухте, но точное место его захоронения, к сожалению, неизвестно. За десять месяцев героической вахты моряки плавбатареи под командованием Мошенского уничтожили 22 вражеских самолета из 54, сбитых в период обороны Севастополя частями и кораблями охраны водного района базы и города. Многие матросы и офицеры батареи были награждены орденами и медалями<sup>39</sup>.

В трудные месяцы осени 1941 г., когда войска 11-й немецкой армии прорвались в Крым и предприняли попытку овладеть Севастополем с ходу, город активно готовился к обороне. 23 октября были созданы городские комитеты обороны в Симферополе, Севастополе, Керчи. Стоявший во главе Севастопольского городского комитета обороны Б. А. Борисов так писал о его деятельности в своей книге: «День ото дня все четче определялись боевые задачи Городского комитета обороны. В его руках сосредоточилась гражданская власть в городе, а все внимание было направлено на выполнение приказа Ставки: “Севастополь не сдавать”. Городскому комитету обороны приходилось решать самые разнообразные вопросы... Решения принимались без долгих разговоров, а часто и без протоколов, деловые, конкретные. И в жизнь они проводились немедленно»<sup>40</sup>. По всему Крыму городские комитеты обороны мобилизовали местных жителей на борьбу с врагом, на помощь советским войскам. Работали промышленные предприятия, выпускались минометы и авиабомбы, гранаты и мины, ремонтировались бронетехника, автомашины, орудия, корабли... Женщины объединялись в бригады помощи фронту, ухаживали в госпиталях за ранеными, сдавали для них кровь, сопровождали при эвакуации на Большую землю. Городской комитет обороны Севастополя организовал производство оружия и

снаряжения из местных ресурсов для нужд обороны города: на базе оставшегося оборудования Севастопольского морского завода был создан спецкомбинат № 1, на котором было налажено производство минометов, разных типов мин, противотанковых гранат и других видов вооружения; позднее этот комбинат разместился на берегу Северной бухты в Троицкой балке в штольне. В Инкермане был создан спецкомбинат № 2 по пошиву белья, обуви и обмундирования для защитников города.

Как только противник подошел к городу и предпринял с ходу штурм, Севастопольский городской комитет обороны принял следующее решение об организационной работе и дисциплине в городе: «Ввести... на предприятиях, в штабах и командах МПВО еще более жесткую дисциплину. Все население города объявить мобилизованным. Эвакуировать всех женщин с малолетними детьми, всех больных и стариков. Больше строить убежищ скального типа. Укрыть в землю промышленные предприятия. Быстрее эвакуировать оборудование заводов, культурные и исторические ценности»<sup>41</sup>. Городской комитет обороны занимался также вопросами организации партизанского движения. Им был направлен через линию фронта Севастопольский партизанский отряд в составе 200 человек. Командиром отряда был В. В. Красников<sup>42</sup>. 23 октября А. В. Мокроусов был освобожден от обязанностей командующего народным ополчением и назначен командиром партизанских отрядов Крыма. Комиссаром крымских партизанских отрядов стал 1-й секретарь Симферопольского горкома партии С. В. Мартынов, начальником штаба — И. К. Сметанин, до этого возглавлявший штаб народного ополчения<sup>43</sup>. Во главе партизанских отрядов были поставлены представители партийно-советского и комсомольского актива: З. Ф. Амелинов, В. Н. Домнин, Д. Ф. Ермаков, В. Г. Еременко, А. А. Зосименко, А. А. Литвиненко, Н. Д. Луговой, В. И. Никаноров, А. А. Омеров, А. О. Османов, В. И. Филиппов, В. И. Черный, М. И. Чуб. 26 октября был намечен план организации крымского подполья. Подпольный центр возглавил сотрудник Крымского обкома партии И. А. Козлов.

Осадное положение в Севастополе было введено 29 октября. В первых числах ноября Приморская армия отступала, ведя арьергардные бои с наседавшим противником. Командующий и штаб армии находились в Алуште, здесь же располагалось и командование войск Крыма, которое 2 но-

ября после консультаций с командующим Черноморским флотом Ф. С. Октябрьским приняло решение об оставлении Алушты и Южнобережного рубежа и эвакуации в Севастополь. 3 ноября части Приморской армии покинули город. Бывший начальник штаба Приморской армии маршал Н. И. Крылов, вспоминая тяжелые дни отступления в Крыму, писал: «Как ни трудно было на одесском плацдарме, как ни давил численный и огневой перевес на неприятельской стороне, мы уже привыкли чувствовать себя подготовленными... А воевать так, как здесь, зачастую без оборудованных позиций, без полноценной артиллерийской поддержки, без реальной возможности вызвать и нацелить, куда нужно, свою авиацию, приморцам на моей памяти не приходилось»<sup>44</sup>.

Как уже отмечалось выше, 4 ноября из войск Приморской армии, кораблей и авиации Черноморского флота, а также частей Севастопольской военно-морской базы был создан Севастопольский оборонительный район (СОР). Он включал четыре сектора обороны, в которых войска последовательно занимали передовой, главный и тыловой рубежи, а в случае необходимости эвакуации населения и войск — рубеж прикрытия<sup>45</sup>. Укреплялись старые и создавались новые оборонительные сооружения.

СОР включал десятки укрепленных оружейных позиций. Береговая оборона пополнилась восемью стационарными батареями, вооруженными морскими орудиями, снятыми с поврежденных кораблей. В систему обороны входили также 30-я и 35-я бронебашенные батареи, ставшие основой артиллерийской мощи защитников Севастополя и сыгравшие значительную роль в его обороне. К первой половине ноября 1941 г. СОР насчитывал до 50 тысяч человек военнослужащих, 170 орудий, 90–100 самолетов. Силы ПВО составляли более 60 зенитных орудий и 30 пулеметов<sup>46</sup>. Командующим СОР был назначен вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, его заместителем по сухопутной обороне — командующий Приморской армией генерал-майор И. Е. Петров, начальником штаба — полковник Н. И. Крылов.

Уместным будет привести интересный исторический факт. Построить оборонительные сооружения в этих местах предложил еще в 1912 г. Ц. А. Кюи, который был не только известным русским композитором и музыкальным критиком, но еще и профессором фортификации, инженер-генералом. К началу Первой мировой войны были вырыты

котлованы для башен и несколько подземных погребов, после чего строительство батареи приостановили, поскольку Черноморский флот господствовал на данном театре военных действий и корабли противника не приближались к его базе. В советское время фортификационные работы решили продолжить. На господствующих высотах флангов Севастопольского оборонительного района были построены две самые мощные на Черном море береговые батареи: № 30 — в районе деревни Любимовка, в устье реки Бельбек и № 35 — в районе мыса Херсонес. В каждой батарее было по четыре орудия калибра 305 мм, установленных в двух вращающихся бронебашнях. Господство над окружающей местностью обеспечивало бронебашням, проворачивавшимся на 360 градусов, круговой обстрел. Предельная дальность стрельбы достигала 42 км.

Батареи изначально строились как береговые и предназначались для борьбы с кораблями противника и защиты Севастополя с моря. Но когда немецкие войска ворвались в Крым и 30 октября 1941 г. начался первый штурм Севастополя, береговые батареи стали главным калибром обороны города с суши. 1 ноября в 12.40 на колонны моторизованных частей противника внезапно обрушился огневой удар невиданной мощи. Это был залп батареи № 30, которой командовал обрусевший немец капитан Георгий Александрович Александер. Подавить ее противник длительное время не мог, а снаряды батареи доставали его почти до Бахчисарая и держали под контролем всю долину реки Качи. Батареи обороняли Севастополь до последнего снаряда. 17 июня 1942 г. береговая батарея № 30 была окончательно блокирована противником. 18 июня она расстреляла последние снаряды, а 21 июня была подорвана личным составом. В осажденной врагом батарее осталось около 200 человек — артиллеристов, бойцов 95-й стрелковой дивизии и морских пехотинцев. Еще девять суток они сражались в подземных сооружениях и казематах батареи.

В начале июля 1942 г. казематы батареи № 35 и пещеры мыса Херсонес стали свидетелями одной из самых трагических страниц обороны Севастополя. Отброшенные превосходящими силами врага на мыс советские солдаты и матросы, оставленные без снабжения и надежды на эвакуацию, отчаянно сражались буквально до последнего патрона, многие попали в плен. 1 июля 35-я батарея выпустила последние шесть снарядов прямой наводкой по наступающей пехоте противника, и в ночь на 2 июля командир батареи

капитан Алексей Яковлевич Лешенко организовал подрыв батареи. Бой в сохранившихся помещениях цитадели продолжался до 9 июля, когда противник пустил в подземную крепость ядовитые газы.

После окончания Второй мировой войны сильно разрушенную 35-ю батарею ремонтировать не стали. А батарея № 30, получившая меньшие повреждения, была восстановлена. На ней установили новое вооружение, системы управления огнем и жизнеобеспечения. Для перевооружения батареи воспользовались двумя трехорудийными башенными установками линкора «Полтава». 30-я батарея до сих пор находится в числе действующих воинских частей Министерства обороны Российской Федерации<sup>47</sup>. Сам этот факт весьма символичен. Береговая артиллерия сыграла решающую роль в поддержке сухопутных войск и отражении первого наступления немецких войск на Севастополь. Береговые орудия восполняли нехватку полевой артиллерии, оказывая эффективную поддержку пехоте и нанося вражеским войскам значительный урон.

Однако вернемся к последним числам сентября 1941 г. Чтобы опередить отступающие части Приморской армии и попытаться с ходу ворваться в Севастополь, остро ощущавший нехватку войск фон Манштейн из имеющейся у него бронетехники и пехотных подразделений на автомобилях и мотоциклах создал сводную «бригаду Циглера»\*, которая оседлала Симферопольское шоссе и начала быстрое продвижение к Севастополю. Частям Приморской армии пришлось изменить планы и уходить по горным дорогам, но и Манштейн не достиг своей цели. 30 октября в 16.35 на подступах к городу «бригада Циглера» была остановлена залпами 54-й береговой батареи под командованием старше-

---

\* Состав бригады был следующим: группа полковника Раду Корне — 6-й румынский конно-моторизованный полк рошиоров (шесть эскадронов), 6-я рота 800-го полка особого назначения «Бранденбург», 1-я рота 70-го саперного батальона, 737-й артиллерийский дивизион (без 1-й батареи), 560-й противотанковый дивизион; группа подполковника Оскара фон Боддина — 22-й разведывательный батальон (три мотоциклетные роты и взвод броневедомостей), 46-й саперный батальон, две самокатные роты (из 46-го и 73-го разведывательных батальонов), 5-я батарея 54-го артиллерийского полка, 18-я тяжелая зенитная батарея, 610-я зенитно-пулеметная рота, рота 50-го противотанкового дивизиона, 190-й дивизион штурмовых орудий. Поскольку большая часть немецких частей была взята из XLII армейского корпуса, ее командиром был назначен начальник штаба этого корпуса полковник Гейнц Циглер. — *Прим. ред.*

го лейтенанта И. И. Заики, расположенной в 40 км к северу от города, а также подразделениями морской пехоты. С моря огневую поддержку обеспечивал эсминец «Бодрый». В бой шли матросы боевых кораблей и береговых частей флота, курсанты военно-морского училища. Этот день принято считать началом Севастопольской обороны.

В последующие дни к городу подошли еще две немецкие дивизии, однако захватить Севастополь с ходу им так и не удалось. О героизме и мужестве защитников Севастополя, подвигах отважной пулеметчицы Н. А. Ониловой, снайпера Л. М. Павличенко, летчика-истребителя Я. М. Иванова советские воины узнали на всех фронтах Великой Отечественной. 7 ноября 1941 г. пять моряков-черноморцев Н. Д. Фильченков, В. Ф. Цибулько, Ю. К. Паршин, И. М. Красносельский и Д. С. Одинцов подбили на подступах к городу десять гитлеровских танков. В этот день Ставка ВГК направила командующим войсками Крыма и Черноморским флотом директиву № 004433 о мерах по усилению обороны Крыма. С целью сковывания сил противника в Крыму и недопущения прорыва его войск на Кавказ через Таманский полуостров Ставка приказывала:

«1. Главной задачей ЧФ считать активную оборону Севастополя...

2. Севастополя не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами...

10. Руководство обороной Севастополя возложить на командующего ЧФ т. Октябрьского с подчинением вам [Г. И. Левченко. — *Авт.*]»<sup>48</sup>.

30-й армейский корпус Г. фон Зальмута в это время пытался запереть в горах и уничтожить основные силы Приморской армии. Однако в ночь на 7 ноября приморцам удалось спуститься с Ай-Петри к Ливадии, а затем двинуться к Севастополю. До 9 ноября, когда войска 11-й немецкой армии окончательно блокировали город с суши, в город пробились остатки четырех дивизий Приморской армии и трех дивизий 51-й армии. 11 ноября противник, сосредоточив четыре пехотные дивизии, моторизованный отряд и румынскую моторизованную бригаду общей численностью около 60 тысяч человек, возобновил наступление на Севастополь. Немецкое командование решило нанести главный удар вдоль Ялтинского шоссе на Балаклаву и вспомогательный удар — из района Черкез-Кермен вдоль долины Кара-Кобя. В ходе ожесточенных десятидневных боев, встреча упорное сопротивление защитников Крыма, немецким ча-



стям и соединениям удалось лишь на двух участках — у селения Дуванкой и у хутора Мекензия — вклиниться в оборону советских войск на глубину 2–4 км.

Пятнадцатого ноября командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский доложил Верховному главнокомандующему о положении в Севастопольском оборонительном районе: «Состояние обороны Севастополя продолжает оставаться исключительно напряженным. Противник на фронте имеет 50, 72 и 132 пд, 32-ю егерскую дивизию, 36-й мотополк, 118-й мотоотряд, кавбригаду румын и продолжает подтягивать части. 14 ноября вновь подошедшая 72 пд начала наступать на Балаклаву. На восстановление положения брошены все резервы... Несмотря на просьбы, до сих пор не получили ни ответа, ни пополнения людьми, винтовок, пулеметов. Снарядов для полевой артиллерии осталось на 3 дня боя.

Создавшееся положение не обеспечивает оборону Севастополя. Без немедленной помощи свежими войсками, оружием, боеприпасами Севастополь не удержать. Жду незамедлительно Вашего решения»<sup>49</sup>.

Ставка оперативно отреагировала на доклад командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского. Уже 16 ноября было принято решение сделать Новороссийск базой снабжения Севастопольского оборонительного района, а все имевшиеся в Новороссийской военно-морской базе боеприпасы отправить в Севастополь<sup>50</sup>. Эта помощь сыграла немаловажную роль в отражении наступления противника на Севастополь.

Семнадцатого ноября в город с боями пробивались части 184-й дивизии НКВД, а 19 ноября прибыл первый транспорт с боеприпасами. Несколько позже началась активная переброска в город подкреплений. Защитников Севастополя поддерживали артиллерийским огнем корабли Черноморского флота. Задачу, поставленную Ставкой, — Севастополь не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами, защитники города выполнили благодаря тесному взаимодействию частей и соединений армии и флота, самоотверженной помощи населения города.

Сосредоточение всей полноты власти в руках командующего Севастопольским оборонительным районом позволило достичь столь необходимой в складывавшейся критической обстановке централизации управления, согласованности усилий сил армии и флота, поддержания взаимодействия между ними.

Положение с централизацией управления заметно улучшилось, когда 19 ноября вице-адмирал Октябрьский перешел в непосредственное подчинение Ставки. Должность командующего войсками Крыма упразднилась, поскольку стала лишним звеном в системе руководства силами СОР после оставления советскими войсками Керченского полуострова.

Понеся большие потери, немецкие войска к концу ноября 1941 г. заметно снизили свою боевую активность. В своих мемуарах Манштейн объяснил неудачную попытку овладеть Севастополем с ходу тем, что спешил с началом штурма, поскольку опасался, что «с каждым днем увеличивалась опасность высадки новых сил противника с моря» в район города. Поэтому значительная часть войск и боевой техники была переброшена им с Керченского полуострова под Севастополь на усиление LIV и XXX армейских корпусов. LIV корпусу были подчинены четыре пехотные дивизии (22, 24, 50 и 132-я), а также большая часть тяжелой артиллерии; со стороны Керчи была подтянута также 73-я пехотная дивизия, которая должна была составить корпусной резерв. XXX армейский корпус имел в своем распоряжении, кроме 72-й пехотной дивизии, также переброшенную от Керчи 170-ю пехотную дивизию и румынскую горную бригаду<sup>51</sup>.

Но перегруппировка войск не помогла. И одной из причин, вынудивших командующего 11-й немецкой армией отказаться от продолжения штурма Севастополя, был сокрушительный огонь советской береговой артиллерии. Так, основной 1-й артиллерийский дивизион, на вооружении которого были орудия калибра от 102 до 305 мм и снаряды весом от 100 до 500 кг, обладавшие большим разрушительным действием, с 30 октября по 30 ноября уничтожил 55 орудий, 103 единицы бронетехники, 17 пулеметных точек, более 300 автомашин, 20 вагонов, один паровоз, свыше 4500 солдат и офицеров противника. За это время было израсходовано снарядов: 102-мм — около 1100 штук, 203-мм фугасных — 615, 203-мм шрапнелей — 36, 305-мм фугасных — 725, 305-мм шрапнелей — 51, 305-мм фугасных дальнобойных — 59, 305-мм бронебойных — 48, а всего — 2634 снаряда<sup>52</sup>. 2-й и две батареи 4-го артдивизиона израсходовали за этот же период ведения боевых действий около 2 тысяч снарядов, 3-й артдивизион — 2296, тяжелые полевые батареи № 724 и 725 — около 1400. Бронепоезд «Железняков», вооруженный 76-мм морскими орудиями, вы-

пустил по врагу свыше 2 тысяч снарядов. Из 82 орудий артиллерийских дотов приняли участие в боях 48 орудий, расположенных на передовом и главном рубежах обороны. В среднем они израсходовали по 200—250 выстрелов на орудие, то есть всего около 12 тысяч снарядов<sup>53</sup>. Таким образом, во время первого штурма немцами Севастополя советская артиллерия береговой обороны выпустила по врагу более 20 тысяч снарядов и нанесла ему значительный урон.

Архивные документы свидетельствуют, что даже противник отмечал значение береговых батарей в обороне главной базы Черноморского флота. 1 апреля 1943 г. германским Верховным командованием были изданы дополнения к докладным запискам об иностранных фортификационных укреплениях. Они были составлены в период 1942—1943 гг. специалистами Отдела использования иностранных укреплений при Инспекции инженерных войск и укреплений Верховного командования вермахта (ОКВ) и основывались на разведывательных данных и штабных документах частей германских и румынских армий, действовавших в Крыму. В них отмечалось, в частности, следующее: «Мощные оборонительные сооружения, как то: бронированные орудия, бетонные доты с пулеметами и орудиями и т. п., были расположены таким образом, что трудно было разыскать их среди массы других сооружений, поэтому требовали борьбы с каждым из них»<sup>54</sup>.

Большую помощь защитникам города оказала корабельная артиллерия. 11 боевых кораблей поддерживали сухопутные части и соединения артиллерийским огнем корабельных орудий. В общей сложности кораблями Черноморского флота было проведено 54 артиллерийские стрельбы и израсходовано 2340 снарядов калибра от 100 до 305 мм<sup>55</sup>. Большую помощь защитникам города оказала авиация флота, базировавшаяся на Севастополь. К началу первого штурма города авиация Черноморского флота имела всего 82 самолета (из них 31 разведывательный). Однако и при такой малочисленности она выполняла самые разнообразные задачи: отражала налеты вражеской авиации, вела разведку, наносила удары по аэродромам, скоплениям войск, танкам и батареям противника. За ноябрь авиагруппа Черноморского флота, базировавшаяся на Севастополь, уничтожила в воздушных боях 38 самолетов противника и на аэродромах еще 54 машины. Авиацией с кавказских аэродромов было уничтожено 30 вражеских самолетов, а всего противник потерял 122 самолета<sup>56</sup>.

Понеся большие потери, немецкие войска с 21 ноября перешли к планомерной осаде города. Противник ограничивался действиями лишь отдельных подразделений (до батальона), периодически ведя артиллерийско-минометный огонь по городу и боевым порядкам наших войск, пытаясь на отдельных участках продвинуться вперед и тем самым несколько улучшить свои позиции. Командование СОР понимало, что передышка — временная и войска 11-й немецкой армии, собрав силы, предпримут новое наступление на город. И Севастополь начал готовиться к отражению нового штурма.

В город поступали маршевое пополнение, боеприпасы, начались работы по восстановлению инженерного оборудования рубежей, ремонту дотов, дзотов, береговых батарей, пополнялся их боезапас. Так, к 30 ноября на главном рубеже было восстановлено и модернизировано 29 артиллерийских дотов, построено 173 пулеметных дзота, вырыто 804 окопа, 114 пулеметных точек, установлено 67,9 км проволочных заграждений и 42 208 мин<sup>57</sup>. 22 ноября в армейский резерв была выведена 7-я бригада морской пехоты, значительно пополненная батальонами 9-й морской бригады, прибывшими с Кавказа. В составе 95-й стрелковой дивизии был сформирован 241-й стрелковый полк. В тот же день полковнику П. Г. Новикову было поручено формирование 2-й стрелковой дивизии, в состав которой вошли сводный полк пограничных войск НКВД, 383-й и 1330-й стрелковые полки, а также 51-й артиллерийский полк<sup>58</sup>. На совещании Военного совета флота 25 ноября 1941 г. генерал-майор И. Е. Петров доложил, что противник концентрирует дополнительные силы с целью возобновления наступления на Севастополь. К городу с Керченского полуострова были подтянуты 24-я немецкая пехотная дивизия и румынские горнострелковые бригады. Прибывшие в район сосредоточения новые части противника занимали исходные позиции для готовящегося нового наступления. По данным командования СОР, переход противника в наступление следовало ожидать во второй половине дня 26 ноября.

К этому моменту войска СОР занимали сектора передового рубежа обороны в следующей группировке: первый сектор обороны — 2-я стрелковая дивизия общей численностью 4928 человек при огневой поддержке 51-го артиллерийского полка; второй сектор — 172-я стрелковая дивизия, насчитывавшая 12 230 человек личного состава при

огневой поддержке 52-го артиллерийского полка; третий сектор — 25-я стрелковая дивизия численностью 9350 человек при огневой поддержке 69-го артиллерийского и 99-го гаубичного артиллерийского полков, 164-го противотанкового и 323-го отдельного зенитного дивизионов; четвертый сектор — 95-я стрелковая дивизия общей численностью 9318 человек при огневой поддержке 57-го и 397-го артиллерийских полков, а также 97-го противотанкового дивизиона.

Боевые задачи ставились также другим частям и соединениям СОР: 40-й кавалерийской дивизии, 265-му корпусному артиллерийскому полку, отдельному танковому батальону, артиллерии береговой обороны главной базы Черноморского флота. С частями обеспечения их численность составляла около 20 тысяч человек. Однако для отражения нового наступления противника этих сил было недостаточно. По просьбе командования СОР, начиная с 23 ноября 1941 г. корабли флота регулярно доставляли в Севастополь боеприпасы и личный состав. Численность авиации была доведена до 100 самолетов.

Двадцать шестого ноября тяжелые батареи береговой обороны главной базы ЧФ нанесли упреждающий удар по скоплению вражеских войск и техники. Бомбовые удары по позициям противника в районах Варнутка — Кучук-Мускомья нанесла авиация флота, а несколько позже, 28 октября, и корабельная артиллерия прибывших из Поти линкора «Парижская коммуна» и эсминца «Смышленный». Корабельная артиллерия оказала большую моральную поддержку защитникам города. Дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Н. И. Крылов, прошедший в должности начальника штаба Приморской армии от начала до конца оборону Одессы и Севастополя, в своих воспоминаниях писал: «Сам тот факт, что такие корабли могли прийти и приходили на помощь Севастополю, говорил людям убедительнее всяких слов: Черное море остается нашим, господствует на нем наш флот!»<sup>59</sup>

Для более эффективного использования огневой поддержки корабельной артиллерии в обороне главной базы приказом командующего Черноморским флотом от 29 ноября был сформирован специальный отряд корабельной поддержки. В него вошли крейсера «Красный Крым», «Красный Кавказ», а также группа миноносцев под командованием капитана 1-го ранга В. А. Андреева. 28 ноября нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, предвидя новое наступление

противника на Севастополь, послал шифротелеграмму командованию Севастопольского оборонительного района:

«1) При всех случаях, как бы обстановка ни казалась критической, иметь резервы и транспорт для маневрирования ими. Израсходованный резерв быстро восстанавливать за счет приведения в порядок потрепанных частей и мобилизации пополнений.

2) Заставить по опыту Ханко боевые части зарываться в грунт, несмотря на его каменность.

3) Всеми мерами высвобождать оружие из учреждений, складов, тылов, управлений и давать на фронт.

4) Не считаясь ни с какими штатами, высвобождать боееспособных людей для фронта, заменяя их пожилыми и сокращая число должностей и сотрудников»<sup>60</sup>.

Существенную поддержку осажденному Севастополю оказывали партизаны Крыма. Немецкое командование вынуждено было отвлекать значительные силы с передовой для борьбы с народными мстителями. В свою очередь, патриоты Крыма в боях с врагом приобретали опыт партизанской войны. Так, группа отрядов под командованием И. Г. Генова заняла несколько деревень Карасубазарского района и удерживала их в течение нескольких месяцев, до подхода крупных сил немецко-фашистских войск<sup>61</sup>.

Немецкое командование встало перед необходимостью привлекать дополнительные силы войск для охраны коммуникаций, тыловых районов, линий связи. Манштейн в своих мемуарах признавал, что в Крыму «с самого начала развернулось сильное, хорошо подготовленное партизанское движение. Партизанские отряды получили большое пополнение за счет рассеянных в горах частей Приморской армии и постоянно угрожали нашим коммуникациям как на дороге на Феодосию, так и на Севастопольском фронте южнее горной гряды»<sup>62</sup>. Оккупанты вынуждены были охранять мосты, дороги, линии связи, тыловые базы. 29 ноября Манштейн в своем приказе обращал внимание войск на то, что борьба позади фронта также продолжается. Этим же приказом он создал специальный штаб по борьбе с партизанами<sup>63</sup>.

Ожидаемое советским командованием в конце ноября немецкое наступление так и не состоялось. Войска 11-й немецкой армии не смогли подготовиться к наступлению, и Манштейн принял решение отложить начало нового штурма Севастополя до середины декабря. 2 декабря Октябрьский направил телеграмму наркому ВМФ Кузнецо-

ву и начальнику Генерального штаба Шапошникову: «Севастополь крепко держим, будем держать, как приказали... еще раз прошу поскорее решить вопрос о даче Севастополю более крупной поддержки»<sup>64</sup>. 3 декабря заместитель начальника Генерального штаба — начальник Оперативного управления генерал-майор А. М. Василевский передал командующему Закавказским фронтом приказание Ставки ВГК: для усиления Севастопольского гарнизона перебросить 388-ю стрелковую дивизию из состава войск Закавказского фронта, перевозку по железной дороге из района Кутаиси до Поти начать немедленно. Боевое обеспечение перевозки по морю возлагалось на командующего Черноморским флотом<sup>65</sup>.

В начале декабря 1941 г. началось контрнаступление советских войск под Москвой и на ряде других участков советско-германского фронта. В Крыму советское командование планировало высадку крупного десанта. 4 декабря Василевский запросил мнение вице-адмирала Октябрьского о возможности проведения десантной операции на Керченский полуостров. На следующий день Октябрьский доложил: «Десантную операцию на Керченском полуострове можно выполнить. Но надо на боевых кораблях — посадка из Новороссийска, но не из Анапы. На Азовском море ледовая обстановка может не позволить. Предлагаю: 1) главные места высадки — Керчь, Феодосия; 2) скользящее направление — Судак; 3) высаживать с боевых кораблей при сильной артиллерийской подготовке кораблей; 4) одновременно начать наступление из Севастополя, когда прибудет 388 сд. Руководство поручить Исакову, мне из Севастополя тяжело»<sup>66</sup>.

В период с 5 по 8 декабря вопрос о руководстве десантной операцией изучался Ставкой ВГК с участием наркома ВМФ. Ставка рассмотрела второй вариант плана десантной операции на Керченский полуостров, основные положения которого были одобрены. Однако, учитывая мнение командующего Черноморским флотом, Ставка указала на необходимость планирования десанта в район Феодосии для захвата Ак-Монойских позиций. Также были определены цели операции. Ставка рассматривала десантную операцию как часть широко задуманной операции по разгрому южного крыла немецко-фашистских войск, в том числе и крымской группировки Манштейна, увязывая ее проведение с контрнаступлением под Москвой, Тихвином и Ростовом. Было принято решение возложить командование мор-

ской частью операции на вице-адмирала Октябрьского, который должен был для руководства действиями прибыть в Новороссийск. Исходя из этого, Октябрьский дал телеграмму начальнику штаба флота контр-адмиралу И. Д. Елисееву: «Руководство операцией с Козловым [командующий Закавказским фронтом. — *Авт.*] поручено мне. 9/XII выхожу в Новороссийск на крейсере “Красный Кавказ”. Уточните все с Толбухиным [начальник штаба Закавказского фронта. — *Авт.*] и передайте Жуковскому [начальник Оперативного отдела штаба Черноморского флота. — *Авт.*], который вышел к вам. Вам быть в Туапсе»<sup>67</sup>.

В связи с готовящейся десантной операцией в Крыму Василевский и Кузнецов запросили данные о составе гарнизона главной базы Черноморского флота, численности населения Севастополя, наличии резервов и военнообязанных. 9 декабря Военный совет флота доложил, что гарнизон Севастополя на 20 ноября, включая все сухопутные и морские части, штабы и учреждения, насчитывает 62 237 человек, в том числе начсостава — 6869, младших командиров — 9588, рядового состава — 45 780 человек. Из них на сухопутном фронте находились 41 146 человек. Резерв СОР составляли 4884 военнослужащих, в том числе 7-я бригада морской пехоты — 2884 человека, 40-я кавалерийская дивизия — 1200, местный стрелковый полк — 800 человек личного состава. Кроме того, в секторах находились резервы численностью от батальона до полка и 80 автомашин для их переброски. Базу для пополнения составляли: курсы комсостава — 146, тыл флота — 624, тыл армии — 871 человек, и по мобилизации в декабре 1941 г. были призваны 1158 человек, итого 2799 военнослужащих. Кроме того, на предприятиях и в воинских частях числились 3408 военнообязанных. Гражданское население города на 1 декабря составляло 51 244 человека, из них иждивенцев — 29 731 человек<sup>68</sup>.

Отправка морем частей 388-й стрелковой дивизии из Поти в Севастополь была начата 10 декабря, а 13 декабря командование Закавказского фронта подписало директиву на проведение десантной операции. 15 декабря штаб фронта направил дополнительную директиву, в которой говорилось: «С началом операции... необходимо начать наступательные действия частями Приморской армии в направлении Симферополь с задачей сковать силы противника и не допустить возможности вывода резервов противника на керченское направление»<sup>69</sup>.



Замыслом предусматривалось окружить керченскую группировку врага, изолировать от севастопольской группировки и, уничтожив ее, приступить к освобождению всего Крыма. Для проведения десантной операции выделялись 51-я и 44-я армии, Азовская флотилия, Керченская военно-морская база и эскадра Черноморского флота. Подготовка десантной операции проходила в условиях нарастания активности войск противника на севастопольском направлении.

В течение первой половины декабря под Севастополь были переброшены две немецкие пехотные дивизии и две румынские горнострелковые бригады, осуществлялась дальнейшая концентрация сил артиллерии, танков и авиации. После 10 декабря на немецких аэродромах в Крыму количество самолетов значительно возросло, что также свидетельствовало о подготовке широкомасштабного наступления на Севастополь. Однако оперативная обстановка, сложившаяся к середине декабря на советско-германском фронте, была неблагоприятной для немецких войск. Группа армий «Центр» потерпела поражение в ходе контрнаступления Красной армии под Москвой. Блицкриг нацистской Германии на востоке провалился. Одновременно развернулись наступательные действия советских войск в районе города Тихвина, где противник также потерпел поражение. На Южном фронте советскими войсками был освобожден Ростов-на-Дону, вражеские войска начали отход к Таганрогу.

Поражения на советско-германском фронте вынудили германское командование отдать приказ о переходе войск к стратегической обороне. Однако в рамках выполнения главной задачи обороны директивой от 16 декабря Ставкой фюрера предусматривалось решить задачу захвата Севастополя решительным наступлением. Группе армий «Юг» было приказано удерживать занимаемые рубежи, и «со всей энергией следует добиваться взятия Севастополя, чтобы высвободить резервы и перебросить их из Крыма на другие участки фронта группы армий»<sup>70</sup>.

В середине декабря войска Севастопольского оборонительного района удерживали прежние рубежи и продолжали работы по укреплению обороняемых позиций. К 15 декабря в Севастополь из Поти была переброшена морем 388-я стрелковая дивизия (11 тысяч человек с 30 орудиями)<sup>71</sup>. Днем раньше, 14 декабря, состоялось совещание руководящего состава СОР под председательством контр-

адмирала Г. В. Жукова. На совещании присутствовали: командующий Приморской армией генерал-майор И. Е. Петров, начальник инженерных войск СОР генерал-майор инженерных войск А. Ф. Хренов, заместитель командующего СОР по береговой обороне генерал-майор береговой службы П. А. Моргунов, командующий ВВС Черноморского флота генерал-майор авиации Н. А. Остряков, командир оборонительного военного района Главной базы Черноморского флота контр-адмирал В. Г. Фадеев. На этом совещании Петров доложил о состоянии и расположении войск и резервов защитников Севастополя. Состоялся обмен мнениями о возможных действиях противника в случае начала им нового наступления. По мнению присутствовавших, главный удар планировался с северо-востока, но и восточное направление считалось опасным, поскольку там противник сосредоточил 72-ю и 50-ю пехотные дивизии, а также румынскую горнострелковую бригаду<sup>72</sup>. О том, что противник нанесет главный удар из района Дуванкоя, свидетельствовало сосредоточение здесь 22, 132 и 24-й немецких пехотных дивизий и 4-й горнострелковой румынской бригады. В том же районе располагалась в резерве еще одна немецкая дивизия. К тому же это направление являлось наиболее танкоопасным. Прорвав здесь оборону, противник выходил на тыловой рубеж обороны СОР, в Инкерман и к Северной бухте.

В подготовке к отражению второго штурма Севастополя значительную роль сыграли корабли охраны водного района под командованием контр-адмирала В. Г. Фадеева. Они вели борьбу с подводными лодками и катерами противника, конвоировали транспорты, обеспечивали эвакуацию ценного имущества и оборудования из Севастополя, раненых и гражданского населения города, вели наблюдение за морем, занимались очисткой фарватеров от мин, обеспечивали вход и выход приходящих на базу боевых и транспортных кораблей и выполняли другие боевые задачи. За период с 1 по 16 декабря боевые корабли Черноморского флота (крейсера «Красный Кавказ», «Красный Крым», «Молотов», лидеры «Ташкент» и «Харьков», эскадренные миноносцы «Бодрый», «Бойкий», «Сообразительный», «Способный», канонерская лодка «Красная Грузия», транспорты «Абхазия», «Белосток», «Дмитров», «Калинин», «Курск» и др.) доставляли в Севастополь войска, боевую технику, вооружение и боеприпасы.

Следует отметить героический труд жителей города.

Только за 10 дней декабря на предприятиях и комбинатах Севастополя было произведено и направлено на фронт: минометов — 93, гранат — 8 тысяч, мин — 4439, мин противотанковых — 9650 и много другого боевого имущества и техники. Большая работа проводилась командами МПВО. Они осуществляли постановку дымовых завес во время налетов на город авиации врага, ликвидировали немало неразорвавшихся бомб, которые нельзя было взрывать на месте, а приходилось вывозить за город и там подрывать. Это было очень опасным делом, так как не всегда удавалось вывернуть взрыватели и обезвредить бомбы<sup>73</sup>. Одним словом, Севастополь напряженно готовился ко второй обороне.

По приказу Ставки Гитлера командованием немецкой 11-й армии был разработан план очередного наступления на Севастополь. К началу штурма немецкое командование сосредоточило в районе города 22, 50, 72 и 132-ю пехотные дивизии, уже участвовавшие в первом штурме города, 24-ю пехотную дивизию, переброшенную из группы армий «Юг», 1-ю и 4-ю румынские горнострелковые бригады\*, а также 170-ю пехотную дивизию, переброшенную с Керченского полуострова. В резерве в 10 км восточнее Дуванкоя располагалась 73-я пехотная дивизия, также переброшенная из-под Керчи, однако 20 декабря по распоряжению Ставки фюрера Манштейн перебросил ее под Ростов. Каждая из немецких пехотных дивизий насчитывала в своем составе до 10 тысяч человек<sup>74</sup>. Артиллерия противника состояла из шести дивизионных, трех корпусных и одного армейского артиллерийских полков. В резерве было два дивизиона штурмовых орудий и два дивизиона артиллерии большой мощности (калибра до 356 мм). Всего противник имел 645 орудий полевой и 252 орудия противотанковой артиллерии, 378 минометов, в том числе и шестиствольные, что обеспечивало ему плотность артиллерии более 27 орудий и минометов на каждый километр линии обороны защитников СОР. 11-ю армию поддерживало свыше 200 самолетов IV авиационного корпуса и более 150 танков<sup>75</sup>.

Перед вторым наступлением войск 11-й немецкой армии СОР защищали не полностью укомплектованные 2, 25, 95, 172 и 338-я (полного состава) стрелковые и 40-я кавалерийская дивизии, 7-я и 8-я бригады, 2-й и 3-й, 2-й Перекопский, 1-й Севастопольский полки морской пехоты, а

---

\* 4-я румынская горнострелковая бригада находилась в горах Яйлы и вела борьбу с крымскими партизанами.

также местный стрелковый полк<sup>76</sup>. Соотношение сил в личном составе частей и соединений составляло 1,7 в пользу противника. Артиллерия Приморской армии насчитывала 191 орудие, артиллерия береговой обороны — 111 орудий, артиллерия ПВО — 108 орудий. Кроме того, в СОР имелось 120 минометов калибра от 82 до 120 мм. Средняя плотность артиллерии без учета зенитной составляла 6,5 орудия на 1 км фронта, а с учетом минометов — девять стволов<sup>77</sup>. Таким образом, артиллерии и минометов у противника было в 2,5 раза больше, чем у защитников Севастополя. По танкам противник имел подавляющее превосходство — в шесть раз: защитники СОР имели в своем распоряжении всего 26 легких танков Т-26 и Т-27 с 45-мм орудиями. Силы авиации, прикрывавшие СОР с воздуха, составляли 90 самолетов, у противника самолетов было втрое больше<sup>78</sup>.

В 6.10 17 декабря войска 11-й немецкой армии после мощной артиллерийско-минометной подготовки перешли в наступление по всему фронту обороны Севастополя<sup>79</sup>. Одновременно немецкая авиация нанесла штурмовые и бомбардировочные удары по боевым порядкам защитников Севастополя, огневым позициям артиллерии оборонительного района и по городу. В налетах участвовало 98 самолетов противника. На плавбатарее № 3 было совершено пять налетов по три-четыре бомбардировщика в каждом. Они сбросили на батарею 45 бомб, но безрезультатно. Ее экипаж продолжал вести огонь и сбил один вражеский бомбардировщик. Имелись жертвы и разрушения в городе<sup>80</sup>.

В течение всего дня артиллерия Приморской армии и береговой обороны непрерывно вела огонь по наступающим пехоте и танкам противника, который нес большие потери, но упорно продолжал рваться вперед. Немецкое командование планировало нанести по Севастополю несколько ударов с различных направлений, чтобы лишить обороняющихся возможности сосредоточить усилия на каком-либо одном участке. Главный удар был нанесен силами 22, 24 и 132-й пехотных дивизий, поддерживаемых танками, артиллерией и авиацией из района Дуванкоя через долину реки Бельбек и деревню Камышлы на северо-восточную оконечность Северной бухты на фронте Мекензия и гора Азиз-Оба. Вспомогательный удар наносился силами 50-й пехотной дивизии в направлении Верхний Чоргунь — Инкерман, вдоль долины реки Черная. На участке от берега моря до деревни Камары (первый сектор) 72-я пехотная дивизия немцев и 1-я горнострелковая бригада румын ско-

вывали наши войска. В результате планировалось расцеч и окружить центральную группировку советских войск, что облегчало выполнение главной задачи — на четвертый день (21 декабря) захватить Севастополь<sup>81</sup>.

В ходе первого дня боев создалась тяжелая обстановка на северо-восточном участке обороны Севастополя. Возникла реальная угроза прорыва противника на Бельбек, Камышлы и Мекензиевы горы. В ночь на 18 декабря исполняющий обязанности командующего СОР контр-адмирал Г. В. Жуков и член Военного совета Черноморского флота дивизионный комиссар Н. М. Кулаков направили донесение:

«1. 17/ХП-41 г. противник при поддержке авиации, артиллерии, танков с утра перешел в решительное наступление по всему фронту. В результате боев наши части удерживают рубежи, на отдельных участках, неся крупные потери, отошли на 1–1,5 км. Потери противника: подбито 12 танков, 5 самолетов, уничтожено много живой силы. С утра 18 декабря ожидается повторная атака.

2. ...Пополнение частям требуется единовременно не менее 4000 человек, из них 50% вооруженных, в последующем — пополнения четыре маршевые роты ежедневно»<sup>82</sup>.

С первых дней немецкого наступления личный состав соединений и частей, оборонявших Севастополь, боролся за каждую пядь земли, солдаты и матросы — защитники города погибали, но не пропускали врага. На склоне высоты 192,0 в 200 метрах западнее деревни Камышлы был расположен дзот № 11. Его гарнизон состоял из семи воспитанников электромеханической школы Учебного отряда Черноморского флота. Это были краснофлотцы Алексей Калужный, Дмитрий Погорелов, Василий Мудрик, Владимир Родченко, Иван Четвертаков, Григорий Доля, Петр Корж и командир старшина 2-й статьи Сергей Раенко. 18 декабря перед боем они поклялись не опозорить славу моряков, стоять насмерть. На вооружении у горстки краснофлотцев были ручной и станковый пулеметы, винтовки, несколько десятков гранат и бутылок с горючей смесью. Наступавший враг во что бы то ни стало пытался овладеть высотой, на которой находился дзот, открыв по нему минометный огонь. Затем в атаку пошла пехота. Краснофлотцы подпустили вражеские цепи поближе и открыли по ним огонь. К пулемету встал старшина 2-й статьи Сергей Раенко. Под его прицельным огнем наступавшие вражеские солдаты начали пятиться назад. Атака пехоты захлебнулась.

И вновь враг начал обстреливать дзот из минометов, усилил пулеметный огонь. Был ранен в голову командир гарнизона дзота Раенко, но продолжал вести огонь по врагу. В три часа дня он был смертельно ранен осколками мины, разорвавшейся у амбразуры дзота. На место командира у пулемета встал Дмитрий Погорелов. Враг наседал. Снаряд попал в левую амбразуру, Погорелов был убит. Его заменил Алексей Калюжный. Бой продолжался до позднего вечера. К ночи враг прекратил наступление. Около ста трупов немецких солдат осталось лежать перед дзотом<sup>83</sup>.

В последующие дни противник непрерывно атаковал дзот № 11. 20 декабря до десяти бомб сбросили на дзот самолеты, их взрывами он был наполовину разрушен, но бой продолжался. Погибли Петр Корж, затем Владимир Родченко. До последней возможности сражался Иван Еремко, который числился в списках дзота № 12. Восстанавливая связь с дзотом № 11, он оказался в составе его защитников и был тяжело ранен. Отбросившие врага с высоты 192,0 защитники Севастополя увидели следы жестокого боя. Вокруг дзота № 11 лежали десятки убитых вражеских солдат, а среди них тела погибших героев-черноморцев, до конца выполнивших свой воинский долг. В развалинах дзота была обнаружена сумка противогаса, в которой лежала записка. Эти наспех написанные несколько строк стали известны всем защитникам Севастополя, всей стране. «Родина моя! Земля русская!.. — писал перед смертью собственной кровью Алексей Калюжный. — Я, сын ленинского комсомола, его воспитанник, дрался так, как подсказывало мне сердце. Я умираю, но знаю, что мы победим. Моряки-черноморцы! Держитесь крепче, уничтожайте фашистских бешеных собак. Клятву воина я сдержал. Калюжный»<sup>84</sup>.

Около 15.00 18 декабря заместитель командующего СОР контр-адмирал Жуков доложил командующему Черноморским флотом, находившемуся в это время на Кавказе, что боезапаса осталось на один день. Он просил срочно выслать: мин 50-мм — 5 тысяч, 82-мм — 5 тысяч, 107-мм — 1 тысячу, 120-мм — 1 тысячу штук; снарядов 76-мм дивизионных — 1 тысячу, 76-мм горных — 1 тысячу, 122-мм гаубичных дивизионных — 1 тысячу, 107-мм корпусных — 1 тысячу, 152-мм к гаубицам 1937 г. — 500 штук. Этот боезапас требовалось доставить не позднее 12.00 19 декабря на одном из военных кораблей<sup>85</sup>.

К исходу дня Г. В. Жуков доложил заместителю начальника Генштаба А. М. Василевскому, наркомку ВМФ

Н. Г. Кузнецову и командующему Черноморским флотом Ф. С. Октябрьскому о развитии наступления противника на подступах к Севастополю. Он сообщил, что в результате напряженных боев 17 и 18 декабря части СОР потеряли убитыми и ранеными около 3500 человек, и просил ускорить доставку пополнения<sup>86</sup>.

В итоге двухдневных боев с превосходящими силами противника на северном и северо-восточном участках обороны наши войска вынуждены были отойти. Они заняли рубеж обороны: высота 256,2 (искл.) — хутор Мекензия (искл.) — перекресток дорог 2,5 км западнее высоты 319,6 — высота 192,0 — западные отроги Камышловского оврага — высота 133,3 — деревня Эфендикой<sup>87</sup>. Обстановка складывалась крайне неблагоприятно для защитников города. Резервы подошли к концу. Наибольшие потери несли наши войска на направлении главного удара противника. В ночь на 19 декабря генерал-майор И. Е. Петров издал боевой приказ № 0012, в котором потребовал закрепиться на занимаемых рубежах, создать необходимые резервы, использовать их для контратаки в исключительных случаях, при прорыве противником обороны<sup>88</sup>.

С рассветом противник после сильной минометно-артиллерийской подготовки возобновил наступление. Командующий Черноморским флотом Октябрьский, отвечая контр-адмиралу Жукову на его просьбы об ускорении доставки боеприпасов и пополнения, телеграфировал, что 20 декабря на транспорте «Абхазия» будут высланы боезапас и до 1500 бойцов 9-й бригады морской пехоты. Кроме того, на транспорте «Чапаев», который должен прибыть в Севастополь утром 20 декабря, отправлено: снарядов 152-мм — 1400, 152-мм 1937 г. — 2600, 75-мм — 5952, 76-мм 1927 г. — 5080, 50-мм мин — 27 504 штуки. В Новороссийске больше боезапаса не оставалось<sup>89</sup>.

В этот же день, 19 декабря, контр-адмирал Жуков провел совещание руководящего состава СОР. На совещании генерал-майор И. Е. Петров сделал сообщение об итогах боев за три дня, понесенных потерях, а также о сложившемся положении, особенно на направлении главного удара немецких войск. Жуков потребовал от командиров всех уровней выделить личный состав из частей артиллерии, ПВО, береговой обороны, ОВР и других для сухопутной обороны города и создания необходимых резервов и подписал приказ о выделении личного состава для усиления фронта и создания резерва<sup>90</sup>.

Ставка Верховного главнокомандования, ввиду обострения обстановки в Севастопольском районе, своей директивой от 20 декабря 1941 г. «О мерах по усилению Севастопольского оборонительного района» потребовала, чтобы командующий Черноморским флотом незамедлительно прибыл в Севастополь, а также подчинила СОР во всех отношениях командующему Закавказским фронтом.

Двадцать второго декабря командующий Черноморским флотом в донесении Военному совету Закавказского фронта и наркому ВМФ доложил, что в течение пяти суток непрерывающихся ожесточенных боев, несмотря на упорное сопротивление наших войск, противник ценой значительных потерь продвинулся на некоторых направлениях на 5—7 км, что приблизило фронт к городу на очень опасное расстояние — до 7 км. С 17 по 21 декабря части СОР потеряли ранеными шесть тысяч человек и не менее двух тысяч убитыми. Были выведены из строя 22 орудия полевой артиллерии и 15 орудий береговой артиллерии главной базы, остальная артиллерия имела большой износ.

Прибывшие из Туапсе и Новороссийска 79-я особая стрелковая бригада и части 345-й стрелковой дивизии, а также танковый батальон давали возможность удержать Севастополь.

Немецкое командование планировало захватить Севастополь 21 декабря. Но город мужественно сражался, ломая все планы врага. 22 декабря войска фон Манштейна были остановлены на подступах к городу. Пополнившиеся свежими силами наши войска, поддержанные огнем боевых кораблей и авиацией, нанесли контрудар на главном направлении и отбросили части 11-й армии, ликвидировав угрозу прорыва.

Понеся большие потери под Севастополем, командование 11-й немецкой армии 23 декабря вынуждено было ослабить интенсивность ударов по войскам СОР и начать перегруппировку своих войск. Однако вражеские атаки на отдельных участках обороны Севастополя продолжались. В этот же день нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов прислал телеграмму с обращением к защитникам Севастополя. Его перепечатала газета «Красный черноморец», сделав достоянием тысяч военнослужащих и жителей осажденного, но не побежденного врагом города: «Противник отступает на всех основных участках советско-германского фронта от Ленинграда до Черного моря. Героические защитники Москвы, Ленинграда и Ростова-на-Дону своей стойкостью и



отвагой разрушили все планы фашистского командования и глупую легенду о непобедимости германской армии. За вашей героической борьбой за Севастополь следит не только весь Советский Союз, но и весь мир. Каждый день обороны Севастополя не только наносит врагу громадные потери, но и путает все его планы и разбивает его надежду на господство в Черном море. Товарищи бойцы и командиры Приморской армии, флота, авиации и береговой обороны, еще несколько усилий, еще несколько смелых ударов, и обескровленный враг будет вами разбит. Отомстим за убитых товарищей! Отомстим за разоренный Крым! Бейте врага до полной победы!..»<sup>91</sup>

Одновременно с предоставлением помощи Севастополю войсками, оружием и продовольствием Ставка ВГК планировала проведение десантной операции в Крым. Главной целью этой первой в годы Великой Отечественной войны крупной десантной операции было овладение Керченским полуостровом и создание предпосылок для освобождения всего Крыма. При этом учитывалось, что десант облегчит положение защитников Севастополя.

Еще 13 декабря командующий войсками Закавказского фронта генерал-лейтенант Д. Т. Козлов доложил Верховному главнокомандующему решения на Керченскую операцию. В них, в частности, отмечалось: «После личного изучения театра предстоящих действий и уточнения с вице-адмиралом Октябрьским возможностей ЧФ для полного окружения и уничтожения керченской группировки противника решил: одновременно с форсированием Керченского пролива согласно плану операции выбросить морской десант силою две дивизии и бригаду со средствами усиления в районе Феодосии, авиадесант в районе Владиславовки и вспомогательный морской десант в районе Арабат, Ак-Монай с задачей овладеть районом Сейджеут, Кошай, Ак-Монай, Арабат, Владиславовка, Насыпной, Султановка и прочно удерживать его до полного разгрома керченской группы противника и для действия в тыл ей. Готовность операции намечена на 20.12.1941 г. Директива дана войскам 13.12 с/г в 24.00»<sup>92</sup>.

В 21.15 23 декабря командующий войсками Закавказского фронта получил директиву Ставки ВГК № 005998 «О вариантах десантной операции в Крым». Копия директивы была послана наркому ВМФ. В ней отмечалось, что, рассмотрев предложенные командующим войсками Закавказского фронта и командующим Черноморским флотом

варианты операции в Крым, Верховный главнокомандующий приказал проводить немедленно первый вариант, одновременно готовясь к проведению второго варианта<sup>93</sup>. Обстановка на советско-германском фронте к этому времени характеризовалась продолжающейся борьбой за овладение стратегической инициативой. Советские войска в начале 1942 г. развернули наступление на ряде участков фронта, в том числе и на его южном крыле.

В окончательно утвержденном Ставкой ВГК плане Керченско-Феодосийской десантной операции предусматривалось произвести высадку десанта двумя эшелонами одновременно на северном, восточном и южном (в Феодосийском порту) побережьях Керченского полуострова. В состав десантных сил были включены шесть стрелковых дивизий, две стрелковые бригады и два горнострелковых полка 51-й и 44-й армий: всего 41 930 человек, 43 танка, 198 орудий и 256 минометов, 348 единиц автотракторной техники и около 1800 лошадей. К участию в операции были привлечены более 250 кораблей и судов Черноморского флота, а также для поддержки и прикрытия десанта с воздуха 660 самолетов ВВС Закавказского фронта и Черноморского флота. Командующий Закавказским фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов поставил перед войсками, участвующими в операции, задачу — окружить и уничтожить Керченскую группировку противника общей численностью около 25 тысяч человек, 180 орудий, 118 танков и две авиагруппы, вынудить немецкое командование с целью оказания помощи своей группировке на Керченском полуострове снять часть сил из районов Севастополя и Таганрога. Главный удар должен был наноситься из района Феодосии<sup>94</sup>.

В соответствии с планом 51-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. Н. Львова следовало форсировать Керченский пролив, одновременным ударом с севера и с юга овладеть городом Керчь, затем Турецким валом и во взаимодействии с 44-й армией окружить и уничтожить керченскую группировку противника. В дальнейшем 51-я армия должна была занять северную часть Ак-Монайской позиции. Войскам 44-й армии под командованием генерал-майора А. Н. Первушина предстояло высадиться главными силами в районе города Феодосия, освободить его, овладеть районом Сейтджеут, Кошай, Ак-Монай, Арабат, Владиславка, Коктебель и оборонять до полного уничтожения керченской группировки противника. Частью сил

44-я армия должна была наступать на Марфовку и содействовать 51-й армии в уничтожении окруженных сил противника, в дальнейшем развивать наступление на Карасубазар. Из состава 44-й армии планировалось также по одному стрелковому полку десантировать в районах городов Опук и Коктебель.

Высадка всех десантных отрядов 44-й и 51-й армий должна была начаться одновременно за два часа до рассвета без огневой подготовки. Подготовка операции закончилась к намеченному сроку. В районах и пунктах посадки были сосредоточены десантные части, корабли, суда и плавсредства.

Однако обстановка под Севастополем осложнилась, что потребовало внести существенные изменения в план операции. Как уже было сказано выше, противник 17 декабря 1941 г. предпринял второй штурм Севастополя. Выполняя указания Ставки ВГК, командование Закавказского фронта на кораблях и транспортах Черноморского флота перебросило в Севастополь 345-ю стрелковую дивизию и 79-ю отдельную стрелковую бригаду, личный состав которых первоначально планировалось задействовать при проведении высадки десанта в Феодосии.

Командующий Закавказским фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов, в связи с изменившейся оперативной обстановкой, принял решение проводить десантную операцию в два этапа. 26 декабря высадить десант в составе 51-й армии и двух стрелковых полков 44-й армии в районе Керчи, а главные силы 44-й армии высадить 29 декабря в районе Феодосии. В ночь на 30 декабря выбрасывался воздушный десант для захвата аэродрома в районе Владиславовки. «Таким образом, — вспоминал С. Г. Горшков, — менялся не только состав десанта, но и сам принцип одновременной высадки всех сил, участвующих в операции. Вместо согласованных по времени ударов с севера и с юга, рассчитанных на окружение керченской группировки врага и отсечение ее от основных сил крымской группировки, предусматривалось нанесение двух последовательных ударов, что в корне противоречило основному замыслу операции. Такое решение командования Закавказского фронта давало противнику возможность отражать наступление десантных войск последовательно, сначала с направления Керченского пролива и азовского побережья, а затем с направления Феодосии, подтянуть резервы и не допустить продвижения наших войск вглубь Крыма. Дальнейшая

подготовка по скорректированному плану происходила в спешке, что привело к серьезным упущениям в организации и управлении и не могло не сказаться на результатах столь сложной операции, какой является высадка морского десанта»<sup>95</sup>.

Переброску по морю и высадку десантов обеспечивали Азовская военная флотилия под командованием контр-адмирала С. Г. Горшкова, а также корабли и транспорты Черноморского флота под командованием капитана 1-го ранга Н. Е. Басистого.

Утром 26 декабря десантная операция началась. «Противник, вероятно, догадывался о возможности высадки десанта в Феодосии, — отмечал в своих воспоминаниях Адмирал Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов, — но, судя по всему, к этому времени уже перестал опасаться его, увидев, какие значительные силы нам пришлось отвлечь на Севастопольское направление. Однако он просчитался. Несмотря на сжатые сроки подготовки и недостаточное прикрытие с воздуха, операция была проведена успешно. Действия десантных частей, экипажей кораблей и судов отличались высоким героизмом»<sup>96</sup>.

Высадка десанта производилась в штормовую погоду при сильном огневом противодействии противника. На северный берег Керченского полуострова в районах мысов Зюк, Тархан, Хрони к исходу дня удалось высадить только часть сил десантных отрядов из состава первого эшелона. Всего 2830 человек, шесть танков, четыре 37-мм и 45-мм орудия, четыре 76-мм орудия, а также девять 120-мм минометов. Противнику не удалось сорвать высадку сил десанта, которые в соответствии с планом операции начали продвижение вглубь полуострова в направлении Керчи. Утром 26 декабря была также произведена высадка десанта в районе Камыш-Буруна. Под прикрытием дымовой завесы, поставленной катерами, десант высадился и закрепился на берегу. Огневые точки противника были подавлены огнем береговой артиллерии, развернутой на косах Тузла и Чушка и с Таманского полуострова. К исходу дня у Камыш-Буруна находились уже более двух тысяч советских десантников, закрепившихся на южной окраине. В итоге боев за высадку на этом направлении наши войска закрепились на южной окраине села Камыш-Бурун, на пристани судоремонтного завода и Камыш-Бурунской косе. Контратаки противника были отбиты при поддержке артиллерии с Таманского полуострова.

Сильный шторм, начавшийся 27 декабря, не позволил перебрасывать войска через пролив. И лишь 28 декабря возобновилась перевозка сил и средств десанта. Десантирование стрелкового полка 44-й армии в районе Опука из-за шторма не состоялось, и он был высажен 28 декабря в районе Камыш-Буруна. О ходе начального этапа десантной операции на Керченском полуострове генерал-лейтенант Д. Т. Козлов по прямому проводу доложил заместителю начальника Генерального штаба генерал-лейтенанту А. М. Василевскому в ночь на 29 декабря: «К исходу сегодняшнего дня на Керченском полуострове было высажено два полка 224 сд, усиленных артиллерией, 3 батальона 83-й морской бригады, 3 полка 302 гсд и высаживается еще один полк — 105 гсп... Противник: 73-я пехотная немецкая дивизия оказывает упорное сопротивление на правом крыле армии, все время контратакует. Сегодня в 11.00 из Симферополя на Карасубазар отмечено в движении на Феодосию до 300 машин с пехотой, [которые] подвергались бомбардировке авиацией дневных и ночных бомбардировщиков. С наступлением темноты голова колонны бомбилась в десяти км восточнее Феодосии. Бомбежка продолжается. По радиоперехвату установлено, что радиостанция дивизионного типа, находившаяся в Феодосии, сегодня должна перемещаться, но в каком направлении, неизвестно. Вывод: противник напрягает все силы 73-й пех[отной] див[изии], [чтобы] сбросить наши десанты, и перебрасывает на усиление 73-й дивизии части из района Симферополь, Феодосия... Считаю, что дальнейшая задержка с проведением операции по утвержденному плану может повлиять на действия наших частей на Керченском полуострове и, основываясь на том, что начало действий по плану операции в полном объеме отвлечет силы противника от Севастополя и Керченского полуострова, сегодня начато выполнение второй части плана операции. Первый эшелон в 19 часов выбыл в составе эскадры боевых кораблей, двух с половиной полков пехоты с задачей сегодня к рассвету и на рассвете овладеть районом Феодосии и обеспечить высадку второго эшелона — 236 сд с танковым батальоном, который сегодня в 22—23 часа выходит в море на восьми транспортах и должен будет начать высадку в ночь с 29 на 30. Третий эшелон — 63 гсд заканчивает погрузку в Туапсе, завтра в ночь выходит в море, с тем чтобы с 30 на 31 высадиться в Феодосии. Пехоту на берегу будет поддерживать флот своей артиллерией и большинством всей авиации, привлеченной для операции. Последующие эшелоны

будут высаживаться каждую ночь; таковых думаю высадить один-два-три, каждый в составе дивизии. Основная цель — овладеть Феодосийским районом и перехватить Керченский полуостров в районе Ак-Монай, Феодосия и в дальнейшем уничтожить керченскую группу противника. Приморской армии поставлена задача активизировать свои действия в общем направлении на Бахчисарай»<sup>97</sup>.

Всего к исходу дня 30 декабря кораблями Азовской военной флотилии и Керченской военно-морской базы на восточное побережье Керченского полуострова было доставлено более 17 тысяч человек, девять танков, более 280 орудий и минометов<sup>98</sup>. Наступая в южном и северном направлениях, войска 51-й армии при артиллерийской поддержке кораблей Азовской военной флотилии и Керченской военно-морской базы, а также артиллерии с Таманского полуострова сломали сопротивление противника и 30 декабря овладели Керчью. 29 декабря силами Черноморского флота был высажен десант в Феодосии.

Командир XLII армейского корпуса 11-й немецкой армии генерал-лейтенант граф Ганс фон Шпонек, опасаясь окружения 46-й пехотной дивизии своего корпуса, в первой половине дня 29 декабря приказал ее командиру генерал-лейтенанту Курту Химеру оставить Керченский полуостров. Это решение фон Шпонека нельзя назвать поспешным или неоправданным. Ведь Керченский полуостров обороняли лишь части 46-й пехотной дивизии и румынский горнострелковый полк. Остальные части и соединения корпуса были брошены под Севастополь, как, впрочем, и основные силы всей 11-й немецкой армии. Приказ Э. фон Манштейна, переданный по радио и запрещающий отход, фон Шпонек своевременно не получил. Вечером 29 декабря части 46-й пехотной дивизии скрытно оставили занимаемые позиции и форсированным маршем отступали к Ак-Монайскому перешейку, избежав окружения частями советской 51-й армии. Однако практически все тяжелое вооружение спешно отступавшие немцы вынуждены были бросить.

По представлению командующего 11-й немецкой армией фон Манштейна генерал-лейтенанты фон Шпонек и Химер были отстранены от командования и в последующем преданы суду военного трибунала под председательством Г. Геринга. Шпонек был приговорен к расстрелу\*...

---

\* А. Гитлер заменил смертный приговор шестью годами крепости, но после неудачного покушения на фюрера Г. Гиммлер отдал приказ расстрелять генерала.

Чтобы не допустить прорыва советских войск вглубь Крыма, немецкое командование вынуждено было перебросить из-под Севастополя к Керченскому полуострову три пехотные дивизии, осаждавшие Главную базу Черноморского флота.

Второго января 1942 г. советские войска вышли на рубеж Арабатский залив — Коктебель (15 км юго-западнее Феодосии) и развернулись фронтом на запад. Керченский полуостров был освобожден. Керченско-Феодосийская операция, одна из самых крупных морских десантных операций Великой Отечественной войны, завершилась. Несмотря на свою неполноту, она имела большое значение — в Крыму был захвачен важный оперативный плацдарм. Враг потерял возможность через Керченский полуостров вторгнуться на Кавказ и был вынужден прекратить наступление под Севастополем. Это несколько облегчило положение соединений и частей СОР<sup>99</sup>.

Немецкий адмирал и историк Фридрих Оскар Руге в своем труде «Война на море. 1939—1945», признавая значение Керченско-Феодосийской операции и ее последствия для дальнейшего развития событий на южном крыле советско-германского фронта, отмечал: «Операция, имевшая целью снять осаду с Севастополя, привела лишь к отвоеванию Керченского полуострова. Однако этого оказалось достаточно, чтобы сковать очень значительные германские силы, и штурм Севастополя пришлось отложить на полгода. Пока этот опорный пункт оставался в руках русских, невозможно было использовать водный путь для снабжения сначала достигшего Ростова, а затем отошедшего на р. Миус южного крыла немцев»<sup>100</sup>.

Основные силы 11-й немецкой армии были скованы под Севастополем активными оборонительными действиями войск СОР. На их развертывание на Керченское и Феодосийское направления потребовалось бы не менее двух недель.

Складывавшаяся обстановка позволяла советским войскам, закрепив успех, развивать наступление на Севастополь и деблокировать его, а затем продолжить освобождение всего Крымского полуострова. Именно таких действий требовала Ставка ВГК от командования Кавказского фронта, который был сформирован 30 декабря 1941 года, а затем и Крымского фронта, образованного 28 января 1942 года.

Однако благоприятные условия оперативно-стратегической обстановки и имевшиеся возможности командование Крымского фронта реализовать не сумело.

Войска Крымского фронта начиная с 27 февраля и по 11 апреля трижды безуспешно переходили в наступление. Противник прочно удерживал оборону, наносил контрудары, фактически обескровив дивизии 44-й и 51-й армий. 12 апреля командование фронта вынуждено было обратиться в Ставку с просьбой перейти к активной обороне на занятых рубежах. 22 апреля по приказу Ставки ВГК было создано Северо-Кавказское направление в целях облегчения управления войсками южного крыла советско-германского фронта. В него вошли Крымский фронт, Севастопольский оборонительный район, Северо-Кавказский военный округ, Черноморский флот и Азовская военная флотилия.

Не тратил время зря и противник, готовя новое наступление в Крыму. 5 апреля 1942 г. была отдана директива ОКВ № 55616 на проведение летней операции на востоке. Генерал-майор вермахта Б. Мюллер-Гиллебранд в труде «Сухопутная армия Германии. 1933—1945» писал: «В первой части директивы говорилось об оперативных целях, предусматривавшихся на три месяца до начала собственно летнего наступления. Директивой определялось, что по завершении стабилизации всего нынешнего Восточного фронта до начала главной наступательной операции прежде всего следует очистить от противника Керченский полуостров в Крыму и овладеть Севастополем»<sup>101</sup>.

Немецкой 11-й армии ставилась задача очистить от советских войск Керченский полуостров и овладеть главной военно-морской базой Черноморского флота — Севастополем. Э. фон Манштейн вспоминал после войны: «На южном участке своего фронта — между Черным морем и селом Кой-Ассаном — он [войска Красной армии. — *Авт.*] в основном по-прежнему занимал свой старый, хорошо оборудованный парпачский рубеж, так как все его атаки на этом участке были отбиты. На северном же участке его фронт отклонялся большой дугой на запад до Киета, выходя далеко вперед за этот рубеж. Этот фронт образовался в то время, когда противник сбил с позиций 18-ю румынскую дивизию... Наша разведка показала, что противник сосредоточил две трети своих сил на северном участке (часть из них на самой оборонительной позиции, часть же позади нее в качестве резерва). На южном участке оборону занимали только 3 дивизии и еще 2—3 дивизии составляли резерв...

Эта обстановка и явилась основой, на которой штаб армии разработал план операции «Охота на дроф». Замысел



заключался в том, чтобы нанести решающий удар не непосредственно по выдающейся вперед дуге фронта противника, а на южном участке, вдоль побережья Черного моря, то есть в том месте, где противник, по-видимому, меньше всего его ожидал»<sup>102</sup>.

Восьмого мая Э. фон Манштейн решил, создавая видимость наступления по всему фронту, нанести главный удар тремя дивизиями по 63-й стрелковой дивизии 44-й армии на шестикилометровом фронте. Уже в первый день части противника образовали брешь до 6 км по фронту и 10 км в глубину<sup>103</sup>. Так началась операция 11-й армии вермахта против Крымского фронта под кодовым названием «Охота на дроф», более известная в отечественной историографии, как Керченская оборонительная операция.

Одновременно командование 11-й немецкой армии высадило десант в тылу советских войск, в 15 км северо-восточнее Феодосии. Ударами вражеской авиации (до 900 самолето-вылетов в сутки) система управления Крымского фронта, его объединений и соединений была выведена из строя. Взаимодействие между армиями и внутри их было нарушено. Командующий Крымским фронтом генерал Д. Т. Козлов не смог управлять войсками, которые беспорядочно отходили на восток. Несмотря на требования Ставки немедленно организовать фронтовой контрудар, командование фронта не сумело осуществить его из-за отсутствия связи с войсками. Враг продолжал развивать успех, введя в прорыв танковую дивизию. В этой обстановке Ставка ВГК в резкой форме высказала свое неудовольствие действиями командующего фронтом и своего представителя: «Ввиду того что Военный совет Крымфронта, в том числе Мехлис, Козлов, потеряли голову, до сего времени не могут связаться с армиями, несмотря на то что штабы армий отстоят от Турецкого вала не более 20—25 км, ввиду того что Козлов и Мехлис, несмотря на приказ Ставки, не решаются выехать на Турецкий вал и организовать там оборону, Ставка Верховного главнокомандования приказывает: главному СКН маршалу Будённому в срочном порядке выехать в район штаба Крымского фронта (г. Керчь), навести порядок в Военном совете фронта, заставить Мехлиса и Козлова прекратить свою работу по формированию в тылу, передав это дело тыловым работникам, заставить их выехать немедленно на Турецкий вал\*, принять отходящие

---

\* Турецкий вал — древние земляные укрепления, возведен-

войска и материальную часть, привести их в порядок и организовать устойчивую оборону на линии Турецкого вала, разбив оборонительную линию на участки во главе с ответственными командирами»<sup>104</sup>.

Чтобы избежать полного окружения, Ставка ВГК отдала приказ генералу Козлову в ночь на 10 мая отвести войска фронта на Турецкий вал и там организовать оборону. Однако в штаб армии и в дивизии приказ на отход поступил лишь поздно вечером. Часть соединений так и не смогла вырваться из кольца и оказалась в окружении в районе Ак-Моная. Дальнейшие события носили скоротечный и драматический характер. Направленный Ставкой ВГК в Керчь главком Северо-Кавказского направления маршал С. М. Будённый с разрешения Ставки отдал распоряжение об эвакуации войск с Керченского полуострова: она началась 15 мая и продолжалась пять суток.

Бойцы и командиры соединений и частей Крымского фронта, не имевшие возможности эвакуироваться, продолжали вести борьбу с захватчиками. Одной из героических и трагических страниц в истории Великой Отечественной войны стала пятимесячная оборона Аджимушкайских каменоломен.

Среди тех, кто не успел эвакуироваться на Таманский полуостров, были и военнослужащие группы, прикрывавшей эвакуацию. Руководил группой начальник отдела военной подготовки штаба Крымского фронта полковник Павел Максимович Ягунов. 14 мая он был назначен заместителем начальника штаба фронта и в тот же день начал выделять отдельные батальоны и ударные группы из личного состава резерва. Основу этого отряда, кроме командиров и политработников резерва и личного состава 1-го фронтового запасного полка, составили несколько сотен курсантов военных училищ, бойцы и командиры 276-го стрелкового полка НКВД и 95-го пограничного полка, 1-й и 2-й батальоны которого закрепились на позициях севернее Аджимушкай, а также военнослужащие различных родов войск частей и соединений фронта, которые «уже 13 мая стали заполнять проходы каменоломен».

Небольшая группа разрослась до нескольких тысяч солдат за счет отступающих солдат и жителей, бежавших из города. Более десяти тысяч военнослужащих укрылись в Ве-

---

ные на Керченском полуострове между Казантинским заливом и озером Узинларское в 24–25 км западнее Керченского пролива.

ликих катакомбах и три тысячи — в Малых. Гарнизонами руководили Ягунов и М. Г. Поважный. Первое время немцы не могли понять, откуда появляются внезапно атакующие части РККА. Но вскоре они обнаружили укрытие и подтянули туда дополнительные силы. Путем непрерывных атак немецким частям удалось отбросить красноармейцев внутрь каменоломен, но дальнейшие попытки взять каменоломни штурмом закончились провалом. Отряд Ягунова стойко отразил все атаки немцев.

Катакомбы не были приспособлены для долговременной осады: не было необходимых запасов продовольствия, медикаментов, оружия и боеприпасов, а колодцы — единственный источник питьевой воды — находились только снаружи. Каждая вылазка за водой превращалась в боевое столкновение и, по воспоминаниям бойцов, «за ведро воды платили ведром крови». Немецкое командование, догадавшись по этим вылазкам о проблемах у осажденных с водой, отдало приказ засыпать колодцы в районе каменоломен (в поселке Аджимушкой их было два — «сладкий» и «соленый»). Ситуация достигла критической точки: катастрофически не хватало оружия, боеприпасов, продуктов и воды. К тому же немцы стали использовать взрывчатку для обрушения тоннелей и закачивать в катакомбы отравляющие газы.

Тринадцатого июня 1942 г., на 357-й день войны, начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Франц Гальдер в своем военном дневнике записал: «Генерал Окснер. Доклад об участии химических войск в боях за Керчь»<sup>105</sup>. Эта беспристрастная запись о трагедии в Аджимушкойских каменоломнях — документ, уличающий немецкое командование в применении варварских методов массового уничтожения советских людей и использовании оружия, запрещенного Гаагской конвенцией и Женевским протоколом. Начиная с 24 мая немцы, замуравив все входы, в течение нескольких дней пускали отравляющие газы и дым в пещеры, где укрылись осажденные. Большая часть их погибла от последствий отравления. 30 октября немцы окончательно захватили катакомбы, взяв в плен нескольких оставшихся в живых защитников. Из примерно 13 тысяч человек (среди которых было много гражданских лиц, преимущественно стариков, женщин и детей), которые спустились в катакомбы, после 170-дневной осады в живых остались всего 48... Имена подавляющего большинства защитников подземного гарнизона до сих

пор остаются неизвестными, но память о подвиге защитников Аджимушкая будет жить вечно.

Керчь была полностью разрушена. Уничтожены все промышленные предприятия, культурно-бытовые учреждения, объекты городского хозяйства, 85 % жилого фонда. В момент освобождения в городе оставалось всего тридцать жителей... Указом Президиума Верховного совета СССР от 14 сентября 1973 г. Керчи было присвоено звание города-героя.

Потеря Керченского полуострова существенно ухудшила положение защитников Севастополя. Немецкое командование перебросило к городу части 11-й армии, высвободившиеся на Керченском полуострове. Перед Манштейном была поставлена задача овладеть городом в кратчайший срок.

Третий штурм Севастополя немецкие войска начали 7 июня. Советский гарнизон мужественно оборонялся, отражая ежедневно по 15–20 атак противника. Немецкая артиллерия ежедневно обрушивала на город до 126 тысяч снарядов различного калибра, а люфтваффе совершали до 1000–1500 самолетовылетов в сутки. Ценой немалых потерь немецким войскам удалось 18 июня выйти к Северной бухте, Инкерману и Сапун-Горе.

Тридцатого июня вице-адмирал Ф. С. Октябрьский донес командующему Северо-Кавказским фронтом Маршалу Советского Союза С. М. Будённому о крайне тяжелом положении войск СОР. В этот же день в 10 часов 20 минут Будённый направил Верховному главнокомандующему донесение № 00111/оп о положении в СОР: «Передаю донесение т. Октябрьского, полученное мною в 7.15 30.6.1942 г.: “Противник ворвался с Северной стороны на Корабельную сторону. Боевые действия принимают характер уличных боев. Оставшиеся войска сильно устали, ярко выражая апатию. Резко увеличилось количество самоутечки, хотя большинство продолжает героически драться. Противник резко увеличил нажим авиацией, танками, учитывая резкое снижение нашей огневой мощи; надо считать, в таком положении мы продержимся максимум два-три дня. Исходя из данной конкретной обстановки, прошу вас разрешить мне в ночь с 30.6 на 1.7.1942 года вывезти самолетами ‘Дуглас’ 200–250 ответственных работников, командиров на Кавказ, а также, если удастся, самому покинуть Севастополь, оставив здесь своего заместителя генерал-майора Петрова”.

Со своей стороны докладываю: 1. Подготовленных рубежей для дальнейшей обороны СОР больше не имеет. 2. В результате утомлений снизилась боеспособность войск. 3. Резкой помощи с моря и воздуха мы оказать не можем. Все корабли, прорывающиеся в Севастополь и обратно, подвергаются сильной бомбардировке с воздуха и торпедным атакам катеров и подводных лодок. Только за последние три-четыре дня на подступах к Севастополю потоплены подлодка Щ-214, подлодка С-32, миноносец «Безупречный». Сильно поврежден 86 самолетами лидер «Ташкент».

Учитывая, что намечаемая операция по № 170457 уже не может оказать влияния на судьбу СОР, прошу:

1. Подтвердить задачу войскам СОР вести борьбу до конца, тем самым обеспечить возможный вывоз из Севастополя.

2. Разрешить Военному совету ЧФ вылететь в Новороссийск. На месте оставить старшим генерал-майора т. Петрова.

3. Возложить на Октябрьского организацию вывоза из Севастополя, возможного в данных условиях обстановки, используя все средства флота.

4. Прекратить подвоз СОР пополнения и продовольствия.

5. Продолжать вывоз раненых самолетами и боевыми кораблями.

6. Для уничтожения самолетов противника на его аэродромах, тем самым облегчения блокады Севастополя, возможности прорыва кораблей к Севастополю и обратно прошу выделить немедленно в мое распоряжение (сколько возможно) дальнебомбардировочную авиацию»<sup>106</sup>.

Полученная командующим войсками Северо-Кавказского фронта директива Ставки ВГК № 170470 утверждала его предложения и требовала их немедленного выполнения...<sup>107</sup>

Каждую пядь священной земли морской твердыни севастопольцы защищали до конца. Свой весомый вклад в оборону родного города внесла и севастопольская милиция под руководством начальника горотдела капитана В. И. Бузина. Была организована и успешно велась борьба с преступностью, обеспечивалась охрана общественного порядка в осажденном городе. Бузин непосредственно руководил операциями по уничтожению диверсионных групп противника. «Погиб на мысе Херсонес 2 июля 1942 г.» — так офи-

циально писали о гибели многих защитников Севастополя в последние дни обороны города. Такая же запись была сделана и напротив фамилии Бузина. В июне 2009 г. на 35-й батарее, в районе строительства Мемориала героических защитников Севастополя на мысе Херсонес в отвалах земли рабочие обнаружили орден «Знак Почета» № 5366. Были сделаны запросы в архивы и через некоторое время получен ответ: орден принадлежал начальнику Севастопольского горотдела милиции Василию Ивановичу Бузину. 1 и 2 июля 1942 г., в самые трагические дни он принимал личное участие в операции по эвакуации командного состава и защитников города с мыса Херсонес на Большую землю, фактически отправлял отсюда самый последний самолет. Потом сражался в одном из сводных отрядов по защите аэродрома. Там и был смертельно ранен. Имя Василия Ивановича Бузина занесено в первый том Книги Памяти Севастополя. Теперь подтвердилось, что он в последние минуты жизни действительно был среди защитников Херсонесского аэродрома и 35-й батареи. В Музее севастопольской милиции экспонируются материалы, связанные с жизнью и героической деятельностью Бузина, его именем назван сквер в Ленинском районе Севастополя...

Добившись оперативного успеха в Крыму, противник создал на южном фланге фронта значительное превосходство в силах и средствах и развернул наступление на Сталинградском и Кавказском направлениях с целью окружить и уничтожить войска Юго-Западного и Южного фронтов. Однако в октябре 1942 г. стратегическое наступление противника на южном крыле советско-германского фронта выдохлось, и 14 октября Ставка фюрера была вынуждена отдать приказ о переходе к стратегической обороне. Таким образом, план противника захватить Кавказ к ноябрю 1942 г. был сорван. Окончательный же крах его наступил 9 октября 1943 г., когда Таманский полуостров был полностью очищен от захватчиков, а боевые действия вновь перенесены непосредственно на территорию Крымского полуострова.

После захвата Крыма оккупационные власти приступили к планомерному уничтожению тех жителей полуострова, которые, не смирившись с приходом захватчиков, продолжали борьбу с врагом, не давая грабить крымскую землю. Неугодных «новой власти» бросали в тюрьмы и лагеря, расстреливали. Около 12 тысяч советских граждан были расстреляны оккупантами на 12-м километре шоссе

Симферополь — Феодосия. Еще семь тысяч человек приняли мученическую смерть недалеко от Керчи у Багеровского рва.

С оккупантами активно сотрудничали татарские националисты, которые создали в ряде населенных пунктов Крыма мусульманские комитеты, вели антисоветскую агитацию и вербовали легионеров на службу в вермахт. В то же время в партизанских отрядах против оккупантов и их местных пособников сражались многие крымские татары. Мужество и героизм в борьбе с немецко-румынскими захватчиками проявили представители крымско-татарского народа Бекир Аметов, Мемет Аппазов, Мемет Молочников, Аблязиз Османов, Эмирхан Юсуфов и многие другие.

Партизаны наносили ощутимые удары по захватчикам. Во время героической обороны Севастополя и Керченско-Феодосийской десантной операции они выполняли задания советского командования, оказывали существенную помощь регулярным войскам, совершая диверсионные операции, нарушая коммуникации врага. Бывший командующий 2-й танковой армией, после поражения на Курской дуге возглавивший немецкие войска, боровшиеся с югославскими партизанами, генерал-полковник вермахта Л. Рендулич после войны написал статью под названием «Партизанская война», в которой отдельный раздел посвятил партизанской борьбе в России. Он отмечал: «Метод борьбы советских партизан характеризовался такой жесточенностью, которая не отмечалась ни на одном другом театре военных действий»<sup>108</sup>.

В борьбе с гитлеровскими захватчиками на территории оккупированного Крыма участвовали 12,5 тысячи партизан, более трех тысяч из них за героизм и мужество, проявленные в борьбе с захватчиками, были удостоены государственных наград. Орденами и медалями награждены также многие участники крымского подполья, в котором боролись с врагом более 2,5 тысячи крымчан. Звание Героя Советского Союза было присвоено посмертно Василию Дмитриевичу Ревякину, руководившему в оккупированном немцами Севастополе одной из наиболее активных и эффективных в своей деятельности подпольных организаций Крыма. Уже в наши дни, в 2014 г. звания Героя Российской Федерации посмертно удостоена Алимэ Абденанова, подпольщица, военный разведчик-резидент разведгруппы Отдельной Приморской армии.

Победы советских войск под Сталинградом и Курском

в корне изменили стратегическую ситуацию на советско-германском фронте. Во второй половине октября 1943 г. войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ф. И. Толбухина вышли к Перекопу, Сивашу и Геническу, блокировав в Крыму 17-ю армию вермахта. В январе—марте 1944 г. 17-я армия была усилена двумя дивизиями и к началу апреля насчитывала пять немецких и семь румынских дивизий, а также большое количество специальных частей и подразделений (инженерные, охранные, строительные и др.). Владея Крымом, вермахт держал советские войска, действовавшие на юге Украины, под постоянной угрозой удара с тыла, сковывал действия Черноморского флота. Решение немецкого командования оборонять Крым обуславливалось и соображениями политического порядка. Потеря Крыма означала бы для Германии резкое падение престижа в странах Юго-Восточной Европы и в «нейтральной» Турции, которые служили важными источниками получения нефти и других крайне необходимых немецкой военной промышленности стратегических материалов. Кроме того, Крым прикрывал балканский стратегический фланг войск гитлеровской Германии и ее важные морские коммуникации, идущие по Черноморским проливам к портам западного побережья Черного моря.

Однако оборона Крыма с самого начала была для немецкого командования серьезной проблемой. Пока группе армий «А» удавалось удерживать плацдарм на левом берегу Днепра, южнее Никополя, ОКХ все еще надеялось организовать встречные удары силами 17-й армии, блокированной в Крыму, и Никопольской группировки и восстановить между ними связь по суше. Но с течением времени эти надежды становились все более шаткими, а после разгрома немецких войск под Никополем и Кривым Рогом рухнули вовсе. Выход же Красной армии в район Одессы и к Днестровскому лиману поставил немецкую группировку в Крыму в еще более тяжелое положение. Начались перебои в снабжении, упал моральный дух солдат и офицеров. Войска, блокированные в Крыму, продолжали окапываться, строить новые и совершенствовать старые оборонительные позиции.

Характер местности в северной части Крымского полуострова и в районе Керчи как нельзя более подходил для создания мощной, глубоко эшелонированной обороны. Особое внимание противник уделил укреплению обороны в северной части Крыма. На Перекопском перешейке



на глубину до 35 км были оборудованы три мощные полосы обороны. Перед плацдармом наших войск на южном берегу Сиваша враг, используя многочисленные межозерные дефиле и высоты, создал две-три оборонительные полосы. Оборудованные густой сетью траншей и ходов сообщения, они имели большое количество дзотов, дотов и прикрывались инженерными заграждениями. На Керченском полуострове на глубину до 70 км были построены четыре оборонительные полосы.

Фундамент для кампании по освобождению Красной армией Крымского полуострова был заложен в результате двух удачных операций, проведенных нашими войсками осенью — зимой 1943 г.: Керченско-Эльтигенской десантной и Мелитопольской. Советские войска еще в конце 1943 г. предприняли попытку захватить Крымский перешеек и ворваться в Крым, но она не увенчалась успехом. 31 октября — 11 декабря войска Северо-Кавказского фронта (с 20 ноября — Отдельная Приморская армия), силы Черноморского флота и Азовской военной флотилии провели Керченско-Эльтигенскую десантную операцию с целью освобождения Керченского полуострова. Итогом операции стал захват плацдарма на Крымском полуострове, но общая боевая задача выполнена не была. Десант 18-й армии, в том числе 318-я дивизия, 1 ноября скрытно высадился южнее Керчи, в районе Эльтигена, и захватил плацдарм до 5 км по фронту и до 2 км в глубину. На захваченный клочок побережья перебралась почти вся дивизия, но поднялся шторм и высадку остальных частей пришлось прекратить. Десантники оказались в жесткой морской и воздушной блокаде.

Воспользовавшись тем, что противник сосредоточил основные силы для борьбы с десантом 18-й армии, в ночь на 3 ноября Азовская флотилия успешно высадилась северовосточнее Керчи десант 56-й армии. Высадку передового отряда поддерживали около 200 орудий и полк реактивной артиллерии 56-й армии. К 12 ноября войска этой армии очистили от противника северо-восточный выступ Керченского полуострова и вышли к Булганаку и северо-восточным окраинам Керчи, где перешли к обороне, удерживая плацдарм вплоть до начала Крымской операции 1944 г.

Эльтигенский плацдарм 318-я дивизия удерживала больше месяца. Изматывающая оборона была бесперспективной, и дивизия получила приказ на прорыв к Керчи. Ночью 7 декабря 1337-й полк прорвал оборону противника и двинулся к городу по тылам противника. На следующий

день передовые подразделения дивизии и ее штаб вышли к горе Митридат, но оказались там в окружении. В книге полковника В. Ф. Гладкова «Десант на Эльтиген» так описываются эти бои: «От командующего поступила радиограмма: “Держитесь до вечера. Сообщите Военному совету свое мнение об эвакуации. Петров”. Митридат, подобно огромной туше, навис над низиной предместья, где еще держался десант. Его высоты снова были в руках врага. Мы ответили Военному совету согласием: “Подброска мелких подразделений не обеспечивает захвата и обороны горы Митридат. Как ни больно, приходится высказаться за эвакуацию...” В ночь на 10 декабря начали эвакуацию. Обозначили пункты посадки фонарями. Под прикрытием артиллерийского огня подходили катера. Противник повел обстрел берега. Вместе с Виниченко мы стояли у пристани и смотрели, как десантники бросались в воду, шли, пока позволяла глубина, и садились в лодки. После сорока дней боев они отправлялись в Тамань на отдых и формирование»<sup>109</sup>.

В ходе Керченско-Эльтигенской операции был захвачен плацдарм на восточном берегу Керченского полуострова. Из сводки Совинформбюро от 6 ноября 1943 г.: «На днях войска Северо-Кавказского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией провели успешную десантную операцию с высадкой войск на восточном берегу Керченского полуострова в районах северо-восточнее и южнее города Керчь». В наши дни Эльтиген представляет собой небольшой курортный поселок Героевка в устье Керченского пролива. На холме расположилось древнегреческое городище — античный город Нимфей, а на самой высокой точке вздымается серый парус — память о Керченско-Эльтигенской десантной операции, положившей начало окончательному освобождению Крыма от немецких оккупантов. Сюда были отведены значительные силы противника с Перекопского направления, но тем не менее организовать контрудар по наступающим с севера на Крым войскам 4-го Украинского фронта немцам не удалось.

К началу боев в Крыму войскам 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ф. И. Толбухина и Отдельной Приморской армии, которой командовал генерал армии А. И. Еременко, противостояла 17-я немецкая армия в составе 12 дивизий (5 немецких и 7 румынских) и большого количества специальных полков и батальонов. Общая численность группировки противника в Крыму до-

стигала 200 тысяч человек, у нее также имелось 3400 орудий и минометов, 5400 пулеметов, 150 штурмовых орудий и танков, до 250 самолетов, составлявших оперативную группу «Крым». Кроме того, на аэродромах Румынии и Бессарабии к началу Крымской операции находилось до 700 самолетов, часть которых также принимала участие в боях за удержание немецкими войсками Крыма. Основные силы немецкое командование сосредоточило в северной части Крыма, где находилось шесть дивизий с частями усиления общей численностью до 80 тысяч человек. На Керченском полуострове немцы сосредоточили до четырех дивизий, пехотный полк и части усиления, всего до 60 тысяч человек. В Центральном Крыму и на охране побережья находились две румынские дивизии, отдельные части и части усиления, в общей сложности до 60 тысяч человек. К началу боев за Крым на Черном море противник имел 4 эскадренных миноносца, 14 подводных лодок — 6 немецких, 3 румынские, 5 итальянских, 3 флотилии катеров-охотников за подводными лодками — в общей сложности 34 катера, 28 торпедных катеров, 30 тральщиков и более 100 десантных и артиллерийских барж, транспортный и вспомогательный флот, насчитывавший несколько сотен различных судов.

Утром 1 ноября 1943 г., после выхода к Сивашу, командующий 51-й армией генерал Я. Г. Крейзер направил на противоположный берег несколько разведывательных групп. Полученные ранее данные разведки подтвердились: на южном берегу немецких войск не было. Это обстоятельство потребовало внести в общий план наступления серьезные коррективы: было решено из района озера Сиваш нанести не вспомогательный, а основной удар по Крымской группировке противника. И для этого было необходимо создать новый плацдарм. В этот же день советские войска начали переправу. Две дивизии, 346-я и 216-я, успешно заняли участок берега на глубину порядка 20 км. Причем войска остались без техники и тяжелого вооружения. Все попытки переправить ее закончились неудачей: в районе, выбранном для переправы, глубина Сиваша достигала одного метра, дно было илистым и в нескольких метрах от берега лошади стали вязнуть, а начавшие переправу мощные тягачи завязли в иле и с трудом вернулись назад. Лишь несколько орудий удалось перенести на руках.

Первого ноября 1943 г. Совинформбюро сообщило: «В течение 1 ноября в районе между рекой Днепр и побережьем Сиваша наши войска продолжали преследовать от-

ступающего противника и заняли более 60 населенных пунктов, в том числе крупные... На Перекопском перешейке наши войска стремительным ударом опрокинули противостоящие части противника, преодолели Турецкий вал и прорвались к Армянску. Таким образом, пути отхода по суше для войск противника, расположенных в Крыму, отрезаны нашими войсками».

Части вермахта, входившие в 17-ю армию генерал-полковника Эрвина Йенеке, оказались полностью блокированы на Крымском полуострове с суши. До марта 1944 г. Красная армия вела упорные позиционные бои: сначала необходимо было закрепиться и удержаться на двух занятых плацдармах, а после улучшения стратегической обстановки на повестку дня встала задача их расширения. Особенно сложная ситуация сложилась на Сивашском плацдарме, который с Большой землей связывали всего две переправы, по которым было необходимо доставлять войскам не только оружие и боеприпасы, но даже питьевую воду, поскольку собственных источников на занимаемой нашими войсками территории не было. Фактически эти две переправы можно было назвать «дорогами жизни». Немецкие самолеты непрерывно атаковали линии снабжения 51-й армии, и безопасность переправ с воздуха обеспечивали советские истребители и в большей степени зенитные установки (их число с ноября 1943-го по апрель 1944 г. выросло в 25 раз — до почти 1100 орудий).

Тем временем в немецком Верховном командовании назревал очередной серьезный кризис. Фактически все высшее руководство ОКХ выступало за эвакуацию 17-й армии морем. Однако Гитлер был непреклонен: «Крым должен удерживаться при любых обстоятельствах и всеми средствами». Свою позицию он объяснял тем, что потеря Крыма могла обернуться для Германии серьезными политическими и экономическими последствиями: базируясь на аэродромах полуострова, советские ВВС получали возможность бомбить нефтяные поля Плоешти в Румынии — один из основных источников сырья для производства горючего для вермахта. Кроме того, потеря стратегически важного полуострова могла повлиять на благожелательную к Германии позицию Турции, а также подтолкнуть Румынию и Болгарию к поискам путей выхода из войны.

Выполняя указания Ставки ВГК, командующий войсками 4-го Украинского фронта генерал армии Ф. И. Толбухин решил нанести главный удар с Сивашского плацдар-

ма силами 51-й армии генерал-лейтенанта Я. Г. Крейзера в общем направлении на Симферополь и далее на Севастополь. Войска 2-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Г. Ф. Захарова, находившиеся на Перекопском перешейке, должны были нанести удар в общем направлении на Севастополь, а частью сил очистить побережье на участке от Ишуня до Евпатории. На направлении главного удара для развития успеха в бой предполагалось ввести танковые бригады 19-го танкового корпуса генерал-лейтенанта И. Д. Васильева, перед которыми была поставлена задача развивать наступление на Джанкой и овладеть Симферополем. Нанося удар частью сил на населенные пункты Сейтлер и Карасубазар, танковые подразделения должны были прикрывать левое крыло фронта на случай возможного контрудара противника со стороны Керчи.

Командующий Отдельной Приморской армией генерал армии А. И. Еременко, в соответствии с указаниями Ставки ВГК, решил, как он пишет в своих мемуарах, «одновременными ударами севернее и южнее сильно укрепленного населенного пункта Булганак прорвать оборону противника и развить наступление вглубь Керченского полуострова в направлении на Владиславовку, Феодосию». Ему предстояло в кратчайший срок очистить Керченский полуостров от противника и основными силами развивать наступление в направлении Симферополь — Севастополь, а частью сил наступать вдоль побережья Черного моря в целях преграждения отхода немецких войск к морю.

В операции активное участие принимали части и соединения 4-й воздушной армии генерал-полковника авиации К. А. Вершинина, корабли Черноморского флота под командованием адмирала Ф. С. Октябрьского и Азовская военная флотилия контр-адмирала С. Г. Горшкова, которым предстояло в ходе операции нанести удары по коммуникациям противника подводными лодками, авиацией и катерами. Координацию действий войск осуществляли представители Ставки Верховного главнокомандования Маршалы Советского Союза К. Е. Ворошилов и А. М. Василевский.

Войска 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии к началу Крымской наступательной операции имели в своем составе 30 стрелковых дивизий и две бригады морской пехоты, что составляло в общей сложности около 470 тысяч человек, до 6 тысяч орудий и минометов, 559 танков и самоходно-артиллерийских установок. Их поддержи-

вали 1250 самолетов 8-й и 4-й воздушных армий и авиация Черноморского флота. К началу операции советские войска превосходили силы противника в людях — в 2,4 раза, в орудиях и минометах — в 1,7 раза, в танках и самоходных орудиях — в 2,6 раза, в самолетах — более чем в 8 раз<sup>110</sup>.

В марте 1944 г. торпедные катера, скрытно переброшенные в Каркинитский залив с военно-морских баз, расположенных на Черноморском побережье Кавказа, начали действовать на коммуникациях противника, соединявших Крым с Одессой и портами западного побережья Черного моря. Появление советских торпедных катеров на морских путях кораблей и судов противника из Севастополя в Одессу стало для него полной неожиданностью.

С началом боев за освобождение Крыма Ставка ВГК поставила перед Черноморским флотом ряд новых задач. Они заключались прежде всего в том, чтобы активно уничтожать корабли противника в бассейне Черного моря, перерезать все вражеские коммуникации, связывавшие Крым с Румынией, а также оказывать поддержку сухопутным войскам на приморских флангах. На Азовскую военную флотилию возлагалась задача по перевозке войск и боевой техники Отдельной Приморской армии на ранее захваченный плацдарм в район Керчи, а также высадке десантов на Керченский полуостров.

Началу боевых действий в Крыму предшествовала большая подготовительная работа: тщательно изучались оборона противника и группировка его сил, подвозились и накапливались запасы боеприпасов, технического имущества и продовольствия. В войсках и штабах проводились занятия по организации прорыва долговременной обороны противника.

Численное превосходство в живой силе и технике, а также в морских силах создало условия для быстрого освобождения Крыма. Генерал пехоты Курт фон Типпельскирх в своем известном труде «История Второй мировой войны» по этому поводу писал: «Судьба немецкой армии была решена уже в первые дни, когда русским неожиданно удалось преодолеть восточнее Перекопского перешейка залив Азовского моря Сиваш с его многочисленными островами и проложенной по дамбе железной дорогой. Прорвавшиеся здесь русские войска частью сил устремились дальше на юг, а частью повернули на запад с целью захватить Перекопский перешеек с тыла. Немецкая оборона была недостаточно сильной, чтобы отразить этот двойной удар. После захва-

та противником подступов к полуострову у командования 17-й армии не было больше никакой возможности образовать имевшимися силами оборону на новом рубеже в глубине Крыма»<sup>111</sup>. Генерал знал не понаслышке ситуацию на Восточном фронте, в частности в Крыму: он сражался против Красной армии во главе 30-й пехотной дивизии (1941–1942 гг.) и XII армейского корпуса (1943–1944 гг.), был немецким представителем при штабе 8-й итальянской армии (1942–1943 гг.) и даже недолго, в июне–июле 1944 г., командовал 4-й армией в Белоруссии. Однако ему не хватило объективности признать, что стратегическое искусство советских военачальников оказалось на порядок выше стратегии германских генералов. Именно поэтому он говорит о «неожиданном» броске советских войск через Сиваш. Действительно, неожиданность наступления частей и соединений Красной армии через Сиваш для немецкого командования имела место, но она была подготовлена кропотливой работой советских командиров и военачальников.

Наступление войск 4-го Украинского фронта началось 8 апреля 1944 г. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки пехота поднялась в атаку и уже в первый день, несмотря на яростное сопротивление противника, вклинилась в его оборону в районе Сиваша и на Перекопе. 9 и 10 апреля советские войска прорвали оборону немецких войск в районе Сиваша. Противник, сосредоточивший свои основные усилия на Перекопском перешейке и не ожидавший ударов частей и соединений Красной армии в районе Сиваша, был полностью деморализован. Командующий группой армий «Южная Украина» генерал-полковник Фердинанд Шёрнер доносил начальнику Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковнику Курту Цейтцлеру, что «после совершенного противником прорыва [17-й] армии осталось только принять быстрое и самостоятельное решение на отход... Армия была разорвана и вынуждена была вести отдельные изолированные друг от друга бои, которые не давали возможности осуществлять единое руководство и снабжение».

Немецким командованием было принято решение об отводе войск в ночь на 9 апреля с Перекопского перешейка на Ишуньские позиции. Однако наступление 51-й армии создало угрозу окружения оборонявшихся здесь частей, и уже 10 апреля они начали отходить с Ишуньских позиций. Утром 11 апреля в полосе 51-й армии был введен в прорыв 19-й танковый корпус, который начал преследование от-

ступающего противника и в тот же день освободил город Джанкой, лишив тем самым немцев важного узла коммуникаций, связывающего между собой северную, южную и восточную части Крыма. Для преследования противника на других участках были выделены подвижные отряды из состава общевойсковых соединений.

Ситуация для 17-й армии складывалась критическая. Пытаясь спасти положение, немецкое командование начало переброску сил с Керченского полуострова. Именно такие действия немцев предвидело советское командование. В ночь на 11 апреля 1944 года войска Отдельной Приморской армии перешли в наступление, которое проводилось в тесном взаимодействии с войсками 4-го Украинского фронта.

Стремительное наступление в ночное время войск армии под командованием генерала А. И. Еременко стало полной неожиданностью для противника. Его оборона была прорвана, и уже к 6 часам утра 11 апреля советские войска овладели городом Керчь — важным опорным пунктом на восточном побережье Крыма. В армейский корпус генерала пехоты Карла Альмендингера начал поспешное отступление с Керченского полуострова в западном направлении.

Двенадцатого апреля части и соединения 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии начали решительное преследование немецких войск, отходивших по двум основным направлениям к Севастополю. 13 апреля противник был выбит из Евпатории и Симферополя, прикрывавших пути к портам южного побережья Крыма. На следующий день были освобождены Бахчисарай, Алушта и Судак. 15 апреля подвижные части советских войск подошли к внешнему оборонительному обводу противника под Севастополем. 16 апреля была освобождена Ялта, и войска Отдельной Приморской армии устремились к Севастополю. Таким образом, за шесть—восемь суток советские войска, преследуя противника, прошли с боями около 250 км от Перекопа до Севастополя и завязали бой на подступах к городу.

Во время преследования противника большую роль сыграла авиация 8-й и 4-й воздушных армий. Советские бомбардировщики, истребители и штурмовики наносили массированные удары по отходившим немецким войскам, транспортным средствам врага, узлам шоссейных и железных дорог, а также вели непрерывную разведку, чем способствовали быстрому продвижению войск 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии.



В освобождении Крыма большую роль сыграл Черноморский флот. Боевые корабли и авиация нанесли противнику значительный материальный урон, перекрыли морской путь из Крыма к портам Румынии. «С началом операции, — вспоминал Маршал Советского Союза А. И. Еременко, — авиация и корабли Черноморского флота развернули активные действия, нанося удары по кораблям и транспортам противника в портах и на коммуникациях, связывавших Крым с портами западной части Черного моря. 11 апреля бомбардировщики и штурмовики Черноморского флота атаковали вражеские транспорты в Феодосии и Ялте. 13 апреля 80 штурмовиков в сопровождении 42 истребителей обрушили удары по скоплению войск и транспортов противника в Судак, в результате чего были потоплены 5 самоходных барж с войсками и 2 баржи получили повреждения. Не менее эффективны были удары черноморских летчиков по вражеским кораблям и в открытом море. Внезапно атакывали врага также торпедные катера, активность действий которых возросла с перебазированием в Феодосию, Ялту, Евпаторию»<sup>112</sup>.

В тылу немецких войск активно действовали крымские партизаны. Так, Северное партизанское соединение руководило отрядами в районе дорог, идущих от Симферополя к Алуште и Карасубазару. 13 апреля 2-я бригада Северного соединения заняла город Карасубазар и удерживала его до подхода частей Красной армии. При освобождении Симферополя с войсками взаимодействовали 17-й и 19-й партизанские отряды во главе с командиром 1-й бригады Ф. И. Федоренко. Они захватили телефонную станцию, гаражи, склады, мельницы и другие объекты, помешав немцам взорвать их.

Южное партизанское соединение действовало на коммуникациях противника между Ялтой и Севастополем, а Восточное — на трассах Симферополь — Феодосия и Феодосия — Судак. Партизаны Крыма принимали активное участие в освобождении Симферополя, Феодосии и других населенных пунктов.

Отход немецких войск на укрепленный Севастопольский плацдарм был последней попыткой противника, сковав значительные силы советских войск, удержать Севастополь — главный узел морских коммуникаций, обеспечивавший оборонявшимся войскам противника доставку морем оружия, боеприпасов, продовольствия и пополнения живой силой. Всего на Севастопольском плацдарме

противник сосредоточил более 72 тысяч человек и около 2100 орудий и минометов.

За двухлетний период оккупации Крыма немецкое командование приложило немало усилий к тому, чтобы восстановить и укрепить старые и возвести новые фортификационные сооружения. Оборона немецких войск состояла из трех полос железобетонных оборонительных сооружений, которые значительно усиливали естественные рубежи на подступах к Севастополю. Наиболее мощным узлом обороны противника была Сапун-Гора, на которой было вырыто шесть ярусов сплошных траншей, прикрытых противотанковыми и противопехотными препятствиями — минными полями, проволочными заграждениями в три—пять рядов кольев. Инженерные укрепления усиливались многочисленными огневыми средствами, которые располагались на открытых площадках и в укрепленных долговременных сооружениях. Сильными и хорошо оборудованными узлами сопротивления в пригородах Севастополя были также Мекензиевы горы, Сахарная Головка, Инкерман, гора Кая-Баш.

«Как сейчас помню, — отмечал в своих мемуарах Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов, который во время Крымской наступательной операции занимал должность начальника штаба 4-го Украинского фронта, — зашел ко мне в те дни член Военного совета фронта генерал Субботин и положил на стол немецкий плакат. На плакате был изображен Севастополь, окаймленный сплошными линиями крепостных сооружений, батареями орудий всех калибров, танками и густым частоколом из ножевидных немецких штыков.

— Вот, полюбуйся, как они свою оборону рекламируют, — сказал Никита Евсеевич.

Я взглянул на плакат и отодвинул его в сторону.

Некогда было рассматривать эту мазню. Штаб фронта работал днем и ночью, подготавливая штурм Севастополя. Контролировалась перегруппировка войск. Принимались меры по обеспечению их боеприпасами и горючим, что было чертовски трудно, так как фронтные и армейские склады находились еще за Сивашем и в районе Керчи. Проводилось дополнительное изучение оборонительной системы и расположения войск противника.

Под Севастополь требовалось стянуть всю артиллерию фронта. По нашим расчетам, плотность ее должна была составить до 300 орудий и минометов на километр фронта. И мы действительно добились такой плотности. Для того

времени это была рекордная цифра! Во всех дивизиях вновь появились штурмовые группы, которым предстояло действовать впереди боевых порядков пехоты — уничтожать доты, дзоты и другие инженерные сооружения. С личным составом этих групп проводились специальные занятия на местности, детально отрабатывались приемы ликвидации огневых сооружений в горных условиях и способы ведения боя в траншеях»<sup>113</sup>.

Хорошо продуманные и организованные подготовительные мероприятия дали возможность советскому командованию принять верное решение в определении участков нанесения главного и вспомогательного ударов.

Главный удар планировалось нанести с востока и юго-востока с целью прорвать оборону противника южнее Сапун-Горы частью сил 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армией, которая 18 апреля была переименована в Приморскую армию и подчинена командующему 4-м Украинским фронтом. На этом направлении предполагалось использовать основную массу танковых войск. Успешный удар в этом направлении позволял советским войскам по кратчайшим путям выйти к основным пристаням, которые могли быть использованы противником для эвакуации. Вспомогательный удар наносился с севера и северо-востока. Наступление на этих направлениях предполагалось начать раньше, чтобы оттянуть основные силы противника с направления главного удара. На фронтовую и морскую авиацию, а также на корабли Черноморского флота возлагалась задача — не допустить подвоза противником в район Севастополя живой силы и боевой техники, а также не допустить организованную эвакуацию вражеских войск из Крыма морским путем.

Пятого мая после артиллерийской подготовки и бомбоштурмовых ударов авиации советские войска перешли в наступление с северо-востока и с севера. В результате двухдневных боев части и соединения 2-й гвардейской армии в районе Мекензиевых гор, действуя в трудных условиях местности, преодолели две, а местами и три линии траншей противника. Мощный удар 2-й гвардейской армии ввел в заблуждение немецкое командование. Предполагая, что здесь наносится советскими войсками главный удар, противник начал перебрасывать сюда пехоту и артиллерию со своего правого фланга. Это существенно облегчило действия советских войск, наступавших с востока и юго-востока.

Седьмого мая после мощной артиллерийской подготовки и ударов авиации по позициям противника началось наступление войск Приморской и 51-й армий на главном направлении Сапун-Гора — высота Горная. Преодолевая упорное сопротивление противника, советские войска уже к исходу дня овладели Сапун-Горой — господствующей высотой, прикрывавшей пути к Севастополю. В боях за Сапун-Гору отличились капитан Н. В. Шилов, старший лейтенант П. М. Калиниченко, лейтенанты В. Ф. Жуков и М. Я. Дзигунский, младший лейтенант В. Ф. Громаков, старшина А. М. Фисенко, старший сержант Ф. Н. Скорятин, ефрейтор В. И. Дробязко, рядовые С. П. Евглевский, И. К. Яцуненко, Дадаш Бабаджанов, Ашот Маркарян и многие другие отважные солдаты и офицеры 51-й и Приморской армий.

В тот же день была занята высота Сахарная Головка, которая прикрывала вход в Инкерманскую долину, а войска 2-й гвардейской армии, действовавшие с севера и северо-востока, после четырехчасового боя овладели полустанком Мекензиевы горы и продвигались к восточной части Северной бухты. 8 мая части и соединения советских войск вышли к внутреннему оборонительному обводу Севастополя.

Утром 9 мая войска 4-го Украинского фронта сломили сопротивление немецких войск на внутреннем севастопольском обводе, переправились через Северную бухту и устремились со всех сторон к городу. В результате согласованных ударов советских войск по обороне противника с севера, востока и юго-востока 9 мая Севастополь был полностью освобожден от оккупантов. 12 мая остатки 17-й армии, прижатые к морю Приморской армией, сложили оружие. Символично, что это произошло на мысе Херсонес, где приняла свой последний бой Отдельная Приморская армия 1-го формирования. На этом Крымская наступательная операция была победоносно завершена.

17-я немецкая армия, включавшая в себя 12 дивизий, понесла сокрушительное поражение. 100 тысяч ее солдат и офицеров были убиты или взяты в плен. Советские войска захватили всю боевую технику армии. Кроме этого, советская авиация и корабли Черноморского флота потопили большое количество судов с войсками и военными грузами. Если в 1941–1942 гг. вермахту понадобилось 250 дней, чтобы овладеть Севастополем, который самоотверженно защищали советские воины, то в 1944 г. Красная армия всего за 35 дней взломала мощные укрепления противника в

Крым и наголову разгромила двухсоттысячную немецкую группировку.

Героический подвиг советских войск был высоко оценен Родиной. Пять раз салютовала Москва доблестным воинам армии и флота, освобождавшим Крым от немецко-фашистских захватчиков. Многим соединениям и частям были присвоены почетные наименования Перекопских, Сивашских, Керченских, Феодосийских, Симферопольских, Ялтинских, 118 частей получили наименование Севастопольских. 126 советским воинам присвоено звание Героя Советского Союза, командир эскадрильи Герой Советского Союза В. Д. Лавриненков был награжден второй медалью «Золотая Звезда». Тысячи удостоились правительственных наград, только во 2-й гвардейской армии орденами и медалями были награждены 5229 солдат и офицеров. Первыми кавалерами орденов Ушакова и Нахимова стали контр-адмиралы П. И. Болтунов и С. Г. Горшков, генералы В. В. Ермаченков и П. А. Моргунов. Высокими государственными наградами отмечены 56 соединений и частей Красной армии, в том числе орденом Красного Знамени — 41, орденом Суворова — 10, орденом Красной Звезды — 5. В славную плеяду городов-героев вошли Севастополь и Керчь. В этих наградах — высокая оценка Родиной ратных подвигов советских воинов — непосредственных участников боев на Крымском полуострове, мужественных подвигов всех тружеников этих городов.

С освобождением от врага Крыма — важнейшей стратегической позиции на Черном море — обстановка в бассейне Черного моря резко изменилась. Освобождение Севастополя, Главной военно-морской базы Черноморского флота, и Одессы позволило советскому флоту занять более выгодные позиции для участия в последующих операциях и поддержке сухопутных войск на Балканах. После изгнания захватчиков из Крыма Черноморский флот активизировал действия на вражеских коммуникациях морской авиации, подводных лодок и торпедных катеров.

Были созданы благоприятные предпосылки для дальнейшего развития наступления на Балканском направлении. Руководители стран-сателлитов Румынии и Болгарии начали поиск путей выхода из войны, Турция отказалась от дальнейшего сотрудничества с нацистской Германией.

Бои за освобождение Крыма, в которых ярко проявилось превосходство советской военной стратегии над гитлеровской военной доктриной, вошли героическими страни-

цами в историю Великой Отечественной войны. В течение 35 суток здесь были разгромлены 12 вражеских дивизий и большое количество отдельных частей. В воздушных боях и на аэродромах с ноября 1943-го по 12 мая 1944 г. было уничтожено и повреждено до тысячи вражеских самолетов, в море потоплено около 190 кораблей и различных судов противника. После освобождения Крыма советскими войсками враг был лишен важного стратегического плацдарма на Черном море.

Однако освобождение Крыма от фашистской оккупации было отмечено не только радостью местных жителей. 10 мая 1944 г. народный комиссар внутренних дел СССР Л. П. Берия представил на рассмотрение председателю Государственного комитета обороны И. В. Сталину проект решения ГКО о выселении татар с территории Крыма. Как сообщал Берия, «по предварительным данным в настоящее время в Крыму насчитывается 140–160 тысяч татарского населения. Операция по выселению будет начата 20–21 мая и закончена 1-го июня»<sup>114</sup>. В принятом 11 мая 1944 г. постановлении № 5859сс ГКО предписывал: «Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР. Выселение возложить на НКВД СССР...»<sup>115</sup> Помимо татар с полуострова выселили также болгар, греков, армян. Однако больше всего, безусловно, пострадали крымские татары. Справедливости ради следует обратить внимание на тот факт, что, несмотря на категоричность предложений Берии и постановления ГКО о выселении «всех татар» из Крыма, от выселения освобождались участники крымского подполья и члены их семей, фронтовики и их родственники. Оставляли на месте или даже возвращали обратно в Крым женщин, вышедших замуж за представителей других национальностей. В 1967 г. был принят указ Президиума Верховного совета СССР, который снимал с крымских татар обвинения в коллаборационизме и признавал их полноправными советскими гражданами. Но вернуться на малую родину крымско-татарский народ смог только в 1989 г., после того как послевоенная депортация была признана незаконной. Сегодня, когда Россия вновь обрела Крым, крымско-татарский язык стал здесь одним из трех государственных. «Крымские татары вернулись на свою землю. Считаю, что должны быть приняты все необходимые политические решения, которые завершат процесс реабилитации крымско-татарского народа, решения,

которые восстановят их права, доброе имя в полном объеме», — отметил президент РФ В. В. Путин в своем обращении 18 марта 2014 г.<sup>116</sup>

Возвращаясь к событиям времен войны, отметим, что в ее финале в обстановке приближающейся победы над нацистской Германией 4–11 февраля 1945 г. в Ливадии, близ Ялты, состоялась Крымская (Ялтинская) конференция руководителей трех союзных держав — председателя СНК СССР И. В. Сталина, президента США Ф. Рузвельта, премьер-министра Великобритании У. Черчилля. Принятые конференцией решения способствовали мобилизации всех сил антигитлеровской коалиции для окончательного удара по гитлеровской Германии. Конференция определила основные принципы политики союзных держав в послевоенный период.

\* \* \*

Обильно полита кровью крымская земля. Военные потери крымчан значительны: на фронте погибли 65 тысяч человек, в партизанской борьбе — 3637, в подполье — 702 человека. Оккупанты уничтожили в Крыму свыше 91 тысячи мирных граждан, 45 тысяч военнопленных, более 85 тысяч крымчан угнали на работу в гитлеровский рейх. Но никакие жертвы не сломили дух защитников полуострова. 250 дней и ночей удерживали в своих руках Севастополь моряки-черноморцы. Насмерть стояли, но не сдавались врагу защитники Аджимушкайских каменоломен. Примерами беззаветного мужества служат Керченско-Феодосийская, Евпаторийская десантные операции, прорыв частями Красной армии обороны фашистских захватчиков на Перекопе и Сиваше, штурм Сапун-Горы. Не случайно два города Крыма — Севастополь и Керчь — удостоены высокого звания города-героя, а Феодосия награждена орденом Отечественной войны 1-й степени.

Более 60 крымчан — представителей разных национальностей — удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них М. К. Байда, В. А. Бочковский, А. В. Гладков, Н. Д. Кудря, А. Д. Мирошниченко, А. Решидов, И. Ф. Рыбалко, С. Сеитвелиев, Ф. Ф. Степанов, А. Тейфук и многие другие. Летчик Амет-Хан Султан был удостоен этого высокого звания дважды.

Сегодня Крым — динамично развивающийся регион Российской Федерации. 18 марта в республике ежегодно

празднуется День воссоединения Крыма с Россией. Такое решение было принято Государственным советом Крыма 27 февраля 2015 г. Соответствующие изменения были внесены в закон «О праздниках и памятных датах Республики Крым». Теперь этот день является официальным и ежегодно отмечаемым праздником республики, выходным днем. День вхождения Крыма в состав России широко отмечается по всей нашей стране, однако главные мероприятия проходят, конечно же, в Крыму и Севастополе.

События, происходившие на полуострове пять лет назад, вошли в новейшую историю России под названием «Крымская весна». Им предшествовали многомесячные политические акции на Украине, известные как евромайдан. На волне этих акций в феврале 2014 г. на Украине произошел государственный переворот. Законно избранный президент страны В. Янукович был смещен со своего поста. К управлению государственными органами в центре и на местах пришли радикально настроенные националистические силы. Действия новой власти не были поддержаны подавляющим большинством крымчан и способствовали обострению ситуации на полуострове. 23–24 февраля в Севастополе произошла смена исполнительных органов власти.

27 февраля 2014 г. депутаты Верховного совета Автономной Республики Крым приняли решение о проведении 25 мая общекрымского референдума о расширении автономии полуострова в составе Украины. Новое правительство Крыма возглавил лидер партии «Русское единство» Сергей Аксёнов. Глава правительства заявил о непризнании нового руководства Украины и обратился к государственно-политическому руководству Российской Федерации за «содействием в обеспечении мира и спокойствия на территории Автономной Республики Крым». Действия правительства Крыма получили массовую поддержку среди населения республики.

11 марта Верховным советом АРК и Севастопольским городским советом была принята Декларация о независимости.

Крым и Севастополь вновь стали российскими регионами после проведенного 16 марта 2014 г. референдума о статусе Крыма, на котором большинство жителей высказались за вхождение в состав Российской Федерации. Воссоединение с Россией поддержали 96,77% крымчан и 95,6% севастопольцев.



17 марта Россия признала независимость Республики Крым, провозглашенной на основании Декларации о независимости и результатов референдума.

18 марта 2014 г. президент Российской Федерации В. В. Путин, руководство Крыма и мэр города Севастополя подписали договор о вхождении Республики Крым и Севастополя в состав России.

В Крыму с особой гордостью говорят о той роли, которую сыграли регион и его жители в истории государства Российского, с уважением относятся к исторической памяти народов, чья судьба на протяжении веков связана с полуостровом, свято чтут память мужественных защитников Крыма и Севастополя — живых и павших.

Золотыми буквами в историю Крыма вписаны имена Героев Советского Союза — председателя Комитета ветеранов войны в Крымской республиканской организации ветеранов генерал-лейтенанта А. А. Аматыни, почетного гражданина города Ялты полковника П. А. Рассадкина и единственного в республике полного кавалера ордена Славы генерал-майора И. П. Клименко, которые приветствовали «Крымскую весну», до последнего дыхания отдавали свои силы благородному делу военно-патриотического воспитания молодежи. Они принадлежат к поколению людей, чей жизненный путь, героическая фронтовая биография и бесконечная преданность Родине вызывают искреннее восхищение.

Прошлое живет в нас, составляет тот поток жизни, частью которого мы сами являемся. Неразрывные связи тянутся от легендарных защитников Древней Руси к суворовским чудо-богатырям, от них — к героическим защитникам Москвы и Сталинграда, Севастополя и Керчи, а далее через нас — в будущее. Из этой нерасторжимой связи времен нельзя изъять ни одного звена, ибо каждая страница народного подвига во имя защиты своего Отечества — это то бесценное наследие, которое надо хранить вечно, передавая от поколения к поколению граждан Великой России.

---

---

## Иван Ефимович ПЕТРОВ

*Родился 18(30) сентября 1896 г. в городе Трубчевске Орловской губернии.*

*Генерал армии (1943 г.).*

*В январе 1917 г. после окончания учительской семинарии мобилизован на военную службу и направлен в Алексеевское военное училище. По завершении обучения в июне 1917 г. произведен в прапорщики и направлен в 156-й пехотный запасный полк в г. Астрахань.*

*В Красную армию вступил добровольцем в апреле 1918 г. В период Гражданской войны участвовал в боях против белочехов под Сызранью, Самарой, Бугульмой, Симбирском и Казанью, против белоказаков под Уральском, воевал на Западном фронте против белополяков. В боях был дважды ранен и контужен. С марта 1922 г. участвовал в боях с басмачами на Туркестанском фронте.*

*В межвоенный период служил в составе Среднеазиатского военного округа: командир кавалерийского полка, отдельной сводной Узбекской бригады, 1-й Туркестанской горнострелковой дивизии. С января 1933 г. — начальник и военком Объединенной Среднеазиатской военной школы им. В. И. Ленина (с марта 1937 г. — Ташкентское военное училище им. В. И. Ленина). С введением в РККА генеральских званий в июне 1940 г. присвоено звание генерал-майор. В том же году назначен командиром 194-й стрелковой дивизии. С марта 1941 г. формировал 27-й механизированный корпус и был назначен его командиром.*

*С началом Великой Отечественной войны корпус был направлен в район Брянска. После расформирования корпуса в июле 1941 г. командовал 25-й Чапаевской стрелковой дивизией на Южном фронте. В октябре 1941 г. принял командование Отдельной Приморской армией, по 1 июля 1942 г. был*

одним из основных руководителей обороны Севастополя, был эвакуирован на Кавказ.

С октября 1942 г. возглавлял Черноморскую группу войск Закавказского фронта, а с мая 1943 г. Северо-Кавказский фронт. Войска под его командованием успешно участвовали в Керченско-Эльтигенской десантной операции, в боях при освобождении Таманского полуострова, городов Майкопа, Краснодара и Новороссийска. С августа 1943 г. — генерал-полковник, с октября того же года — генерал армии.

В марте 1944 г. за неудачное проведение ряда локальных наступательных операций освобожден от должности командующего Приморской армией, зачислен в резерв Ставки ВГК и снижен в звании до генерал-полковника. В марте 1944 г. назначен командующим 33-й армией Западного фронта. С апреля того же года — командующий войсками 2-го Белорусского, а с августа — 4-го Украинского фронтов. С апреля 1945 г. — в должности начальника штаба 1-го Украинского фронта. В октябре 1944 г. вновь присвоено воинское звание генерал армии.

После войны командовал войсками Туркестанского военного округа, был первым заместителем главного инспектора Советской армии. С апреля 1953 г. — начальник Главного управления боевой и физической подготовки, с марта 1955 г. — первый заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками, с января 1956 г. — главный инспектор Министерства обороны СССР.

Депутат Верховного Совета СССР 2—4-го созывов.

Герой Советского Союза (29 мая 1945 г.). Также награжден: пятью орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова и Кутузова 1-й степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, орденами Трудового Красного Знамени Туркменской ССР и Узбекской ССР; иностранными орденами, медалями.

Скончался 7 апреля 1958 г. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

## **«Мы идем прикрывать Севастополь»**

Об этом совещании командования Приморской армии 31 октября 1941 г. нет следов в военных архивах. Известно о нем лишь из воспоминаний некоторых его участников, в первую очередь — Маршала Советского Союза Н. И. Крылова, в те дни — полковника, начальника штаба армии. Не

озаботься видный военачальник записью, посчитай излишним зафиксировать на бумаге этот, конечно, далеко не самый яркий эпизод — и потомки лишились бы важнейшей подробности севастопольской эпопеи. Правда, командарм генерал-майор И. Е. Петров позднее называл иную дату — 27 октября, и хронология событий показывает, что он ошибался. Впрочем, это не так и важно, в данном случае куда важнее — сам факт совещания.

Состоялось оно в степном поселке Экибаш, что в 40 км севернее Симферополя. Генерал Иван Ефимович Петров вызвал командиров и комиссаров всех соединений Приморской армии на КП 95-й стрелковой дивизии. Съезжавшиеся под покровом быстро густевшей осенней тьмы командиры прислушивались к артиллерийской канонаде. Она не смолкала на севере, где, прорвав Ишуньские позиции и рассекая наш фронт, развивала наступление 11-я немецкая армия Э. фон Манштейна.

Захватив Джанкой, противник преследовал 51-ю армию, отходившую к Керченскому полуострову. За последние дни канонада с севера стала уже привычной. Но теперь орудийные выстрелы зазвучали уже и с запада, со стороны Евпатории и Сак. Слышны они были уже и на юго-западе. Что это означает — всем командирам было понятно: противник обошел левый фланг Приморской армии, вырвался в степь, и без хорошо подготовленных рубежей задержать его здесь было не под силу. Степь скоро кончается, далее — предгорья и горы, там будет много сложнее.

Взявший слово командарм подтвердил: утром немецкие танки появились в нескольких километрах южнее Симферополя. Дорога, идущая через Бахчисарай на Севастополь, вероятнее всего, перерезана. Связи с командованием и штабом войск Крыма нет... Генерал скуп на слова и переходит к самому главному: не сходя с места, командованию армии предстоит самостоятельно определить дальнейший порядок действий.

— Практически перед нами два пути: на Керчь и на Севастополь, — говорил Петров. — Путь на Керчь еще не закрыт. Есть примерно сорокакิโลметровый проход, воспользовавшись которым мы могли бы за ночь достигнуть Керченского полуострова и занять там оборону. Однако туда, как вы знаете, отходит 51-я армия. Думается, будет достаточно, если на Ак-Монайских позициях закрепится она... Свободного пути на Севастополь уже не существует, во всяком случае для всей армии. Идти туда — значит идти

с боями. Но Севастополь — это главная база Черноморского флота. Удержать ее необходимо ради сохранения нашего господства на Черном море. Не секрет, что с суши город не прикрыт: полевых войск там нет. Если к нему не пробьется Приморская армия, если значительные силы противника ее опередят, Севастополь может пасть...<sup>117</sup>

Без лишних слов Петров обратился к присутствующим с предложением высказать свое мнение, куда следует идти армии. За то, чтобы пробиваться к Севастополю, высказались: командир 161-го стрелкового полка 95-й дивизии полковник А. Г. Капитохин, начальник артиллерии 95-й дивизии полковник Д. И. Пискунов, командир 25-й Чапаевской стрелковой дивизии генерал-майор Т. К. Коломиец и военком дивизии бригадный комиссар А. С. Степанов, командир 172-й стрелковой дивизии полковник И. А. Ласкин, командир 40-й кавалерийской дивизии полковник Ф. Ф. Кудюров. Несколько человек заняли иную позицию, причем сделали это аргументированно. Командир 95-й дивизии генерал-майор В. Ф. Воробьев резонно заметил, что отход на Керченский полуостров, куда еще можно выдвинуться свободно, позволит сохранить армию в то время, как при движении на юг, в районе Бахчисарая армия рискует попасть в окружение, из которого в связи с недостатком боеприпасов может и не вырваться. То есть ни армию не удастся сохранить, ни Севастополю — помочь.

По всему было видно, что у командарма готова была сорваться с языка какая-то реплика, но он молча выслушал доводы Воробьева и подвел итог: подавляющее большинство высказалось за отход к Севастополю. Это мнение полностью совпадает с решением, которое еще накануне принято Военным советом армии.

Н. И. Крылов и спустя многие годы помнил те жесткие нотки, которые прозвучали в голосе командующего, когда он формулировал приказ:

— Итак, мы идем прикрывать Севастополь. Отвод главных сил с обороняемого рубежа начнем с наступлением темноты. Направление — на Камбары, Булганак с выходом к утру на рубеж Альмы. А дальше... как покажет обстановка...

В 17.45 был подписан боевой приказ, определявший колонные пути движения дивизий, рубежи, на которые в установленные промежутки времени должны были выходить войска, позывные колонн, условные радиосигналы. Наступившая ночь была на руку нашим частям, она давала лишнюю возможность оторваться от противника.

«Вспоминая короткое военное совещание в затерянном среди степи поселке, совещание, не оставившее следов в архивах, но оказавшее определенное влияние на развитие событий в Крыму, — писал маршал Н. И. Крылов, — надо по справедливости сказать: для нас, приморцев, оборона Севастополя началась с Экибаша»<sup>118</sup>.

Опрос подчиненных командиров — для чего к нему прибежал Петров? Люди, далекие от военного дела, могут решить — чтобы снять персональную ответственность с себя, разделить ее с подчиненными в случае неудачи. Но если в гражданской жизни это еще может пройти, то в армии — практически невозможно. Принимать единоличное решение — право, но и обязанность командира. За него, решение, он несет личную ответственность перед старшим начальником. Петров окончательно пришел к выводу о необходимости в интересах дела отойти именно к Севастополю еще до совещания. Другое дело, что сил и уверенности в правильности такого решения прибавилось, коль скоро он убедился в том, что большинство командиров его позицию разделяют.

Конкретно же Петрова подозревать в малодушном стремлении переложить ответственность на подчиненных — вообще пустое занятие. Против такого предположения восстает вся его служебная биография, пройденный им к тому времени боевой путь.

## **Впервые Приморская показала себя под Одессой**

Этот боевой путь обширен, его подробно освещает книга «Полководец», написанная — что весьма отраднo — воспитанником Петрова по Ташкентскому военному училищу, фронтовым разведчиком и известным писателем Героем Советского Союза Владимиром Васильевичем Карповым. Это обстоятельство избавляет любого из его последователей от необходимости детально касаться всех сколько-нибудь значимых эпизодов боевой деятельности Петрова, нам же позволяет сконцентрироваться на его севастопольской эпопее.

Участие Ивана Ефимовича в обороне главной базы Черноморского флота было предопределено его удачными действиями при обороне Одессы в качестве сначала командира 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, действовавшей в составе Отдельной Приморской армии, а затем — и командующего этой армией.

Немецкое командование поставило перед 4-й румынской армией задачу в кратчайший срок овладеть Одессой. Взятие этого приморского города позволяло немцам и их союзникам лишить Черноморский флот его важнейшей базы, утвердиться в северо-западной части акватории Черного моря, облегчив захват Крыма и главной базы ЧФ и открыв себе путь на Кавказ. Стимул у румын был, да еще какой: Гитлер обещал передать Одессу в их владение. В августе 1941-го глава пронемецкого режима Румынии маршал Йон Антонеску обратился к своим войскам: «Наступайте! За два дня вы овладеете самым большим портом на Черном море. Это будет наивысшая слава для вас и для страны. Весь мир смотрит на вас, чтобы увидеть вас в Одессе. Будьте на высоте вашей судьбы!» А на 23 августа уже был спланирован парад румынских частей на площади Красной армии (румыны называли ее по-старому — Соборной).

С полным пониманием стратегической значимости Одессы Ставка ВГК 5 августа 1941 г. отдала командованию Южного фронта директиву: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот». С этого дня и пошел отсчет героической, до 16 октября, обороны города и военно-морской базы. Противник имел пятикратное превосходство над защитниками Одессы в артиллерии и более чем шестикратное в личном составе.

С 13 августа Одесса была полностью блокирована с суши. Фронт представлял собой дугу длиной примерно в 80 км, которая упиралась своими основаниями в берег моря. Единственным средством надежной связи с Большой землей оставались морские коммуникации. Полукольцо вокруг города постепенно сужалось. Тем не менее об оставлении города никто не помышлял. 19 августа приказом Ставки ВГК был создан Одесский оборонительный район (ООР), в который вошли Одесская военно-морская база, Отдельная Приморская армия, корабли ЧФ и части народного ополчения. Во главе ООР был поставлен командир Одесской военно-морской базы контр-адмирал Г. В. Жуков, командующий Отдельной Приморской армией генерал-лейтенант Г. П. Софронов стал его заместителем по сухопутным войскам. В одном строю, бок о бок отстаивали родной город пехотинцы и моряки.

В составе Отдельной Приморской армии активными действиями выделялась 25-я Чапаевская стрелковая дивизия генерал-майора И. Е. Петрова. По поручению коман-

дования армии Петров возглавил южный сектор обороны, получив под свое командование, кроме 25-й стрелковой, 2-ю кавалерийскую дивизию и один стрелковый полк 95-й стрелковой дивизии. Войска сектора в течение месяца стойко отражали атаки врага, что позволило командованию ООР подготовить и нанести в восточном секторе, где наши части отошли в наибольшей степени, комбинированный удар по группировке противника.

В ночь на 22 сентября в его тыл в районе Григорьевки был высажен морской десант в составе полка морской пехоты, одновременно был выброшен парашютный десант. Навстречу десантникам наступали стрелковые части, пополненные пятью тысячами пехотинцев, которых удалось перебросить морем с Большой земли. В результате две дивизии румын были разгромлены и враг был отброшен на 5–8 км, утратив возможность обстрела города и порта.

Возможности обороны города были далеко не исчерпаны. Но все дальше и дальше под ударами группы немецких армий «Юг» отходили на восток войска Южного фронта. Части 51-й армии не смогли сдержать войска 11-й немецкой армии в районе Крымского перешейка и оставили Перекопские позиции, позволив противнику ворваться в Крым. Потеря же Крыма неизбежно повлекла бы за собой и потерю Одессы — пяточка земли, остававшегося в глубоком неприятельском тылу.

Уже в ночь на 1 октября в Одессу из Севастополя прибыл заместитель наркома ВМФ вице-адмирал Г. И. Левченко с директивой Ставки ВГК от 30 сентября 1941 г. Поскольку она имела принципиальное значение не только для Одессы, но и для Севастополя, имеет смысл привести ее максимально полно:

«...В связи с угрозой потери Крымского полуострова, представляющего главную базу Черноморского флота, и ввиду того, что в настоящее время армия не в состоянии одновременно оборонять Крымский полуостров и Одесский оборонительный район, Ставка Верховного Главнокомандования решила эвакуировать ООР и за счет его войск усилить оборону Крымского полуострова.

Ставка приказывает:

1. Храбро, честно выполнившим свою задачу бойцам и командирам ООР в кратчайший срок эвакуироваться из Одесского района на Крымский полуостров.

2. Командующему 51-й Отдельной армией бросить все силы армии для удержания Арабатской стрелки, Чонгар-



ского перешейка, южного берега Сиваша и Ишуньских позиций до прибытия войск из ООР.

3. Командующему Черноморским флотом приступить к переброске из Одессы войск, материальной части и имущества в порты Крыма: Севастополь, Ялту и Феодосию, используя по своему усмотрению и другие удобные пункты высадки.

4. Командующему ЧФ и командующему ООР составить план вывода войск из боя, их прикрытия при переброске, при этом особое внимание обратить на упорное удержание обоих флангов обороны до окончания эвакуации.

5. Командующему ООР все не могущее быть эвакуированным: вооружение, имущество и заводы, связь и радиостанции — обязательно уничтожить, выделив ответственных за это лиц.

6. По высадке в Крыму войсковые части ООР подчинить командующему 51-й армией...»<sup>119</sup>

Реализовывать директиву в части, касающейся сухопутных войск ООР, выпало генералу Петрову, который 5 октября ввиду тяжелой болезни генерал-лейтенанта Софронова вступил в должность командующего Отдельной Приморской армией.

У нас есть возможность увидеть Петрова тех дней глазами его верного сослуживца Н. И. Крылова: «Отношения с новым командующим сразу установились простые и ясные. К Ивану Ефимовичу я давно уже испытывал не просто уважение, но и глубокую симпатию. И радовался, ощущая дружеское расположение с его стороны. Это отнюдь не мешало ему быть чрезвычайно требовательным. Чуждый всякого дипломатничанья, прямой и естественный во всем, Петров умел говорить правду-матку в глаза и старшим, и младшим. Можно было и с ним быть совершенно откровенным.

Ивану Ефимовичу не сиделось на КП, и он находил возможность почти каждый день вырываться то в одну, то в другую дивизию. После того как мы вывели из боев часть сил, положение на одесских рубежах снова стало напряженным, и командарм считал необходимым лично бывать на переднем крае»<sup>120</sup>.

Первое, что сделал Петров после назначения командармом, — предложил смелый, даже в чем-то дерзкий план эвакуации войск. Почему смелый?

Предыдущий план, разработанный еще генералом Софроновым и, к слову, утвержденный Ставкой, предусматривал постепенный отход четырех дивизий армии на вто-

рую линию главного рубежа обороны. В течение какого-то, довольно короткого срока две дивизии должны были оборонять рубеж, а две другие выйти из боя и отойти в порт для эвакуации. Затем, поскольку вести бои за город не предусматривалось, оставшиеся две дивизии со второй линии главного рубежа обороны должны были быстро отойти сразу в порт и погрузиться на корабли и транспорты. Правда, при этом пришлось бы отказаться от эвакуации части техники и конной тяги, но личный состав был бы вывезен полностью.

Вступив в командование армией, Петров критически пересмотрел план своего предшественника. Возникло серьезное опасение, как бы объявленное заранее решение об эвакуации не повлияло на снижение стойкости войск: зачем, мол, держаться на каком-то рубеже до последнего, если все равно отсюда придется уходить? Кроме того, по данным разведки, противник пополнил наступающие дивизии свежими частями, чтобы незамедлительно взять город, не случайно 9 октября он опять перешел в общее наступление. Смогут ли в таких условиях ослабленные вдвое (после отхода двух дивизий) передовые части Приморской армии удержать линию фронта?

Свою точку зрения Иван Ефимович позднее пояснял так: «Получение приказа Ставки об эвакуации внесло ясность в обстановку и поставило перед войсками отчетливую, конкретную задачу — организовать эвакуацию так, чтобы не было никаких потерь ни в людях, ни в материальной части...

Торопливость и связанная с ней нервозность проведения эвакуации, а тем более при таком плане, какой был намечен, — выводить гарнизон частями, — грозили серьезными потерями и материальной части, и личного состава. Поэтому командование Приморской армии, проанализировав создавшуюся обстановку, предложило эвакуацию войск отложить на 10 дней. За это время последовательно и планомерно вывезти всех раненых, госпитали, все тылы, материальные ценности, излишнюю артиллерию, транспорт, а оставшиеся войска, освобожденные от тяжелой материальной части, эвакуировать сразу, в одну ночь, внезапно оторвавшись от противника»<sup>121</sup>.

Что говорить, план сулил в случае успеха огромные преимущества, но он был и сложен, и сопряжен с большим риском. Нужно было в короткий срок переработать планы и графики движения, загрузки транспортов, обеспечить при-

крытие покидавших боевые позиции войск. Наконец, требовалось предупредить малейшую утечку информации, ибо обнаружение противником отхода наших частей неминуемо погубило бы все дело.

Все эти факторы не могли не принимать во внимание старшие начальники. Поначалу предложение об изменении плана эвакуации встретило возражение и контр-адмирала Г. В. Жукова, и командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского. Последний даже прислал в Одессу члена Военного совета флота дивизионного комиссара Н. М. Кулакова, чтобы разобраться на месте, выслушав доводы авторов нового плана. Главный политработник флота, обстоятельно переговорив с Петровым и другими командирами и штабистами, убедился в их правоте и дал телеграмму командующему флотом. Ответная радиограмма разрешала действовать по плану, предложенному командующим Приморской армией, с посадкой на суда в ночь на 16 октября.

За оставшиеся дни генерал Петров вместе с контр-адмиралом Жуковым организовал вывоз техники, вооружения, материальных ценностей в максимально возможном количестве. В Крым были переброшены стрелковая дивизия, армейские склады, госпитали, автотранспорт и другие грузы. Часть артиллерии, сдерживавшей наскоки врага, правда, пришлось оставить. Параллельно советским войскам приходилось противостоять возобновившемуся наступлению противника. Притом что огневая мощь армии сокращалась, Петрову удалось усилить активность боевых действий, организовать ряд мощных ударов авиацией и артиллерией. Орудийным огнем помог и флот. У противника не должно было возникнуть даже мысли о возможном отходе наших войск. И, как показали дальнейшие, стремительно набравшие темп события, не возникло.

Главные силы армии до последнего часа продолжали удерживать занимаемый рубеж, а затем осуществили неожиданный для противника маневр, внезапно оторвавшись от противника и быстро отойдя в порт. Сам И. Е. Петров вспоминал о ночи с 15 на 16 октября так: «...После заката солнца, в сумерках, основная масса войск бесшумно снялась с позиций и, быстро построившись в колонны, двинулась в порт. А через полтора-два часа прикрывающие части, поддерживая на линии фронта редкий ружейный, пулеметный и минометный огонь, также снялись и пошли в порт на погрузку. На линии фронта остались только группы развед-

чиков, продолжавшие имитировать огонь и жизнь войск в окопах. Но и те после полуночи на специально для этой цели оставленных машинах снялись и прибыли в порт.

В ночь на 16 октября оживление в Одесском порту было необычайное. Со всех прилегающих улиц и переулков потоками стекались войска, направляясь к своим кораблям, стоявшим у пирса. Хотя и требовалось соблюдать полную тишину, однако войск оказалось так много на сравнительно ограниченном пространстве Одесского порта, что уберечься от суеты, шума и гомона массы людей было невозможно. Личный состав одесской военно-морской базы на погрузке проявил величайшую организованность»<sup>122</sup>.

К 4.00 16 октября были погружены и ушли из гавани более 40 кораблей и судов. Эвакуацию от атак с воздуха прикрывали стоявшие на рейде боевые корабли во главе с крейсером «Красный Кавказ». При том, что из Одессы было вывезено более 80 тысяч бойцов, 500 орудий, более 1100 автомашин, 20 тысяч тонн боеприпасов, много имущества, все было так организовано, что румыны эвакуацию советских войск своевременно не обнаружили. Только через шесть часов после отхода наших войск они начали артиллерийский обстрел и бомбардировку с воздуха.

«Позднее мне приходилось беседовать с адмиралами Г. В. Жуковым, Д. И. Кулешовым и другими военачальниками, причастными к этой сложной операции, — писал адмирал Н. Г. Кузнецов. — Успешную эвакуацию войск они связывают с именем генерала И. Е. Петрова»<sup>123</sup>. Столь высокая, пусть и эмоционально сдержанная оценка из уст наркома ВМФ дорогого стоит.

## **На суше противник уже стоял одной ногой в Крыму**

Генерал И. Е. Петров, член Военного совета армии М. Г. Кузнецов и начальник штаба полковник Н. И. Крылов с оперативной группой совершили переход в Севастополь на крейсере «Червона Украина». Ступивший на крымский берег командарм уже знал, что вверенные ему войска сразу же планируется перебросить на Перекопское направление в помощь войскам 51-й армии.

По собственной оценке И. Е. Петрова, «Приморская армия была вполне боеспособной, но дивизии были малочисленны, так как с первого дня войны непрерывно участвовали в боях. Значительная часть артиллерии не имела

средств тяги, так как при эвакуации Одессы флот не смог перевезти артиллерийскую тягу и лошадей. С прибытием в Севастополь численный и боевой состав армии значительно уменьшился, так как из армии изъяли одну дивизию и части береговой обороны флота, дравшиеся при обороне Одессы.

Войска Приморской армии имели к тому времени большой боевой опыт и великолепный командный состав»<sup>124</sup>.

К великому изумлению только-только вышедших из изнурительных боев командиров частей Приморской армии, в штабе 51-й армии в Симферополе царил едва ли не идиллия. По воспоминаниям Н. И. Крылова, здесь продолжали трудиться по канонам мирного времени, воскресенье считалось выходным днем, и в отделах штаба находились лишь одни дежурные. Не на высоте оказался и сам командующий армией генерал-полковник Ф. И. Кузнецов (последующее в ходе войны нисхождение по службе, к слову, подтвердило его невысокие качества как военачальника). В предшествующие два месяца (армия была создана 14 августа с целью предотвращения вторжения немецких войск в Крым со стороны материка) он расплыл вверенные войска по всему полуострову. 276-я дивизия должна была оборонять Чонгарский полуостров и Арабатскую стрелку, 106-я дивизия — южный берег Сиваша, 156-я дивизия — Перекопские позиции. Целых три кавалерийские дивизии тонкой ниточкой разместили по побережью из опасения вражеских десантов, хотя для их высадки у немцев не было необходимого числа судов. Еще одна дивизия была сосредоточена в районе Симферополя как резерв командующего.

Вывод о слабой продуманности действий генерала Кузнецова принадлежит не нам, а такому авторитетному военачальнику, как маршал Н. И. Крылов: «...Трудно не высказать горькой мысли о том, что в октябре не были сделаны все необходимые выводы из сентябрьских уроков Перекопа.

Ведь и до нашего прибытия из Одессы войск в Крыму было не так уж мало. Собрать бы их вовремя в кулак, создать заслон покрепче там, откуда следовало ждать главного вражеского удара!

Между тем в Крыму увлеклись своего рода круговой обороной. Держали значительные силы не только на Чонгаре, у Сиваша, на Арабатской стрелке, но и на побережье у Евпатории, Алушты, Судака — на случай морского десанта.

А во внутренних районах — на случай воздушного... Такое распыление сил обошлось дорого.

Слов нет, когда все позади, судить и рядить легче, — оговаривался Крылов. — Думается, однако, можно было и тогда более трезво оценить, велика ли реальная вероятность крупных вражеских десантов, в особенности с моря. А на суше противник уже стоял одной ногой в Крыму... И пока подошли из Севастополя приморцы, положение успело стать критическим: назревал прорыв фронта»<sup>125</sup>.

Какое-то время, по свидетельству заместителя Ф. И. Кузнецова, а затем и полноценного командующего 51-й армией генерала П. И. Батова, войскам, ослабленным, не имевшим никаких запасов оружия, даже винтовок, укомплектованным в основной массе необученным личным составом, удавалось удерживать наступающего противника. Его первая попытка прорыва в Крым, предпринятая 24 сентября 1941 г., была в результате напряженных семидневных боев отбита. 8 октября немецкие войска снова перешли в наступление. В пятидневных боях они хотя и не смогли прорвать фронт наших войск, но овладели такими важными позициями, как Перекоп и Ишунь. Линия фронта, описывал ситуацию на основном направлении И. Е. Петров, проходила южнее Ишуня по линии Борисовка — Воронцовка — Воинка — Магазинка и представляла собой дугу, обращенную выпуклой стороной к югу, протяжением свыше 40 км, не считая побережья Сиваша и Чонгарского прохода. Из-за увеличившейся протяженности линии фронта плотность боевых порядков резко ослабла. Нашим войскам, не имевшим удобных тактических рубежей и естественных укрытий на плоской равнине, обороняться стало значительно труднее. Прорыв фронта обороны был делом нескольких недель.

В этой обстановке генерал Петров получил категорический приказ от командующего 51-й армией, которому вышестоящее командование подчинило Приморскую армию, наступать. Генерал Кузнецов потребовал отбить у противника Ишунь и восстановить то положение, которое войска занимали за неделю до этого. Петров и его штаб сделали многое, чтобы как можно быстрее выдвинуть подчиненные части на линию фронта, подкрепить дравшуюся на Ишуньских позициях оперативную группу генерала Батова. Прямо с мест выгрузки из эшелонов под Симферополем командиры дивизий, получив здесь же от командарма боевую задачу, форсированным маршем направляли свои части на

боевые позиции. Разведка противника, прямо скажем, не дремала. 18 октября фашисты, зная о произведенной накануне высадке у Севастополя Отдельной Приморской армии и пытаясь ее упредить, возобновили наступление. Выдвигавшиеся им навстречу наши войска контратаковали с ходу. 22 октября вступила в бой 2-я кавалерийская дивизия, которой командовал полковник П. Г. Новиков (будущий последний командующий севастопольской обороной), 23 октября — 95-я дивизия генерал-майора В. Ф. Воробьева и один из полков 25-й Чапаевской стрелковой дивизии генерал-майора Т. К. Коломийца. 25 октября воевали уже все части армии. Но без достаточной артиллерийско-авиационной подготовки существенного успеха ждать было напрасно, тем более что и удары по врагу наносились словно растопыренными пальцами, а не кулаком, не массированно, а по мере прибытия частей к линии фронта. «В создавшейся к 20 октября обстановке усиление Перекопского направления Приморской армией не могло оказать решающего влияния на положение фронта, — объективно оценивал сложившуюся ситуацию И. Е. Петров. — Преимущества, как позиционные, так и в соотношении сил, оставались на стороне врага»<sup>126</sup>.

В эти дни разрешилась дальнейшая судьба Приморской армии, которую первоначально, по ее прибытии в Крым планировалось упразднить, а личный состав направить на пополнение соединений и частей 51-й армии. 22 октября директивой Ставки ВГК было образовано командование войск Крыма во главе с заместителем наркома ВМФ вице-адмиралом Г. И. Левченко. Генерал П. И. Батов, сменив генерал-полковника Ф. И. Кузнецова в должности командарма-51, стал заместителем Левченко по сухопутным войскам. Приморская армия, сохранив свою организацию и утратив из названия определение «отдельная», вошла в состав войск Крыма.

Жаль только командование не могло пополнить армию ни людьми, ни боевой техникой. Сдерживать имеющего преимущество врага оказывалось все сложнее. 26 октября командующий 11-й немецкой армией генерал-полковник Э. фон Манштейн, сосредоточив ударную группировку в составе шести дивизий, до 200 танков и сильную авиационную группу, перешел в наступление на участке Воронцовка — Воинка. Части Приморской армии, несмотря на ожесточенные бомбардировки с воздуха, сильный артиллерийский огонь и атаки танков, сдерживали наступление

противника, но к исходу дня вынуждены были отойти на несколько километров.

На следующий день, вспоминал Иван Ефимович Петров, бой продолжался с неослабевающим напряжением. Противник, выйдя на открытые степные пространства, получил свободу маневра. Танковые и моторизованные колонны немцев, обходя войска Приморской армии с запада, устремились к Евпатории. Обстановка резко осложнилась. Войска 51-й армии под давлением противника отходили на юго-восток, в направлении Керчи, связь с ними прервалась. Штаб войск Крыма эвакуировался из Симферополя.

Вот тогда-то и состоялось то памятное совещание командного состава Приморской армии 31 октября в Экибаше, на котором было принято решение идти на помощь Севастополю. Зная обстановку, Петров осознавал: поскольку более или менее значительными контингентами войск севастопольский гарнизон не располагал, организация сухопутной обороны города неизбежно должна была лечь на плечи его и вверенной ему армии.

### **Отражая первое наступление противника**

Немецкое командование стремилось, используя свое преимущество в танках и мотопехоте, отрезать пути отхода Приморской армии и с ходу овладеть Севастополем. Отражая атаки противника с фронта, имея открытые фланги, армия, присоединив к себе одну стрелковую и одну кавалерийскую дивизии, два тяжелых артиллерийских полка из 51-й армии, начала отход на юг.

Уже на марше удалось связаться с командованием войск Крыма. Оттуда было получено краткое боевое распоряжение генералу Петрову: «Начните отход на Симферополь, в горы. Закройте горы на Севастополь...» Таким образом, приказание старшего начальника совпало с решением, принятым Военным советом армии и уже выполнявшимся.

По достижении войсками шоссе Евпатория — Симферополь Петров получил от разведки донесение о крупных силах танков, артиллерии и мотопехоты противника, движущихся из района Евпатории. Наступление противника развивалось по двум направлениям: одна группа шла вдоль западного берега Крыма в направлении Качи, другая — на Бахчисарай и далее вдоль большой дороги на Севастополь,



всего — шесть пехотных дивизий, кавалерийская бригада, десятки танков и самолетов.

Так как в открытой степи противник, имея превосходство в танках и авиации, изначально оказывался в выигрышном положении, генерал Петров изменил первоначальное направление движения. В течение ночи все войска были повернуты на Симферополь и к утру 1 ноября вышли юго-восточнее города в долину верхнего течения реки Салгир. Оттуда в ночь на 2 ноября основные силы армии двинулись в обход Бахчисарая кратчайшим путем по горным дорогам в Севастополь. Тяжелая артиллерия, армейские тылы были направлены в Севастополь по шоссе через Алушту и Ялту.

В Алуште Петров встретился с командующим войсками Крыма вице-адмиралом Левченко. Гордей Иванович, хотя и был моряком, отдавал себе отчет в том, что, кроме Петрова, организацией сухопутной обороны главной базы ЧФ заняться некому. Он приказал командующему Приморской армией немедленно выехать в Севастополь и вместе с командованием флота создавать надежную оборону.

Третьего ноября Иван Ефимович вместе с оперативной группой был уже в Севастополе. Всего две недели назад командиры высаживались здесь на причал, чтобы спешно двигаться на север, рассчитывая задержать врага на дальних подступах. Но произошло то, что произошло. Боевые части армии, в том числе и армейская артиллерия, подоспели в первых числах ноября без существенных потерь. Тылы, следовавшие через Ялту, подтянулись к 7–8 ноября. Теперь предстояло оборонять город не на дальних подступах, а непосредственно.

Собственно, оборона уже началась. Самыми первыми на защиту родного города выступили немногочисленные силы гарнизона, состоявшего из частей морской пехоты и нескольких военно-морских учебных заведений. Их поддерживали огнем батареи береговой артиллерии, расположенные на побережье от Качи до Балаклавы, но накрывали они сравнительно небольшую территорию. Так как с суши город не был заранее укреплен, «удержать длительное время обширный район Севастополя с таким составом гарнизона было, конечно, невозможно», — резюмировал Петров. Требовалось быстро нарастить силы и создать необходимую систему укреплений.

Пока Приморская армия находилась в движении, по немецким позициям нанесли удар моряки-артиллеристы. Иван Ефимович Петров в своих воспоминаниях реша-

ющую роль в отражении первого вражеского удара по Севастополю отдавал береговым батареям ВМФ. Самой первой вражескую атаку приняла на себя береговая батарея № 54 1-го отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны главной базы под командованием старшего лейтенанта И. И. Заики, расположенная на полпути между Евпаторией и Севастополем у приморского села Николаевка. На протяжении двух дней начиная с 16.35 30 октября, когда батарея, на вооружении которой было всего четыре 102-мм орудия, открыла огонь по авангарду войск Э. фон Манштейна, вела она неравный бой. Личный состав героически сражался до выхода из строя последнего орудия, после чего часть людей удалось морем вывезти в Севастополь, а сам Иван Заика с группой, прикрывавшей отход батарейцев, ушел в партизаны. Герою довелось дожить до признания его в мае 2004 г. почетным гражданином города Севастополя (он умер в январе 2009 г.).

Первого ноября сокрушительный удар по врагу нанесла башенная 305-мм батарея № 30 майора Г. А. Александра, дислоцированная в устье реки Бельбек. В районе Качи колонна танков и бронемашин противника была частично уничтожена, частично рассеяна 10-й батареей капитана М. В. Матюшенко, имевшей четыре 203-мм орудия. Наступление немецких войск захлебнулось. Успешные действия береговой артиллерии, а также спешно сформированных из моряков стрелковых частей численностью примерно четыре тысячи человек позволили выиграть время, крайне необходимое для первоначальной организации обороны в то время, как прибывавшие части и соединения Приморской армии с ходу занимали оборонительные рубежи.

Приказом вице-адмирала Г. И. Левченко от 4 ноября 1941 г. были созданы два оборонительных района — Севастопольский и Керченский. В состав войск СОР включались все части и подразделения Приморской армии, части береговой обороны, все морские сухопутные части и части ВВС ЧФ. На генерал-майора Петрова с непосредственным подчинением его командующему войсками Крыма было возложено командование всеми действиями сухопутных войск<sup>127</sup>. 4 и 5 ноября Петров совместно с комендантом береговой обороны генерал-майором П. А. Моргуновым (через несколько дней назначенным заместителем командующего Приморской армией) основательно ознакомился с организацией сухопутной обороны: тщательно изучил

местность, объехал позиции, отдал указания о необходимости, с его точки зрения, мерах усиления. Откровенно говоря, он не ожидал увидеть столь организованной обороны и пришел к выводу, что с прибытием всех частей Приморской армии ее можно сделать непреодолимой для врага, о чем с удовлетворением доложил адмиралу Октябрьскому и члену Военного совета флота Кулакову.

На рассвете 6 ноября Петров отдал боевой приказ штаба СОР № 001, в соответствии с которым по опыту обороны Одессы для объединения действий всех частей и отрядов, оборонявших подступы к Севастополю, и организации надлежащего управления ими создавались сначала три, а затем четыре сектора обороны.

Первый — с задачей оборонять побережье на участке Севастополь — мыс Херсонесский — Балаклава, не допустить высадки противником морских десантов и выхода частей противника с Балаклавского направления. Его возглавил командир 109-й дивизии полковник П. Г. Новиков.

Второй — с задачей оборонять рубеж вдоль Ялтинского шоссе и по долинам Кара-Кобя и реки Черная, не допуская продвижения противника на Севастополь с Байдарского направления. Его подчинили командиру 172-й стрелковой дивизии полковнику И. А. Ласкину.

Третий — с задачей оборонять рубеж ряда высот на Мекензийском направлении — подчинялся командиру 25-й Чапаевской дивизии генералу Т. К. Коломийцу<sup>128</sup>.

Четвертый сектор — от Дуванкоя и далее на запад до берега моря — был создан 9 ноября, чтобы не допустить продвижения противника с Бахчисарайского направления, особенно по долинам рек Бельбек и Кача. Его возглавил командир 95-й стрелковой дивизии генерал-майор В. Ф. Воробьев.

С какими трудностями столкнулись Петров и штаб, обеспечивая секторы обороны личным составом, можно судить хотя бы по такому факту: за счет 172-й стрелковой дивизии, точнее — того, что от нее осталось после кровопролитных боев, удалось укомплектовать всего один стрелковый батальон!

Опираясь на блестящего специалиста своего дела, начальника артиллерии армии полковника Н. К. Рыжи (впоследствии генерал-полковника артиллерии), Петров организовал дело так, что каждый сектор получил артиллерию поддержки. Управление ею внутри секторов и в масштабе всего оборонительного района было централизовано. При

необходимости у командования была возможность маневра огнем, его массирования путем сосредоточения на любом участке фронта не менее половины всего состава артиллерии оборонительного района.

Оценивая потенциал обороны, генерал Петров пришел к выводу, что без участия флота — как кораблей, так и личного состава — отстоять главную базу будет невозможно. Но, как ни странно, иного взгляда придерживался в тот момент вице-адмирал Октябрьский. Ранее акцентировать на этом внимание в литературе не было принято, но свидетельства непосредственных участников тех событий не позволяют делать вид, что среди высших руководителей севастопольской обороны существовало полное единодушие. 6 ноября на совещании под председательством Октябрьского Петров объективно оценил обстановку на сухопутном фронте, отметил, что по мере прибытия частей Приморской армии прочность обороны будет наращиваться. В его докладе не было и тени сомнения в возможности город удержать. Однако телеграмма, направленная командующим ЧФ на имя И. В. Сталина и Н. Г. Кузнецова, содержала не только совершенно иную информацию, но и нотки безнадежности.

«Положение Севастополя, — сообщал Октябрьский в Ставку, — под угрозой захвата противником... Севастополь пока обороняется стойко частями флота, гарнизона моряков. Прорвав фронт в районе Ишуня, противник рассеял крымские армии, остатки которых до сих пор бродят по горам Ай-Петри. Противник занял Евпаторию, Феодосию, Алушту и др. пункты. Севастополь до сих пор не получил никакой помощи армии. Мной брошено все, что было, на оборону базы... Резервов больше нет. Одна надежда, что через день-два подойдут армейские части: если этого не будет — противник ворвется в город...»<sup>129</sup>

Исходя из такой оценки событий, Октябрьский обосновывал необходимость перемещения командующего, Военного совета и штаба флота в Туапсе, откуда и предполагалось управлять обороной главной базы. Командующий ЧФ — надо прямо признать — в наибольшей степени заботился о том, чтобы сохранить боевые и вспомогательные корабли, поэтому настаивал на необходимости их перевода на Кавказ, а вместе с ними — авиации и зенитной артиллерии, чтобы сохранить их от уничтожения противником. Запрашивая разрешение на эти меры, Октябрьский сослался на их одобрение Военным советом войск Крыма и лично вице-адмирала Левченко. Со стороны Н. Г. Кузнецова на

имя не только Октябрьского, но и Левченко последовал категорический ответ: «...Мне кажется, достаточно ясно, что вашей главной задачей является удерживать Севастополь до крайней возможности. Так дрался под огнем артиллерии и авиации Таллин, так держался Ханко, так вы, черноморцы, держали Одессу, и мне непонятна нотка безнадежности в отношении Севастополя.

К борьбе за Севастополь надо привлечь корабли, хотя условия для их базирования там будут трудными... Севастополь можно и нужно защищать, и, пока оборона его не будет устойчивой, Военный совет должен быть там»<sup>130</sup>.

Как видим, точка зрения генерала Петрова о применении боевых кораблей в обороне Севастополя полностью совпадала с решением наркома ВМФ. Адмирал Кузнецов не только высказал свое категорическое несогласие с предложением Октябрьского, но и подготовил проект соответствующей директивы, направленной в Ставку ВГК для утверждения.

Седьмого ноября в 2.00 Сталин утвердил директиву, которой оборона Севастополя (и Керченского полуострова) определялась как главная задача ЧФ. «Севастополь не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами», — категорически предписывал Верховный главнокомандующий. Руководство обороной Севастополя (иначе говоря, Севастопольским оборонительным районом) возлагалось на адмирала Октябрьского с подчинением адмиралу Левченко. Петров соответственно становился заместителем Октябрьского по сухопутным войскам.

Здесь, пожалуй, следует упомянуть о внешне незначительном, но в контексте нашего разговора представляющемся важным эпизоде. Много позднее, уже после кончины Петрова, выступая перед работниками панорамы «Оборона Севастополя», Ф. С. Октябрьский, как вспоминали очевидцы, посчитал необходимым рассказать, что генерал Петров прибыл на флагманский командный пункт флота подавленным, растерянным. Он даже, «обхватив руками голову, заплакал». Совсем не исключено, что так могло быть: никто, в том числе и такой сдержанный по характеру и порой суровый Иван Ефимович Петров — не железный, и нервный срыв мог с ним произойти.

Но даже при этом генерал, будучи сухопутным командиром, проявил куда большую готовность оборонять главную базу ЧФ, нежели ее старший морской начальник. А вот в других, это «происшествие» никак не убавило той энергии,

с какой Петров взялся за дело. По свидетельству командующего артиллерией армии Н. К. Рыжи, «руководя прорывом войск, штаб Приморской армии, разместившийся в Херсонесских казармах, с 3 ноября уже практически занимался и организацией обороны Севастополя». Пример организованности и деловитости показывал сам командарм. «И. Е. Петров... всегда стремился держать и штаб, и командиров в разумной степени напряженности, соответствующей обстановке, — отзывался о своем командире Н. К. Рыжи. — Иван Ефимович очень часто сам посещал войска, и скоро вся армия знала командующего в лицо. Большую роль в сплочении армии играли его методы живого руководства, а также умение замечать достойных людей, которых командарм смело выдвигал на должности, соответствующие их личным качествам, опыту»<sup>131</sup>.

Опираясь на штаб армии и его начальника полковника Н. И. Крылова, Петров безотлагательно провел ряд мер по восстановлению боеспособности частей и упорядочению управления войсками. К 16 ноября Приморская армия обладала следующим боевым и численным составом: первый сектор — 1700 штыков, 18 орудий; второй сектор — 3939 штыков, 41 орудие (4 зенитных); третий сектор — 5730 штыков, 43 орудия (9 зенитных); четвертый сектор — 2789 штыков, 38 орудий (9 зенитных). Резерв — 1200 штыков и 743 сабли. На их вооружении находилось пулеметов станковых — 238, ручных — 304, минометов — 319, орудий 76-мм и крупнее — 154, орудий 45-мм — 38. В частях ПВО имелись 3981 человек и 96 зенитных орудий, в частях боевого обеспечения и материального обслуживания — 4000 человек, 5 санитарных батальонов — 1500 человек, 5 рабочих батальонов — 3000 человек<sup>132</sup>.

Наращивание огневой мощи войск, организация артиллерийской поддержки пехоты рассматривались Петровым как важнейший фактор обороноспособности города. Для усиления артиллерийских средств с одного из затонувших кораблей водолазами была снята и поднята батарея 130-мм пушек, установленная позже в районе Мекензиевых гор. Для наземной стрельбы привлекалась зенитная артиллерия. Помимо полевой артиллерии, войска периодически поддерживались огнем артиллерии кораблей с севастопольского рейда. К слову, по оценке Н. К. Рыжи, Иван Ефимович «любил артиллерию, глубоко понимая ее роль»<sup>133</sup>. Он поставил задачу обеспечить централизованное управление всей артиллерией — полевой, береговой, корабельной.

Словом, сопротивляемость войск, вставших в оборону Севастополя, с каждым днем возрастала. Можно было смело говорить, что наиболее критический период защиты города миновал. Это стало ясно после того, как провалилась попытка частей 11-й немецкой армии, у которых не получилось овладеть Севастополем с ходу ударом с севера, сокрушить наши оборонительные порядки с востока и северо-востока. Между 11 и 18 ноября 1941 г. они настойчиво вели атаки в направлении на Вернутку и далее на Балаклаву и Камары.

Очень характерно для Петрова: он не цеплялся за глухую оборону, а пристально наблюдая за складывающейся обстановкой, немедленно прибегал к контрударам. Так, 13 ноября немцы, накануне целый день бомбившие позиции советских войск, попытались воспользоваться результатами бомбардировки и сломить сопротивление наших войск. Частично была окружена 40-я кавалерийская дивизия. Комендант первого сектора полковник Новиков вынужден был ввести в бой все силы, которыми располагал, вплоть до охраны штаба своей 109-й стрелковой дивизии. Помощь первому сектору Петров оказал, организовав удар по противнику в четвертом секторе. 8-я бригада морской пехоты овладела деревней Эфендикой и рядом высот. Чтобы предупредить развитие успеха наших частей на этом направлении, Манштейн перебросил сюда часть 22-й пехотной дивизии и таким образом ослабил нажим на Балаклавском направлении.

Командарм внимательно следил за развитием событий. Как вспоминал И. А. Ласкин, «генерал И. Е. Петров вызвал к себе командование второго сектора.

— Положение у Балаклавы достигло критического напряжения, — сказал он. — Нам надо захватить высоты, являющиеся ключевыми пунктами направления. В этом случае вся группировка противника, действующая в районе высоты у Балаклавы, окажется в ловушке. Одновременно мы укрепим оборону на всем южном участке. Но для этого надо нанести удар по флангу противника со стороны вашего сектора»<sup>134</sup>.

Одновременно полковнику Новикову приказывалось в эту же ночь очистить от противника две господствующие высоты — 212,1 и 386,6. Части полковника Ласкина овладели важными высотами и потеснили противника. На следующий день, несмотря на то, что немцы сами перешли в атаку, подчиненные Ласкина вновь двинулись вперед,

контратакуя противника. Навстречу им ударили, идя на прорыв, части окруженной 40-й кавдивизии, которые смогли вырваться из вражеского кольца.

С утра 15 ноября немцы силами четырех дивизий опять пошли на штурм, по-прежнему нанося удар вдоль Ялтинского шоссе, в направлении на Камары и высоту с Итальянским кладбищем. Уловив чутьем опытного военачальника, что именно здесь решается судьба боя, Петров прибыл на наблюдательный пункт второго сектора, откуда вместе с полковником Ласкиным следил за высотой с Итальянским кладбищем и деревней Камары и управлял боем.

На следующий день он опять был на НП Ласкина. Петров, как вспоминал командир 172-й стрелковой дивизии, считал, что в предыдущих боях противник ослаблен, и поэтому приказал провести новое наступление, чтобы отвоевать оставленные высоты и улучшить свои позиции. Избегая шаблонов и заботясь о внезапности, Петров согласился с предложением Ласкина не откладывать атаку и провести ее ночью. 514-й полк подполковника И. Ф. Устинова внезапным ударом под покровом темноты уничтожил свыше двух рот гитлеровцев и овладел высотой 440,8 и окопами в восточной части Камар. Части первого сектора, в свою очередь, овладели высотой 212,1. Расчет командарма оказался верным. «Фашисты были застигнуты врасплох, — писал И. А. Ласкин. — Они, видимо, даже не допускали мысли, что после такого утомительного дня мы решимся на ночной бой. 514-й полк освободил Камары, захватил много пленных»<sup>135</sup>.

Трудно не согласиться с выводом В. В. Карпова по поводу того, как хорошо Петров чувствовал пульс боя, как улавливал нужный момент для контратаки — именно в минуты наибольшей слабости противника: «Благодаря быстрой и точной реакции на все перипетии боя он нашел возможность не только останавливать вклинивающиеся на различных участках части гитлеровцев, но даже и контратаковать их. Этими активными действиями Петров сумел остановить продвижение противника, нанести ему ощутимые потери и в конечном счете вынудить на данном этапе отказаться от наступления»<sup>136</sup>.

Последняя безуспешная попытка Манштейна прорвать советскую оборону на правом фланге была предпринята 21 ноября. Но и она была отражена. Понеся большие потери, немцы прекратили наступление и перешли к планомерной осаде.



## «Наши войска упорно отстаивают оборонительные рубежи...»

Примерно на четыре недели на подступах к городу установилось относительное затишье, которое командование Приморской армии использовало для интенсивной работы. По приказанию Петрова все сектора обороны были подвергнуты основательной проверке, в ходе которой были выявлены и устранены значительные недочеты в организации боевой службы, связи, порядке вызова огня артиллерии, обеспечении взаимодействия с соседними частями и подразделениями.

«За это время окончательно была упорядочена система и организация обороны, — писал И. Е. Петров. — Значительное развитие получило инженерное обеспечение обороны. Достаточно сказать, что ко времени второго наступления врага были вырыты сплошные окопы и траншеи от Балаклавы до западного побережья моря — устья р. Бельбек. Общее протяжение траншей составляло около 150 км. Десятки тысяч мин были уложены перед передним краем обороны. Оборудованы были командные и наблюдательные пункты, отрыты убежища для личного состава, укрытия для артиллерии и боеприпасов. Организовано было надежное управление войсками. В пределах каждого сектора и в целом по району обороны разработан план действий на случай наступления противника»<sup>137</sup>.

Штаб Приморской армии занимался перегруппировкой и пополнением войск из маршевых батальонов, доставляемых морем с Кавказа. Из частей первого сектора генерал Петров сформировал стрелковую дивизию, назначив ее командиром полковника П. Г. Новикова. В эту дивизию вошли части 2-й кавалерийской дивизии, сводный полк НКВД, два стрелковых и один артиллерийский полк. В состав войск СОР вошла переброшенная с Кавказа 388-я стрелковая дивизия. А в целом после первого штурма гарнизон Севастополя получил около 21 тысяч человек пополнения<sup>138</sup>.

И все же для создания прочной и надежной обороны этого было мало. Тем более и противник серьезно готовился, накапливал силы к новому, второму наступлению. Его командование руководствовалось директивой Гитлера № 39 от 8 декабря 1941 г., в которой из-за «преждевременного наступления холодной зимы на Восточном фронте и возникшем в связи с этим затруднении в подвозе снабже-

ния» предусматривалось «немедленно прекратить все крупные наступательные операции и перейти к обороне». Это не касалось лишь группы армий «Юг», которой приказывалось «как можно быстрее захватить Севастополь»<sup>139</sup>.

Численность войск 11-й армии была доведена до полного штата, вспоминал И. Е. Петров. В связи с горным рельефом местности немецкое командование подтянуло горно-егерские полки, сражавшиеся ранее в горных районах Греции, и горнострелковые румынские бригады. Войска, предназначенные для захвата города, были усилены специальными инженерными и дорожно-строительными частями. Манштейн подтянул большое количество тяжелой артиллерии, в том числе и сверхтяжелое 800-мм орудие «Дора», смонтированное на железнодорожной платформе. Были подтянуты средние танки и штурмовые артиллерийские орудия. Разведывательные самолеты люфтваффе систематически облетали районы развертывания советских войск и проводили фотосъемку местности.

Разведчикам Приморской армии удалось захватить некоторые документы 24-й пехотной дивизии, среди которых был приказ, согласно которому дивизия «к исходу четвертого дня боя должна, используя все возможности, прорваться в крепость Севастополь и немедленно доложить о достижении цели». Иначе говоря, Манштейн и его штаб, готовя операцию, рассчитывали уложиться в четверо суток. К сожалению, разведке не удалось точно определить сроки и направления немецкого наступления. Н. К. Рыжи писал, что «мы затруднились определить, где именно противник нанесет теперь главный удар... Командование армии допустило определенный просчет, не использовав всех возможностей для усиления войск на этих [северных. — Авт.] направлениях»<sup>140</sup>. То, что вражеская группировка, предназначенная для наступления, выявлена не была, как не было ясности и с направлением ее наступления, подтверждает и военный историк А. В. Басов: «Расположение резервов Приморской армии говорит о том, что И. Е. Петров ожидал наступление как в I, так и в IV секторах»<sup>141</sup>.

В основе задуманной штабом Э. фон Манштейна операции лежал одновременный удар охватывающих фланговых группировок, наступавших по кратчайшим направлениям. Для нанесения главного удара были выбраны направления: первое — вдоль шоссе и железной дороги Симферополь — Севастополь, второе — с востока по долине реки Черная с выходом к Северной бухте. В случае успеха насту-

павшие по этим двум сходящимся направлениям немецкие части смогли бы разобщить фронт обороны, выйти к Севастополю и разгромить наши войска по частям<sup>142</sup>.

За два-три дня до начала наступления немецкое командование провело операцию по заброске на отдельных участках фронта в тыл Красной армии групп автоматчиков, переодетых в красноармейскую форму. Диверсионные группы должны были после начала немецкого наступления создать видимость того, что фронт прорван и части противника уже вышли в тыл нашим частям и окружают их, посеяв панику и дезорганизовав систему связи. Однако планам немцев сбыться было не суждено: диверсанты были вовремя раскрыты и уничтожены.

Относительное затишье было прервано на рассвете 17 декабря: немцы начали массированную авиационную и артиллерийскую подготовку, продолжавшуюся три часа, после чего в наступление перешли наземные части. На главных направлениях в первом эшелоне двинулись танки, за ними следовала пехота. Их выдвижение сопровождалось огнем тяжелой артиллерии и минометов.

Главный удар силами двух пехотных дивизий немцы наносили на фронте хутор Мекензия — гора Азис-Оба вдоль Бельбекской долины в направлении к восточной оконечности Северной бухты — здесь был стык IV и III секторов. Наступление танков и пехоты противника обороняющиеся встретили сильным артиллерийским и минометным огнем. Атакующие понесли тяжелые потери, но продолжали настойчиво продвигаться вперед. К вечеру первого дня им удалось добиться успеха как раз там, где наносился основной удар — на стыке секторов. Противнику удалось вклиниться в советскую оборону и на отдельных участках II и III секторов, где дошло даже до рукопашной.

С наступлением темноты атаки прекратились, это позволило уточнить реальную численность и положение частей. Требовалось срочно пополнить их личным составом, подвести боеприпасы. Большую помощь командарму Приморской оказал контр-адмирал Жуков, который в отсутствие находившегося на Кавказе адмирала Октябрьского исполнял в этот момент обязанности командующего СОР. Новые подразделения формировали за счет тылов главной базы флота, а внутри Приморской армии — из состава подразделений химслужбы и выздоравливающих раненых.

В следующие два дня восстановить положение в III и IV секторах не удалось, наши контратаки натолкнулись на

такие же попытки атаковать со стороны противника, завязался тяжелый встречный бой при заметном численном перевесе врага. За 17 и 18 декабря потери защитников города составили около 3500 человек. Ставившаяся ранее задача — вернуть те позиции, которые наши войска занимали к началу второго наступления гитлеровцев, — была в создавшихся условиях нереальной.

В ответ на доклад начальника штаба Крылова командарм сказал:

— Продолжать контратаки ради восстановления прежнего положения пока не можем, не имеем права. Контратаковать будем только в случаях прорыва обороны, и резервы надо беречь для этого. Главное сейчас — закрепиться на нынешних рубежах<sup>143</sup>.

Начальнику же артиллерии полковнику Рыжи командарм приказал организовать и осуществить артиллерийский удар, чтобы попытаться сорвать атаки врага или ослабить их, насколько это возможно. В мастерстве артиллеристов сомневаться не приходилось, но вот запас снарядов, увы, был ограниченным. Обещанный на 20 декабря транспорт «Чапаев» с боеприпасами еще стоял под загрузкой, как и «Абхазия». Недостаток боеприпасов был настолько острым, что выпускавшиеся на городских предприятиях мины доставлялись на боевые позиции прямо от станков.

Все это не могло не сказаться на третий день немецкого наступления. Сильно ослабленная 8-я бригада морской пехоты не удержала занимаемый рубеж, и немцы ворвались в Аранчи. Образовался разрыв между бригадой и 40-й кавалерийской дивизией полковника Ф. Ф. Кудюрова. Петрову ничего не оставалось, как отвести части IV сектора на заранее подготовленные позиции.

К концу дня немцам удалось вклиниться в стык между III и IV секторами у станции Мекензиевы горы. Никаких резервов у Петрова к этому времени уже не осталось. Положение удалось выправить благодаря сводному батальону моряков, который в распоряжение генерала направил Г. В. Жуков. Петров поставил во главе батальона опытного командира майора-пограничника К. С. Шейкина. Начальник артиллерии сектора организовал огневую поддержку, и, не теряя ни минуты, батальон пошел в атаку. Несмотря на то что батальон был только что сформирован и не имел опыта совместного боя, результаты действий моряков превзошли все ожидания. Штурмовой отряд немцев, прокладывавший путь своей дивизии, был разгромлен. Войдя

в азарт, моряки прорвались даже за линию фронта, существовавшую до начала штурма. С этого рубежа они не отходили до июня 1942-го.

Как писал И. Е. Петров, из показаний захваченных в плен немецких солдат и офицеров было видно, что дивизии противника, брошенные на Севастополь, несли значительные потери. Так, 72-я пехотная дивизия потеряла свыше половины личного состава, в отдельных подразделениях потери достигли 60–70%, пленный офицер той же дивизии показал, что у него в роте до наступления насчитывалось 160 человек, а после двух дней боев осталось всего 16. Такие же потери понесли 170, 132, 22, 24 и 50-я пехотные дивизии и румынские бригады, как горнострелковые, так и моторизованные.

Наши войска также понесли большие потери, восполнить которые было по большому счету нечем. Боеприпасы были на исходе, и приходилось ограничивать расход снарядов, определяя жесткий лимит для каждой батареи. Тяжелым калибрам артиллерии разрешалось расходовать в день не более 10–15 снарядов на батарею. 19 декабря контр-адмирал Жуков по телеграфу доложил Сталину, Кузнецову, Октябрьскому обстановку к вечеру третьего дня немецкого наступления и, отдавая должное стойкости защитников Севастополя, сообщил о крайнем недостатке живой силы и вооружения: «Наши войска, отбивая атаки, упорно отстаивают оборонительные рубежи... Большие потери материальной части, оружия, пулеметов, минометов... Войска отошли на второй рубеж. Резервы и пополнение не получены. Снарядов 107-мм корп[усной] артиллерии, 122-мм гаубиц, 82-мм минометных нет. Остальной боезапас на исходе. На 20 декабря с целью усиления частей, действующих на фронте, вводится личный состав кораблей, береговых и зенитных батарей, аэродромной службы и т. д.»<sup>144</sup>. Адмирал сообщил, что если не будет оказана срочная поддержка людьми, боезапасами, если не поможет авиация, то при дальнейшем продолжении противником атак в том же темпе, что и в последние дни, гарнизон сможет продержаться не более трех дней.

Ставке было бы проще оказать помощь Севастополю, если бы в эти дни не готовилась операция по высадке десанта на Керченский полуостров, в которой были задействованы Закавказский фронт и Черноморский флот. Направить дополнительные войска в Севастополь означало ослабить войска десанта, а ведь в случае его успеха удалось бы отвлечь

часть сил 11-й немецкой армии и тем существенно помочь Севастополю. Тем не менее уже в 1.40 20 декабря из Москвы в адрес командующих Закавказским фронтом и Черноморским флотом пошла следующая директива: «1. Подчинить СОР Закавказскому фронту [последним в этот момент командовал генерал-лейтенант Д. Т. Козлов. — *Авт.*];

2. Октябрьскому немедленно выбыть в Севастополь;

3. Командующему Закавказским фронтом немедленно направить в Севастополь крепкого общевойскового командира для руководства сухопутными операциями;

4. Перебросить в Севастополь одну стрелковую дивизию или две стрелковые бригады;

5. Выделить авиацию для нанесения ударов;

6. Немедленно направить 3000 человек маршевого пополнения и боезапасы»<sup>145</sup>.

Генерал Петров, хорошо понимая, какое воодушевляющее значение будет иметь для войск любое известие о помощи, тут же отдал приказ:

«Командирам дивизий, бригад и полков.

Принять к сведению: решением Ставки ВГК гарнизону Севастополя направлена крупная поддержка свежими войсками — пехотой, авиацией. Помимо этого направлено много пополнения, боеприпасов. Первые эшелоны ожидаются в течение 24 часов. Задача войск — ни шагу назад, до последней возможности защищать свои рубежи, дабы обеспечить возможность развертывания прибывающих частей. Это сообщение довести до командиров и военкомов батальонов, вселить в войска уверенность и стойкость... Особо на это обращаю внимание III сектора»<sup>146</sup>.

На рассвете 21 декабря в Севастополь прорвались крейсера «Красный Кавказ» (под флагом командующего флотом) и «Красный Крым», лидер «Харьков», эсминцы «Бодрый» и «Незаможник». У причалов Сухарной балки была быстро произведена выгрузка 79-й стрелковой бригады полковника А. С. Потапова, которую Петров с разрешения Октябрьского бросил на восстановление утраченных позиций из района станции Мекензиевы горы в направлении Камышлы. На рассвете 22 декабря после короткой артиллерийской подготовки 79-я бригада и ее соседи справа и слева пошли вперед. Советским частям удалось опрокинуть противника и почти полностью восстановить утраченные ранее позиции. К сожалению, успех сопутствовал Красной армии не везде: так, несмотря на яростные контратаки, не удалось вернуть плацдарм севернее реки Бельбек.

Недавно прибывшая 388-я стрелковая дивизия не отличалась боеспособностью и существенного влияния на улучшение обороны не оказала.

Командование СОР запросило у Ставки и генерала Д. Т. Козлова еще две дивизии маршевого пополнения, но Москва решила силы, намеченные в десант, не ослаблять и начать высадку у Керчи 23 декабря, а у Феодосии — 26 декабря. Начало Керченско-Феодосийской десантной операции сразу заставило немецкое командование ослабить натиск на Севастополь. Тем не менее Э. фон Манштейн предпринял отчаянную попытку взять город штурмом до того, как советские войска высадятся на Керченском полуострове. Это ему не удалось. И лучшее свидетельство этого — запись-признание начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдера, появившаяся в его дневнике 31 декабря: «...Очень тяжелый день! Наступление 22-й пехотной дивизии у Севастополя успеха не имело. В связи с этим необходимо приостановить наступление, чтобы высвободить силы для переброски в Феодосию...»<sup>147</sup>

«Шестнадцать суток — с 17 декабря 1941 г. по 1 января 1942 г.— под Севастополем шли непрерывные кровопролитные бои, — позднее резюмировал события второго наступления вермахта на Севастополь генерал армии И. Е. Петров. — Несмотря на тяжелые потери, немецко-фашистское командование не оставляло попыток захватить город и спешно подтягивало войска с других направлений...

Наибольшего напряжения бои достигли к концу декабря... К исходу 30 декабря противник, сосредоточив на фронте в три км 132-ю и 24-ю дивизии, вышел в район 30-й батареи и занял ст[анцию] Мекензиевы горы. С занятого рубежа отчетливо просматривалась и простреливалась вся Северная бухта. Учитывая тяжелые последствия в связи с возможным выходом противника к Северной бухте, командование армии решило, рискуя крайне ограниченными запасами снарядов, провести на рассвете 31 декабря по району ст. Мекензиевы горы мощную артиллерийскую контрподготовку, после чего предпринять контратаку».

В течение ночи на 31 декабря, вспоминал Иван Ефимович, артиллерийский удар был подготовлен. В 7.10 утра в предрассветной мгле 340 орудий, в том числе и батареи 12-дюймового калибра, открыли внезапный огонь по станции. 20 минут продолжался шквал огня. Железнодорожная станция, прилегающие участки леса с находившимися там

войсками противника были уничтожены полностью. Вслед за тем пехотинцы и моряки, несмотря на утомление от тяжелых многодневных боев, двинулись на врага. Уцелевшие остатки противника бежали, бросая оружие.

«В целом в течение 31 декабря 1941 г. и 1 января 1942 г. нашими войсками было почти полностью восстановлено положение, утраченное в предшествующих боях. Вторая попытка врага овладеть Севастополем была ликвидирована. Вражеские планы снова потерпели провал», — резюмировал И. Е. Петров<sup>148</sup>.

Высадка войск Крымского фронта в Керчи и Феодосии принудила немецкое командование на длительное время отказаться от каких бы то ни было наступательных действий в районе Севастополя и даже перебросить часть сил на Керченское направление. Боевые действия вступили в новый период — упорной и длительной обороны.

На минуту отвлечемся от хода боевых действий, чтобы чуть пристальнее взглянуть на нашего героя — больше такой возможности не предоставит сам ход событий под Севастополем, отличавшийся на финальной стадии обороны особой динамикой и насыщенностью событиями. А сделать это поможет один из самых внимательных летописцев войны — Константин Симонов. Впервые писатель встретился с Иваном Ефимовичем Петровым под Одессой, потом пересекался с ним не раз на фронте и в дни полководческого триумфа генерала, и в пору тяжелых переживаний вследствие неудач, недовольства его действиями со стороны Сталина и, прямо скажем, интриг со стороны «злого гения» — Л. З. Мехлиса, которого дважды, словно назло, присылали Петрову в качестве члена Военного совета фронта.

«Петров, — считал К. Симонов, — был человеком во многих отношениях незаурядным. Огромный военный опыт и профессиональные знания сочетались у него с большой общей культурой, широчайшей начитанностью и преданной любовью к искусству...

Петров был по характеру человеком решительным, а в критические минуты умел быть жестоким. Однако при всей своей, если так можно, выразиться, абсолютной военности и привычке к субординации он не жаловал тех, кого приводила в раж именно эта субординационная сторона военной службы. Он любил умных и дисциплинированных и не любил вытаращенных от рвения и давал тем и другим чувствовать это...

Петров мог вспылить и, уж если это случалось, бывал



резок до бешенства. Но, к его чести, надо добавить, что эти вспышки были в нем не начальнической, а человеческой чертой. Он был способен вспылить, разговаривая не только с подчиненными, но и с начальством.

Однако гораздо чаще он умел оставаться спокойным перед лицом обстоятельств. О его личном мужестве не уставали повторять все, кто с ним служил, особенно в Одессе, в Севастополе и на Кавказе, там, где для проявления этого мужества было особенно много поводов. Храбрость его была какая-то мешковатая, неторопливая, такая, какую особенно ценил Толстой.

Такой сорт храбрости обычно создается долгой и постоянной привычкой к опасностям, именно так оно и было с Петровым»<sup>149</sup>.

Вот такая оценка. А наш читатель имеет возможность самостоятельно судить, насколько она соответствует облику, натуре Ивана Ефимовича.

### Штурм третий, последний...

Этот период продолжался почти полгода — до конца мая 1942-го. Успешная высадка наших войск в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции и последующее освобождение Керченского полуострова заставили Э. фон Манштейна действовать на два фронта, что сразу же снизило давление на главную базу ЧФ. Образованный в январе 1942 г. Крымский фронт оттягивал на себя значительную часть 11-й немецкой армии.

Командование СОР и Приморской армией, воспользовавшись ситуацией, не только совершенствовало систему обороны, но и на некоторых участках, предприняв контратаки, улучшило позиционное положение войск. Создавалась и укреплялась вторая линия обороны. Была увеличена сеть траншей и ходов сообщения, общая протяженность которых к маю была доведена почти до 350 км. Продолжалось усиление минно-взрывных заграждений. Переброска морем двух стрелковых дивизий и немалого маршевого пополнения позволила усилить наиболее пострадавшие во время декабрьских боев части и создать резервы.

Без флота сухопутные войска свою задачу не выполнили бы. Ведь основное снабжение шло морем, притом что перевозки производились в условиях активных действий авиации и торпедных катеров противника. Начиная с марта противник активизировал действия люфтваффе по осу-

ществлению блокады города с моря: все советские суда в радиусе 70—100 миль от берега подвергались их атакам.

Тем не менее Октябрьский, Петров и другие руководители обороны сохраняли оптимизм. Ведь командующий Крымским фронтом генерал Козлов, в чье подчинение был передан СОР, постоянно ориентировал его руководство на активную поддержку наступления, в которое вот-вот должен был перейти фронт. И даже начавшееся 8 мая немецкое наступление поначалу не сильно тревожило: ведь Крымский фронт по всем показателям, за исключением самолетов, превосходил противостоявшие ему дивизии 11-й армии. Поэтому известие о сокрушительном поражении фронта и решении командования эвакуировать его остатки на Таманский полуостров, поступившее всего через неделю, 15 мая прямо во время совещания у адмирала Октябрьского, как вспоминал генерал П. А. Моргунов, потрясло всех присутствующих. Все они, а там был и генерал Петров, отчетливо понимали: через непродолжительное время войска Манштейна, у которого руки теперь будут развязаны, обрушатся на Севастополь. И действительно, воздушная разведка все чаще доносила о предпринимаемых противником мерах по сосредоточению войск под Севастополем. По всем дорогам с севера и востока началось движение крупных колонн танков, мотопехоты, артиллерии. 10 дней, с 15 по 25 мая, противник вел интенсивную артиллерийскую пристрелку всех участков и объектов города и тыла. Авиация вела разведку и фотографирование. Всё говорило о том, что немцы готовятся к крупному наступлению.

К началу третьего приступа противник имел 10 пехотных дивизий и большое количество артиллерии. Так, LIV армейский корпус (132, 22, 50 и 24-я пехотные дивизии), наносивший с севера главный удар, поддерживали 120 артиллерийских батарей, в том числе 65 тяжелой и сверхмощной артиллерии калибром от 190 до 420 мм. Кроме того, осаждавшие имели в своем распоряжении одну батарею (два орудия) сверхтяжелых 615-мм мортир и одно 800-мм орудие. По собственной оценке Э. фон Манштейна, «в целом во Второй мировой войне немцы никогда не достигали такого массированного применения артиллерии, как в наступлении на Севастополь»<sup>150</sup>. Всего же для третьего штурма противник сосредоточил около 204 тысяч солдат и офицеров, 670 орудий, 655 противотанковых пушек, 720 минометов, 450 танков и 600 самолетов<sup>151</sup>.

Германскому командованию удалось добиться полно-

го господства в воздухе и установить воздушную блокаду Севастополя. Этому способствовало не только десятикратное преимущество в количестве самолетов, но и то, что немецкие аэродромы располагались поблизости от объектов бомбардировок и обстрелов, и эксперты люфтваффе могли совершать до четырех-пяти вылетов в день. Для блокады с моря немцами была создана специальная бомбардировочная и минно-торпедная авиационная группа в составе 150 самолетов Ju. 87, Ju. 88, He. 111, 20 торпедных катеров и нескольких подводных лодок. Подвоз к Севастополю морем всего необходимого для нужд обороны, в первую очередь боеприпасов, а также эвакуация раненых превратились в весьма сложную операцию.

Соотношение сил и средств не в пользу обороняющихся было очевидным. К началу июня в составе Приморской армии насчитывалось чуть более 106 тысяч человек, 600 орудий и минометов и всего 38 танков. Авиация флота, базировавшаяся в районе Севастополя, имела лишь 53 исправных самолета. Совместно с ней действовала авиация, базировавшаяся на аэродромах Северного Кавказа, но деятельность ее была весьма затруднена большими расстояниями. «Таким образом, — констатировал И. Е. Петров, — немецко-фашистские войска, предназначавшиеся для наступления, превосходили наши войска, оборонявшие Севастополь, по пехоте примерно в два раза, по артиллерии — в пять раз. Что касается танков, превосходство врага было абсолютное, так как в составе наших войск танков почти не было»<sup>152</sup>.

В этот момент армия занимала следующее положение. I сектор (фронт — 7,5 км, комендант — командир 109-й стрелковой дивизии генерал П. Г. Новиков) обороняли 109-я и 388-я стрелковые дивизии. II сектор (фронт — 12 км, комендант — командир 386-й стрелковой дивизии полковник Н. Ф. Скутельник) удерживали части 386-й стрелковой дивизии, 7-я и 8-я бригады морской пехоты. III сектор (фронт — 8,5 км, комендант — командир 25-й Чапаевской стрелковой дивизии генерал-майор Т. К. Коломиец) обороняли части 25-й дивизии, 79-я морская стрелковая бригада, 3-й полк морской пехоты, 2-й Перекопский полк морской пехоты. Оборону IV сектора (фронт — 6 км, комендант — командир 95-й стрелковой дивизии полковник А. Г. Капитохин) осуществляли 95-я и 172-я стрелковые дивизии. Резерв у командующего Приморской армией имелся, но с учетом численного превосходства противни-

ка был ограниченным — 345-я стрелковая дивизия полковника Н. О. Гузя, местный стрелковый полк береговой обороны, один полк 308-й стрелковой дивизии, два отдельных танковых батальона, бронепоезд «Железняков». В каждом секторе обороны на усиление стрелковым войскам были приданы артиллерийские полки, пулеметные батальоны береговой обороны, батареи противотанковых артиллерийских полков<sup>153</sup>.

Чтобы уточнить характер и размеры готовившегося наступления, по указанию командующего Приморской армией была предпринята разведка боем. В результате разведки удалось разгромить вражеский полковой штаб и захватить документы, из которых стало ясно, что германское командование решило нанести одновременно два удара: главный удар из района Камышлы — Бельбек в общем направлении на северо-восточную оконечность Северной бухты; вспомогательный — вдоль Ялтинского шоссе с выходом непосредственно к Севастополю. Таким образом, немцы предполагали разрезать фронт нашей обороны на три изолированные части, окружить и уничтожить оборонявшиеся войска по частям. Противник рассчитывал силами авиации в период с 27 мая по 2 июня уничтожить тылы войск в городе, то есть непосредственно разрушить Севастополь, а с 2 по 6 июня разрушить наши оборонительные сооружения и подавить войска. Начало наступления планировалось на утро 7 июня.

После того как план вражеского наступления был в основных чертах выявлен, все штабы и органы управления Приморской армии за двое суток до начала бомбардировки были переведены на запасные пункты. Были усилены инженерные работы по сооружению укрытий и запасных позиций. За сутки до начала бомбардировки боевых порядков войск вся артиллерия, минометы и пулеметы сменили огневые позиции.

В канун грозных событий командарм не стал пренебрегать возможностью побеседовать с теми, кто дневал и ночевал в окопах и блиндажах, по несколько раз на дню вступал в огневой контакт с ненавистным врагом. В каждой дивизии были проведены делегатские собрания с участием представителей от рот, батарей, отдельных команд. На этих собраниях генерал Петров или кто-то из числа членов Военного совета откровенно освещал сложившуюся обстановку и меры, принятые командованием армии по усилению обороны. Об одном из таких собраний вспоминал

бывший начальник штаба армии Н. И. Крылов: «В защищенную скалами расщелину или заросший кустарником овраг выносятся развернутое знамя. Перед делегатами подразделений — командование дивизии и полков, Военный совет армии. Генерал Петров немногословно и с предельной прямоотой излагает складывающуюся обстановку.

Все говорится начистоту. И что гитлеровцы, готовящие генеральное наступление на Севастополь, подтягивают новые части, обеспечивая себе большой численный перевес. И что снять, вывезти отсюда нашу армию, если бы даже поступил такой приказ, практически невозможно: Севастополь не Одесса, и у флота не хватит перевозочных средств. А главное — стало еще важнее, еще необходимее сковать и перемолоть неприятельские войска, сосредоточенные сейчас в Крыму, не пустить их на Дон, на Кубань. И потому задача приморцев, севастопольцев — стоять насмерть, истреблять фашистов здесь, на этих вот рубежах...

Заканчивал командарм тем, что просил присутствующих откровенно, по-солдатски, сказать, как подготовились в подразделениях встретить врага, как настроены люди, какие остались недоделки в оборудовании позиций, в чем есть нужда и чем еще можно укрепить оборону.

И делегаты, откликаясь на этот призыв, выступали так горячо, взволнованно, что и привычные, казалось бы, слова обретали зажигающую силу. Помню, как обнимали товарищи сержанта, который, чувствовалось — от всего сердца, выкрикнул:

— Неужели ж русский, советский человек испугается немца, фашиста?! Нет, такому позору не бывать! Ручаюсь Военному совету: пока мы живы, наш взвод свою позицию не сдаст!»<sup>154</sup>

Между тем враг не заставил себя ждать. С рассветом 27 мая примерно 500 немецких самолетов появились над Севастополем и нанесли массированный бомбовый удар. На город были сброшены сотни зажигательных бомб. Одновременно артиллерия открыла шквальный огонь. До глубокой ночи совершались непрерывные налеты, сопровождаемые артиллерийской бомбардировкой. Разрушение города продолжалось пять дней. 2 июня авиация и артиллерия повели систематический обстрел боевых порядков войск. За пять суток враг обрушил на защитников Севастополя 46 тысяч бомб крупного калибра и 126 тысяч тяжелых артиллерийских снарядов.

Около полудня 6 июня, вспоминал генерал И. А. Ла-

скин, командарм вызвал на передовой пункт управления армии командиров из III и IV секторов. Имеющиеся в штабе армии разведывательные данные, сообщил он, дают основание считать, что завтра противник начнет наступление. Авиационно-артиллерийскую подготовку он может начать с раннего утра.

— Принято решение, — продолжал командарм, — провести артиллерийскую контрподготовку по основным группировкам войск противника, сосредоточившимся в исходных районах для наступления на северном и ялтинском направлениях. Многочисленную артиллерию и танки врага мы, конечно, вывести из строя не рассчитываем: у нас для этого нет средств и боеприпасов. Главная задача контрподготовки — истребить как можно больше живой силы, изготовившейся для перехода в наступление, ослепить пункты наблюдения и нарушить управление войсками<sup>155</sup>.

Около двух часов ночи наблюдатели стали докладывать о том, что на всей немецкой стороне заметно передвижение солдат, слышатся шум моторов и лязг гусениц. Было ясно, что немцы занимают исходное положение для наступления. Командарм не ошибся, назначив артиллерийскую контрподготовку на 2.55 7 июня. Как выяснилось позднее из показаний пленных, противник назначил начало своей артподготовки на три часа, а штурм — на четыре часа утра, следовательно, в своих расчетах генерал Петров упредил их всего на пять минут! Но эти пять минут сыграли очень важную роль.

К сожалению, из-за недостатка боеприпасов стрельба нашей артиллерии продолжалась всего 20 минут. Но даже при такой непродолжительной контрартподготовке пехота противника, вышедшая уже на исходные позиции, понесла значительные потери, была нарушена связь. Немецкое командование вынуждено было для начала организованной атаки ввести силы из второго эшелона и начать наступление позднее запланированного.

### **«И только мертвый мог покинуть строй...»**

В 5.00 две тысячи орудий и минометов обрушили свой удар на севастопольцев. Главный удар наносил LIV армейский корпус (три пехотные дивизии и еще одна во втором эшелоне) при поддержке 100 танков. Немцы наступали из района Камышлы, Бельбек в направлении северо-восточ-

ного берега Северной бухты. Вспомогательный удар вдоль Ялтинского шоссе на Севастополь наносил XXX армейский корпус силами двух пехотных дивизий с 60 танками, имея во втором эшелоне еще одну пехотную дивизию. На скользящем направлении, на участке Верхний Чоргунь — Мекензия действовали румынские части.

«...Сила начатых противником атак не шла в сравнение ни с чем прежним, — отмечал в своих воспоминаниях бывший член Военного совета Черноморского флота дивизионный комиссар, будущий вице-адмирал Н. М. Кулаков. — Особенно на правом фланге нашего четвертого сектора и примыкавшем к нему левом фланге третьего — перед фронтом 172-й стрелковой дивизии полковника И. А. Ласкина и 79-й морской бригады полковника А. С. Потапова, где сосредоточились части четырех немецких пехотных дивизий и до ста танков. Вскоре определилось, что ось главного вражеского удара, нацеленного вновь, как и в декабре, на станцию Мекензиевы горы, приходилась на стык третьего и четвертого секторов»<sup>156</sup>.

Советская артиллерия, особенно крупные калибры полевой артиллерии и батареи береговой обороны, минометы открыли уничтожающий огонь по наступающему противнику. Пехота, несмотря на тяжелые потери, не оставила своих позиций. На многих участках первая атака врага захлебнулась.

И. Е. Петров привел текст донесения одного из немецких офицеров своему командованию: «Наше наступление наталкивается на планомерно оборудованную, сильно минированную и с большевистским упорством защищаемую систему позиций. Губительный огонь артиллерии противника непрерывно ведется по всем немецким позициям. Он мешает наблюдательным пунктам вести наблюдение и затрудняет действия огневых средств. Он поминутно разрушает разветвленную телефонную сеть... Первые дни боев показывают, что под адским артиллерийским огнем противника наступление дальше вести невозможно».

Несмотря на упорство советских солдат, немцам все же удалось выйти к рубежу Мекензиевы горы. Это продвижение стоило им более пяти тысяч убитыми. Из-за столь больших потерь немецкое командование уже на третий день наступления вынуждено было ввести в бой второй эшелон корпуса — 22-ю пехотную дивизию. А кроме того, впервые с начала третьего штурма использовало танки. В свою очередь, Петров ввел в бой резерв — 345-ю дивизию. К исходу

10 июня на направлении главного удара наступление фашистов было приостановлено. Командующий Приморской армией принял решение с утра 11 июня нанести на стыке III и IV секторов контрудар силами частей обоих секторов при поддержке артиллерии секторов и береговых батарей. В ходе кровопролитных встречных боев наши части вновь овладели станцией Мекензиевы горы и продвинулись на 200—300 м северо-восточнее.

Генерал Петров управлял боевыми действиями с запасного КП на Северной стороне, то есть находясь в непосредственной близости от эпицентра событий. «На несколько часов ночью он появлялся на КП, чтобы заслушать доклад Крылова, посоветоваться с ним, сходить на заседание Военного совета к адмиралу Октябрьскому, — пишет В. В. Карпов. — Затем он отдает необходимые распоряжения, редко удается час-два соснуть, и опять возвращается в ставший уже знаменитым домик Потапова на Северной стороне»<sup>157</sup>. В течение последующих двух дней противник произвел перегруппировку и 14 июня возобновил атаки, стремясь прорваться к Северной бухте. Но ему не удалось продвинуться вперед. Большие потери вынудили немецкое командование прервать свое наступление, чтобы подтянуть резервы.

На направлении вспомогательного удара вдоль Ялтинского шоссе наиболее ожесточенные бои развернулись с 12 по 16 июня. Противник ввел в бой в направлении на Камары до 100 танков и штурмовых орудий. 16 июня ему удалось вклиниться в нашу оборону на стыке I и II секторов и захватить совхоз «Благодать». В последующие дни, вплоть до последнего дня обороны, бои на всех направлениях шли с крайним напряжением и ожесточением.

Наиболее критическими для частей IV сектора, оборонявшего подступы к Северной бухте (их численность была соразмерна составу не более двух полков), были дни с 17 по 20 июня. Для создания сплошного фронта обороны личного состава уже не хватало. Остро недоставало боеприпасов — на каждое орудие осталось не более двух десятков снарядов. Зато их в избытке было у противника. В эти дни на головы обороняющихся ежедневно обрушивались по 4—4,5 тысячи бомб, десятки тысяч артиллерийских снарядов и мин. 17 июня противник нанес сильный удар в районе IV сектора и, несмотря на сопротивление, все же вышел к берегу моря, отрезав, таким образом, остатки частей полковника Капитохина и береговую башенную батарею



№ 30 майора Г. А. Александера. 18 июня немецкие части при поддержке авиации, тяжелой артиллерии и реактивных батарей продолжали теснить подразделения IV сектора.

Накануне на совещании у командующего флотом адмирала Октябрьского генерал Петров предложил с утра произвести контратаку силами 138-й стрелковой бригады и 345-й стрелковой дивизии в направлении балок Графской и Сухарной, чтобы помочь дивизиям Ласкина и Капитохина, точнее — остаткам дивизий. Получив одобрение, командарм организовал подготовку контратаки. Однако, как только она началась, атакующие ощутили на себе сильнейший огонь противника. Попытки, предпринятые для соединения с остатками 95-й дивизии и деблокирования 30-й батареи, тоже успеха не имели.

Ряды советских бойцов таяли: потери только убитыми составили больше семи тысяч человек, вдвое больше оказалось раненых. От 172-й и 95-й стрелковых дивизий, по сути, сохранились только их номера. Ведя тяжелые оборонительные бои, советские части к 20 июня вынуждены были отойти на северные укрепления Севастополя в район Северной бухты. Донельзя ослабленные подразделения смогли удерживать позиции в течение целых трех дней! Но отсутствие резервов и особенно боеприпасов принудило Петрова принять решение в ночь на 23 июня эвакуировать оставшихся в живых на южный берег Северной бухты, где они вновь заняли оборону.

При этом у противника вполне доставало сил, чтобы одновременно вести наступление и вдоль Ялтинского шоссе. Упорное сопротивление врагу здесь оказывала 7-я бригада морской пехоты. Стойкость обороны была исключительной, но сказывались большие потери, отсутствие у командования хоть каких-то резервов и — опять-таки — крайний недостаток боеприпасов, которые из-за морской блокады подвозились нерегулярно и в небольших количествах. 18 июня прибыл последний транспорт «Белосток», в дальнейшем снаряды, патроны, продовольствие доставлялись лишь на немногочисленных боевых кораблях, подводных лодках и самолетах. «В условиях полной блокады с моря и воздуха, — писал в статье к десятилетию Победы И. Е. Петров, — наши войска почти не имели возможности пополнять боеприпасы и восполнять убыль в личном составе. Большие потери, понесенные нашими войсками, понуждали последовательно сокращать фронт, задерживаясь на заранее подготовленных рубежах»<sup>158</sup>.

В ночь на 21 июня в связи с угрозой охвата врагом частей III сектора командующий Приморской армией принял решение на отвод левофланговых частей II и III секторов на главную линию обороны — Памятник, высота 256,2. Это на какое-то время позволило выстроить организованную оборону на Федюхиных высотах. За 16 дней боев темпы продвижения противника измерялись всего лишь десятками метров в сутки. Понеся огромные потери в людях и технике, он добился незначительного тактического успеха. Но в конкретных условиях борьбы за Севастополь и этот небольшой успех приобретал оперативное значение. Вражеская артиллерия могла теперь вести поражающий огонь на всю глубину нашей обороны.

В последующие дни противник штурмовал укрепления III сектора на Инкерманских высотах, прикрывавших с востока кратчайшее направление к Севастополю. К исходу 27 июня немцы, введя в бой свежие резервы, смогли прорвать оборону на участке 8-й бригады морской пехоты и овладеть высотами 169,4 и Сахарная головка. Об условиях, в которых шли бои, говорит уже тот факт, что моряки, израсходовав все боеприпасы, подчас вынуждены были отбиваться камнями. В ночь на 28 июня остатки частей 25-й стрелковой дивизии и 3-го полка морской пехоты оставили Инкерманские высоты и были отведены на вторую линию обороны к станции Инкерман. Борьба за город вступала в финальную, наиболее трагическую фазу. Кольцо блокады неотвратимо сжималось.

Поздним вечером 28 июня, вспоминал И. А. Ласкин, командующий армией вызвал всех командиров и комиссаров соединений на свой командный пункт. В маленьком помещении артиллерийского погреба, выбитого в скале, собралось человек двадцать. Стола не потребовалось, поскольку раскладывать карту не было никакой необходимости: местность на оставшемся кусочке севастопольской земли все знали до последнего метра. Командарм проинформировал командиров о положении на фронте обороны Севастополя, отметив, что все резервы использованы до предела, что враг упорно продолжает наступать, что обстановка создалась очень тяжелая. Называя по фамилиям командиров соединений, он определял им участки и рубежи обороны. «Затем, — вспоминал И. А. Ласкин, — генерал И. Е. Петров сказал:

— Военный совет СОРа убежден, что Верховное главнокомандование примет все меры к тому, чтобы нас эва-



Салют в освобожденном Севастополе. Май 1944 г. Фото Е. Халдея



Командующий Приморской армией генерал-майор И. Е. Петров (в центре) на командном пункте в окрестностях Севастополя 1 ноября 1941 г. Слева (спиной) — член Военного совета армии бригадный комиссар П. А. Кузнецов, справа — командир 95-й стрелковой дивизии генерал-майор В. Ф. Воробьев. *Фото В. Микоши*

Руководители обороны Севастополя. На переднем плане слева направо: вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, генерал-майор И. Е. Петров, член Военного совета Черноморского флота дивизионный комиссар Н. М. Кулаков





Командующий Приморской армией И. Е. Петров за рабочим столом во время обороны Севастополя. 1942 г. Фото В. Темина

Командующий Приморской армией И. Е. Петров (второй справа) и командир 345-й стрелковой дивизии полковник Н. О. Гузь (третий справа) на переднем крае одного из участков Севастопольского оборонительного района. 1942 г.





Командование  
Приморской армии.  
Слева направо:  
начальник штаба  
генерал-майор  
Н. И. Крылов,  
генерал-майор  
И. Е. Петров  
и начальник  
артиллерии армии  
генерал-майор  
Н. К. Рыжи.  
*Май 1942 г.*

Генерал армии  
И. Е. Петров



Собрание актива Севастополя в подземном убежище. 1942 г.

Рабочие за сборкой 82-мм минометов образца 1937 г. (БМ-37) в цехе Севастопольского подземного военного спецкомбината № 1. 1942 г.





Справа налево:  
вице-адмирал  
Ф. С. Октябрьский,  
член Военного  
совета  
Черноморского  
флота  
дивизионный  
комиссар  
Н. М. Кулаков  
и комендант  
береговой обороны  
генерал-майор  
П. А. Моргунов.  
1942 г.

Командующий  
Черноморским  
флотом адмирал  
Ф. С. Октябрьский





Вице-адмирал  
Ф. С. Октябрьский  
вручает орден  
Красного Знамени  
командиру  
265-го корпусного  
артполка  
Приморской  
армии полковнику  
Н. В. Богданову.  
Четвертый  
слева  
(в пенсне) —  
командующий  
Приморской  
армией  
генерал-майор  
И. Е. Петров



Адмирал  
Ф. С. Октябрьский



Черноморская эскадра возвращается в освобожденный Севастополь. На переднем плане — гвардейский легкий крейсер «Красный Крым», за ним виден силуэт линкора «Севастополь». 5 ноября 1944 г.

Легкий крейсер «Красный Кавказ» направляется в Севастополь с подкреплением. 1941 г. Фото А. Соколенко





Бронекатера проекта 1124. Крымский берег Керченского пролива, вероятно всего — плацдарм под Еникале. Керченско-Эльтигенская десантная операция. *Конец 1943 г.*

Зенитный расчет на Историческом бульваре Севастополя. *1942 г.*





Командующий 11-й армией вермахта генерал пехоты  
Эрих фон Манштейн на крымском фронте в своем штабном автомобиле.  
*Февраль 1942 г.*

Немецкие солдаты идут по улице Евпатории во время боев за город  
после высадки советского десанта. *Январь 1942 г.*





Офицеры немецких армии и флота идут на позиции разбитой советской бронешашенной батареи № 35 (ББ-35) Севастополя. 29 июля 1942 г.

Немецкие солдаты осматривают разрушенную башню № 2 батареи № 30 в Севастополе. 1942 г.





Генерал-лейтенант  
Д. Т. Козлов

Генерал-лейтенант  
Я. Г. Крейзер  
с представителем  
Ставки ВГК  
Маршалом  
Советского Союза  
А. М. Василевским.  
*Апрель 1944 г.*





В штабе 57-й армии (слева направо): командующий армией Д. И. Рябышев, член Военного совета Ф. Н. Воронин, заместитель командующего Я. Г. Крейзер. *Январь 1942 г.*

Командующий 51-й армией генерал-лейтенант Я. Г. Крейзер на НП под Севастополем





Группа советских партизан-подрывников закладывает взрывчатку на железнодорожном полотне. 27 марта 1942 г. Фото И. Озерского

Строй бойцов партизанского отряда в освобожденном Крыму. Поселок Симеиз на южном берегу Крымского полуострова. Апрель 1944 г. Фото П. Трошкина







Командир  
63-го стрелкового  
корпуса  
генерал-лейтенант  
П. К. Кошевой  
(второй слева)  
с командующим  
51-й армией  
генерал-лейтенантом  
Я. Г. Крейзером  
(справа)  
и командиром  
77-й стрелковой  
дивизии  
генерал-майором  
А. П. Родионовым  
(первый слева).  
*Май 1944 г.*

На Параде Победы  
24 июня 1945 г.  
генерал-лейтенант  
П. К. Кошевой  
командовал  
сводным полком  
3-го Белорусского  
фронта





Маршал  
Советского  
Союза  
П. К. Кошевой

Танки Т-34  
на улице  
освобожденного  
Севастополя.  
*Май 1944 г.*



куировать и не оставить в беде. А мы будем до конца выполнять свой долг перед Родиной»<sup>159</sup>. Нет сомнений, что говорил Иван Ефимович вполне убежденно. Не та была ситуация, чтобы даже невольно, из лучших побуждений лукавить.

Здесь уместно привести оценки И. А. Ласкиным и личности командующего Приморской. Иван Андреевич полтора года воевал под началом генерала Петрова — и в период обороны Севастополя, и позднее, в 1943 г., когда Петров командовал войсками Северо-Кавказского фронта, а Ласкин был у него начальником штаба — и, по собственному признанию, «знал его хорошо». По отзывам Ласкина, «Иван Ефимович по натуре был очень энергичным, исключительно деятельным человеком, а по опыту и умению понимать события, я бы сказал, — еще и мудрым. Особенно заметно его военная квалификация проявлялась в вопросах обороны. Его все знали как мужественного, храброго и волевого генерала».

Мемуарист подчеркивал «своеобразие» условий, в которых И. Е. Петрову пришлось командовать армией во время обороны Одессы и Севастополя, — находиться в течение целого года в отрыве от основных сил Красной армии и принимать исключительно ответственные решения самостоятельно. «И в них, в этих решениях, каждый раз отражались глубокое понимание Иваном Ефимовичем государственных задач, своей роли и ответственности за их выполнение, яркие качества глубоко партийного человека. Петров не терпел равнодушия, умел находить и ценить людей мыслящих, живых, работоспособных». Ласкин подмечал и личные свойства своего командующего: «Иван Ефимович отличался скромностью и безукоризненной честностью. Он не любил позы, всегда оставался простым и доступным, стремился быть среди масс, интересовался жизнью бойцов, и поэтому его знала и вся армия, и моряки, находившиеся в Севастополе. А как он умел по лицам читать душевное состояние и мысли человека! В коротких беседах командарм для каждого человека умел найти и нужные слова, и добрую шутку. В условиях осады это имело первостепенное значение для повышения морального духа войск»<sup>160</sup>.

Однако вернемся к последним дням обороны. С утра 29 июня стало окончательно ясно, что противник начал решительное наступление на всех направлениях, немецкие войска продвинулись вперед. Создав густую дымовую завесу над бухтой Северной и южным ее берегом, они откры-

ли ураганный огонь по советским позициям и начали переправу на катерах и шлюпках. Форсировав бухту, немцы вышли в район Килен-балки и стали приближаться к Севастополю.

Одновременно противник повел наступление и на южном участке фронта в направлении высоты Карагач и Сапун-Горы, где оборону держали 9, 7 и 8-я бригады морской пехоты и 386-я стрелковая дивизия. Используя сильный огонь, удары авиации, враг танками и пехотой прорвал нашу линию обороны, вышел на Сапун-Гору и овладел районом хутора Дергачи. Чтобы не допустить здесь дальнейшего стремительного продвижения противника, командующий армией перенацелил сюда отдельные ослабленные подразделения 25-й дивизии и 9-й бригады морской пехоты и ввел в бой 142-ю стрелковую бригаду, только что переброшенную морем в Севастополь. Однако огромное превосходство противника в силах не позволило изменить ход событий. Немецкая авиация продолжала яростно бомбить последние очаги обороны, сбросив в этот день более десяти тысяч бомб! Бои на всем фронте от Северной бухты до высоты Карагач не стихли с наступлением темноты.

На правом фланге все еще держались 109-я дивизия генерала П. Г. Новикова и подразделения 9-й бригады морской пехоты полковника Н. В. Благовещенского. На Малаховом кургане была прямой наводкой из единственного уцелевшего орудия 701-я береговая батарея капитан-лейтенанта А. П. Матюхина. В течение дня эта возвышенность несколько раз переходила из рук в руки.

Тридцатого июня немцы подошли непосредственно к городу и завязали уличные бои на окраинах. Они возобновили атаки по всему, сжавшемуся теперь до 15 км фронту от Корабельной стороны до бывшего Георгиевского монастыря близ мыса Феолент. В этой полосе наступали части семи дивизий вермахта. Спротивление наших воинов все больше принимало очаговый характер.

Город пылал от не прекращавшихся ни на минуту бомбардировок. Через 13 лет после тех трагических событий И. Е. Петров вспоминал: «Суровую картину представлял Севастополь, наблюдаемый с последних рубежей обороны. На всем видимом пространстве город горел. Сквозь пелену дыма и пыли были видны скелеты горящих разрушенных зданий. Огромное облако дыма, поднявшись в высоту до 5 км, зловещей тенью покрывало многострадальный город. На прилегающих к Севастополю высотах, удерживаемых

нашими войсками, стояла сплошная стена фонтанов земли и дыма, вздымаемых артиллерийскими и авиационными разрывами. Непрерывный гул летающих вражеских самолетов, грохот артиллерийского огня стоял в воздухе. Но ничто не могло сломить мужество и упорство защитников Севастополя, до конца выполнивших свой долг перед Родиной»<sup>161</sup>.

В описании событий третьего штурма Иван Ефимович Петров, и без того не слишком словоохотливый, ограничился буквально двумя абзацами. И его понять легко: в последние две недели события спрессовались настолько плотно, что не только краткой журнальной статьи, но и целой книги ему не хватило бы для обстоятельного повествования. Да и не мог он даже 15 лет спустя рассказать всю правду, как по соображениям политической цензуры, так и по личным причинам. Быть лаконичным при описании последних дней обороны Петрова заставляло, если так позволительно выразиться, и обстоятельство непреодолимой силы: на рассвете 1 июля он, оставив свои войска, с группой генералов и офицеров управления Приморской армии эвакуировался на подводной лодке. Эти действия вызвали у многих участников обороны Севастополя и исследователей севастопольской эпопеи нелицеприятные для Петрова оценки. С ними можно соглашаться или не соглашаться, но скрывать — бессмысленно.

По свидетельству очевидцев, около 1.30 ночи 1 июля Петров, Моргунов, Крылов, Чухнов и ряд других командиров штаба армии, штабов соединений, командиров соединений и комиссаров спустились по винтовому трапу в левый подземный ход-потерну 35-й береговой башенной батареи, которая с прошлой ночи стала запасным командным пунктом как СОР, так и Приморской армии. Пройдя по потерне, они вышли на поверхность через левый командно-дальномерный пост недалеко от спуска к рейдовому причалу. На прибрежных скалах и в непосредственной близости от причала, охранявшегося бойцами из состава отдельного батальона охраны 35-й батареи, собралось несколько тысяч неорганизованных военных и гражданских лиц.

Подполковник Семечкин, начальник отдела укомплектования Приморской армии, позднее рассказывал: «Мы шли на посадку на подводную лодку. Я шел впереди Петрова. В это время кто-то из толпы стал ругательски кричать: “Вы такие-разэдакие, нас бросаете, а сами бежите”. И тут

дал очередь из автомата по командующему генералу Петрову. Но так как я находился впереди него, то вся очередь попала в меня. Я упал...»<sup>162</sup> Кто стрелял — определять было не ко времени. Главное — удалось пройти к причалу, с которого на небольшом буксире «Папанин» комсостав был переправлен на стоявшую невдалеке подводную лодку Щ-209. Приняв на борт 63 человека, она в 2.59 начала движение на Новороссийск, куда и прибыла утром 4 июля.

О том, что предшествовало эвакуации, рассказал Маршал Советского Союза Н. И. Крылов, напомним — тогдашний начальник штаба Приморской армии. «Я оставался у телефонов, когда на батарее в восьмом часу вечера состоялось совместное заседание Военных советов флота и Приморской армии, на котором вице-адмирал Октябрьский огласил полученную из Москвы телеграмму с разрешением оставить Севастополь, ввиду исчерпания всех возможностей его обороны, и о порядке эвакуации.

Генерал Петров, куда-то спешивший, изложил мне все это очень кратко, и, помню, само слово “эвакуация” прозвучало весьма неожиданно, — продолжает Крылов. — А что это относится и персонально ко мне, что я в числе других командиров должен через несколько часов отбыть на подводной лодке, Ивану Ефимовичу пришлось повторить дважды. Наверно, мое лицо все еще выражало недоумение, и командарм произнес уже строго:

— Мы же с вами военные люди, Николай Иванович. Где мы нужнее, решать не нам. Поймите — это приказ.

Не знаю, был ли в моей службе другой приказ, которому я подчинился с таким тяжелым чувством. Не понимал, почему должен уйти в числе первых. Мысль, что это, может быть, избавит меня от гибели, как-то не приносила облегчения...»<sup>163</sup>

Следует сказать, что в телеграмме, в 9.00 30 июня направленной Октябрьским и Кулаковым наркомом ВМФ Кузнецову и командующему Северо-Кавказским фронтом Будённому и содержащей просьбу разрешить эвакуацию руководящего состава (200—500 человек) на Кавказ, генерал Петров фигурировал как остававшийся вместо Октябрьского командующим СОР. Генерал Моргунов должен был остаться в ранге его заместителя. Но уже после того, как разрешение было получено, на последнем совместном заседании Военных советов Черноморского флота и Приморской армии, начавшемся в 19.50, Октябрьского убедили в том, что оставлять Петрова и Моргунова нет необходимо-

сти. Решили, что ни полнокровных частей, ни боеприпасов нет, поэтому с задачей удержать оборону на день-два справится один из командиров дивизий. Выбор пал на генерала Новикова, поскольку его сектор обороны отстаивал Херсонесский полуостров, куда отходили остатки войск.

Директива же маршала Будённого, в которой предписывалось «Октябрьскому и Кулакову срочно отбыть в Новороссийск для организации вывоза раненых, войск, ценностей, генерал-майору Петрову немедленно разработать план последовательного отвода к месту погрузки раненых и частей, выделенных для переброски в первую очередь. Остаткам войск вести упорную оборону, от которой зависит успех вывоза», пришла на узел связи 35-й батареи с большим опозданием. Командующий Приморской армией со своим штабом к этому моменту был уже далеко в море на пути в Новороссийск.

Мысль об эвакуации явно родилась в головах руководителей СОР в самые последние дни. По-настоящему ее последствия не были продуманы. Мало того что расположение части (да еще и по известным причинам без предупреждения подчиненных) покидал командир. В меньшей мере утрате управления войсками способствовал и приказ о переходе всего старшего командного состава армии и флота в распоряжение 35-й башенной батареи, где к концу дня 1 июля собралось не менее двух тысяч человек. Зачем это было сделано? Ведь необходимым количеством судов и кораблей, способных прорваться к Севастополю, флот просто не располагал. А что касается рядовых участников обороны последних дней Севастополя (а во многих случаях и старших офицеров), то большинство из них даже не подозревало, что командование СОР оставляло их сражаться, чтобы решить единственную задачу — прикрыть район своей собственной эвакуации и, если удастся, вывоза старшего командного состава.

К утру 2 июля на берегах Херсонесского полуострова, Камышовой и Казачьей бухт и в других местах оказались оставленными на произвол судьбы десятки тысяч героических защитников Севастополя, в том числе раненых (а их, по разным подсчетам, было 34—37 тысяч человек), без боеприпасов, продовольствия и пресной воды. В плену оказались не менее 95 тысяч человек.

Насколько соответствовало понятиям воинской чести, да и обычной человеческой морали согласие Петрова да и других командиров на эвакуацию, даже если такая эва-

куация с военной точки зрения была и целесообразна? На оценки такого рода, на наш взгляд, имеют право только те, кто воевал рядом с военачальниками, в последний момент отказавшимися разделить горькую участь со своими подчиненными. Некоторые такие оценки приводит военный историк капитан 2-го ранга в отставке И. С. Маношин. А они — категоричны. В памяти защитников Севастополя последних дней, абсолютное большинство которых прошли плен, отложилось, что командование их тогда просто бросило врагу на растерзание.

«Эта так называемая эвакуация была похожа на бегство начальства от своих войск... О состоявшейся в ночь на 1 июля эвакуации командования СОРа я узнал утром 1 июля по прибытии на 35-ю береговую батарею. В памяти были еще свежи воспоминания об удачной эвакуации Приморской армии из Одессы в октябре 1941 года. Поэтому никому в голову не приходила мысль о возможном плохом исходе дел под Севастополем и оказаться оставленным командованием на милость врага» (начальник артиллерии 95-й стрелковой дивизии полковник Д. И. Пискунов; он вместе с другими воинами продолжал сопротивление до 12 июля и прошел плен).

«Я считаю, что мы могли еще держать оборону, если бы не дрогнуло командование, которое должно было уходить последним!» (командир радиовзвода 456-го пограничного полка 109-й стрелковой дивизии старший лейтенант Н. И. Головки).

«Несправедливо замалчивать тех, кто был брошен на произвол судьбы нашим командованием и коварно подставлен под удары авиации и артиллерии противника на обрывах Херсонеса» (пулеметчик отдельного батальона дотов старшина 2-й статьи О. П. Григорьев)<sup>164</sup>.

Нельзя утаить от читателей, что сам Петров остро переживал ситуацию, в которой оказался не только по приказу старшего начальника, но и — что уж греха таить — по собственной воле. В. В. Карпов рисует в своей книге «Полководец» сцену, которой хочется верить, хотя писатель, естественно, не мог при ней присутствовать, а никаких ссылок на рассказы очевидцев не приводит<sup>165</sup>. После того как Петров продиктовал последний приказ о вступлении в должность оставшегося за него генерала Новикова, он ушел в отведенный ему кубрик. Забеспокоился член Военного совета армии И. Ф. Чухнов, подошел к двери и приоткрыл ее. И вовремя! В тот момент, когда Чухнов приоткрывал дверь,



Петров, лежа на кровати лицом к стене, уже расстегивал кобуру. Чухнов быстро вошел в комнату и положил руку на плечо Петрова.

«Некоторое время оба молчали. Потом Чухнов спросил:

— Фашистам решили помочь? Они вас не убили, так вы им помогаете? Не дело вы задумали, Иван Ефимович. Не-хорошо. Насовсем, значит, из Севастополя хотели уйти? А кто же его освобождать будет? Не подумали об этом? Вы, и никто другой, должны вернуться сюда и освободить наш Севастополь.

Петров сел. Глаза его блуждали. Он искал пенсне, чтобы лучше видеть Чухнова, но не нашел, порывисто встал, одернул гимнастерку, поправил ремни и застегнул кобуру»...

---

---

## Филипп Сергеевич ОКТАБРЬСКИЙ

*Родился 9 (21) октября 1899 г. в деревне Лукшино Зубцовского уезда Тверской губернии, до 1924 г. носил фамилию Иванов.*

*Адмирал (1944 г.).*

*В Военно-морском флоте — с ноября 1918 г.: матрос-кочегар на вспомогательных судах Балтийского флота, машинист на вспомогательном крейсере «Лейтенант Шмидт» Северной военной флотилии и линкоре «Гангут» из состава Морских сил Балтийского моря (МСБМ). После окончания в июле 1922 г. восьмимесячных курсов при Петроградском коммунистическом университете — на партийной работе в морском отделе Политического управления РККА, с октября — начальник агитационно-пропагандистского отдела Северной военной флотилии в Архангельске. С мая 1928 г. — вахтенный начальник — стажер помощника командира тральщика «Клюз». В этом же году окончил параллельные курсы при Военно-морском училище им. М. В. Фрунзе.*

*С сентября 1928 г. — в отряде торпедных катеров МСБМ: командир торпедного катера, группы, дивизиона, отряда торпедных катеров. С июня 1932 г. — командир отряда торпедных катеров Морских сил Дальнего Востока, затем командир и военком бригады торпедных катеров Тихоокеанского флота.*

*В феврале 1938 г. назначен командующим Амурской военной флотилией, во главе которой участвовал в боевых действиях в районе озера Хасан. С марта 1939 г. — командующий Черноморским флотом.*

*В годы Великой Отечественной войны — в прежней должности. С ноября 1941 г. — командующий Севастопольским оборонительным районом. В связи с неудачным десантом в Южную Озерейку под городом Новороссийском в апреле*

1943 г. освобожден от должности и направлен в распоряжение наркома ВМФ. С июня 1943 г. — командующий Амурской военной флотилией. В марте 1944 г. вновь назначен командующим Черноморским флотом.

После войны — в той же должности. С ноября 1948 г. — 1-й заместитель главнокомандующего ВМС, с января 1951 г. — в длительном отпуске и на лечении. С апреля 1952 г. — начальник Управления научно-испытательных полигонов ВМС. С декабря 1954 г. — в отставке по болезни. В мае 1957 г. вновь определен на военную службу и назначен начальником Черноморского высшего военно-морского училища им. П. С. Нахимова. С июня 1960 г. — в распоряжении главнокома ВМФ, с сентября — инспектор-советник Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Герой Советского Союза (20 февраля 1958 г.), награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Ушакова 1-й степени, орденами Нахимова 1-й степени, Суворова 2-й степени, Красной Звезды, медалями, а также иностранными орденами.

Депутат Верховного Совета СССР 1—2-го созывов.

Скончался 8 июля 1969 г. Похоронен в городе Севастополе на кладбище Коммунаров.

## Если завтра война...

Сколько бы ни прошло десятилетий после Великой Отечественной войны, начало которой сложилось для нашей страны столь трагически, людская память неизбежно будет возвращаться к рассвету 22 июня 1941 г. Возвращаться в поисках ответа на мучительный вопрос: почему так сложилось, что многие гарнизоны сухопутных войск были в буквальном смысле разбужены вражескими обстрелами и бомбардировками, тогда как моряки не просто бодрствовали, а еще на подступах к своим главным базам встретили немецкую авиацию метким разящим огнем?

Едва ли не у каждого — свой ответ. Но самый убедительный дали черноморцы. Осуществленное под руководством командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского успешное отражение вражеского налета на Севастополь на рассвете 22 июня, когда не было потеряно ни единого боевого корабля, стало своеобразным апофеозом той, подчас рутинной, утомительной, незаметной для постороннего взгляда, но тщательной и настойчи-

вой работы по подготовке к самому главному экзамену — экзамену, устраиваемому противником.

Такая подготовка велась, конечно, не только на Черноморском, но и на всех флотах, поскольку инициировал ее ставший в 1939 г. наркомом ВМФ СССР адмирал Н. Г. Кузнецов. Решительно действовал он и в самый канун войны. Исходя из данных разведки, 19 июня 1941 г. на оперативную готовность № 2 были переведены Балтийский и Северный флоты, базы затемнены. 18 июня из района учений в Севастополь вернулся Черноморский флот и получил приказ оставаться в готовности № 2.

Около 23.00 21 июня нарком обороны СССР маршал С. К. Тимошенко передал Н. Г. Кузнецову сталинское указание о приведении войск РККА и РККФ в полную боевую готовность. В отличие от наркома обороны СССР и начальника Генерального штаба РККА генерала армии Г. К. Жукова, которые, подписав у Сталина соответствующую директиву, взялись готовить довольно пространную телеграмму с указаниями командующим западными приграничными военными округами (потом она, передаваемая вниз, проходила довольно длительную процедуру зашифровки и расшифровки в штабах всех уровней), Николай Герасимович 21 июня 1941 г. в 23.50 отдал приказ Главному морскому штабу телеграфом передать на флоты директиву и краткий условный сигнал. И тут же лично продублировал свой приказ телефонными звонками командующим Балтийским и Северным флотами В. Ф. Трибуцу и А. Г. Головки, а также начальнику штаба Черноморского флота И. Д. Елисееву. При этом дал указание, не задумываясь, открывать огонь по нарушителям советского воздушного пространства.

«В 02 часа 40 минут, — вспоминал Н. Г. Кузнецов, — все корабли и части флота уже были фактически в полной боевой готовности. Никто не оказался застигнутым врасплох»<sup>166</sup>. Это было особенно важно еще и потому, что в случае выведения из строя флот уже не мог бы рассчитывать на восстановление за недостатком у страны сил и средств.

И вот он — тот самый апофеоз растянувшейся на несколько лет напряженной подготовки на Черноморском флоте. Послушаем не моряка, а начальника Генерального штаба Красной армии (а войну в этом качестве начинал будущий Маршал Советского Союза Г. К. Жуков), чтобы еще сильнее оттенить простую истину: наладив собствен-

ную систему перехода на высшие степени боевой готовности, моряки ЧФ решили задачу не локальной, флотской потребности, а задачу общегосударственную.

«В 3 часа 07 минут [22 июня 1941 г. — *Авт.*] мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский и сообщил: “Система ВНОС\* флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний”.

Я спросил адмирала:

— Ваше решение?

— Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Переговорив с С. К. Тимошенко, я ответил Ф. С. Октябрьскому:

— Действуйте и доложите своему наркому...

В 4 часа я вновь разговаривал с Ф. С. Октябрьским. Он спокойным тоном доложил:

— Вражеский налет отбит. Попытка удара по нашим кораблям сорвана. Но в городе есть разрушения.

Я хотел бы отметить, — резюмировал Г. К. Жуков, — что Черноморский флот во главе с адмиралом Ф. С. Октябрьским был одним из первых наших объединений, организовано встретивших вражеское нападение»<sup>167</sup>.

Так блестяще оправдалась заранее продуманная и отработанная на флотах до автоматизма организация дела. В сухопутных войсках западных приграничных округов было, к глубокому сожалению, иначе: далеко не везде телеграмма из Москвы успела дойти к началу вторжения, а где ее и получили, то не успели расшифровать.

Чтобы до конца разобраться в значимости того, чего и как удалось добиться командованию именно Черноморского флота, важно проследить за ходом событий на ЧФ последних лет, месяцев, недель накануне войны. Именно тогда была заложена база, опираясь на которую командованию Севастопольского оборонительного района (СОР) удалось столь упорно отстаивать главную базу флота вплоть до первых чисел июля 1942 г.

Подготовкой Севастополя к обороне с суши командование флота стало заниматься еще в конце 1940 г.: на этот счет имелся специальный приказ наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова, касавшийся и других военно-морских баз.

---

\* Система воздушного наблюдения, оповещения и связи.

Она шла под личным руководством командующего флотом Ф. С. Октябрьского, ставшего во главе ЧФ в марте 1939 г. Готовились к отражению вражеских десантов, как воздушных, так и морских: опыт войны на Западе, в частности, захват немцами острова Крит, подтверждал их возможность и эффективность. Никто тогда даже в теории не допускал возможности осады города-крепости противником, дошедшим до Крыма от границы. Специальная комиссия во главе с комендантом береговой обороны флота и главной базы генерал-майором береговой службы П. А. Моргуновым провела к весне 1941 г. рекогносцировку и выбор главного рубежа сухопутной обороны. Он был запланирован в 10–16 км от Севастополя, то есть на расстоянии, не позволявшем противнику обстреливать город такой артиллерией, какая могла быть на вооружении у десантных частей.

По указанию руководства ВМФ в марте было проведено учение по отражению воздушного десанта в районе Севастополя с фактической выброской дальней авиацией воздушно-десантных частей из Киевского особого военного округа, наступавших на нашу главную базу. Это учение помогло увидеть слабые места в ее обороне.

С учетом результатов учения была приведена в определенную систему организационная сторона сухопутной обороны Севастополя: определен состав привлекаемых к ней сил, фронт обороны разделен на три сектора и два самостоятельных боевых участка — Городской и Балаклавский. Военный совет утвердил комендантов секторов и боевых участков (ими назначались по совместительству командиры флотских береговых частей). Началась практическая отработка этой организации, прежде всего в штабах.

Ответственность за защиту Севастополя с суши, естественно, возлагалась на командование береговой обороны — генерала П. А. Моргунова, который являлся также начальником Севастопольского гарнизона. На него же, как на начальника гарнизона, было возложено и руководство местной противовоздушной обороной. К ней в Севастополе относились очень серьезно. Команды МПВО, регулярно тренировавшиеся, имелись во всех районах города, на всех предприятиях. «Любое учение на флоте, любой выход кораблей по сигналу тревоги означали тревогу и учение для всей системы МПВО в масштабе города», — отмечал в своих воспоминаниях бывший член Военного совета флота вице-адмирал Н. М. Кулаков<sup>168</sup>. «Секретарь горкома партии Б. А. Борисов, будучи комиссаром МПВО, придавал боль-

шое значение тому, чтобы учения были для подразделений МПВО неожиданными и их выучка проверялась в обстановке, максимально приближенной к боевой.

На кораблях и в береговых частях флота настойчиво отрабатывались действия по переводу на различные степени боеготовности, чему Ф. С. Октябрьский уделял первостепенное внимание. В мае на Черноморский флот прибыл начальник Главного морского штаба (ГМШ) адмирал И. С. Исаков, чтобы вместе со специалистами ГМШ проверить фактическую боевую готовность кораблей, частей и соединений. Проверки производились внезапно. Без каких-либо предупреждений и в самое различное время суток представители ГМШ вручали командирам пакеты с определенными заданиями»<sup>169</sup>.

В целом флот проверку выдержал, но недоработок обнаружилось немало, и их общей причиной были до конца не изжитые настроения мирного времени. Ф. С. Октябрьский издал строгий приказ, имевший цель завершить перестройку всех звеньев флотского организма к оперативному переходу на высшую ступень боевой готовности.

«На середину июня было назначено учение Черноморского флота совместно с частями Одесского военного округа в северо-западном районе моря и на прилегающих участках побережья. Обычно учения такого масштаба устраивались осенью, чтобы, исходя из их результатов, подвести итоги летней боевой учебы. Но сама атмосфера в отношениях с Германией не позволяла никаких отсрочек. Тем более что и адмирал И. С. Исаков, вновь прибывший на флот для наблюдения за учениями, дополнительно осведомил Военный совет о нарастающей опасности войны.

Учение предусматривало высадку оперативного десанта в составе стрелковой дивизии на необорудованное побережье и нанесение удара по военно-морской базе (а для другой стороны — отражение его). Подготовка велась очень тщательно»<sup>170</sup>. Командующий побывал чуть ли не в каждом корабельном и авиационном подразделении, с полным напряжением работал штаб флота, который за месяц до описываемых событий возглавил контр-адмирал И. Д. Елисеев.

Характерная деталь, много говорящая о напряженности обстановки последних мирных дней: когда штаб руководства учением пришел на плавбазе «Эльбрус» в Одессу, командующий войсками Одесского военного округа генерал-полковник Я. Т. Черевиченко не смог лично встретить начальника ГМШ ввиду тревожного положения на грани-

це, не позволявшего удалиться от средств связи. А когда встреча все же состоялась, командующий войсками округа познакомил гостей с «последними фактами вторжения иностранных самолетов в советское воздушное пространство», а также «с донесениями о наблюдаемом передвижении румыно-немецких войск за Дунаем и Прутом»<sup>171</sup>.

Информацию о том, что угроза нападения со стороны Германии нарастает, Ф. С. Октябрьский получал постоянно и от разведывательного отдела штаба флота. Его начальник полковник Д. Б. Намгаладзе все чаще докладывал о многочисленных фактах нарушения границы немецкими военными самолетами. Буквально за несколько дней до нападения разведотдел вскрыл факт сосредоточения германских транспортов в портах Румынии. Факт, незначительный с точки зрения гражданского человека, много говорил профессиональным морякам.

Не могли не насторожить и показания перебежчика, задержанного моряками Дунайской военной флотилии и настаивавшего на том, что Германия готовится к скорой войне с СССР<sup>172</sup>. Конечно, будущий противник мог и специально забросить перебежчика в целях дезинформации — такой вариант не исключался, но вкупе с другими разведсведениями показания румына выглядели убедительно. Наконец, 21 июня полковник Д. Б. Намгаладзе доложил запись открытой передачи английского радио, в которой говорилось, что нападение Германии на Советский Союз ожидается в ночь на 22 июня.

Напряженность обстановки нарастала, но, по признанию члена Военного совета флота Н. М. Кулакова, «у нас не доставало данных, чтобы во всем разобраться». При этом, как он утверждал в своих воспоминаниях, командование ЧФ отнюдь не было дезориентировано известным сообщением ТАСС от 14 июня 1941 г., в котором, как известно, ширившиеся слухи о близкой войне Германии против СССР объявлялись происками британской пропаганды. «Оно [сообщение ТАСС. — *Авт.*] ставило нас в несколько затруднительное положение, но мы полагали, что оно имеет целью создать у заправил гитлеровской Германии впечатление, будто наша страна не замечает их внешних приготовлений. И мы продолжали призывать личный состав к повышению бдительности и боевой готовности. Об этом, в частности, свидетельствует директива командования Черноморского флота. Она требовала от командиров соединений, кораблей и частей: в пятидневный срок про-



верить по-настоящему боевое управление, план обороны, развертывание, режим полетов авиации, выход и вход кораблей на предмет — “Готовы ли вы к войне?”»<sup>173</sup>.

Так совпало, что именно 14 июня началось описанное выше учение ЧФ совместно с частями Одесского военного округа. О том, что никакой деморализации сообщение ТАСС не внесло и обстановка, в которой проводились учения, отличалась неослабной бдительностью, «может дать представление такая деталь: был установлен особый сигнал, означавший, что учение прерывается и флот немедленно переходит на ту степень повышенной боевой готовности, какая будет назначена... Флагманам соединений и их заместителям по политчасти, — как вспоминал Н. М. Кулаков, — говорилось прямо: не исключено, что развитие событий заставит перейти от учения к боевым действиям...

Учение продолжалось по своему плану. На западном побережье Крымского полуострова был высажен десант. Хорошо показали себя морские летчики, подводники. Адмирал Исаков дал высокую оценку действиям кораблей и высадившейся дивизии. 18 июня учение закончилось, и корабли стали возвращаться в Севастополь. Разбор маневров планировался на 23 июня. Адмирал Исаков объявил, что задерживаться не может, и, поручив проведение разбора Военному совету флота, отбыл в Москву».

Возможно, кто-то из моряков и надеялся хотя бы на небольшую передышку, как это обычно бывает у людей, хорошо потрудившихся и честно выполнивших немалую работу. Однако Ф. С. Октябрьский, проконсультировавшись с наркомом и ГМШ, сохранил оперативную готовность № 2. А на следующий день из Москвы поступила директива наркома Кузнецова о введении такой степени готовности на всех флотах.

Субботний вечер 21 июня внешне мало отличался от обычного, предвыходного. Личному составу кораблей, свободному от вахты, были предоставлены отдых и увольнение на берег. «Выходов кораблей на боевую подготовку на следующий день не планировалось. В Доме флота давали концерт артисты московской эстрады...»<sup>174</sup>

## Так начиналась война

Филипп Сергеевич Октябрьский оставался в служебном кабинете. С полным напряжением функционировали и дежурные структуры штаба флота.

Тревожное ожидание не обмануло. Примерно в 01.00 ночи Октябрьский получил телеграмму наркома ВМФ СССР о переводе флота на повышенную оперативную готовность. Краткий разговор с адмиралом Н. Г. Кузнецовым состоялся и по телефону.

Наступило время действовать без промедления. По сигналу «Большой сбор» к командующему прибыли член Военного совета Н. М. Кулаков, начальник штаба флота контр-адмирал И. Д. Елисеев, генерал-майор береговой службы П. А. Моргунов, начальник разведотдела полковник Д. Б. Намгаладзе, руководители других служб, комендант города, а также секретарь горкома партии Б. А. Борисов. Они были быстро ознакомлены с указаниями из Москвы и, получив необходимые распоряжения, без промедления приступили к их исполнению на своих рабочих местах.

«Корабли и части приступили к приемке добавочного боезапаса, топлива, продовольствия. По гарнизону был дан сигнал “Большой сбор”, а база и город затемнены», — вспоминал Н. М. Кулаков. В нарушение установленного порядка «светили только Херсонесский маяк и Инкерманские створные знаки»: оказалось, что телефонная связь с ними нарушена, как выяснилось позднее, диверсантами. Туда срочно направили посыльных на мотоциклах, и вскоре маяк и створные знаки потухли.

К 02.30 переход на оперативную готовность № 1 закончили все корабельные соединения, береговая оборона, морская авиация. О том же поступил доклад с Дунайской военной флотилии. В самом Севастополе проревели сирены воздушной тревоги, были отключены рубильники на городской электростанции, и город погрузился во тьму.

Как вспоминал Н. М. Кулаков, между ним и командующим состоялся короткий диалог, вероятно, последний, разделивший для собеседников мирное время и время военное:

«— Как думаешь, Николай Михайлович, это война?»

— Похоже, что так, — ответил я. — Кажется, англичане не наврали. Не думали все-таки мы с тобой, Филипп Сергеевич, что она начнется так скоро...»<sup>175</sup>

Так скоро... Словно подтверждая беспокоившую их обоих мысль, оперативный дежурный штаба флота (им в эту ночь был флагманский химик ЧФ капитан 2-го ранга Н. Т. Рыбалко) доложил по телефону о том, что посты службы наблюдения и связи из Евпатории и с мыса Сарыч засекли приближение группы самолетов со стороны моря.

Самолеты — явно чужие, поскольку по информации штаба ВВС флота наша авиация полетов в этот момент не совершала.

Тогда-то Октябрьский и взялся за трубку аппарата ВЧ, чтобы позвонить в Москву Г. К. Жукову. Что происходило потом — картина раздваивается. Член Военного совета Н. М. Кулаков описывает ситуацию таким образом, что у читателя складывается однозначное впечатление: Октябрьский, в отличие от некоторых своих подчиненных, оказался способным быстро «переключить себя» на войну.

За минуту-две до того, как зенитчики должны были открыть огонь, Октябрьскому, как пишет Кулаков, позвонил командир одного из дивизионов зенитно-артиллерийского полка, прикрывавшего Севастополь. В крайнем волнении он заявил, что не сможет решиться на открытие огня: а вдруг самолеты наши, и тогда ему придется отвечать за последствия. «Ф. С. Октябрьский потребовал прекратить неуместные рассуждения и выполнять приказ.

— В противном случае, — закончил командующий, — вы будете расстреляны за невыполнение боевого приказа».

Мемуарист специально пояснил, почему он привел в своих воспоминаниях этот эпизод — дабы показать всю бесосновательность утверждений, проникших в «отдельные военно-исторические произведения», будто у командующего Черноморским флотом возникали какие-то колебания насчет того, следует ли открывать огонь. «Как человек, находившийся рядом с ним, — подчеркнул Н. М. Кулаков, — могу засвидетельствовать, что никаких колебаний и сомнений на этот счет у Ф. С. Октябрьского не было»<sup>176</sup>.

Говоря об ошибках в «отдельных военно-исторических произведениях», Кулаков явно имел в виду (хотя и не назвал их) воспоминания капитана 2-го ранга Н. Т. Рыбалко, на которые сослался Н. Г. Кузнецов в своей книге «Накануне», вышедшей в 1966 г.

А картина из них складывается, говоря дипломатично, несколько иная, чем та, что позднее в своих мемуарах нарисовал бывший член Военного совета ЧФ. Угроза расстрела прозвучала из уст командующего флотом в адрес не какого-то анонимного командира дивизиона, а как раз Н. Т. Рыбалко. Когда оперативный дежурный доложил Октябрьскому о запросе начальника ПВО полковника Жилина, открывать ли огонь по неизвестным самолетам, между ними возник следующий диалог, который Н. Г. Кузнецов воспроизвел по воспоминаниям Н. Т. Рыбалко:

*«Ф. С. Октябрьский.* Есть ли наши самолеты в воздухе?

*Н. Т. Рыбалко.* наших самолетов нет.

*Ф. С. Октябрьский.* Имейте в виду, если в воздухе есть хоть один наш самолет, вы завтра будете расстреляны.

*Н. Т. Рыбалко.* Товарищ командующий, как быть с открытием огня?

*Ф. С. Октябрьский.* Действуйте по инструкции»<sup>177</sup>.

Что значит «по инструкции»? Если говорить без обиняков, это была попытка под благовидным предлогом переложить принятие чрезвычайно ответственного решения на подчиненного. Объяснить природу нерешительности, проявленной Октябрьским, в общем-то, несложно. Ведь дело касалось на какой-то пограничной заставы, привыкшей ко всяким инцидентам и по определению неспособной стать причиной масштабного конфликта, а Севастополя — главной военно-морской базы Черноморского флота. Приказ об открытии огня всей системой ПВО по неизвестным еще в те минуты самолетам вполне мог отозваться межгосударственным конфликтом. На командовании флота лежала большая ответственность: с одной стороны, не пропустить безнаказанно врага, а с другой — не вызвать осложнения обстановки, что было чревато крупными неприятностями лично для адмирала.

Кому из довоенных руководителей не были известны категорические указания Сталина ни при каких обстоятельствах не дать немцам повода к нападению и те карательные меры, которые обрушились бы на голову виновного. Кое-кто из высших управленцев в Москве скорее готов был позволить врагу безнаказанно совершить нападение, нежели взять на себя ответственность за предупредительные меры. Давно уже исчерпавшая надежда избежать войны жила даже тогда, когда нападение уже совершилось и на огромных пространствах вдоль западной границы лилась кровь советских людей. И такой настрой не мог не спускаться на нижние ступени управления, разрыхляя волю руководителей на местах.

За примером далеко ходить не надо: когда сам Кузнецов, получив по телефону от Октябрьского доклад о налете, совершенном на Севастополь, попытался связаться со Сталиным, у него ничего не вышло. Дежурный отказался беспокоить вождя, но при этом «обрадовал»: мол, «доложу кому следует». Через несколько минут адмиралу раздраженно позвонил начальник Управления кадров и секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков, входивший в ближайшее

окружение Сталина, с вопросом: «Вы понимаете, что докладываете?» Поверили наркому ВМФ СССР, вероятно, только после того, как его доклад проверили «контрольными» звонками в Севастополь. Командующему ЧФ звонили и Г. М. Маленков, и всесильный нарком внутренних дел Л. П. Берия, и генерал Г. К. Жуков. Из их дотошных расспросов командующий флотом должен был сделать однозначный вывод: если он поторопился с выводами о налете вражеской авиации, если поддался на провокацию, не сносить ему головы.

Так что, повторимся: колебания Октябрьского — отдавать приказ на открытие огня по неизвестным самолетам или нет, да еще в условиях крайнего дефицита времени — вполне понятны. Непонятно только, зачем задним числом оправдывать эти колебания или даже скрывать, как это сделал Кулаков. Явно переход от мирного времени психологически давался очень тяжело и рядовым морякам, и их командующему.

В любом случае оперативный дежурный Н. Т. Рыбалко получил-таки вполне определенный приказ об открытии огня по самолетам для его передачи начальнику ПВО. И твердо отдал такой приказ находившийся рядом с ним начальник штаба флота И. Д. Елисеев. Забегая вперед скажем, что Севастополь стал единственной советской военной базой, которая в условиях внезапного нападения оказала противнику организованное сопротивление.

Огонь был открыт примерно в 3 часа 07 минут. По небу, в поисках цели, зашарили, запрыгали снопы света внезапно вспыхнувших в ночи прожекторов, заговорили зенитные орудия батарей и кораблей. Немецкие самолеты подходили к Севастополю на небольшой высоте. Это были бомбардировщики He. 111Н из 2-й группы подполковника Готлиба Вольфа 4-й бомбардировочной эскадры «Генерал Вефер», базировавшейся на румынском аэродроме Силистра (Силистрия). Сколько боевых машин участвовало в налете, в точности неизвестно. По данным ПВО ЧФ, от пяти до девяти, но не исключено, что некоторые экипажи бомбардировщиков в связи со своевременным затемнением главной базы ЧФ попросту не смогли обнаружить цель. Военный историк М. Э. Морозов полагает, что в вылете было задействовано никак не меньше эскадрильи (то есть 8—10 самолетов), а может, и вся группа (примерно 30 самолетов)<sup>178</sup>.

Какую боевую задачу они решали? Октябрьский вначале полагал, что главной целью вражеской авиации бы-

ло ядро флота — корабли эскадры. Это предположение, казалось, подтвердила и находка штабными специалистами крупного осколка металла закругленной формы, напоминавшего кусок крышки от торпеды. Это наводило на мысль, что с самолетов, быть может, сбрасывались торпеды — оттого и такая сила взрывов — и враг замыслил устроить черноморцам «Таранто» (так называется порт на Средиземном море, у которого английские самолеты-торпедоносцы за один налет в ноябре 1940 г. вывели из строя три итальянских линкора).

Однако это предположение не подтвердилось. Было установлено, что самолеты, появившиеся над Севастополем, сбрасывали не торпеды и не бомбы, а морские мины на парашютах. Цель врага стала ясной — заминировать выходы из севастопольских бухт, чтобы запереть в них советские корабли, сковать, таким образом, Черноморский флот, а последующими налетами потопить и уничтожить все, что находится в главной базе. Этот замысел был сорван, поскольку врагу не удалось застать наших моряков врасплох. Прицельно сбросить мины на фарватер смогли далеко не все экипажи, большая их часть попала на берег или на мелководье, где они автоматически самоподрывались. А один из бомбардировщиков вообще был сбит, его записала на свой боевой счет 59-я отдельная железнодорожная зенитная батарея.

Опираясь на первые доклады, командующий ЧФ позвонил в Москву, наркому ВМФ. «По необычайно взволнованному голосу вице-адмирала Ф. С. Октябрьского, — вспоминал Н. Г. Кузнецов, — уже понимаю — случилось что-то из ряда вон выходящее.

— На Севастополь совершен воздушный налет. Зенитная артиллерия отражает нападение самолетов. Несколько бомб упало на город...

Смотрю на часы. 3 часа 15 минут. Вот когда началось... У меня уже нет сомнений — война!»<sup>179</sup>

## **Флот вступает в войну**

Не осталось сомнений о начале германской агрессии и у Октябрьского. Из поступавших непрерывно докладов ему также становился ясен замысел врага по минированию выхода из бухт, в первую очередь Северной. Окончательно убедиться в этом «помогли» новые налеты люфтваффе, по-

следовавшие 24, 27, 28, 29 июня, 3 и 4 июля. И каждый из них сопровождался минными постановками немцев. Ситуация разрядилась лишь после того, как 2-я группа 4-й бомбардировочной эскадры была перебазирована на Балтику.

По немецким данным, с 22 июня по 4 июля 1941 г. она выставила 120 мин в районе Севастополя и 50 в Днепровском лимане. По советским данным, начиная с первой военной ночи, наблюдательным постам главной базы флота удалось заметить сброс 44 мин, из которых только 24 упали на выходе из Северной бухты. Таким образом, даже если допустить, что часть сброшенных мин осталась незамеченной, немцам удалось выставить в заданном районе только около четверти от израсходованного числа, а остальные упали на сушу или далеко в море, где они не представляли большой угрозы<sup>180</sup>.

Быть запертым в бухте и не иметь возможности ударить по врагу — что может быть унижительнее для моряка? Октябрьский уже в 04.35 первого военного утра (а первый налет продолжался около получаса) приказал провести траление в Северной и Южной бухтах и на выходном фарватере. Бригада охраны водного района главной базы, ею командовал контр-адмирал В. Г. Фадеев, приказ выполнила, но... ничего не обнаружила.

Между тем мины ждали своего часа, одна из них дала о себе знать в тот же вечер. В Карантинной бухте подрывался и затонул буксир СП-12, погибли 26 членов экипажа. Днем 24 июня в результате взрыва пошел ко дну 25-тонный плавучий кран. Но катера-тральщики, барражировавшие по водной поверхности, не подрывались. Не потому ли, что, в отличие от буксира и крана, были деревянными? Да, причина как раз состояла в том, что немцы выставили не привычные якорные контактные мины, для обнаружения которых наши моряки использовали обычные тралы, а донные, неконтактные. Воздействие магнитного поля проходящего над миной стального корабля приводило к ее взрыву. Развеять сомнения по поводу того, мины какого типа применяет противник, помог случай: во время налета 24 июня одна из упавших на берег мин не взорвалась, и ее смогли обследовать специалисты.

Но само по себе это знание не могло уберечь корабли эскадры, ибо специальных тралов, для того чтобы бороться с этими минами (да и самих мин такого типа), в советском флоте еще не было. Поэтому какое-то время траление внешнего рейда осуществлялось обычными контактными

тралами. Кроме того, выставленные немцами мины были оснащены устройствами, позволявшими задержать момент взрыва на несколько суток, а также осуществлять подрыв не первого проходившего над миной корабля, а определенного по счету. Именно по этой причине флот 1 июля потерял новый эсминец «Быстрый». Перед ним по фарватеру прошли два транспорта, буксир и подводная лодка, но мощный взрыв рванул именно под «Быстрым».

Адмирал Октябрьский вынужден был доложить нарком ВМФ СССР Кузнецову о том, что отсутствие средств борьбы с донными минами частично парализовало активную деятельность флота. По этой же причине, а также из-за боязни потерять транспорты от атак подводных лодок и авиации противника в первые дни войны на театре перевозки замедлились. Средствами траления донных мин флот не обладал. Но и сидеть сложа руки никто не собирался. Командующий поставил задачу найти пути борьбы с минной опасностью имеющимися средствами. Командующий флотом вызвал к себе контр-адмирала В. Г. Фадеева, возглавлявшего охрану водного района главной базы. Из доклада подчиненного узнал, что флагманские специалисты ведут настойчивый поиск.

Пытаются, например, «спровоцировать» магнитные мины на подрыв, протраливая бухты и фарватеры с помощью железной баржи, которую буксирует деревянный тральщик. Правда, признал Фадеев, пока эффекта не достигли. Потому пока вынуждены ограничиваться консервативными средствами — пеленгуют мины еще в воздухе, когда они спускаются на парашютах. Пеленгуют всплески на воде при падении мины. Все эти точки обозначаются вежами.

— Неплохо, но это только начало, — заметил командующий. — Надо без промедления научиться уничтожать эти мины, иначе бухта вскоре может вся покрыться вежами... Понимаете, что это будет означать для нашего флота?<sup>181</sup>

Еще бы не понимать. Корабли просто замрут у стенки, став возможной добычей вражеской авиации.

Хотя бы частичный выход из положения был найден через несколько дней. «При очередном докладе командир охраны водного района сообщил, что из дозора возвратилось звено катеров лейтенанта [Дмитрия] Глухова. Дозор проводил в море корабли, сбрасывая глубинные бомбы впереди крейсера, это была обычная профилактика против вражеских подводных лодок. Необычной оказалась ответная ре-



акция морских глубин. Глухов сбросил три бомбы, а взрывов засек на один больше.

— Сдетонировала мина? — оживился Октябрьский.

— Выходит, так, — ответил контр-адмирал.

— Это уже метод — траление бомбежкой. Надо его отрабатывать»<sup>182</sup>.

Но вопрос надо было решать кардинально. Было известно, что еще накануне войны советские ученые вели эксперименты по размагничиванию кораблей и создали принципиальную схему электромагнитного трала. На кораблях, в первую очередь на линкоре и крейсерах, монтировались защитные размагничивающие устройства. По просьбе Октябрьского на флот из Ленинграда прибыли будущие светила ядерной физики профессора И. В. Курчатов и А. П. Александров, предложившие метод размагничивания кораблей при помощи специальных обмоток. Еще одна группа специалистов под руководством флагманского минера флота капитана 2-го ранга М. М. Семенова и при помощи коллег из Наркомата ВМФ СССР уже к концу июля сконструировали баржевый электромагнитный трал, располагая которым стало уже легче очищать от мин фарватеры и бухты.

Решению проблемы борьбы с минами отдавалось всё. Подчас это была настоящая игра со смертью. Тот же «лейтенант Глухов много раз водил свой катер над минами, пытаясь установить, от каких физических полей они срабатывают. На одном из галсов вблизи катера трижды раздавались сильнейшие взрывы. Крошечный корабль получил серьезные повреждения, моряки были контужены... С нетерпением ожидал Октябрьский доклада о швартовке катера, а когда получил его, тут же отправился на причал»<sup>183</sup>. Каждого моряка лично поблагодарил, пообещав представить к награде. Особую признательность адмирал высказал Д. А. Глухову. Он, конечно, не знал тогда, насколько этот офицер оправдает доверие, став позднее Героем Советского Союза. К глубокому сожалению, посмертно, получив тяжелое ранение в Эльтигенском десанте в ноябре 1943 г.

Проблема борьбы с минами была решена, боевые корабли могли теперь спокойно, разумеется, не теряя осмотрительности, выходить в море. Тем более что черноморцы вовсе не собирались отсиживаться в главной базе. Но пока корабли вынужденно были ограничены в действиях, удары по вражеским аэродромам и базам взяла на себя авиация флота. Уже во вторую военную ночь по прика-

зу Октябрьского, согласовавшего свой план с наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым, ВВС ЧФ нанесли удар по Констанце. Она по праву называлась морскими воротами Румынии. «Добываемая в нефтеносном районе Плоешти нефть частично отправлялась в Германию по железной дороге, а частично по трубопроводу транспортировалась в нефтехранилища Констанцы»<sup>184</sup>, откуда перекачивалась на танкеры для доставки в Италию. Удар по Констанце и Плоешти позволял нарушить обеспечение топливом как немцев, так и их союзников итальянцев. Недаром в одной из директив Гитлер 12 августа 1941 г. потребовал: «Овладеть Крымом, который, будучи авиабазой противника, представляет собой большую угрозу румынским нефтяным районам».

По приказу Октябрьского штаб детально разработал план операции. К шести тяжелым бомбардировщикам вместо бомб подвесили истребители и так доставили их к месту боя. Истребители наносили удар с малых высот. А Пе-2 бомбили с пикирования.

Бомбардировочный рейд на Констанцу 23 июня перерос со 2 июля в бомбежки Плоешти. Горели нефтехранилища, шли ко дну готовые к отправке танкеры и транспорты, взрывались поезда с цистернами. Но победы давались высокой ценой. Дальности полета были таковы, что сопровождение бомбардировщиков истребителями совершенно исключалось. До конца июля оба имевшихся в составе ВВС флота ударных полка морской авиации — 2-й минно-торпедный авиационный полк и 40-й бомбардировочный авиационный полк — совершили в сумме около 650 самолетовылетов, потеряв при этом 22 ДБ-3 и 17 СБ и Пе-2<sup>185</sup>.

Тем не менее тяжелая обстановка, складывавшаяся на южном фланге советско-германского фронта, требовала новых ударов по экономическим объектам в Румынии. 10 и 13 августа два мощных авиаудара были нанесены по Чернаводскому мосту через Дунай. В результате второго налета смогли разрушить одну из опор моста и разорвать находившийся под мостом нефтепровод Плоешти — Констанца. 14 и 18 августа наши самолеты бомбили Плоешти, а 16 августа — Констанцу.

Принцип «длинной руки», которым, как считал адмирал Октябрьский, должен руководствоваться флот, распространялся и на действия тактических соединений подводных лодок. Позиционный метод их использования не приносил желаемого эффекта. Командующий поручил отделу подводного плавания штаба флота во главе с капита-

ном 1-го ранга А. В. Крестовским, командирам 1-й и 2-й бригад подводных лодок контр-адмиралу П. И. Болтунову и капитану 1-го ранга М. Г. Соловьеву вместе с командирами кораблей проанализировать результаты первых боевых походов и разработать новые тактические приемы. Подводные лодки стали крейсировать в ограниченных районах, атаковать цели не одиночными торпедами, а залпом.

Только за первый период войны черноморцы потопили свыше 20 вражеских транспортов и кораблей, всерьез нарушив обеспечение вражеского флота топливом. Главнокомандующий ВМФ Германии гроссадмирал Эрех Редер осенью 1941 г. докладывал Гитлеру о критическом положении с нефтью: «Румынский экспорт к нам и в Италию прекратился полностью»<sup>186</sup>. Удары по вражеским коммуникациям и инфраструктуре позволяли Черноморскому флоту вынести рубежи обороны Крымского полуострова в западную часть Черного моря и даже на территорию Румынии. Но пришло время и, к сожалению, пришло неожиданно быстро, — когда заниматься обороной Крыма пришлось на подступах к нему, а то и непосредственно на его территории.

Флот обычно отвечает за оборону портов и баз с моря — так диктует военно-морское искусство. Великая Отечественная война заставила пересмотреть эти каноны, в первую очередь на южном крыле советско-германского фронта. Военно-стратегическая обстановка летом и осенью 1941 г. сложилась так, что сначала Одессе, а потом и Севастополю враг угрожал захватом именно с суши.

В течение 73 дней осажденная Одесса, отвлекая на себя огромные силы вермахта, сдерживала его продвижение вдоль побережья, в том числе в направлении крымских перешейков. При этом ЧФ оказал защитникам Одессы всю возможную помощь. К этому его прямо обязывала директива Ставки ВГК, отданная командованию Южного фронта 5 августа и направленная Октябрьскому в копии: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот». С этого дня и пошел отсчет героической, продлившейся до 16 октября, обороны города и военно-морской базы.

У противника было пятикратное превосходство над защитниками Одессы в артиллерии и более чем шестикратное в личном составе. Полукольцо вокруг города постепенно сжималось. Советское командование не знало о приказе Ставки Гитлера от 21 августа, гласившем, что «главнейшей

задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма...», но сам напор немецких войск говорил об их стремлении решить исход войны именно здесь, на юге. Тем не менее об оставлении Одессы никто не помышлял. 19 августа приказом Ставки ВГК был создан Одесский оборонительный район во главе с командиром Одесской военно-морской базы контр-адмиралом Г. В. Жуковым, командующий Приморской армией стал его заместителем по сухопутным войскам. Возможности обороны города и военно-морской базы были далеко не исчерпаны. Однако в ночь на 1 октября руководство ООР получило директиву Ставки ВГК, в которой приказывалось: «В связи с угрозой потери Крымского полуострова, представляющего главную базу Черноморского флота, и ввиду того, что в настоящее время армия не в состоянии одновременно оборонять Крымский полуостров и Одесский оборонительный район, Ставка Верховного главнокомандования решила эвакуировать Одесский район и за счет его войск усилить оборону Крымского полуострова»<sup>187</sup>.

За двенадцать дней, с 5 по 16 октября, новый командующий Приморской армией генерал-майор И. Е. Петров вместе с контр-адмиралом Жуковым осуществил неожиданный для противника маневр: постепенный вывоз техники, вооружения, материальных ценностей и затем внезапный, незаметный для врага отход всех сил армии и посадку на суда. Проведенная Черноморским флотом операция была настолько четко организованной и одновременно дерзкой, что румыны даже своевременно не смогли обнаружить эвакуацию советских войск.

Оставить Одессу, еще способную к сопротивлению, пришлось из-за резкого осложнения в конце сентября ситуации в районе Крымского перешейка. Части 51-й армии не смогли сдержать войска 11-й немецкой армии и оставили Перекопские позиции, позволив противнику ворваться в Крым. Еще 12 сентября Октябрьскому доложили о том, что полевая батарея флота № 725, выдвинутая на Перекопский перешеек, вступила в бой с передовым отрядом фашистских войск. Вскоре здесь развернулось ожесточенное сражение. Что называется, во весь рост вставала организация обороны главной базы флота — Севастополя.

Разумеется, принципиально этот вопрос был проработан еще до войны. Уже 22 июня вступила в действие система обороны города со стороны моря, включавшая дозорную, противоминную и противодесантную службы. На

десятый день войны началось строительство оборонительных сооружений вокруг Севастополя.

Но опять-таки все эти меры предусматривали оборону главной базы с моря, а в конкретных условиях наступившей осени, как и в случае с Одессой, речь шла об организации обороны с суши. И здесь готовность сухопутных войск и сил флота оказывалась явно недостаточной. Не была отработана даже система взаимодействия между ними, отсутствовала надежная система управления.

Была ли в этом вина командования Черноморского флота? Вряд ли.

### **Война обнажила проблемы флота**

Предпринятая еще в октябре 1940 г. командованием ВМФ попытка разработки концепции места и роли флота в современной войне не удалась. Многие дельные предложения участников совещания, состоявшегося 7–14 октября 1940 г. в Ленинграде, не получили поддержки в Наркомате обороны СССР. Нарком ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов признавал, что в те годы с этим существовали очень серьезные проблемы, связанные с приоритетным положением сухопутных войск, что наносило ущерб боевой подготовке флота. Спустя почти полвека после описываемых событий он писал: «К сожалению, в армейских кругах мало значения придавалось войне на море и в прибрежных районах. Господствовали классические сухопутные доктрины ведения войны, и Генеральный штаб отмахивался от всех флотских вопросов, не придавая им большого значения...

Словом, накануне войны у нас не было четкой военной доктрины, а поэтому не могло быть и четко сформулированных задач флоту, не была определена и его роль в системе Вооруженных Сил. Без этого нельзя было приступить к разработкам конкретных задач флотам...»<sup>188</sup>

События первых месяцев Великой Отечественной войны показали, что задачи, поставленные директивой наркома обороны СССР № 103312 от 14 октября 1940 г., были далеки от реалий осени 1941 г. Нарком обороны СССР в этой директиве требовал: с началом войны флот во взаимодействии с авиацией Красной армии должен нанести «решительное поражение флотам наших противников; оказывать содействие наступлению сухопутных сил и уничтожению береговой обороны противника; активными действиями на

коммуникациях противника не допустить подвоза войск и боевого снаряжения в порты воюющих против СССР государств; осуществлять оборону побережья СССР, не допуская высадки вражеских десантов; по указанию Главного Командования осуществлять высадку морских десантов во фланг и в тыл приморских группировок противника»<sup>189</sup>.

Однако в начальный период войны самостоятельные морские операции фактически не проводились, а «главные» или «основные» задачи сил Черноморского флота менялись в зависимости от складывавшейся оперативной обстановки на сухопутном театре военных действий, особенно на приморских направлениях. Так, 28 июня нарком ВМФ СССР указал, что главной задачей Черноморского флота в данный период является защита морских коммуникаций, и в первую очередь обеспечение перевозок жидкого топлива. Но уже 13 июля своей директивой № 9/63 нарком сообщил, что «основной задачей в ближайшие дни считать оборону побережья». В последующие месяцы задачи флота также сводились к обороне военно-морских баз в Одессе и Севастополе на изолированных приморских плацдармах.

В соответствии с директивой Ставки ВГК от 14 августа 1941 г. № 00931, подписанной Верховным главнокомандующим И. В. Сталиным и начальником Генерального штаба РККА маршалом Б. М. Шапошниковым, Черноморский флот был оперативно подчинен командующему 51-й отдельной армией «в отношении задач, касающихся обороны Крыма»<sup>190</sup>.

Двойное подчинение Черноморского флота вело к возникновению конфликтных ситуаций и негативно влияло на организацию управления его силами и средствами. Когда осенью 1941 г. остро встал вопрос о доставке морем жидкого топлива из Батуми, ГКО СССР установил жесткий контроль над его перевозками. Даже незначительное отклонение от установленного графика движения танкеров вызывало негативную реакцию высшего военно-политического руководства страны, выражавшуюся порой в огульной критике ГМШ и, соответственно, командования Черноморского флота по каждому конкретному случаю. И в то же время от командующего Черноморским флотом не менее жестко требовали максимально сконцентрировать усилия на обеспечении и поддержке войск Отдельной Приморской армии, оборонявших Одессу. Оказавшись меж двух огней и не видя реальной возможности одновременно выполнять различные по характеру и месту их решения за-

дачи, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский прямо заявил, что уже не знает, какие приказы ему надлежит выполнять в первую очередь. Руководство Генерального штаба РККА и ГМШ не нашли ничего лучше, чем дать командующему Черноморским флотом дельный совет — «решать две задачи как одну»<sup>191</sup>.

Однако уже вскоре Черноморский флот и его командующий решали совершенно иные задачи. Как уже отмечалось выше, оставив в оперативном тылу оборонявшуюся Одессу, войска 11-й немецкой армии под командованием генерала пехоты Эриха фон Манштейна устремились в Крым.

Для обороны Крыма была сформирована на правах фронта 51-я отдельная армия с непосредственным подчинением Верховному главнокомандованию. Ее командующим был назначен генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, заместителем командующего — генерал-майор П. И. Батов.

Верховный главнокомандующий требовал от командования армии «не допустить врага на территорию Крымского полуострова с суши, с моря и воздуха; удерживать Крымский полуостров в наших руках до последнего бойца». Черноморский флот обязан был своими действиями воспретить подход и высадку на Крымский полуостров десантов противника<sup>192</sup>.

Вице-адмирал Ф. С. Октябрьский предложил выделить в помощь 51-й армии ряд береговых частей флота. На Перекопский перешеек был направлен 122-й полк зенитной артиллерии в составе трех дивизионов. На Перекопских позициях, а также на берегу Сиваша были установлены восемь флотских береговых батарей среднего калибра. 51-й армии был также передан бронепоезд «Орджоникидзевец», экипаж которого был укомплектован военнослужащими командного и рядового состава Черноморского флота. Когда немецкие пехотные части начали наступление из Генческа к Арабатской стрелке, корабли Азовской флотилии поддерживали части 51-й армии артиллерийским огнем. Прибывавшие из Одессы части Приморской армии с ходу вступали в бой с врагом. Однако пехотные дивизии Манштейна железным моторизованным кулаком опрокинули оборону советских войск на Ишуньских позициях и, выйдя в районы степного Крыма, развили форсированное наступление на Саки и Бахчисарай с целью перерезать пути отхода войск Приморской армии на Севастополь, а 51-й армии — к Керченскому полуострову.

Именно в эти крайне тяжелые для защитников Крыма дни Ставкой было принято решение: учитывая успешный опыт обороны Одессы объединить боевое управление действовавшими на полуострове силами сухопутных войск и флота, назначив командующим войсками Крыма заместителя народного комиссара ВМФ СССР вице-адмирала Г. И. Левченко. Ему в оперативном отношении Ставка подчинила и Черноморский флот. Несколько позже, в ноябре 1941-го, заместителем Левченко по сухопутным войскам и командующим 51-й армией стал генерал-майор П. И. Батов. В боях с передовыми частями 11-й немецкой армии он грамотно руководил войсками, не позволяя противнику прорваться в Крым через Перекопский перешеек.

Однако эти меры Ставки оказались явно запоздалыми. Был конец октября 1941 г. Выправить кадровыми перестановками крайне тяжелую обстановку на крымском участке фронта уже не представлялось возможным.

Имевшимися в распоряжении командующего войсками Крыма силами остановить врага также было невозможно. Но и в таких крайне тяжелых условиях 24 октября 1941 г. частями и соединениями Приморской армии у села Воронцовка Красноперекопского района был предпринят контрудар. На отдельных участках противника удалось задержать и даже отбросить назад. Однако пополнив передовые части подходившими резервами, немцы вновь перехватывали инициативу и продолжали наступление. Соотношение сил было явно не в пользу защитников Крыма. Темпы и направление наступления войск противника позволяли практически безошибочно полагать, что Манштейн предпримет попытку овладеть Севастополем с ходу.

## **Враг рвется к Севастополю**

Теперь речь шла уже о непосредственной угрозе Главной военно-морской базе Черноморского флота. Весь гарнизон базы состоял из 23 тысяч человек — военнослужащих 8-й бригады морской пехоты, 2-го и 3-го Черноморских полков морской пехоты, пяти батальонов моряков Учебного отряда, двух курсантских батальонов Военно-морского училища береговой обороны и батальона морской пехоты Дунайской военной флотилии. Для организации обороны города и базы этого было явно недостаточно. Поэтому для создания необходимого запаса сил и средств требова-



лось любой ценой задержать наступление противника хотя бы на короткое время. 26 октября командующий войсками Крыма вице-адмирал Г. И. Левченко обсуждал совместно с представителями командования Черноморского флота возможные меры помощи сухопутным войскам. В частности, он потребовал от командующего флотом Ф. С. Октябрьского перебросить в район боевых действий 7-ю бригаду морской пехоты.

К началу сентября 1941 г. в сформированной в августе того же года 7-й бригаде морской пехоты пятибатальонного состава были полностью сформированы и обучены лишь 1-й и 4-й батальоны. Эти батальоны уже были отправлены в середине сентября под Перекоп для поддержки сухопутных войск, получив наименование 1-го и 2-го Перекопского отрядов. Было спешно начато формирование новых батальонов в составе бригады. Именно в это время, 26 октября, и поступил приказ командующего войсками Крыма перебросить бригаду из Севастополя для поддержки войск 51-й армии. Затем был получен приказ развернуть бригаду на промежуточном рубеже Саки — Окречь, а несколько позже командующий Приморской армией генерал И. Е. Петров прикрыл бригадой правый фланг своей армии. Приказы, которые получал командир бригады, были порой весьма противоречивыми. Первоначально он получал приказы от командования 51-й армии, затем от командования Приморской армии, а потом вновь от командования 51-й армии.

Командир 7-й бригады морской пехоты комбриг (позже генерал-лейтенант) Е. И. Жидилов о перипетиях тех дней писал в своих мемуарах: «Последние эшелоны с подразделениями бригады прибывают на станции Бюк-Онлар и Курман-Кемельчи поздно ночью. Утром, получив полную норму боеприпасов, моряки пешком отправляются к позициям. Пройти им нужно почти полсотни километров. Это значит маршировать весь день. И, как назло, погода портится. Моросит мелкий дождь. Грунтовая дорога раскисла. Черная густая грязь пудовыми комьями налипает на ногах...

Навстречу нам все идут и идут тягачи с орудиями, автомашины, смертельно усталые люди. Командование оттягивает с фронта части, измотанные и обескровленные долгими непрерывными боями...

Пока же мы продолжаем выполнять полученный ранее приказ. Подразделения прямо с марша начинают ока-

пываться. На помощь строительных батальонов полагаться теперь нечего: когда они еще подойдут, да и подойдут ли вообще, а ждать мы не можем — враг рядом...

Оборонительные работы скоро пришлось прервать. Из Симферополя поступает приказ. В нем говорится, что противник уже движется вдоль побережья на Саки. Нашей бригаде предписывается к утру 30 октября, то есть завтра же, занять новый рубеж: Тюмень — Старый Карагут — Темеш и задержать там противника. Прикидываю по карте расстояние до нового района. Сорок километров! Если идти без отдыха, и то еле-еле за восемь часов преодолеем такой путь. А люди ведь только что отшагали полсотни километров»<sup>193</sup>.

Между тем дальнейшие боевые действия и судьба 7-й бригады морской пехоты, ее героизм, мужество и трагедия больше не являлись «зоной ответственности» командования Черноморского флота. Вице-адмирал Ф. С. Октябрьский выполнил приказ вице-адмирала Г. И. Левченко. Командующий Черноморским флотом в оперативном отношении был подчинен командующему войсками Крыма. Жертвуя «малым», он не выпускал из своих рук управление главными силами флота. Ф. С. Октябрьского не прельщала перспектива разделить печальную участь командования Западного фронта, обвиненного в бездействии, нераспорядительности и развале управления войсками.

Командующий войсками Крыма 26 октября вызвал в Симферополь на совещание членов Военного совета Черноморского флота Ф. С. Октябрьского, Н. М. Кулакова и И. И. Азарова. В совещании принимал участие также и начальник Главного политического управления РККФ СССР — заместитель наркома ВМФ СССР И. В. Рогов. Участник совещания, член Военного совета Черноморского флота дивизионный комиссар Н. М. Кулаков в своих воспоминаниях о совещании и последующих событиях сообщал: «Когда мы находились у командующего войсками Крыма, ему доложили о дальнейшем продвижении противника... 28 октября командующий флотом отбыл на эсминце в кавказские порты. Ф. С. Октябрьский хотел лично удостовериться в том, что они способны принять те корабли (речь шла прежде всего об основном боевом ядре эскадры, в том числе о линкоре), дальнейшее базирование которых в Севастополе вот-вот могло стать слишком рискованным или просто невозможным. Дело было важное и срочное. И все же я считал, не скрывая этого от Филиппа Сергеевича,

что его решение отлучиться в тот момент из Севастополя, пусть на короткий срок, было не лучшим»<sup>194</sup>.

Действительно, именно в эти дни решалась судьба обороны Севастополя. 27 октября 1941 г. постановлением Военного совета войск Крыма № 026 на полуострове с 28 октября вводилось осадное положение<sup>195</sup>. В это время командующий флотом оставляет Главную военно-морскую базу и на эсминце «Бойкий» убывает инспектировать порты Кавказского побережья с целью подготовки военно-морских баз к передислокации сил флота. За себя Ф. С. Октябрьский оставил начальника штаба флота контр-адмирала И. Д. Елисеева. Что это было? Ущемленные личные амбиции командующего, получавшего теперь приказы не только из Ставки ВГК и наркома ВМФ, но и от командующего войсками Крыма; нежелание разделить с адмиралом Левченко ответственность за дальнейшую судьбу главной базы флота или линия поведения командующего ЧФ, желавшего при любом развитии событий, даже самом неблагоприятном, вывести из-под удара противника и сохранить боевое ядро флота? Дальнейший ход событий не дает четкого ответа на эти вопросы, но позволяет более или менее полно представить себе позицию командующего флотом.

После убытия Ф. С. Октябрьского «для подготовки эвакуации основных сил флота», как он сам говорил об этом в докладе на военно-научной конференции, состоявшейся в 1961 г., спустя двадцать лет после начала героической обороны Севастополя, начальнику штаба флота контр-адмиралу И. Д. Елисееву, заместителю командующего по обороне Главной базы ЧФ контр-адмиралу Г. В. Жукову и коменданту береговой обороны генерал-майору П. А. Моргунову, а также членам Военного совета дивизионным комиссарам Н. М. Кулакову и И. И. Азарову пришлось принимать экстренные меры по обороне Севастополя.

Двадцать девятого октября приказом заместителя командующего ЧФ по обороне главной базы контр-адмирала Г. В. Жукова город был объявлен на осадном положении. Вечером 30 октября, чтобы организованно отразить первый натиск противника на Севастополь, Жуков отдал боевой приказ:

«30 октября 1941 г. 20:00

1. Противник прорвал линию фронта, его передовые мотомеханизированные части вышли в район Евпатория — Саки, угрожая Севастополю.

2. 51-я и Приморская армии отходят на рубеж Окречь — Саки.

3. Частям гарнизона г. Севастополя во взаимодействии с кораблями и береговой артиллерией не допустить противника к ГВМБ и уничтожить его на подходе к Севастополю.

4. а) 2-й ПМП — оборонять рубеж Камары — Чоргунь — Шули;

б) 3-й ПМП — оборонять рубеж Черкез-Кермен, Заланкой, х. Кефели, высота 142,4;

в) МСП — двумя батальонами оборонять рубеж гора Азис-Оба, Аранчи, отм. 42,7, курган Маяк-Оба...;

г) Училищу БО — одним батальоном с 76-мм батареей оборонять рубеж Тоуле, г. Азис-Оба, Аранкой;

д) Учебному отряду ЧФ — двумя батальонами и ротой МСП оборонять рубеж Черкез-Эли, Тархэнлар, Бурлюк, Альма-Тамак, берег моря;

е) батальон 8-й бригады морской пехоты — мой резерв, сосредоточиться в районе ст. Мекензиевы Горы;

ж) батальон ДВФ со 122-мм орудием — резерв командира МСП — сосредоточиться в районе Мамашай;

з) начальнику ПВО ЧФ обеспечить ГВМБ от нападения противника с воздуха и быть готовым к использованию артиллерии и авиации по живой силе и танкам противника;

и) командирам секторов немедленно занять свои боевые сектора по указанию коменданта БО ГВМБ.

5. Мой ФКП — КП БО ГВМБ, запасной — ФКП флота.

6. Первый заместитель — генерал-майор Моргунов. Второй заместитель — полковник Кабалюк.

*Заместитель командующего ЧФ по обороне ГВМБ контр-адмирал Г. Жуков»<sup>196</sup>.*

Так к вечеру 30 октября 1941 г. в Севастополе появилось единое командование обороной Севастополя, слаженно управлявшее обороной Главной военно-морской базы с единого командного пункта.

Именно в этот день произошло и еще одно примечательное событие, положившее начало 250-дневной героической обороне Главной военно-морской базы Черноморского флота города Севастополя. В 16.35 расположенная в районе деревни Николаевка, севернее Севастополя береговая батарея № 54, которой командовал старший лейтенант И. И. Заика, встретила артиллерийским огнем колонну немецких танков, рвавшихся к городу.

Как вспоминал нарком ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов, в последующие дни «бои против гитлеровцев вела уже не

только артиллерия, но и авиация и части морской пехоты. Береговая батарея № 30 обстреливала скопления войск противника в Бахчисарае и Альма-Тамаке. Открыла огонь и береговая батарея № 10. Береговая артиллерия флота замыкалась на генерал-майора П. А. Моргунова. Его опыту многим обязан Севастополь с самых первых дней борьбы. Комендант береговой обороны генерал Моргунов был фактическим хозяином на рубеже. В дни ноябрьского штурма именно он командовал не только артиллерией береговой обороны, но также батальонами дотов и дзотов, батареями ПВО и всеми сухопутными флотскими частями: бригадами, полками, отрядами»<sup>197</sup>.

Пятого ноября на Военном совете флота, уже в присутствии командующего флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского, вернувшегося в Севастополь 2 ноября, командующий Приморской армией генерал И. Е. Петров прямо заявил, что опираясь на оборону, созданную флотом, с «приходом Приморской армии Севастополь можно держать». Однако еще 4 ноября Октябрьский послал на имя Верховного главнокомандующего и наркома ВМФ СССР телеграмму, в которой сообщал о резком ухудшении оперативной обстановки в Крыму и, в частности, вокруг Севастополя и предлагал вывести из Главной военно-морской базы боевой состав Черноморского флота и рассредоточить его по военно-морским базам Черноморского побережья Кавказа. Для руководства обороной Севастополя Октябрьский предлагал оставить своего заместителя по обороне Главной военно-морской базы контр-адмирала Г. В. Жукова с подчинением ему всех сухопутных частей. При этом командный пункт Черноморского флота, то есть свой командный пункт, он просил разрешения перенести в Туапсе.

### **«Командую СОРом!»**

Четвертого ноября 1941 г. командующий войсками Крыма вице-адмирал Г. И. Левченко своим приказом объединил сухопутные войска и силы Черноморского флота, оборонявшие Главную военно-морскую базу флота, в Севастопольский оборонительный район (СОР). В него входило четыре сектора обороны, в которых войска последовательно занимали передовой, главный и тыловой рубежи, а в случае необходимости эвакуации населения и войск — рубеж прикрытия. Ставка ВГК одобрила решения Левченко о

создании СОР. Зная намерения командующего Черноморским флотом Октябрьского о перебазировании в Туапсе, командующий войсками Крыма принял решение назначить командующим СОР не его, а генерала И. Е. Петрова.

Шестого ноября Октябрьский в очередной раз направил телеграмму, но только уже на имя Верховного главнокомандующего. В ней он вновь сообщил о критическом положении Севастополя и доложил, что вывел основные силы флота на базы побережья Кавказа. В этой телеграмме он еще раз указал, что контр-адмирал Жуков будет организовывать оборону Севастополя, а командный пункт флота передислоцируется в Туапсе.

Подобные действия командующего Черноморским флотом вызывают непонимание, если не сказать неприятие. Вместо того чтобы докладывать высшему военно-политическому руководству страны о совместной с командующим войсками Крыма работе по организации обороны полуострова и конкретно Главной военно-морской базы ЧФ, он настойчиво информировал Ставку о критической ситуации вокруг Севастополя и своем желании оставить его и командовать флотом из Туапсе.

Однако последующие события позволяют несколько прояснить позицию командующего ЧФ, которая объяснялась стремлением Октябрьского добиваться максимальной самостоятельности в принятии решений («кто в доме хозяин?»), дистанцироваться от «промежуточных» звеньев управления флотом и, соответственно, нежеланием отвечать за их приказы силам флота, которые, по мнению командующего ЧФ, могли привести к трагическим последствиям. И дело здесь не столько в ущемленных адмиральских амбициях, сколько в несовершенстве управления и без того ограниченными силами и средствами защитников Крыма и Севастополя. Реакция Ставки была незамедлительной. 7 ноября в адрес командующих войсками Крыма и Черноморским флотом была направлена директива «О мерах по усилению обороны Крыма». В ней отмечалось:

«С целью сковывания сил противника в Крыму и недопуска его на Кавказ через Таманский полуостров Ставка Верховного главнокомандования приказывает:

Главной задачей ЧФ считать активную оборону Севастополя и Керченского полуострова всеми силами.

Севастополя не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами.

Все три старых крейсера и старые миноносцы держать в

Севастополе. Из этого состава сформировать маневренный отряд для действий в Феодосийском заливе по поддержке войск, занимающих Ак-Монайские позиции.

Отряду Азовской флотилии поддерживать войска Ак-Монайской позиции с севера.

Линкоры, новые крейсера базировать в Новороссийске, используя для операции против берега, занятого противником, и усиления отряда старых кораблей. Базирование эсминцев по Вашему усмотрению.

Часть ЗА из оставленных районов использовать на усиление ПВО Новороссийска.

Организовать и обеспечить перевозку в Севастополь и Керчь войск, отходящих в Ялту, Алушту и Судак.

Истребители, штурмовики и часть самолетов МБР оставить в Севастополе и Керчи, остальную авиацию использовать с аэродромов СКВО для ночных ударов по аэродромам, базам и войскам противника в Крыму.

Эвакуировать из Севастополя и Керчи на Кавказ все ценное, но не нужное для обороны.

Руководство обороной Севастополя возложить на командующего ЧФ т. Октябрьского с подчинением Вам. Заместителем командующего ЧФ иметь в Туапсе наштафлота.

Вам находиться в Керчи. Для непосредственного руководства обороной Керченского полуострова назначить генерал-лейтенанта Батова.

И. Сталин Б. Шапошников Н. Кузнецов»<sup>198</sup>.

Получив директиву, командующий флотом своим приказом от 10 ноября объявил, что руководство обороной Севастополя и Главной военно-морской базой Черноморского флота Ставка ВГК возложила на него. 11 ноября он направил Верховному главнокомандующему и наркому ВМФ СССР телеграмму, в которой сообщил, что вступил в обязанности командующего СОР.

В ситуации, сложившейся с управлением войсками Крыма, силами Черноморского флота и СОР, решение Ставки было, пожалуй, единственно верным. Как отмечал нарком ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов, руководство вице-адмирала Г. И. Левченко и контр-адмирала Г. В. Жукова не могло быть действенным, поскольку все боевые средства флота находились в руках командующего<sup>199</sup>. И теперь именно он, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, нес персональную ответственность перед Верховным за оборону Севастополя, хотя, согласно директиве, и оставался в подчинении командующего войсками

Крыма вице-адмирала Левченко. Менее чем через две недели, 19 ноября СОР перешел в непосредственное подчинение Ставки. Должность командующего войсками Крыма упразднялась, поскольку стала лишним звеном в системе руководства силами СОР после оставления советскими войсками Керченского полуострова. Многоуровневость подчиненности командования Черноморского флота была устранена. Сосредоточение всей полноты власти в руках командующего Севастопольским оборонительным районом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского позволило достичь в складывавшейся критической обстановке столь необходимой централизации управления, согласованности усилий сил армии и флота, поддержания взаимодействия между ними.

Командующий Приморской армией генерал-майор И. Е. Петров был назначен заместителем командующего СОР по сухопутной обороне, заместителем по береговой обороне стал генерал-майор П. А. Моргунов, генерал-майор авиации Н. А. Остряков вступил в должность заместителя командующего СОР по авиации, членом Военного совета стал дивизионный комиссар Н. М. Кулаков. После того как 9 ноября в состав СОР вошла Приморская армия численностью около 19 тысяч человек, силы, находившиеся в распоряжении вице-адмирала Октябрьского, стали насчитывать до 55 тысяч человек, около 100 самолетов, 170 орудий, 60 зенитных орудий и 30 пулеметов. Более 15 тысяч севастопольцев вступили добровольцами в народное ополчение и пополнили ряды защитников города.

Войска 51-й отдельной и Приморской армий в течение почти месяца, с 18 октября по 16 ноября 1941 г., сковывали непрерывными боями крупную группировку немецких войск, что позволило командованию войск Крыма усилить сухопутную оборону Главной военно-морской базы Черноморского флота — Севастополя. Это были своевременные меры, так как 8 ноября 105-й пехотный полк 72-й пехотной дивизии вермахта овладел Балаклавой. До Севастополя оставалось полтора десятка километров.

Начавшееся 11 ноября немецкое наступление на Севастополь стало суровой проверкой личного состава СОР на стойкость. Сосредоточив четыре пехотные дивизии, моторизованный отряд и румынскую моторизованную бригаду общей численностью около 60 тысяч человек, противник начал наступление на Севастополь. Немецкое командование решило нанести главный удар вдоль Ялтинского шоссе на Балаклаву и вспомогательный удар — из района Черкез-



Кермен вдоль долины Кара-Кобя. В ходе ожесточенных боев, встречая упорное сопротивление советских частей, противнику за 10 дней боев удалось вклиниться в передовую оборонительную полосу советских войск лишь на двух участках: в направлении Дуванкоя — на 3—4 км и у хутора Мекензия — на 1—2 км.

Пятнадцатого ноября Октябрьский доложил Верховному главнокомандующему о положении в Севастопольском оборонительном районе: «Состояние обороны Севастополя продолжает оставаться исключительно напряженным. Противник на фронте имеет 50, 72 и 132 пд, 32-ю егерскую дивизию, 36-й мотополк, 118-й мотоотряд, кавбригаду румын и продолжает подтягивать части. 14 ноября вновь подошедшая 72 пд начала наступать на Балаклаву. На восстановление положения брошены все резервы... Несмотря на просьбы, до сих пор не получили ни ответа, ни пополнения людьми, винтовок, пулеметов. Снарядов для полевой артиллерии осталось на 3 дня боя.

Создавшееся положение не обеспечивает оборону Севастополя. Без немедленной помощи свежими войсками, оружием, боеприпасами Севастополь не удержать. Жду незамедлительно Вашего решения»<sup>200</sup>.

На следующий день Ставка приказала установить базой снабжения Севастопольского оборонительного района Новороссийск, а все имеющиеся в Новороссийской военно-морской базе боеприпасы отправить в Севастополь<sup>201</sup>. Командующему Закавказским фронтом предписывалось немедленно выделить в распоряжение вице-адмирала Октябрьского 3 тысячи винтовок, 100 пулеметов, 25 тысяч снарядов различного калибра и 60 тысяч 50-мм и 107-мм мин<sup>202</sup>. Эта помощь сыграла немаловажную роль в отражении первого наступления противника на Севастополь.

Семнадцатого ноября в город с боями пробивались части 184-й дивизии НКВД, а 19 ноября в осажденный врагом Севастополь прибыл первый транспорт с боеприпасами. Несколько позже началась активная переброска в город подкреплений. Защитников Севастополя поддерживали артиллерийским огнем корабли Черноморского флота. Задачу, поставленную Ставкой, — Севастополь не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами, защитники города выполнили. Части и соединения противника понесли значительные потери и к концу ноября вынуждены были заметно снизить свою боевую активность и с 21 ноября перешли к планомерной осаде города.

Командование СОР во главе с вице-адмиралом Октябрьским использовало любую благоприятную возможность для восстановления и строительства оборонительных рубежей, установки новых стационарных артиллерийских батарей. С 7 по 15 декабря в Севастополь прибыли 388-я стрелковая дивизия и девять маршевых батальонов, увеличив тем самым число защитников города еще более чем на 17,5 тысячи человек. К 30 ноября на главном рубеже было восстановлено и модернизировано 29 артиллерийских дотов, построено 173 пулеметных дзота, вырыто 804 окопа, 114 пулеметных точек, установлено 67,9 км проволочных заграждений и 42 208 мин<sup>203</sup>.

Для более эффективного использования огневой поддержки корабельной артиллерии в обороне главной базы приказом командующего Черноморским флотом от 29 ноября был сформирован специальный отряд корабельной поддержки. В него вошли крейсера «Красный Крым», «Красный Кавказ», а также группа миноносцев под командованием капитана 1-го ранга В. А. Андреева. Корабельная артиллерия оказала большую моральную поддержку защитникам города. Советский военачальник дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Н. И. Крылов, прошедший в должности начальника штаба Приморской армии от начала до конца оборону Одессы и Севастополя, в своих воспоминаниях писал: «Сам тот факт, что такие корабли могли прийти и приходили на помощь Севастополю, говорил людям убедительнее всяких слов: Черное море остается нашим, господствует на нем наш флот!»<sup>204</sup>

Второго декабря 1941 г. Октябрьский направил телеграмму наркому ВМФ СССР Н. Г. Кузнецову и начальнику Генерального штаба РККА Б. М. Шапошникову: «Севастополь крепко держим, будем держать, как приказали... еще раз прошу поскорее решить вопрос о даче Севастополю более крупной поддержки»<sup>205</sup>.

## **Враг у стен Севастополя!**

Положение защитников города существенно осложнилось после того, как 51-я армия 16 ноября оставила Керчь и почти вся территория Крыма, кроме Севастополя, была оккупирована немецкими войсками. Противник получил возможность перебросить часть своих сил с керченского участка под Севастополь.

В начале декабря 1941 г. началось контрнаступление советских войск под Москвой и на ряде других участков советско-германского фронта. В Крыму советское командование планировало высадку крупного десанта с целью освобождения Керченского полуострова, а затем, при благоприятном развитии боевых действий, и всего Крыма.

Ставкой ВГК было принято решение возложить командование морской частью операции на вице-адмирала Ф. С. Октябрьского, который должен был для руководства действиями прибыть в Новороссийск. Командующий флотом дал телеграмму начальнику штаба Черноморского флота контр-адмиралу И. Д. Елисееву: «Руководство операцией с Козловым [командующий Закавказским фронтом. — *Авт.*] поручено мне. 9/XII выхожу в Новороссийск на крейсере “Красный Кавказ”...»<sup>206</sup> И вновь события разворачивались таким образом, что командующий СОР покидал Севастополь в самый неподходящий момент, поскольку подготовка десантной операции проходила в условиях нарастания активности войск противника именно на Севастопольском направлении. В течение первой половины декабря под Севастополь были переброшены две немецкие пехотные дивизии и две румынские горнострелковые бригады, осуществлялась дальнейшая концентрация сил артиллерии, танков и авиации. После 10 декабря на немецких аэродромах в Крыму количество самолетов значительно возросло, что также свидетельствовало о подготовке широкомасштабного наступления на Севастополь.

После мощной артиллерийско-минометной подготовки 17 декабря в 6.10 войска 11-й немецкой армии перешли в наступление по всему фронту обороны Севастополя<sup>207</sup>. Защитники города несли значительные потери, но в течение 17–18 декабря сдержали наступление превосходящих сил противника. Исполняющий обязанности командующего СОР контр-адмирал Г. В. Жуков и член Военного совета Черноморского флота дивизионный комиссар Н. М. Кулаков неоднократно докладывали заместителю начальника Генштаба — начальнику Оперативного управления А. М. Василевскому, наркому ВМФ СССР Н. Г. Кузнецову и командующему Черноморским флотом Ф. С. Октябрьскому о развитии наступления противника на подступах к Севастополю, высказывая настоятельные просьбы оказать всю возможную помощь СОР в доставке боеприпасов и пополнения.

Непрерывные бои с возрастающей силой продолжа-

лись также весь день 19 декабря. Возникла реальная угроза прорыва войск 11-й немецкой армии к Северной бухте. Октябрьский, отвечая контр-адмиралу Жукову на его просьбы об ускорении доставки пополнения, телеграфировал, что заканчивается подготовка к Керченско-Феодосийской операции и корабли отряда поддержки нужны для выполнения этой задачи. Они не могут быть высланы в Севастополь, так как это грозило бы срывом десантной операции...<sup>208</sup> Вечером 19 декабря контр-адмирал Жуков и Кулаков направили в адрес Верховного главнокомандующего, наркома ВМФ СССР, командующего Черноморским флотом и начальника Главного политического управления ВМФ СССР донесение: «Противник, сосредоточив крупные силы, часть свежих войск, при поддержке танков, авиации в течение трех дней ведет ожесточенные атаки с целью овладения Севастополем. Не считаясь с огромными потерями живой силы, материальной части, противник непрерывно вводит свежие силы в бой. Потери за два дня боя достигают 3 тыс. ранеными, много потерь в начсоставе. Потери за 19.12 не учтены. Большие потери материальной части, орудий, пулеметов, минометов. Большинство тяжелых батарей береговой обороны подавлено. Войска отошли на второй рубеж... [В случае] продолжения атак противника в том же темпе гарнизон Севастополя продержится не более трех дней. Крайне необходима поддержка одной стрелковой дивизии, авиации, пополнение маршевых рот, срочная доставка боезапасов нужных калибров»<sup>209</sup>.

Двадцатого декабря начальник Генерального штаба РККА передал командующему Закавказским фронтом, командующему Черноморским флотом, командиру Главной базы Черноморского флота, а также наркому ВМФ СССР директиву Ставки № 005898 «О мерах по усилению Севастопольского оборонительного района»:

«Ввиду обострения обстановки в Севастопольском районе, согласно донесению Жукова за № 1528, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Подчинить во всех отношениях СОР командующему Закавказским фронтом с получением настоящей директивы.
2. Тов. Октябрьскому немедленно выехать [в] Севастополь.
3. Командующему Закавказским фронтом тов. Козлову немедленно командировать [в] Севастополь крепкого общевойскового командира для руководства сухопутными операциями.

4. Тов. Козлову немедленно отправить [в] Севастополь одну стрелковую дивизию или две стрелковые бригады.

5. Оказать помощь Севастопольскому району авиацией Закавказского фронта силами не менее пяти авиаполков.

6. Немедленно отправить [в] Севастополь пополнение не менее трех тысяч человек.

7. Командующему Закавказским фронтом немедленно подать в Севастополь снаряды, учтя, что снаряды 107-мм, 120-мм гаубичные, 80-мм мины совершенно израсходованы.

8. Получение подтвердить. Исполнение донести»<sup>210</sup>.

В тот же день командованием СОР была получена директива командующего Закавказским фронтом, согласно которой СОР с 20 декабря перешел в его подчинение. Из Новороссийска и Туапсе в помощь защитникам Севастополя перебрасывались 345-я стрелковая дивизия и 79-я отдельная стрелковая бригада, входившие ранее в состав 44-й армии. Срок прибытия в Главную базу Черноморского флота — 23 декабря. В Севастополь спешно отправлялись боеприпасы и вооружение<sup>211</sup>.

Однако, по мнению командующего Черноморским флотом, сил СОР было явно недостаточно для восстановления прежних позиций. Он докладывал, что для разгрома противника необходимо прислать еще две хорошо оснащенные и достаточно устойчивые стрелковые дивизии<sup>212</sup>. Как ни парадоксально, но вернувшись по приказу Ставки из Новороссийска в Севастополь, командующий флотом, требуя новых пополнений, даже не вспомнил о том, что накануне отказал в этом своему заместителю контр-адмиралу Г. В. Жукову. Неужели теперь, спустя считанные часы, корабли отряда поддержки могли быть высланы в Севастополь и это не ставило бы под угрозу срыва Керченско-Феодосийскую десантную операцию?

Благодаря героизму и мужеству экипажей кораблей Черноморского флота и Азовской военной флотилии, а также бойцов-десантников Закавказского фронта задачи, поставленные Ставкой ВГК, в ходе организации и проведения Керченско-Феодосийской десантной операции были в основном выполнены. Командир немецкого XLII армейского корпуса, опасаясь быть отрезанным от основных сил 11-й армии, уже в первой половине дня 29 декабря приказал своим войскам немедленно оставить Керченский полуостров. Вечером части XLII армейского корпуса скрытно отошли со своих позиций и форсированным маршем двинулись в сторону Ак-Монайского перевалка.

Чтобы предотвратить прорыв наших войск вглубь Крыма, немецкое командование вынуждено было 30 декабря отдать приказ прекратить наступление на Севастополь и перейти к обороне, а также перебросить из-под Севастополя в район Керченского полуострова 170-ю, 132-ю и часть сил 50-й пехотной дивизии. 2 января 1942 г. советские войска вышли на рубеж Арабатский залив — Коктебель (15 км юго-западнее Феодосии) и развернулись фронтом на запад. Керченский полуостров был освобожден.

Керченско-Феодосийская операция, одна из самых крупных морских десантных операций Великой Отечественной войны, закончилась. Она имела большое значение — в Крыму был захвачен важный оперативный плацдарм. Противник потерял возможность через Керченский полуостров вторгнуться на Кавказ и был вынужден прекратить наступление под Севастополем. Это несколько облегчило положение соединений и частей Севастопольского оборонительного района, оборона которого продолжалась еще полгода...<sup>213</sup>

### **Стояли до последнего...**

К маю 1942 г. немецкое командование сосредоточило на Ак-Монайском перешейке семь пехотных и одну танковую дивизии, одну кавалерийскую и одну механизированную бригады, а также значительное количество боевой техники: 180 танков, 2470 орудий и минометов, 400 самолетов из состава VIII авиационного корпуса и 4-го воздушного флота<sup>214</sup>.

По сравнению с зимним периодом соотношение сил на Керченском полуострове существенно изменилось. Теперь войска Крымского фронта имели лишь незначительное превосходство в живой силе (1,2:1). Число танков стало примерно равным, но в самолетах у противника было преимущество почти в полтора раза.

На рассвете 8 мая противник после массированной артиллерийской и авиационной подготовки перешел в наступление. Основные силы 11-й армии Э. фон Манштейна при поддержке VIII отдельного авиационного корпуса и 4-го воздушного флота нанесли удар на Керченском полуострове, вдоль побережья Феодосийского залива по 44-й армии — наиболее слабому звену Крымского фронта. Державшие оборону в первом эшелоне две стрелковые дивизи-

зии 44-й армии, не выдержав натиска трех немецких дивизий, поддерживаемых танками и пикировщиками, начали отступление на восток.

Воспользовавшись дезорганизацией обороны на левом фланге нашего фронта, 9 мая противник повернул основные силы на северо-восток, стремясь выйти ударной группировкой во фланг и тыл 47-й и 51-й армий и окружить их. Таким образом, на Керченском полуострове сложилась крайне тяжелая обстановка, которая усугублялась потерей связи штаба фронта со штабами армий. Ход событий, принявший трагический оборот, уже трудно было изменить. 13 мая вражеская группировка, наступавшая в восточном направлении, прорвала оборону советских войск на центральном участке Турецкого вала, и три пехотные и одна танковая дивизии устремились к Керчи. Оборонявшиеся части не смогли сдержать их натиск, и к исходу 14 мая противник ворвался на западную и южную окраины города. В создавшихся условиях Маршал Советского Союза С. М. Будённый с разрешения Ставки отдал распоряжение об эвакуации войск с Керченского полуострова.

Используя успехи, достигнутые в мае—июне, противник вырвал из рук советского командования стратегическую инициативу и подготовил ряд наступательных операций, в том числе в районе Севастополя. Немецкое командование перебросило туда войска 11-й армии, высвободившиеся на Керченском полуострове, поставив перед ней задачу овладеть городом в кратчайший срок.

Неудачи первых двух наступлений на Севастополь убедили противника в том, что, не прервав морских коммуникаций, по которым осуществляется снабжение войск СОР, он не сможет овладеть городом. Учитывая это, немецкое командование поставило перед своей авиацией задачу: во что бы то ни стало нарушить морские сообщения между Севастополем и базами Кавказа и тем самым лишить защитников города всех видов снабжения. С этой целью для действий против кораблей Черноморского флота была выделена авиационная эскадра в составе 150 бомбардировщиков. Стремясь усилить блокаду Севастополя с моря, гитлеровское командование перебросило в крымские порты Ак-Мечеть, Евпатория и Ялта 19 торпедных, 30 сторожевых и 8 противолодочных катеров, 6 итальянских сверхмалых подводных лодок<sup>215</sup>.

Со 2 по 7 июня противник провел мощную артиллерийскую и авиационную подготовку, предвещающую тре-

тий штурм Севастополя. Защитники города при поддержке авиации и кораблей флота героически отбивали яростные атаки гитлеровцев, проявляя в бою беспримерную стойкость и мужество. Отражая атаки врага, защитники города несли большие потери. Резервы гарнизона Севастополя быстро таяли, так как снабжение по морским коммуникациям было почти полностью прервано. Только с 20 по 27 июня на подходах к Севастополю погибли две подводные лодки и эсминец «Безупречный». Последнее пополнение — части 142-й стрелковой бригады, а также боеприпасы и топливо — доставил лидер «Ташкент», прибывший в Севастополь ночью 27 июня.

Вице-адмирал Ф. С. Октябрьский доложил 30 июня командующему Северо-Кавказским фронтом Маршалу Советского Союза С. М. Будённому о критическом положении защитников Севастополя. Тот направил донесение Верховному главнокомандующему, в котором отметил, что «подготовленных рубежей для дальнейшей обороны СОР больше не имеет»<sup>216</sup>. В 16 часов 45 минут 30 июня 1942 г. командующему войсками Северо-Кавказского фронта была направлена директива Ставки ВГК № 170470 за подписью начальника Генерального штаба А. М. Василевского об утверждении предложений по свертыванию обороны в районе Севастополя следующего содержания: «Ставка Верховного главнокомандования утверждает ваши предложения по Севастополю и приказывает приступить к их немедленному выполнению»<sup>217</sup>. Фактически по решению Ставки командующему Севастопольским оборонительным районом было приказано оборонять город до тех пор, пока не будет вывезено все возможное...

Конечно же Октябрьский прекрасно осознавал весь трагизм ситуации. Боеприпасов и подкреплений у оставшихся защитников города нет и более не будет. Лишенные возможности эффективно обороняться, они по сути обречены. Эвакуация кораблями оставшихся в Севастополе десятков тысяч человек (по некоторым данным, более 85 тысяч), по его мнению, также была практически невозможна. В воздухе доминировала немецкая авиация, и любое плавсредство становилось удобной мишенью для его уничтожения самолетами противника. Средствами эффективной противовоздушной обороны подавляющее большинство кораблей и судов Черноморского флота также не располагало. И командующий флотом принял, по его мнению, соломоново решение. Если нет возможности спасти всех,



то нужно постараться сохранить хотя бы часть защитников Севастополя. Конечно же лучшую часть, в представлении Октябрьского. Не забыв при этом и себя отнести к этой категории «ответственных работников и командиров»...

В ночь на 1 июля 1942 г. командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский покинул на самолете еще сражавшийся и не сдававшийся врагу Севастополь. Он оставлял десятки тысяч краснофлотцев и красноармейцев героев-защитников города русской славы, сотни представителей начальствующего состава из остатков еще сражавшихся с врагом частей и соединений, собранных по его приказу на 35-й батарее для эвакуации, но так и не переправленных на Большую землю. Решение командующего флотом имело тяжелые последствия. Обезглавленные войска прекратили организованное сопротивление, что в итоге привело к срыву и самой эвакуации. Все эти люди — в тельняшках и гимнастерках, рядовые и командиры — оказались брошенными и в большинстве своем погибли или попали в плен. Была ли в этом вина командующего флотом? Безусловно. Даже не рассматривая поступок Ф. С. Октябрьского с точки зрения командирской этики, предписывавшей ему разделить с подчиненными ему защитниками Севастополя дальнейшую их судьбу, можно утверждать, что личная вина командующего Черноморским флотом и Севастопольским оборонительным районом была.

Уже после того, как самолет на борту с Ф. С. Октябрьским благополучно приземлился на кавказском побережье, тот практически не озаботился судьбой оставленных им людей. Более того, он не выполнил указаний директивы командующего Северо-Кавказским фронтом и не спешил отправлять для эвакуации еще сражавшегося и истекавшего кровью гарнизона Севастополя корабли и суда флота, посчитав, что дальнейшая организация перевозок может привести к гибели большей части остававшихся в строю кораблей. Начиная с ночи на 4 июля корабли Черноморского флота к Севастополю не выходили. В Генеральном штабе о трагедии Севастополя узнали не от командующего Черноморским флотом, а из докладов армейского командования. Однако даже категорический приказ Генштаба, потребовавшего от Ф. С. Октябрьского приложить максимум усилий для спасения защитников Севастополя, ничего уже не мог изменить. Севастопольский берег, в том числе и у мыса Херсонес, был занят противником. Выходившие в ночь на 5, 6 и 7 июля сторожевые катера Черноморского флота смо-

гли снять с подручных плавсредств лишь 21 человека. Более корабли флота к Севастополю не ходили...

Почти через два года после того, как «последний матрос Севастополь покинул», началась Крымская наступательная операция советских войск (8 апреля — 12 мая 1944 г.). Для проведения операции были привлечены 4-й Украинский фронт в составе 2-й гвардейской армии под командованием генерал-лейтенанта Г. Ф. Захарова, 51-й армии генерал-лейтенанта Я. Г. Крейзера, 8-й воздушной армии генерал-лейтенанта авиации Т. Т. Хрюкина, 19-го танкового корпуса генерал-лейтенанта И. Д. Васильева; Отдельная Приморская армия, которой командовал генерал армии А. И. Еременко; 4-я воздушная армия генерал-полковника авиации К. А. Вершинина; Черноморский флот под командованием адмирала Ф. С. Октябрьского и Азовская военная флотилия, которой командовал контр-адмирал С. Г. Горшков. Координацию действий войск осуществляли представители Ставки Верховного главнокомандования Маршалы Советского Союза К. Е. Ворошилов и А. М. Василевский.

На Черноморский флот возлагалась задача блокировать Крым, наносить удары по коммуникациям противника, содействовать сухопутным войскам на приморских флангах и быть готовым к высадке тактических десантов. Силы флота распределялись следующим образом: торпедные катера должны были действовать на ближних подступах к Севастополю, подводным лодкам предстояло во взаимодействии с авиацией уничтожать боевые корабли, транспорты и другие суда на коммуникациях в северо-западной и западной частях Черного моря. Азовской военной флотилии ставилась задача содействовать Отдельной Приморской армии в ее наступлении на Керченском полуострове и продолжать перевозку войск и грузов через Керченский пролив. Поставленные Ставкой ВГК задачи Черноморский флот под командованием адмирала Октябрьского выполнил успешно.

Восьмого мая войска 4-го Украинского фронта вышли к внутреннему обводу Севастополя. На следующий день они сломили здесь сопротивление противника, переправились через Северную бухту и ворвались в город. Согласованными ударами с севера, востока и юго-востока советские войска разбили врага и 9 мая полностью освободили от захватчиков Севастополь. В мае 1944 г. вернулся в Главную базу Черноморского флота и командующий флотом Ф. С. Октябрьский, недавно получивший звание адмирала...

В год двадцатилетия Великой Победы, выступая в одной из радиопередач и рассказывая о подвигах героических защитников Севастополя, адмирал Ф. С. Октябрьский отмечал: «Подвиг севастопольцев, их беззаветное мужество, самоотверженность и ярость в борьбе с врагом будут жить в веках. Севастополь — это гордый буревестник нашей победы. Пройдут тысячелетия, а благодарные потомки человечества будут преклонять свои головы и с благоговением станут вспоминать и произносить священное имя — Севастополь! Севастополь — это гордость нашего народа, пример стойкости, мужества, героизма для поколений!»<sup>218</sup>

Эта правильная и в высшей мере справедливая оценка командующего Черноморским флотом и СОР героических действий защитников Севастополя, мягко говоря, трудно соотносится с его личными поступками. Уже после войны, в письме, адресованном бывшему военно-морскому коменданту порта Севастополь старшему лейтенанту М. И. Линчику, адмирал Октябрьский, рассказывая о своем оставлении Севастополя, сообщал: «В целях маскировки работники Особого отдела накинули на меня гражданский плащ, так как, по их сведениям, немецкая агентура охотилась за мной»<sup>219</sup>. Возможно, это так и было. К самолету, который стоял в ожидании командования СОР, пробиться было весьма сложно, поскольку на летном поле собрались тысячи людей. Это были партийные и советские работники, командиры и рядовые бойцы, пытавшиеся улететь из Севастополя. Когда этот последний находившийся на аэродроме самолет взял на борт командование СОР и стал выруливать на взлетную полосу, многотысячная толпа бросилась к нему... Некоторые из толпы открыли огонь по улетающему самолету. Были ли это отчаявшиеся люди или немецкие агенты, трудно сказать...<sup>220</sup>

Командующий Черноморским флотом Ф. С. Октябрьский в первые месяцы Великой Отечественной войны, да и в последующем, при обороне Севастополя, преследовал в своей деятельности две крайне значимые для него лично цели: сохранить флот и сохранить за собой управление им. Действительно, цели были архиважными и с военной, и с государственной точки зрения. Однако по-человечески сложно оправдать те средства, которые избрал Филипп Сергеевич для их достижения.

---

---

# Дмитрий Тимофеевич КОЗЛОВ

*Родился 23 октября (4 ноября) 1896 г. в деревне Разгуляйка Семеновского уезда Нижегородской губернии.*

*Генерал-лейтенант (1943 г.).*

*На военной службе — с 1915 г. Окончил школу прапорщиков (1917 г.). Участник Первой мировой войны.*

*В Красной армии — с 1918 г. Окончил Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» им. Коминтерна (1924 г.), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1928 г.), Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова (1949 г.).*

*В Гражданскую войну воевал на Восточном фронте против белогвардейцев и Туркестанском фронте против басмачей в должностях командира батальона, помощника, затем командира полка. В межвоенный период — командир полка, начальник штаба стрелковой дивизии, командир стрелковой дивизии, начальник Киевской пехотной школы, командир и военком 44-й стрелковой дивизии, и. о. командира стрелкового корпуса. С 1939 г. — преподаватель общей тактики Военной академии им. М. В. Фрунзе. Во время советско-финляндской войны 1939—1940 гг. командовал стрелковым корпусом. В 1940—1941 гг. — заместитель командующего войсками Одесского военного округа, начальник Главного управления ПВО Красной армии. С января 1941 г. — командующий войсками Закавказского военного округа.*

*В годы Великой Отечественной войны: командующий войсками ЗаВО, с августа 1941 г. — Закавказского фронта (командовал вводом советских войск в Иран). С декабря — командующий войсками Кавказского фронта, успешно осуществившего Керченско-Феодосийскую десантную операцию, в результате которой был освобожден Керченский полуостров. С января 1942 г. — командующий Крымским фронтом, снят*

*с должности за поражение в Крыму, понижен в звании до генерал-майора. В июне—августе 1942 г. — командующий 6-й, а затем 9-й резервными армиями Ставки ВГК. Во главе 24-й армии участвовал в Сталинградской битве. Восстановлен в воинском звании генерал-лейтенант. С октября 1942 г. — помощник и заместитель командующего войсками Воронежского фронта по формированию, уполномоченный Ставки ВГК на Ленинградском фронте (май — август 1943 г.). С августа 1943 г. и до конца войны — заместитель командующего войсками Забайкальского фронта. Участник советско-японской войны 1945 г.*

*После войны — заместитель командующего войсками Забайкальско-Амурского (с мая 1947 г. — Забайкальского) военного округа, помощник командующего войсками Белорусского военного округа.*

*Награжден: тремя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, медалями, а также иностранными орденами. В июне 1954 г. уволен в запас.*

*Скончался 6 декабря 1967 г. Похоронен в городе Минске на Восточном кладбище.*

### **Один разговор интересный...**

Стоит в среде любителей военной истории прозвучать фамилии генерал-лейтенанта Дмитрия Тимофеевича Козлова, как в абсолютном большинстве случаев следует одна и та же реакция: а, это — тот генерал, который во главе Крымского фронта в мае 1942 г. проиграл борьбу за полуостров. А проиграл по той причине, что не проявил необходимых способностей военачальника, а главное — оказался слабовольным, не способным выдержать напористое вмешательство в дела фронта со стороны представителя Ставки ВГК Л. З. Мехлиса. В результате был снят с должности и понижен в воинском звании.

Ссылаются при этом обычно на историю, которую Константину Симонову рассказал Адмирал Флота Советского Союза И. С. Исаков, последний узнал о ней от Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, ставшего свидетелем разговора И. В. Сталина с опальным генералом. Поскольку маршал воспроизвел эту историю и в своих мемуарах, правда, не называя фамилии Козлова, сомнений в том, что Исаков передал его слова в точности, а писатель с такой же точностью записал, нет.

Дело происходило в начале июля 1942 г.

— Вы просили, чтобы я вас принял, — сказал Сталин Козлову. Сказал спокойно, не показывая ни гнева, ни неприязни. — Какие у вас ко мне вопросы?

Опальный генерал, сразу впав во взвинченный тон, пожаловался на несправедливость наказания, которому был подвергнут, стал убеждать Верховного главнокомандующего, что делал все, что мог, чтобы овладеть положением и не допустить катастрофы, но ему мешал Л. З. Мехлис, подавляя своим авторитетом представителя Ставки ВГК и заместителя наркома обороны.

«Сталин спокойно выслушал его, не перебивая. Слушал долго. Потом спросил:

— У вас все?

— Да.

— Вот видите, вы хотели сделать все, что могли, но не смогли сделать того, что были должны сделать.

В ответ на эти слова, сказанные очень спокойно, Козлов стал говорить о Мехлисе, что Мехлис не давал ему делать то, что он считал нужным, вмешивался, давил на него, и он не имел возможности командовать из-за Мехлиса так, как считал необходимым. Сталин спокойно остановил его и спросил:

— Подождите, товарищ Козлов! Скажите: кто был у вас командующим фронтом, вы или Мехлис?

— Я.

— Значит, вы командовали фронтом?

— Да.

— Ваши приказания обязаны были выполнять все на фронте?

— Да, но...

— Вы как командующий отвечали за ход операции?

— Да, но...

— Подождите. Мехлис не был командующим фронтом?

— Не был...

— Значит, вы командующий фронтом, а Мехлис не командующий фронтом? Значит, вы должны были командовать, а не Мехлис, да?

— Да, но...

— Подождите. Вы командующий фронтом?

— Я, но он мне не давал командовать.

— Почему же вы не позвонили и не сообщили?

— Я хотел позвонить, но не имел возможности.

— Почему?

— Со мною все время находился Мехлис, и я не мог позвонить без него. Мне пришлось бы звонить в его присутствии.

— Хорошо. Почему же вы не могли позвонить в его присутствии?

Молчит.

— Почему, если вы считали, что правы вы, а не он, почему же не могли позвонить в его присутствии? Очевидно вы, товарищ Козлов, боялись Мехлиса больше, чем немцев?

— Вы не знаете Мехлиса, товарищ Сталин! — воскликнул Козлов.

— Ну, это, положим, неверно, товарищ Козлов. Я-то знаю товарища Мехлиса. А теперь хочу вас спросить: почему вы жалуетесь? Вы командовали фронтом, вы отвечали за действия фронта, с вас за это спрашивается, вы за это смещены. Я считаю, что все правильно сделано с вами, товарищ Козлов»<sup>221</sup>.

Важно упомянуть, что Рокоссовский не собирался присутствовать при разговоре Сталина с Козловым, но вождь, в кабинете которого в это время был только что назначенный командующий Брянским фронтом, сам задержал его, когда вызвал Козлова, сказав, что будет «один разговор интересный, может быть, для вас». Для Константина Константиновича, по его воспоминаниям, разговор был не столько «интересным», сколько назидательным. В доводах, к которым прибег вождь, формулируя вину Козлова, будущий маршал увидел предметный урок для себя: вот что бывает с военачальником, если он затянет с освоением новых для себя, более сложных обязанностей, не сможет с самого начала поставить себя на должную высоту и заставить всех без исключения считаться с собой<sup>222</sup>.

Исключительно с крымской катастрофой имя Козлова чаще всего связывают даже в профессиональных военных кругах, где служебный и боевой путь бывшего командующего Крымским фронтом известен, казалось бы, с достаточной полнотой и не сводится к одной лишь крымской странице.

## **Во главе самой крупной десантной операции**

Дмитрий Козлов был призван на военную службу в разгар Первой мировой войны. Поскольку в свое время он окончил двухклассное училище, а уже в ходе войны экстер-

ном сдал экзамены за шесть классов гимназии, его направили в учебную команду, из которой он вышел младшим унтер-офицером.

Ему довелось немало повоевать в составе 150-го пехотного Таманского полка 38-й пехотной дивизии на Западном и Северном фронтах. Позднее, в мае 1917 г. старший унтер-офицер Козлов стал юнкером Гатчинской школы подготовки прапорщиков пехоты Северного фронта, а уже в августе был произведен в офицеры.

Старая армия окончательно рушилась. Козлов, вернувшийся в начале 1918 г. на родину, вновь стал в строй уже в середине того же года, добровольно вступив в Красную армию. Довелось воевать на Восточном фронте против войск адмирала А. В. Колчака, в составе Семипалатинской группы войск с белоказацкими отрядами атамана А. И. Дутова и Семиреченской армией атамана Б. В. Анненкова, громил вместе с подчиненными басмачей, разгулявшихся в Ферганской области. К этому времени Дмитрий Тимофеевич был уже командиром полка, а в августе 1922 г. стал командиром 5-й отдельной Степной бригады. Успехи молодого красного командира в борьбе с басмачами были отмечены Реввоенсоветом СССР, который по представлению Военного совета Туркестанского фронта наградил его орденом Красного Знамени.

Перспективного краскома направили на учебу. Козлов прошел полный курс Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе и стал быстро продвигаться по служебной лестнице, став в январе 1931 г. командиром 44-й стрелковой дивизии, дислоцированной на территории Украинского военного округа.

Дивизия участвовала не только во всех мероприятиях боевой подготовки округа (в 1935 г. УВО был разделен на Киевский и Харьковский военные округа, при этом 44-я стрелковая дивизия отошла к КВО), но и в учениях и маневрах, проводившихся по плану всей Красной армией. В сентябре 1935 г. на территории КВО прошли общевойсковые учения, которые вошли в историю Вооруженных сил СССР под названием больших Киевских маневров. В ходе них впервые на практике проверялись положения теории глубокого боя и глубокой операции, разработанной крупными отечественными военными теоретиками и военачальниками — В. К. Триандафиловым, М. Н. Тухачевским, Г. С. Иссерсоном, А. И. Егоровым, К. Б. Калиновским. К маневрам, руководство которыми осуществлял команду-



ющий КВО командарм 1-го ранга И. Э. Якир и на которых присутствовали нарком обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, его заместители Маршалы Советского Союза С. М. Будённый и М. Н. Тухачевский, начальник Генерального штаба РККА Маршал Советского Союза А. И. Егоров, начальник Политуправления Красной армии армейский комиссар 1-го ранга Я. Б. Гамарник, привлекались крупные соединения механизированных войск и авиации, стрелковые и кавалерийские соединения. Отрабатывались прорыв укрепленной оборонительной полосы стрелковым корпусом, усиленным танковыми батальонами и артиллерией РККА, развитие прорыва кавалерийским корпусом, применение крупного авиадесанта, маневр механизированного корпуса совместно с кавалерийской дивизией с целью окружения и уничтожения в своем тылу прорвавшейся группы противника.

Киевские, как и состоявшиеся в 1936 г. Белорусские маневры подтвердили правильность теоретических выкладок советских военных стратегов, практически доказали, что применение крупных механизированных соединений, авиации, воздушного десанта, обладающих высокими маневренными возможностями и большой сокрушительной силой, коренным образом меняет природу боя. Дивизия Козлова, за год до этого признанная лучшим стрелковым соединением РККА, продемонстрировала на маневрах высокую полевую выучку, ее действия увенчал орден Красного Знамени.

В сентябре 1936 г. 44-я Киевская Краснознаменная стрелковая дивизия им. Н. А. Щорса участвовала в Шепетовских маневрах — окружных тактических учениях, в ходе которых войска отрабатывали вопросы наступательного боя и организации подвижной обороны в условиях лесисто-болотистой местности, организации и проведения марша кавалерийского корпуса в предвидении встречного боя с конно-механизированной группой противника, прорыва оборонительной полосы с преодолением водной преграды, ведения подвижной обороны и управления войсками. Руководил учениями командарм 1-го ранга И. Э. Якир, за их ходом внимательно наблюдали Маршалы Советского Союза А. И. Егоров и М. Н. Тухачевский. Последний в один из дней посетил занятия по боевой подготовке в 132-м стрелковом полку 44-й стрелковой дивизии и был более чем удовлетворен результатами боевых стрельб и физической подготовкой личного состава. Да и в целом действи-

ям войск в ходе маневров руководство вооруженных сил дало высокую оценку. Успехи комдива Козлова постановлением ВЦИК от 16 августа 1936 г. были оценены орденом Ленина.

Даже обрисованная фрагментарно, широкими мазками довоенная биография Козлова дает вполне определенное представление, в какой обстановке формировался он как командир, каких мощных интеллектом и высоко подготовленных в профессиональном отношении учителей послала ему судьба военная. Он и сам обещал вырасти в крупного военачальника.

Во второй половине 1930-х гг. в его судьбу, как и судьбу всего командного состава Красной армии, властно вмешались репрессии. Будучи в июле—августе 1937 г. исполняющим должность командира 8-го стрелкового корпуса, комдив Козлов попал на заметку Особого отдела ГУГБ НКВД СССР. На его арест требовалось согласие наркома обороны К. Е. Ворошилова. Последний, обычно безропотно подписывавший представлявшиеся ему НКВД списки, иногда проявлял «строптивость», что сохранило жизнь ряду высокопоставленных военных. На ходатайстве, в котором запрашивалось согласие на арест Д. Т. Козлова, он наложил резолюцию «Прошу проверить»<sup>223</sup>. И этого, к счастью, оказалось достаточно, чтобы командир 8-го стрелкового корпуса был спасен. Его, пусть и сняв с должности, направили в распоряжение начальника Управления по командно-начальствующему составу РККА, а затем прикомандировали к Управлению боевой подготовки РККА.

В декабре 1938 г. Д. Т. Козлов получил назначение на должность преподавателя общей тактики Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе. Догнавшее его партийное взыскание «за встречи и выпивки с людьми, оказавшимися впоследствии врагами народа», сколько-нибудь заметных последствий не имело, поскольку к этому времени пагубность курса на репрессии стала очевидной для самих инициаторов избиения военных кадров.

Потребность в командирах, получивших солидную выучку, стала очень острой в связи с неудачным началом войны с Финляндией. Командарм 1-го ранга С. К. Тимошенко, возглавивший специально созданный для слома сопротивления финнов в январе 1940 г. Северо-Западный фронт, был сослуживцем Д. Т. Козлова по Белорусскому военному округу и знал его лично. Явно не без его участия комдив Козлов был назначен командиром 1-го стрелково-

го корпуса. Действия подчиненных ему частей в Лоймовской операции позволили войскам Северо-Западного фронта завоевать прочную инициативу на Петрозаводско-Сортавальском направлении. Козлов в мае 1940 г. был награжден орденом Ленина.

Когда Дмитрий Тимофеевич стал командиром 1-го стрелкового корпуса 8-й армии, за его действиями получил возможность наблюдать будущий генерал армии С. П. Иванов, бывший в годы Великой Отечественной войны начальником штаба ряда фронтов, а в те дни — начальником штаба корпуса.

«С прибытием нового командующего армией Г. М. Штерна и нового командира корпуса Д. Т. Козлова — эрудированных, опытных, боевых военачальников — части стали пополняться и сколачиваться, росла их боеспособность, упорядочилась разведка, — вспоминал С. П. Иванов. — ...Мне очень повезло в том, что свою боевую закалку я прошел под непосредственным руководством таких испытанных наставников, как Д. А. Лестев [заместитель командира корпуса по политчасти. — *Авт.*]... и Д. Т. Козлов. У горьковчанина Дмитрия Тимофеевича Козлова, отличавшегося невозмутимостью и упорством в достижении цели, были отличная теоретическая подготовка и богатейший по тому времени боевой опыт...

От Дмитрия Тимофеевича я перенял практически навыки руководства боем. Он собственным примером учил, как командир должен вести себя на поле боя и исполнять свои обязанности, словно бы не замечая ежеминутно угрожающей ему смертельной опасности. Я не только глубоко уважал, но и полюбил этого первого моего боевого командира»<sup>224</sup>.

Командир 1-го стрелкового корпуса 8-й армии настолько хорошо проявил себя, что его пригласили на совещание начальствующего состава РККА, организованное ЦК ВКП(б) для обобщения опыта боевых действий против Финляндии. Д. Т. Козлову предоставили слово уже на втором заседании, состоявшемся утром 15 апреля 1940 г. Он подробно рассказывал о подготовке и проведении Лоймовской операции, когда в президиуме впервые с начала совещания появился И. В. Сталин. Вождь какое-то время слушал молча, а затем, как это он всегда практиковал на публичных мероприятиях, стал по ходу речи задавать оратору вопросы, бросать реплики, высказывать оценки. Козлов не был захвачен врасплох, продолжал докладывать четко, по существу.

Так, Сталина заинтересовало предложение комдива пересмотреть Полевой устав 1936 г. и проект Полевого устава 1938 г. по действиям войск зимой и в лесистой, болотистой местности: соответствующие положения в них были не только лаконичны, но и содержали предписания, не соответствовавшие требованиям современного боя.

— Скажите, в чем дело? — заинтересовался вождь.

Козлов привел примеры, когда устав требовал в случае большого снежного покрова вести наступление строго вдоль дорог. «Такие шаблонные действия привели части корпуса, действовавшие под командованием комбрига Р. И. Панина, да и не их одних, к поражению. Отрицательно на действиях войск сказывалось требование устава децентрализовать управление артиллерией, тогда как сосредоточение такого управления в одних руках (имелось в виду — командира дивизии, а то и корпуса) давало хорошие результаты»<sup>225</sup>.

Последовал ряд новых вопросов, они, как и то, что Козлову дали дополнительное время для изложения своих взглядов, доказывали: наблюдения и предложения командующего корпусом Сталина заинтересовали.

Что это так — говорит и факт привлечения Козлова к работе специально созданных после совещания в ЦК ВКП(б) специализированных комиссий Главного военного совета РККА, где разрабатывались предложения по преобразованию армии с учетом свежего боевого опыта.

Козлов, в частности, ратовал за поднятие роли, значения и авторитета общевойскового командира, призывал избавить его от излишней опеки со стороны вышестоящих инстанций. На том же совещании в Кремле он привел пример такой опеки: «Наблюдались такие случаи, когда командир полка принимает решение, а у него сидят в качестве контроля: представитель из корпуса, представитель из органов особого отдела, представитель политуправления. Воля размагничивается»<sup>226</sup>.

Как в воду смотрел Дмитрий Тимофеевич, он словно смоделировал ситуацию, в которой сам оказался на Крымском фронте под зорким оком представителя Ставки ВГК. Но подробный рассказ об этом — ниже.

Пока же военное руководство страны, обратив внимание на грамотного, думающего командира корпуса, выдвинуло комдива Козлова на должность заместителя командующего войсками Одесского военного округа. Произошло это 22 апреля 1940 г., через неделю последовало повыше-

ние в воинском звании до комкора, а с введением в РККА генеральских званий Козлов был переаттестован в генерал-лейтенанты.

Высокое назначение Дмитрия Тимофеевича совпало с крупными переменами в руководстве военного ведомства за счет повышения военачальников, отличившихся в войне с Финляндией: на пост наркома обороны СССР пришел ставший Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко, а чуть позднее начальником Генштаба стал генерал армии К. А. Мерецков, в ходе войны командовавший 7-й армией, которая сыграла главную роль в успешном прорыве линии Маннергейма на Карельском перешейке.

С приходом нового наркома интенсивно пошел процесс обновления руководящего состава НКО. 18 декабря 1940 г. Козлов был назначен на должность начальника Главного управления ПВО Красной армии. Совершенно неожиданное и в какой-то степени не очень мотивированное решение, учитывая, что Козлов всю предшествующую службу был общевойсковым командиром. Вряд ли и сам Дмитрий Тимофеевич был рад зигзагу в служебной карьере. Но такую судьбу не ему одному уготовила лихорадочная попытка сталинского руководства заполнить кадровые лакуны, возникшие вследствие репрессий, пик которых пришелся в вооруженных силах на 1937–1938 гг.

Всего через десять дней после назначения Козлов был вынужден выступать на состоявшемся совещании высшего руководящего состава Красной армии (23–31 декабря 1940 г.) с изложением взглядов на роль и место ВВС и ПВО в войне. Ему предоставили слово в прениях по докладу начальника Главного управления ВВС генерал-лейтенанта П. В. Рычагова. Обращает на себя внимание, что выступление Козлова на четыре пятых посвящено как раз действиям авиации, он высказывается по вопросам организации воздушных операций армейского и фронтового масштаба и даже пытается полемизировать с Рычаговым. А вот ставшим профильными для него вопросам ПВО он уделил, как ни покажется странным, всего один абзац, полстранички.

По всему чувствовалось, что военачальник еще слабо представлял себе специфику рода войск, руководство которыми ему было поручено. Даже в терминологии он не успел разобраться. Давно утвердившееся и общепринятое понятие «противовоздушная оборона», обозначающее защиту страны в целом и вооруженных сил в частности от нападений с воздуха, Козлов предложил заменить явно уста-

ревшим, использовавшимся еще в годы Первой мировой и Гражданской войн термином «воздушная оборона»: «Современная воздушная оборона (я бы так назвал, потому что нам надо обороняться в воздухе, а не наоборот) [? — *Авт.*] помогает действиям войск. Поэтому-то организацию обороны в воздухе надо называть воздушной обороной»<sup>227</sup>. Очевидно, он имел в виду только использование собственно авиации для борьбы с авиацией противника. А какое же место тогда отводилось зенитной артиллерии как важнейшему средству борьбы с вражеской авиацией, средствам радиолокации? Ведь еще лет за двадцать до этого стало ясно, что борьба с ВВС противника является задачей вооруженных сил в целом, всех видов ВС и родов войск, а не отдельных родов оружия.

Можно встретить утверждение, что впервые в выступлении Козлова прозвучало предложение разделить ПВО на «оборону страны и войсковую»<sup>228</sup>. Но этот тезис куда более ясно прозвучал в докладе генерала Рычагова, на который откликнулся Козлов, как и тезис о том, что ПВО страны должна включать в себя как наземные, так и воздушные средства. Отдавая в этом приоритет Козлову, авторы таких утверждений явно выдают желаемое за действительное.

Вероятно, они опираются на сделанные Козловым в самом конце своего выступления замечания, что «воздушные силы должны действовать совместно с другими элементами воздушной обороны», что «для воздушной обороны глубины территории должна быть отдельная организация, имеющая в своем распоряжении наземные и воздушные средства», что, как показал опыт войны в Германии и Великобритании, «объединение в одних руках обороны войск и страны пользы не принесет. Должна быть отдельная организация, которая должна организовать оборону тыла и отвечать за нее». Но даже из самих этих формулировок видно, что ясного понимания вопроса у Козлова не сложилось.

Собственно, и ждать этого было бы странно, учитывая, что выступление на совещании и момент назначения его на должность главного в РККА «пэвэошника» разделяли не более десяти дней. Вероятно, отсутствие у Козлова сколько-нибудь серьезного опыта руководства таким специфическим родом войск вызвало ровно через два месяца — 14 февраля 1941 г. замену его на посту начальника Главного управления ПВО Красной армии генерал-полковником Г. М. Штерном. А Козлов был

назначен на более привычную для него общевойсковую должность — командующим войсками Закавказского военного округа.

Округ прикрывал государственную границу с Турцией и Ираном. С началом Великой Отечественной войны к этой задаче добавилась также защита Черноморского побережья Кавказа и Таманского полуострова, для чего в августе 1941 г. на базе войск округа был образован Закавказский фронт. Следует упомянуть, что начальником штаба округа и фронта был будущий Маршал Советского Союза, а тогда генерал-майор Ф. И. Толбухин, составивший с Козловым хороший командно-штабной дуэт.

С приближением к середине ноября войск вермахта к Кавказу, а также захватом ими Керченского полуострова, откуда они стали угрожать Тамани, для Закавказского фронта и его командующего наступил этап непосредственного участия в борьбе за Крым. Не случайно 20 декабря 1941 г. Ставка ВГК подчинила генералу Козлову еще и Севастопольский оборонительный район (СОР). Сделано это было с учетом готовившейся Керченско-Феодосийской десантной операции войск Закавказского фронта совместно с Черноморским флотом и Азовской флотилией, с которой, по замыслу высшего командования, должно было начаться освобождение всего Крымского полуострова. В этих условиях объединение командования всеми войсками и силами флота, действовавшими в Крыму, в одних руках было более чем оправданным.

Завершенная 2 января 1942 г. десантная операция свои задачи решила: был освобожден Керченский полуостров, успешные действия десантников позволили ослабить давление врага на Севастополь. По оценке наркома ВМФ СССР адмирала Н. Г. Кузнецова, «это была самая крупная десантная операция наших войск в Великую Отечественную войну, хорошо разработанная, несмотря на сжатые сроки ее подготовки»<sup>229</sup>. За этими словами будет справедливо увидеть и высокую оценку действий генерал-лейтенанта Козлова. Но ему не удалось решить главную задачу — обеспечить перерастание десантной операции в общее наступление на запад с целью изгнания немцев из Крыма. А именно эту задачу поставила Ставка ВГК перед командованием Кавказского фронта (так с 30 декабря стал называться Закавказский фронт). Она была подчеркнута даже новым переименованием фронта (с 28 января 1942 г.) в Крымский.

## В «кармане» у Мехлиса

Уже в день завершения десантной операции 2 января 1942 г. Ставка ВГК отдала генерал-лейтенанту Козлову директиву всемерно ускорить сосредоточение войск, разрешив дополнительно к 44-й и 51-й армиям, уже воевавшим на Керченском полуострове, перебросить из Тамани 47-ю армию, и готовиться к переходу в общее наступление. Главный удар с Керченского плацдарма наши войска должны были наносить в направлении Джанкой—Чонгар—Перекоп, а одной из армий предписывалось наступать на Симферополь. Командующий СОР адмирал Ф. С. Октябрьский был обязан не допустить «свободного маневра» войск противника под Севастополем, то есть переброски отсюда войск навстречу наступающим соединениям Кавказского (Крымского) фронта<sup>230</sup>.

Генерал Козлов 5 января доложил в Москву, что, исходя из тяжелой погодной обстановки (шторм в Керченском проливе, а затем резкое похолодание с установлением ледового покрытия) и возможностей войск, фронт сможет перейти в наступление между 13 и 16 января. Сталин по прямому проводу потребовал сделать это не позже 12-го<sup>231</sup>. Однако в условиях наступившей зимы перебросить войска и средства борьбы через Керченский пролив оказалось очень сложно. Задача освобождения Крыма в тот момент была явно нереальной.

Более того, противник 15 января нанес упреждающий удар. Прорвав слабо организованную оборону, он 18 января захватил Феодосию. Под угрозой утраты оказался с таким трудом захваченный плацдарм, что делало невыполнимым и план Ставки по освобождению Крымского полуострова. Д. Т. Козлов вынужден был принять решение на отвод войск на Ак-Монайские позиции — оборонительный рубеж примерно в 80 км западнее Керчи. Сталин потребовал с помощью десанта вернуть Феодосию в свои руки. Он был явно недоволен действиями Козлова.

Для укрепления руководства фронтом Ставка ВГК направила сюда своего полномочного представителя — заместителя наркома обороны СССР, начальника Главного политического управления РККА армейского комиссара 1-го ранга Л. З. Мехлиса. Вместе с сопровождавшими его заместителем начальника Оперативного управления Генерального штаба генерал-майором П. П. Вечным и военным комиссаром Артиллерийского комитета Главного артил-



лерийского управления РККА дивизионным комиссаром П. А. Дегтяревым он уже 22 января доложил И. В. Сталину о «самой неприглядной картине организации управления войсками». Особые претензии были предъявлены командующему фронтом: «Козлов оставляет впечатление растерявшегося и неуверенного в своих действиях командира. Никто из руководящих работников фронта с момента занятия Керченского полуострова в войсках не был»<sup>232</sup>.

По указанию представителя Ставки, констатировавшего, что в отношении трусов и дезертиров репрессивные меры на поле боя, как того требовал приказ Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г., не применялись, были арестованы и преданы суду военного трибунала должностные лица, допустившие потерю управления войсками и «позорное бегство в тыл»: командир 9-го стрелкового корпуса, временно исполнявший обязанности командующего 44-й армией, генерал-майор И. Ф. Дашичев (вскоре освобожденный, но в июле 1942 г. повторно арестованный), командир 236-й стрелковой дивизии генерал-майор В. К. Мороз (расстрелян в феврале того же 1942 г.) и военный комиссар той же дивизии батальонный комиссар А. И. Кондрашов, командир 63-й горнострелковой дивизии подполковник П. Я. Циндзеновский (он был освобожден из-под ареста и принимал участие в дальнейших боях в качестве командира 77-й горнострелковой дивизии), начальник политотдела 404-й стрелковой дивизии Н. П. Колобаев и некоторые другие. Об этом войскам фронта объявили в приказе от 23 января 1942 г., копия которого была направлена Верховному главнокомандующему. В нем анализировались итоги минувших неудачных боев и отмечались «крупнейшие недочеты» — неудовлетворительная организация боя, плохое управление войсками на всех уровнях, начиная со штаба фронта, неумение войск закрепляться на достигнутом рубеже, отсутствие эффективной системы огня, бдительного боевого охранения, непрерывной разведки и наблюдения, беспорядки во фронтовом и армейском тылу. Командиры дивизий уличались Л. З. Мехлисом в том, что не использовали всей мощи огня артиллерии, бросали танки мелкими группами на неподдавленную противотанковую оборону. Неудовлетворительно был подготовлен основной рубеж обороны Керченского полуострова — Ак-Монайские позиции. Дополнительно было проверено состояние авиации и артиллерии фронта. Здесь тоже были вскрыты серьезные недостатки. Из-за неудовлетворительного мате-

риально-технического обеспечения на Керченском полуострове скопилось 110 неисправных самолетов, в результате в среднем за день производилось менее одного самолето-вылета. В приказах, изданных по результатам проверок, содержалось требование к командованию армий, дивизий, полков учесть опыт боев 15–18 января и немедленно навести порядок в частях. Паникеров и дезертиров расстреливать на месте как предателей. Без промедления устранив недочеты, следовало активно повести подготовку к наступлению.

С самого начала Л. З. Мехлис стал подменять командующего войсками и штаб фронта во всех принципиальных вопросах. «По распоряжению тов. Мехлиса все оперативные планы, директивы и иные распоряжения войскам фронта проверяются и санкционируются им, — информировал Д. Т. Козлов заместителя начальника Генштаба А. М. Василевского. И, явно дезориентированный таким оборотом событий, спрашивал: — Следует ли в данном случае представлять на утверждение народному комиссару оперативные планы, свои предложения о предстоящей деятельности войск или все указания по всем вопросам жизни и деятельности войск получать от него [Мехлиса. — *Авт.*] непосредственно на месте?»<sup>233</sup>

Характер служебных взаимоотношений представителя Ставки и командования фронта не изменился и в последующем. Побывавший в апреле 1942 г. в штабе Крымского фронта нарком ВМФ СССР адмирал Н. Г. Кузнецов вспоминал о царившей там неразберихе: «Командующий Крымским фронтом Д. Т. Козлов уже находился “в кармане” у Мехлиса, который вмешивался буквально во все оперативные дела. Начальник штаба П. П. Вечный не знал, чьи приказы выполнять — командующего или Мехлиса. Маршал С. М. Будённый [главком Северо-Кавказского направления, в состав которого входил Крымский фронт. — *Авт.*] тоже ничего не смог сделать. Мехлис не желал ему подчиняться, ссылаясь на то, что получает указания прямо из Ставки»<sup>234</sup>.

С первого же дня пребывания на Крымском фронте представитель Ставки ВГК, игнорируя Козлова, единолично решал вопросы комплектования войск, обеспечения фронта вооружением, боеприпасами, топливом и продовольствием. Вел почти непрерывные переговоры со Ставкой, Генеральным штабом, Тылом Красной армии, главными управлениями Наркомата обороны.

Предметом особой заботы было обеспечение фронта командными и политическими кадрами. 24 января по настоянию представителя Ставки были назначены: генерал-майор авиации Е. М. Николаенко — командующим авиацией фронта, генерал-майор инженерных войск А. Ф. Хренов — заместителем командующего войсками фронта, бригадный комиссар С. С. Емельяненко — начальником политуправления. Для заполнения других вакантных должностей через Главное управление кадров Наркомата обороны активно запрашивались генералы и офицеры.

В успехе предстоящего наступления Л. З. Мехлис, как видно, не сомневался: буквально сразу по прибытии в Крым он заявил А. М. Василевскому, что «мы закатим немцам большую музыку». Однако грубое, некомпетентное вмешательство представителя Ставки в повседневную деятельность командующего и штаба фронта, тотальный контроль над ними чем дальше, тем больше дезорганизовывали их работу, вносили путаницу в принимавшиеся решения и затрудняли их реализацию.

Такая линия поведения представителя Ставки отрицательно сказывалась в первую очередь на подготовке предстоящей наступательной операции. В начале февраля в штабе фронта был разработан новый план. По сравнению с первоначальным вариантом размах операции был несколько сужен. Главный удар войска должны были наносить на Карасубазар с целью оказания помощи гарнизону окруженного Севастополя. Задачу предполагалось решить усилиями только «номерных» армий без привлечения войск Приморской армии. Подготовка к операции должна была завершиться к 13 февраля.

Назначенный срок выдержать не удалось, и 15 февраля Л. З. Мехлис вместе с П. П. Вечным были срочно вызваны к И. В. Сталину для доклада «о степени готовности войск и о ходе подготовки их». Верховный оказался не удовлетворен и приказал немедленно усилить фронт за счет трех стрелковых дивизий Северо-Кавказского военного округа — 271, 276 и 320-й<sup>235</sup>.

Предпринятое 27 февраля 1942 г. наступление оказалось неудачным, несмотря на преимущество в живой силе (13 дивизий Крымского фронта против трех у противника). Уже на следующий день противник вернул все из того немногого, что войскам Красной армии удалось захватить накануне, прежде всего главный узел обороны — Кой-Асан.

Находившийся в боевых порядках частей 51-й армии военный корреспондент «Красной звезды» К. М. Симонov вспоминал: «Наступление началось... очень неудачно. В феврале пошла метель вместе с дождем, все невероятно развезло, все буквально встало, танки не пошли, а плотность войск, подогнанных Мехлисом, который руководил этим наступлением, подменив собой фактически командующего фронтом безвольного генерала Козлова, была чудовищная. Все было придвинуто вплотную к передовой, и каждый немецкий снаряд, каждая мина, каждая бомба, разрываясь, наносили нам громадные потери... В километре — двух — трех — пяти — семи от передовой все было в трупах...

Словом, — с огромной горечью заключал писатель, — это была картина бездарного военного руководства и полного, чудовищного беспорядка. Плюс к этому — полное небрежение к людям, полное отсутствие заботы о том, чтобы сохранить живую силу, о том, чтобы уберечь людей от лишних потерь...»<sup>236</sup>

Второго марта перед лицом явной неудачи Д. Т. Козлов доложил в Ставку о решении из-за непроходимости дорог закрепиться на достигнутых рубежах, а в решительное наступление перейти, когда подсохнет почва. 5 марта Ставка приказала возобновить операцию, как только позволит состояние погоды и дорог, не дожидаясь дополнительных указаний с ее стороны<sup>237</sup>.

Возобновив 13 марта наступление силами отдельных ударных групп, командование Крымского фронта почти месяц пыталось прорвать Кой-Асанский узел вражеской обороны, но добилось лишь незначительных тактических успехов. Яркое представление об общих причинах неудач дает доклад Мехлиса (подготовленный, разумеется, не им самим, а генералом Вечным) Верховному главнокомандующему о результатах боев 20 марта в полосе 51-й армии. Несмотря на оптимистичное утверждение, что «бой закончился в нашу пользу», из телеграммы явствует: отсутствовали меры скрытой подготовки наступления («противник упредил нашу атаку на 1—1½ часа»), стрелковые части не отличались выучкой («над пехотой надо еще много работать»), в результате большие потери понесли 138, 390 и 398-я стрелковые дивизии и 12-я стрелковая бригада<sup>238</sup>.

С 11 апреля атакующие действия ввиду бесперспективности были приостановлены. Таким образом, ни одна из трех попыток осуществить наступление, предпринятых

в феврале—апреле, сколько-нибудь серьезным успехом не увенчалась.

Между тем противник не собирался отсиживаться в обороне. «Действия начинать на юге — в Крыму. Операцию против Керчи провести как можно быстрее... Керчь — сосредоточение основных сил авиации... Цель: Черное море, закрытое море. Батум, Баку» — такой план кампании на 1942 г. был объявлен А. Гитлером на совещании 28 марта 1942 г.<sup>239</sup> В директиве, отданной Верховным командованием вермахта 5 апреля, прямо предписывалось считать первоочередной задачей сухопутных сил и авиации на южном фланге захват Керченского полуострова и овладение Севастополем для прорыва на Кавказ<sup>240</sup>. Операция по овладению Керченским полуостровом получила кодовое название «Охота на дроф», которое, учитывая катастрофический для советских войск результат последующих боев, приобрело особо зловещий смысл.

Немецкое командование рассчитывало уничтожить главные силы РККА в пределах Ак-Монайского перешейка. Замысел командующего 11-й армией Э. фон Манштейна состоял во внезапном нанесении из района Владиславовка, высота 66,3, Дальние Камыши фронтального удара по левому, южному, флангу Крымского фронта, его прорыве и развитии наступления в глубину и к северу, в направлении правого фланга с выходом в тыл наших войск (иной вариант, к примеру, с фланговым ударом исключала узость Ак-Монайского дефиле). Часть сил выделялась для наступления в направлении Турецкого вала с задачей обеспечить правый фланг ударной немецкой группировки и перехватить отходящие на восток части Красной армии. Предусматривалась и высадка десантов западнее Турецкого вала.

Немецкий военачальник учел при этом выгодную конфигурацию линии фронта (в случае успеха на южном фланге она позволяла отсечь значительную часть советских войск) и характер местности перед Ак-Монайским оборонительным узлом (с высот, занятых гитлеровцами, хорошо просматривался тыл 44-й армии на всю тактическую глубину).

К началу мая фашистское командование сосредоточило против соединений Крымского фронта шесть пехотных, одну танковую и одну кавалерийскую дивизии. Хотя это была большая часть немецких войск в Крыму, тем не менее по численности она вдвое уступала советским войскам. В условиях невыгодного для немцев соотношения сил Манштейн решил сделать ставку на внезапность удара и господство в

воздухе, поскольку по количеству самолетов главные силы 4-го воздушного флота и VIII отдельный авиакорпус, поддерживавшие наземные войска 11-й немецкой армии, превосходили авиацию Крымского фронта в 1,7 раза<sup>241</sup>.

Что касается планов советского командования, то оно, со своей стороны, не смогло верно оценить быстро меняющуюся обстановку. Хотя при выработке стратегии действий на весну—лето 1942 г. Крымское направление было признано в Ставке ВГК одним из важнейших, по-настоящему к наступлению здесь не готовились. Сталин полагался на доклады своего представителя, а уровень военной компетентности у Мехлиса был, увы, невысоким. Сам не умея воевать по-современному, пресловутую соринку он искал в «глазу» руководящего состава фронта, в первую очередь командующего.

Московский эмиссар неоднократно пытался убедить Верховного в необходимости сменить Д. Т. Козлова. В телеграмме от 29 марта 1942 г. он суммировал свои выводы о командующем: ленив, неумен, «обожравшийся барин из мужиков». Кропотливой, повседневной работы не любит, оперативными вопросами не интересуется, поездки в войска для него — «наказание». В войсках фронта авторитетом не пользуется, к тому же «опасно лжив».

Рисуя в негативном свете командующего фронтом, Мехлис в то же время не удержался от комплимента самому себе: «Если фронтовая машина работает в конечном итоге сколько-нибудь удовлетворительно, то это объясняется тем, что фронт имеет сильный Военный совет, нового начштаба [имелся в виду генерал П. П. Вечный. — *Авт.*], да и я не являюсь здесь американским наблюдателем, а в соответствии с Вашими указаниями вмешиваюсь в дела. Мне кажется, что дальше оставлять такое положение не следует и Козлова надо снять»<sup>242</sup>.

Последующий трагический исход боев, в котором во многом повинен командующий фронтом, казалось бы, делает честь прозорливости представителя Ставки. Но ведь не сбросить со счетов и то обстоятельство, что многие ошибки и просчеты Козлова были следствием жесткого пресса со стороны Мехлиса. Так что еще вопрос, кого из них следовало для пользы дела отзывать. Сталин, помня Козлова еще с финской войны, вероятно, полагал, что генерал сумеет справиться с обязанностями командующего и в Крыму, и на предложение заменить Козлова генералами Н. К. Клыковым или К. К. Рокоссовским согласием не ответил.

Большого представителю Ставки удалось добиться в отношении других руководящих лиц. 10 марта 1942 г. он получил из Москвы сообщение о том, что Сталин поддержал его предложение и освободил генерал-майора Ф. И. Толбухина от должности начальника штаба фронта, заменив его генералом П. П. Вечным. Сомнительная с точки зрения конечного результата перетасовка кадров коснулась и командующих армиями. Ее избежал лишь командарм-51 генерал-лейтенант В. Н. Львов. А вот командующий 47-й армией генерал-майор К. Ф. Баронов был по настоянию эmissара Москвы снят с должности из-за «сомнительных» в политическом отношении родственников и связей с лицами, «подозрительными по шпионажу». Его сменил генерал-майор К. С. Колганов.

За несколько месяцев пребывания на Крымском фронте представителю Ставки так и не удалось внести в ход событий необходимый перелом. Он все больше полагался на количественный фактор, на энтузиазм людей. Тщательную же подготовку наступления, выучку штабов и войск, материальное и боевое обеспечение, разведку недооценивал, подменяя нажимом, голым приказом, массовой перетасовкой командных и политических кадров. Зато насадил атмосферу самого настоящего сыска, наушничества и негласного надзора силами Особого отдела НКВД за командно-политическим составом, что держало командиров в постоянном напряжении.

С наступлением весеннего тепла положение войск фронта осложнилось еще больше. Местные ресурсы — продовольственные, энергетические и прочие — были исчерпаны. Авиация противника регулярно нарушала коммуникации, сводя к минимуму подвоз резервов с Большой земли. Не удалось возместить и людские потери, понесенные в ходе предшествующих боев.

За подготовкой к новому наступлению генерал Козлов и представитель Ставки ВГК явно упустили из виду, что противник не будет пассивно ждать развития событий, потому не смогли своевременно вскрыть его планы и воспрепятствовать ему. В результате как мощный бомбово-штурмовой удар немцев 7 мая, так и наступление их наземных войск на рассвете следующего дня оказались во многом неожиданными для советского командования.

Так началась трагическая для Красной армии Керченская оборонительная операция 8—21 мая 1942 г. А ведь соотношение сил и средств было в пользу наших войск: в жи-

вой силе — в 2, в танках — в 1,2, в артиллерии — в 1,8 раза. Немцы, правда, располагали большей по численности авиацией — в 1,7 раза. Но главное, наступление они начали, тщательно подготовившись.

В то же время командующий Крымским фронтом не имел четкого плана действий. Сложилась противоречивая и очень опасная ситуация, когда группировка войск фронта оставалась наступательной, однако наступление все откладывалось, а оборона не укреплялась. Все три армии фронта были развернуты в один эшелон, что сокращало глубину обороны и резко ограничивало возможности по отражению ударов противника в случае прорыва. Самым неудачным оказалось построение войск 44-й армии генерала С. И. Черняка, по которой и пришелся главный вражеский удар. Достаточно сказать, что второй эшелон армии располагался на глубину всего 3–4 км от переднего края, а это давало противнику возможность осуществить прорыв не только тактической, но и оперативной обороны даже без смены позиций своей артиллерии.

Явно недостаточной была авиационная поддержка. Из 17 авиационных полков, входивших в состав ВВС фронта, только восемь базировались на аэродромы Керченского полуострова, остальные находились от переднего края в 120–330 км. Слабой была противовоздушная оборона, так что войска были по существу не защищены от ударов с воздуха. К тому же отсутствовала маскировка войск и командно-наблюдательных пунктов. Ак-Монайский оборонительный рубеж не был в достаточной степени оборудован, а тыловые оборонительные рубежи фронта — Турецкий вал и Керченские обводы — существовали лишь на оперативных картах<sup>243</sup>.

Многие историки ответственность за бездеятельность в подготовке к отражению вражеского удара справедливо возлагают на командование Крымского фронта и лично Л. З. Мехлиса. Громя «оборонительную психологию некоторых генералов», представитель Ставки отрицательно влиял тем самым на командующего и штаб. «Всякие разговоры о возможности успешного наступления немцев и нашем вынужденном отходе Л. З. Мехлис считал вредными, а меры предосторожности — излишними», — подтверждал и адмирал Н. Г. Кузнецов, побывавший 28 апреля вместе с маршалом С. М. Будённым на командном пункте Крымского фронта в селе Ленинское<sup>244</sup>.

Плохую службу сослужила и нечеткая позиция Став-



ки. 21 апреля Верховный главнокомандующий подтвердил фронту задачу на продолжение действий по очистке полуострова от противника. И лишь 6 мая, то есть всего за сутки до вражеского наступления, приказал войскам Крымского фронта «прочно закрепиться на занимаемых рубежах, совершенствуя их оборонительные сооружения в инженерном отношении и улучшая тактическое положение войск на отдельных участках, в частности, путем захвата Кой-Асанского узла»<sup>245</sup>.

### Приказ Ставки — Керчь не сдавать

В тот же день, 6 мая от начальника штаба Северо-Кавказского направления генерал-майора Г. Ф. Захарова была получена разведывательная информация чрезвычайной важности о возможном наступлении немецких войск уже утром следующего дня. Однако Д. Т. Козлов не проявил необходимой настойчивости в срочном оповещении подчиненных, в результате необходимые распоряжения своевременно не дошли даже до всех командующих армиями.

Наземные войска противника — две пехотные и одна танковая дивизии, при полном господстве своей авиации перешедшие на левом фланге Крымского фронта в наступление против 44-й армии (в первом эшелоне она имела две стрелковые дивизии), уже к исходу первого дня прорвали обе полосы обороны армии на участке до 6 км по фронту и до 10 км в глубину. Донося об этом Верховному главнокомандующему, Мехлис сетовал на господство вражеской авиации, острый недостаток снарядов и мин, просил перебросить с Таманского полуострова стрелковую бригаду для занятия обороны на Керченском обводе. Вот когда стала доходить до его сознания вся пагубность пренебрежения мерами обороны. При этом всю вину за происшедшее представитель Ставки попытался переложить на генерала Козлова. Но Верховный главнокомандующий пресек эту попытку, назвав ее в ответной телеграмме «очень удобной», но «насквозь гнилой». Он напомнил Мехлису, что тот послан на Крымский фронт не сторонним наблюдателем, а ответственным представителем Ставки, «отвечающим за все успехи и неуспехи фронта и обязанным исправлять на месте ошибки командования»<sup>246</sup>.

Генерал Козлов, подхлестываемый из Москвы, попытался организовать противодействие немецкому наступле-

нию. Командующему 44-й армией было приказано перегруппировать части второго эшелона и резерв, с тем чтобы контрударом разгромить вклинившегося противника. Вражеская авиация, однако, сорвала перегруппировку. Иного и трудно было ожидать, учитывая ее полное господство. Нереализованной оказалась и вторая попытка армии генерала Черняка перегруппироваться и ответным ударом восстановить положение: на сей раз приказ командующего фронтом вступил в противоречие с директивой С. М. Будённого, которая обязывала наступать части 51-й армии, а 44-й армии — сосредоточиться на обороне.

При всей сложности, даже катастрофичности обстановки отход наших войск отнюдь не представлял собой всеобщее паническое бегство. Подлинное мужество и стойкость проявил личный состав 72-й кавалерийской дивизии (командир — генерал-майор В. И. Книга). В течение целого дня кавалеристы совместно с подошедшими из резерва фронта 12-й и 143-й стрелковыми бригадами не пропускали врага в полосу более 10 км. Прикрывая отход других частей, мужественно сражались воины 77-й горнострелковой дивизии полковника П. Я. Циндзенеvского (которого в январе, напомним, под горячую руку Мехлиса чуть было не расстреляли) и 55-й танковой бригады (командир — полковник П. П. Лебеденко). Однако так воевали далеко не все, очень неустойчивыми показали себя, в частности, армянская и азербайджанская дивизии.

После того как 9 мая советскому командованию не удалось ликвидировать прорыв немцев и его глубина возросла до 30 км, причем в полосе не только 44-й, но уже и 51-й армии, представитель Ставки вместе с Д. Т. Козловым и членом Военного совета Я. С. Колесовым был вызван к прямому проводу. Военный совет фронта доложил, что левый фланг отводится за Ак-Монайские позиции. Задержать противника надеются силами 12-й и 143-й стрелковых бригад и 72-й кавалерийской дивизии, 156-я стрелковая дивизия ставится в оборону на Турецкий вал. Члены ВС просили присылки с Тамани 103-й стрелковой бригады, а также разрешения перенести КП фронта в связи с непрерывной бомбежкой в каменоломни на северную окраину Керчи.

В ответ Сталин, отказав в подкреплении, приказал начать отвод войск всех трех армий фронта за Турецкий вал. При этом должны были быть приняты необходимые меры, чтобы сосредоточить там всю тяжелую и противотанковую

артиллерию. Он не возражал против смены дислокации штаба фронта, но особо обратил внимание на место, где были обязаны находиться руководители. «Мехлис и Козлов, — подчеркнул Верховный, — должны немедленно заняться организацией обороны на линии Турецкого вала... Если вы сумеете и успеете задержать противника перед Турецким валом, мы будем считать это достижением...»<sup>247</sup> В Москве, возможно, и не знали, что как сам вал, так и Керченские обводы фактически не были оборудованы в инженерном отношении и серьезной преграды для противника не представляли.

Нерасторопность, растерянность командования фронта и представителя Ставки служили врагу дополнительной подмогой. Приказ на отвод армий генералы Колганов и Львов получили от Козлова лишь к концу дня 10 мая, а смогли начать его исполнение только сутки спустя. Между тем уже к исходу 10-го передовые части немцев вышли к Турецкому валу. До Керчи им оставалось чуть более 30 км, частям же 47-й армии — в два с половиной раза больше. Отход войск крайне затруднял управление ими. К тому же 11 мая во время бомбежки командного пункта 51-й армии погиб ее командующий генерал В. Н. Львов.

Видя, что Козлов и Мехлис окончательно выпустили из рук управление фронтом, а положение наших войск становится все более угрожающим, Ставка ВГК 11 мая в 23.50 отдала главкому Северо-Кавказского направления маршалу Будённому следующий приказ: «В срочном порядке выехать в район штаба Крымского фронта (г. Керчь), навести порядок в военном совете фронта, заставить Мехлиса и Козлова прекратить свою работу по формированию в тылу, передав это дело тыловым работникам, заставить их выехать немедленно на Турецкий вал, принять отходящие войска и материальную часть, привести их в порядок и организовать устойчивую оборону на линии Турецкого вала, разбив оборонительную линию на участки во главе с ответственными командирами. Главная задача — не пропускать противника к востоку от Турецкого вала, используя для этого все оборонительные средства, войсковые части, средства авиации и морского флота»<sup>248</sup>.

Эта мера не принесла сколько-нибудь заметного результата, тем более что маршал Будённый выполнил приказ Верховного с суточным опозданием, ограничившись при этом лишь несколькими указаниями. Реально ему удалось добиться только того, что 12 мая Козлов и Мехлис, вняв,

наконец, приказу Ставки, выехали на Турецкий вал в район Султановки, куда вышли части 44-й армии.

Положение было удручающее: офицеры штаба армии и представители штаба фронта останавливали отходящие в беспорядке разрозненные подразделения и отдельных бойцов. Очень похожая картина предстала и в частях 47-й армии, где неорганизованный отход осуществлялся под жесточайшим воздействием немецкой авиации. Лишь 13 мая, то есть спустя почти трое суток после приказа Ставки, сохранившие боеспособность части Красной армии сосредоточились на линии Турецкого вала и попытались занять здесь оборону. Противник же не ждал, а навязывал свое развитие событий. Танками и пехотой при активной поддержке с воздуха Турецкий вал к исходу дня был прорван.

Видя, что командование Крымского фронта больше не контролирует ситуацию, Ставка на рассвете 14 мая отдала распоряжение о начале отвода войск на Таманский полуостров. В течение всего дня ожесточенные бои шли по всему фронту Керченского обвода. Основной удар противник, используя танки и пехоту, наносил по центральному участку обороны в направлении Андреевка — Керчь и по левому флангу Чурбаш — Керчь. Одновременно с воздуха мощные бомбовые удары обрушились на расположение наших войск, тылы, пристани и причалы в портах Камыш-Бурун, Керчь, завод Войкова и на переправы в Еникале, Опасная и Жуковка. Более или менее стойкое сопротивление при обороне Керчи, к которой уже подошел враг, оказывали лишь части 72-й кавалерийской дивизии. Войска несли все возрастающие потери, испытывая дефицит боеприпасов.

К вечеру 14 мая Верховному главнокомандующему доложили телеграмму Мехлиса: «Бои идут на окраинах Керчи, с севера город обходится противником. Напрягаем последние усилия, чтобы задержать [его] к западу от Булганак. Части стихийно отходят. Эвакуация техники и людей будет незначительной. Командный пункт переходит [в] Еникале. Мы опозорили страну и должны быть прокляты. Будем биться до последнего. Авиация врага решила исход боя»<sup>249</sup>. Панический тон телеграммы заставил Сталина принять решение, фактически отменявшее прежнее распоряжение о начале эвакуации. 15 мая в 1.10 он телеграфировал генерал-лейтенанту Козлову: «Ставка Верховного главнокомандования приказывает:

1. Керчь не сдавать, организовать оборону по типу Севастополя.

2. Перебросить к войскам, ведущим бой на западе, группу мужественных командиров с рациями с задачей взять войска в руки, организовать ударную группу, с тем чтобы ликвидировать прорвавшегося к Керчи противника и восстановить оборону по одному из Керченских обводов. Если обстановка позволяет, необходимо там быть Вам лично.

3. Командуете фронтом Вы, а не Мехлис. Мехлис должен Вам помочь. Если не помогает, сообщите...»<sup>250</sup>

Однако все эти меры уже не могли переломить ситуации. 15 мая Керчь пала. В этот день в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдера появилась запись: «Керченскую операцию можно считать законченной. Город и порт в наших руках». Немецкий генерал поторопился. Спротивление наших войск было еще отнюдь не сломлено. Тот же Гальдер 17 и 18 мая вынужден был отметить в своем дневнике «ожесточенное сопротивление северо-восточнее Керчи»<sup>251</sup>.

Прикрывая отход и переправу главных сил, часть войск (остатки 83-й бригады морской пехоты, 95-го погранотряда, Ярославского авиационного училища, Воронежского училища радиоспециалистов и других частей — всего около 10 тысяч человек) оказалась отрезанной и заняла оборону в районе Аджимушкая. Отряд полковника П. М. Янгужева позднее ушел в каменоломни и на протяжении нескольких месяцев наносил удары по врагу из-под земли. У Еникале еще 19 мая вели бои, ценой жизни обеспечивая эвакуацию войск, сводные отряды полковников М. В. Волкова, М. К. Зубкова и Н. И. Людвигова. Тем не менее Крымский фронт был обречен.

В ночь на 15 мая началась эвакуация на Таманский полуостров, продолжавшаяся пятеро суток. Началась неорганизованно, поскольку штаб фронта вплоть до 16 мая не имел ее плана. Ряд руководящих работников фронта поторопились перебраться на противоположный берег Керченского пролива загодя. 17 мая и командный пункт фронта переместился на Таманский полуостров в поселок Кордон Ильича.

Плавсредства, всего около 160 катеров, сейнеров, баркасов, подавались нерегулярно и несвоевременно. Командиры многих гражданских судов отказывались подходить к берегу под бомбежкой и артиллерийским огнем, даже симулировали аварии. На этом фоне особенно значителен подвиг отдельных экипажей. Судно «XVII лет Октября» (капитан — П. А. Зарва) за четверо суток совершило 60 рей-

сов, перевезя свыше 14 тысяч бойцов и командиров. 19 мая в результате прямого попадания вражеских снарядов судно затонуло. Экипаж «Андре Марти» под командой капитана И. И. Ковалевского эвакуировал 8 тысяч воинов.

Тем не менее при потенциальной возможности переправлять в сутки 30–35 тысяч человек только 17 мая на таманский берег смогли эвакуировать чуть больше 22 тысяч, в иные дни не было и этого. Установленная очередность — раненые, материальная часть тяжелой артиллерии, реактивная артиллерия — не соблюдалась. Под видом раненых группы невооруженных, деморализованных бойцов с боем захватывали суда и переправлялись на косу Чушка. Тяжело об этом говорить, но многое повторилось через полтора месяца при такой же неорганизованной эвакуации Севастопольского СОР.

Полную трагизма картину нарисовала позднее в коллективном письме Верховному главнокомандующему группа политработников 51, 47 и 44-й армий: отсутствие хоть какого-то организующего начала при отходе, быстро переросшем в паническое бегство, страшная давка на переправах, массовые жертвы. «Это все произошло благодаря предательскому командованию Крымского фронта, иначе считать нельзя», — категорически заявляли доведенные до крайности авторы письма<sup>252</sup>.

Последние подразделения были эвакуированы в ночь на 20 мая. По многочисленным свидетельствам, в это время в ряде мест по побережью еще раздавалась ружейно-пулеметная стрельба, слышались разрывы гранат, ночную тьму нарушали всполохи огня — то продолжали сопротивление отдельные группы советских воинов. Всего на Таманский полуостров удалось эвакуировать не более 140 тысяч человек. Потери советских войск, понесенные в ходе Керченской оборонительной операции, составили более 176 тысяч человек, около 3,5 тысячи орудий и минометов, 400 самолетов, 347 танков. Всего же за 111 дней своего существования Крымский фронт утратил более 278 тысяч бойцов и командиров.

Говоря о потерях противника, за отсутствием подсчетов отечественных военных историков приходится ссылаться на германские источники, которые утверждают, что в ходе операции немцы потеряли убитыми всего 7588 солдат и офицеров<sup>253</sup>.

К чести командующего Крымским фронтом, он не праздновал труса и покинул керченский берег только с арьергардом.

По указанию Верховного главнокомандующего была подготовлена специальная директива Ставки ВГК Военным советам фронтов и армий № 155452 от 4 июня 1942 г., в которой определялись главные причины поражения советских войск в Крыму:

1) полное непонимание командованием фронта и представителем Ставки природы современной войны (построение обороны не соответствовало обстановке, группировка войск носила не оборонительный, а наступательный характер, первый эшелон оказался переуплотненным, резервы же были недостаточны и излишне придвинуты к передовой, слабо были подготовлены в инженерном отношении главная полоса и Ак-Монайский рубеж, командование фронта выпустило из рук управление войсками);

2) бюрократический и бумажный метод руководства войсками («Т. Козлов и Мехлис считали, что главная их задача состояла в отдаче приказа и что изданием приказа заканчивается их обязанность по руководству войсками... Как показал разбор хода операции, командование фронта отдавало свои приказы без учета обстановки на фронте, не зная истинного положения войск...» «В критические дни операции командование Крымского фронта и т. Мехлис, вместо личного общения с командующими армиями и вместо личного воздействия на ход операции, проводили время на многочасовых бесплодных заседаниях Военного совета»);

3) личная недисциплинированность военачальников (Д. Т. Козлов и Л. З. Мехлис нарушили указание Ставки и не обеспечили своевременный отвод войск за Турецкий вал. Опоздание на два дня с отводом явилось губительным для исхода всей операции).

Ставка ВГК категорически потребовала от командующих и военных советов фронтов извлечь уроки из ошибок, допущенных руководителями Крымского фронта<sup>254</sup>.

Решением Ставки командно-начальствующий состав Крымского фронта был сурово наказан. Д. Т. Козлов был понижен в воинском звании до генерал-майора и снят с должности командующего фронтом. Лишился должности, но остался в прежнем звании генерал-майор Вечный. В свою очередь, Мехлис был снят с постов заместителя наркома обороны СССР и начальника Главного политуправления Красной армии и понижен в звании на две ступени — до корпусного комиссара.

Однако ответственность за тяжелое поражение Крым-

ского фронта с его руководителями, безусловно, должны разделить и главком Северо-Кавказского направления маршал Будённый, Генеральный штаб РККА да и сама Ставка Верховного главнокомандования. Свою несостоятельность проявила система тройного руководства Крымским фронтом: непосредственно из Ставки, через главкома Северо-Кавказского направления и через представителя Ставки, находившегося в штабе фронта. Что касается Ставки ВГК, то она несет долю ответственности уже хотя бы потому, что так долго держала в Крыму своего столь незадачливого представителя.

Из приведенного ранее диалога Козлова со Сталиным следует, что генерал причину своей неудачи в Керченской операции связывал с вмешательством Мехлиса. Возможно, по горячим следам случившегося так и было. Но по прошествии времени, поразмыслив, Дмитрий Тимофеевич стал более критично оценивать и свои действия.

Генерал-лейтенант И. А. Ласкин вспоминал, что при их встрече в конце марта 1943 г. Д. Т. Козлов, бывший тогда заместителем командующего Воронежским фронтом, сам завел разговор о своих неудачных действиях на Керченском полуострове. «Дмитрий Тимофеевич говорил тогда, — пишет Ласкин, — что и сам чувствовал свою вину, а главное, свою неподготовленность, поскольку с масштабом фронтовой операции он никогда не имел дела. Да к тому же и театр попался необычный: позади Керченский пролив, а с двух сторон — море...»<sup>255</sup> В самом деле, большая часть службы Козлова прошла в тактическом и оперативно-тактическом звене. Командуя полком, дивизией, корпусом, он достиг высокого уровня мастерства. Но необходимого для ведения современной войны опыта в оперативно-стратегическом масштабе, то есть в должности командующего фронтом, получить по большому счету не успел.

Тем не менее, даже признавая собственную ответственность за поражение вверенного ему фронта, Дмитрий Тимофеевич всю жизнь ощущал себя в качестве опального. В 1966 г. он писал бывшему сослуживцу генерал-лейтенанту инженерных войск А. И. Смирнову-Несвицкому, который на Крымском фронте руководил инженерными войсками: «Опала моя длится вот уже почти 25 лет. В моей памяти часто встают события тех дней. Тяжко их вспоминать, особенно потому, что вина за гибель всех наших полков лежит не только на нас, непосредственных участниках этих боев, но и на руководстве, которое осуществлялось над нами. Я



имею в виду не профана в оперативном искусстве Мехлиса, а командующего Северо-Кавказским направлением и Ставку...

Я очень жалею, что не сложил там свою голову. Не слышал бы я несправедливостей и обид, ибо мертвые сраму не имут. Но не удалось мне, несмотря на то, что уходил из Еникале с арьегардными частями Волкова. Тогда уже никакого начальства, ни малого, ни большого, там не было, все перешло во власть Будённого и его заместителя Черевиченко...»<sup>256</sup>

Дмитрий Тимофеевич был, разумеется, далеко не первым военачальником, наказанным в годы войны за серьезные ошибки, просчеты и недоработки. Но те люди, которые, без сомнений, искренне считают, что с генералом поступили несправедливо, подчас забывают, что за жертвы и потери, соразмерные понесенным в Крыму, кое-кто ответил не должностью и званием, а головой. Из числа таких же, как Козлов, командующих фронтами снимали с должности, подчас и неоднократно, И. С. Конева, Р. Я. Малиновского и К. А. Мерецкова, выросших в ходе войны до Маршалов Советского Союза, а также С. М. Будённого, А. И. Еременко, Ф. И. Голикова, В. Н. Гордова, Ф. И. Кузнецова, И. Е. Петрова, М. М. Попова, Д. И. Рябышева, В. Д. Соколовского, М. С. Хозина, Я. Т. Черевиченко. А генерал армии Д. Г. Павлов — командующий Западным фронтом — был за тяжелое поражение в приграничном сражении предан суду и расстрелян 22 июля 1941 г.

Хотя такая суровость верховной власти и была чрезмерной, но так было! Так что в случае с Козловым больше подходит известная присказка — еще легко отделался. Одна из причин — изменившийся после целого года войны настрой Сталина в оценке высшего командного состава. Практиковавшаяся им постоянная замена одних командующих другими в сражениях 1941-го и первой половины 1942 г., притом что положение дел к лучшему менялось не всегда, показала Верховному главнокомандующему, что причины поражений коренились не только в профессиональной несостоятельности иных маршалов и генералов, но и во многих других причинах — неблагоприятном соотношении сил на тех или иных участках фронта, отсутствии в необходимом количестве современных средств вооруженной борьбы, недостаточном тыловом обеспечении. По мере накопления опыта войны учились не только военачальники, учился и Верховный, ставший более взвешенно и здраво

оценивать возможности Красной армии и более рационально относиться к ее полководческому корпусу. Пришло и понимание того, что для умеющего мыслить военачальника поражение — важный урок, из него вырастают будущие победы.

Другое дело, что лично Д. Т. Козлову от этого было не легче.

### **«Смог бы продемонстрировать крупное дарование военачальника»**

Так или иначе, летом 1942 г. Козлов был назначен командующим сначала 6-й, а затем — 9-й резервными армиями. Последняя, будучи переименованной в 24-ю армию, вошла вместе с 1-й гвардейской и 66-й армиями в состав группировки Сталинградского фронта, которая при поддержке 4-й танковой армии в начале сентября нанесла контрудар с целью разгрома прорвавшихся к Волге севернее Сталинграда войск противника.

Именно к этим событиям относится директива, направленная 3 сентября Ставкой ВГК на имя заместителя Верховного главнокомандующего генерала армии Г. К. Жукова (в стиле директивы явствен почерк Сталина): «Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящими к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению»<sup>257</sup>.

Начальник Генерального штаба РККА генерал армии А. М. Василевский, направленный в район Сталинграда представителем Ставки, начиная с 25 августа взял на себя руководство подготовкой прибывающих частей к предстоящему контрудару. «Утром 26 августа я приехал в район, где стояли войска 24-й армии и начавшие прибывать войска 66-й армии и дивизии, предназначавшиеся на укомплектование 1-й гвардейской армии, — вспоминал он. — В течение нескольких дней вместе с командующим 24-й армией Д. Т. Козловым мы занимались рекогносцировкой. Затем туда же приехал Г. К. Жуков...»<sup>258</sup>

Дважды в течение сентября здесь предпринималось

наступление. Недостаток сил, ограниченность времени для подготовки удара, из-за чего не удалось хорошо подготовить наступление, выявить систему огня противника и подавить ее, отсутствие необходимого количества гаубичной артиллерии и танков для непосредственной поддержки стрелковых частей да и крайне невыгодный для наступления наших войск рельеф местности (открытая степь, изрезанная глубокими оврагами, где противник хорошо укрывался от огня) не позволили группировке Сталинградского фронта прорвать вражеский коридор и соединиться с войсками Юго-Западного фронта. Из-за этого в послевоенной литературе удар левого крыла Сталинградского фронта остался по-настоящему не раскрытым. Даже мемуаристы не отдали должного войскам 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий, в чем маршал Жуков позднее упрекал командующего 62-й армией маршала В. И. Чуйкова, войскам которого была оказана бесценная помощь со стороны наступавших, не считавшихся ни с какими жертвами.

В событиях, связанных с подготовкой контрнаступления Красной армии под Сталинградом, Д. Т. Козлову участвовать не довелось: 14 октября он был переведен на Воронежский фронт сначала помощником, а затем заместителем командующего. Симпатизировавший ему генерал С. П. Иванов, воевавший под началом Козлова еще на финской войне, вспоминал свою исключительно теплую встречу с командующим 24-й армией в сентябрьские дни 1942-го в районе населенного пункта Лозное. Состоявшееся вскоре после этого перемещение Козлова на Воронежский фронт Иванов расценивал как сыгравшее против военачальника. «...По моему глубокому убеждению, — писал он, — Д. Т. Козлов, если бы ему после описываемых событий предоставили возможность подольше покомандовать армией и проявить самостоятельность, смог бы продемонстрировать свое несомненно крупное дарование военачальника. Однако вот этой-то самостоятельности он, к сожалению, и лишился перед нашим грандиозным контрнаступлением под Сталинградом»<sup>259</sup>.

Новая должность, на которой оказался Д. Т. Козлов, по самой своей природе была несамостоятельной. Война практически не знает случаев, когда с этой должности военачальник переходил на следующую ступень — командующего фронтом. В лучшем случае он становился командующим армией. Между тем должность заместителя предполагала

значительные обязанности, правда, чаще либо рутинные, либо — наоборот — сродни обязанностям пожарного.

С Воронежским фронтом (им командовал генерал-полковник Ф. И. Голиков) зимой 1943 г. связаны крупные победы. В ходе Воронежско-Харьковской стратегической наступательной операции наши войска за 50 суток прорвали фронт противника на участке шириной более 400 км, продвинулись на глубину 360–520 км, освободили от оккупантов значительную территорию и ряд крупных городов — Воронеж, Курск, Белгород и Харьков. Было разгромлено 26 вражеских дивизий. Однако командование фронта, развивая наступление, переоценило возможности вверенных ему войск. А они в предыдущих боях были сильно ослаблены. К тому же разведка фронта просмотрела сосредоточение значительных танковых сил немцев, которые нанесли сильный контрудар. По собственному признанию Ф. И. Голикова, «ошибка в оценке противника заключалась в том, что мы рассматривали массовое движение моторизованных сил противника на Полтаву как его отход. Между тем противник отводил главные силы своего танкового корпуса СС в район Полтавы для того, чтобы начать отсюда свой контрудар»<sup>260</sup>. В результате советские войска вынуждены были не только оставить Харьков, но и с большими потерями отойти назад на 100–150 км. К 26 марта войска Воронежского фронта, потеряв Белгород, остановили контрнаступление группы армий «Юг», образовав южный фас Курской дуги.

Во время этих боев Д. Т. Козлов руководил обороной Харькова. Маршал К. С. Москаленко вспоминал: «...Назначенный комендантом города заместитель командующего Воронежским фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов пытался организовать оборону силами немногочисленного гарнизона... Поздно! Попытку удержать город, усилив его оборону частью сил 40-й армии, нужно было делать значительно раньше. Теперь нечего было и думать о переброске войск и организации обороны в те считанные часы, которые оставались в нашем распоряжении»<sup>261</sup>. И хотя 14 марта немцы вторично захватили Харьков, реванша за Сталинград у них не получилось. Почти две недели они потеряли в попытках развить наступление. Наши войска подтянули резервы и окончательно остановили противника. «Так закончились эти тяжелые бои. С 14 по 21 марта через лес северо-восточнее Мохначей беспрерывно выходили наши подразделения, части и группы. Этим же путем вы-

шел из Харькова заместитель командующего Воронежским фронтом генерал Д. Т. Козлов. Он являлся начальником обороны города и ушел из него одним из последних», — писал непосредственный участник этих событий командир 25-й стрелковой дивизии генерал-майор П. М. Шафаренко<sup>262</sup>.

В Курской битве (июль—август 1943 г.), где Воронежскому фронту довелось сыграть одну из решающих ролей, Д. Т. Козлов не участвовал: ровно за два месяца до ее начала 5 мая 1943 г. он был направлен в распоряжение Главного управления кадров Наркомата обороны СССР, а 30 августа того же года назначен заместителем командующего Забайкальским фронтом. Фронтом тыловым, готовящим маршевые пополнения для действующей армии.

В августе 1945-го Забайкальский фронт, наряду с 1-м и 2-м Дальневосточными, стал самым что ни на есть боевым. В предстоящей кампании против Японии ему отводилась едва ли не главная роль, недаром генерал-полковника М. П. Ковалёва на посту командующего фронтом сменил Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, хорошо знавший Козлова по Сталинградскому фронту.

Но ни на какую протекцию Дмитрий Тимофеевич не рассчитывал. И когда с началом боевых действий был оставлен командовать немногочисленными войсками, оставшимися в тылу, на территории бывшего военного округа, на судьбу публично не сетовал, хотя в душе наверняка таил обиду. Его огромный боевой опыт, наверное, не был бы лишним, окажись он в гуще воюющих войск. И хотя по итогам скоротечной войны Козлова наградили орденами Красного Знамени и Красного Знамени МНР, было очевидно, что на этом его боевая биография закончилась.

---

---

## Яков Григорьевич КРЕЙЗЕР

*Родился 22 октября (4 ноября) 1905 г. в городе Воронеже. Генерал армии (1962 г.).*

*В Красной армии — с февраля 1921 г., добровольно поступил в 22-ю Воронежскую пехотную школу. По окончании школы назначен в 144-й стрелковый полк. С января 1928 г. проходил службу в Московской Пролетарской (позднее переименованной в 1-ю Московскую) стрелковой дивизии, в 1937 г. назначен командиром стрелкового полка.*

*С августа 1939 г. — командир 172-й стрелковой дивизии Московского военного округа (МВО). После окончания в 1941 г. Курсов усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе — командир 1-й Московской моторизованной дивизии МВО, с началом Великой Отечественной войны преобразованной в 1-ю танковую дивизию в составе 20-й армии Западного фронта. По излечении после ранения в августе 1941 г. назначен командующим 3-й армией, которая в составе Брянского фронта участвовала в Орловско-Брянской и Тульской оборонительных операциях, а в составе Юго-Западного фронта — в Елецкой наступательной операции. С февраля 1942 г. — заместитель командующего 57-й армией, а затем командующего 1-й резервной армией. С октября 1942 г. — заместитель командующего и командующий 2-й гвардейской армией, которая в составе Донского и Сталинградского фронтов участвовала в Сталинградской битве. С августа 1943 г. вступил в командование 51-й армией и находился в этой должности до конца войны.*

*После войны — командующий 45-й и 7-й гвардейской армиями Тбилисского военного округа. После окончания в апреле 1949 г. Высших академических курсов при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова назначен командующим 38-й армией Прикарпатского военного округа. С мая 1955 г. —*

командующий войсками Южно-Уральского, Забайкальского, Уральского, Дальневосточного военных округов. С ноября 1963 г. — начальник Центральных офицерских курсов «Выстрел». С мая 1969 г. — военный инспектор-советник Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Депутат Верховного совета СССР в 1962–1966 гг., Верховного совета РСФСР 5-го созыва, Верховного совета УССР 4-го созыва.

Герой Советского Союза (22 июля 1941 г.). Также награжден: пятью орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й и 2-й степени, Кутузова 1-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й степени, медалями.

Скончался 29 ноября 1969 г. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

### **«На подвиги геройские нас Крейзер в бой зовет!»**

Июль 1941-го, река Березина, район Борисова... Здесь, пожалуй, впервые с момента вероломного перехода советской границы немецкие танковые генералы получили урок стойкой и при этом активной обороны. «Радисты моего командирского танка получили сообщение об атаке русскими танками и самолетами переправы на Березине у Борисова... — вспоминал тогдашний командующий 2-й танковой группой генерал-полковник Гейнц Гудериан, известный далеко за пределами Германии теоретик и практик глубоких танковых прорывов. — 18-я танковая дивизия получила достаточно полное представление о силе русских, ибо они впервые применили свои танки Т-34, против которых наши пушки в то время были слишком слабы»<sup>263</sup>. И хотя «атаки были отбиты с большими потерями для русских», гитлеровский генерал не мог скрыть своего сильного впечатления от тех боев 2 июля.

Урок немецкой танковой дивизии генерал-майора Вальтера Неринга — и это уже на второй неделе войны — преподала 1-я Московская мотострелковая дивизия, которой командовал полковник Яков Григорьевич Крейзер. Дивизия была укомплектована по штатам военного времени, хорошо подготовлена и имела на вооружении танки Т-34. Она была в числе тех немногих соединений, которые были переброшены на рубеж Березины, остававшейся единственной естественной водной преградой на пути к Смоленску, с задачей любой ценой задержать наступление немцев,

чтобы дать возможность соединениям Красной армии, перебрасываемым из глубины страны, организовать оборону в верховьях Днепра.

В первых числах июля противник понес большие потери, но тем не менее сумел овладеть восточной частью Борисова и создать, таким образом, плацдарм на Березине. Командир 44-го стрелкового корпуса комдив В. А. Юшкевич 2 июля по согласованию с командующим 13-й армией Западного фронта генерал-лейтенантом П. М. Филатовым приказал полковнику Крейзеру восстановить положение, и тогда же на восточном берегу Березины развернулись ожесточенные бои. Противник значительно превосходил крейзеровцев в силах, а в воздухе безраздельно господствовали люфтваффе, эксперты которых гонялись буквально за каждой машиной. Однако дивизия продолжала оказывать противнику серьезное сопротивление.

Немцы пытались подорвать боевой дух подчиненных Якова Григорьевича не только силой оружия, но и банальным антисемитизмом. На боевые порядки дивизии посыпались листовки с таким текстом: «Русские воины! Кому вы доверяете свою жизнь? Ваш командир — еврей Янкель Крейзер. Неужели вы верите, что Янкель спасет вас? Сдавайтесь в плен, а с Янкелем поступайте так, как надо поступать с жидами...» От полковника грязную поделку ретивых «геббельсов» не стали скрывать.

— Да, дома меня действительно называли Янкелем. Хорошее имя, я горжусь им, — отреагировал он и продолжил заниматься организацией боя.

Забегая вперед скажем, что лучшим ответом геббельсовским пропагандистам-антисемитам стали слова бывшего командующего 17-й немецкой армией в Крыму, генерал-полковника Эрвина Йенеке, чистокровного арийца. Осужденный на 25 лет военным трибуналом Черноморского флота как военный преступник, он на суде 23 ноября 1947 г. в Севастополе заявил: «Я был удивлен, узнав, что сильной армией русских командует еврей Крейзер. Я преклоняюсь перед его военной стратегией, хотя непостижимо, что арийцы отступили»<sup>264</sup>.

Подчиненные же верили своему командиру, им была важна не национальность Крейзера, а его способность умело управлять войсками. В последнем же сомнений не было ни у кого. Недаром красноармеец Свинкин и младший командир Рыкалин сложили о нем трогательную своей бесхитростностью песню:



Лавиной сокрушительной  
Пошли бойцы отважные,  
За дело наше правое,  
За наш родной народ.  
Громит врага оружием  
Дивизия бесстрашная.  
На подвиги геройские  
Нас Крейзер в бой зовет.

Своеобразным ответом воинов-москвичей на антисемитские выпады в отношении их командира стали боевые дела дивизии: в ходе ожесточенных боев с 30 июня по 3 июля было уничтожено около 60 танков и до трех тысяч солдат и офицеров противника.

Представить обстоятельства тех событий более наглядно позволяет их очевидец — генерал армии С. П. Иванов, бывший тогда заместителем начальника штаба 13-й армии: «Утром 3 июля нам довелось встретиться с генералом А. И. Еременко [на тот момент — командующий Западным фронтом. — *Авт.*]. Он прибыл в район боев восточнее Борисова, получив донесение о том, что город захвачен противником. Мы с командармом находились в этот момент на КП дивизии Крейзера в деревне Стайки. Неожиданно по ее единственной улице, поднимая клубы пыли, на большой скорости промчалась мимо нас новенькая эмка в сопровождении броневика со спаренной зенитно-пулеметной установкой... Из эмки вышел генерал-лейтенант... По властному взгляду его небольших стального оттенка глаз мы поняли, что это А. И. Еременко, о суровости которого многие были наслышаны.

Командарм и Крейзер представились, а остальные постарались ретироваться, однако Андрей Иванович заметил это и резким движением руки вернул всех на место. Неторопливо поздоровавшись с Петром Михайловичем и Яковом Григорьевичем, он сказал довольно высоким голосом:

— Что, голубчики, сдали город и успокоились? Или что-нибудь собираетесь предпринять?

— Приложим все силы, чтобы восстановить положение, — быстро нашелся Крейзер.

— Поперед батьки в пекло не лезь, — отрезал Еременко. — Послушаем, что скажет командарм.

— Я согласен с комдивом, — подтвердил Филатов.

— Тогда помозгуем, как это сделать, — заключил Андрей Иванович.

Было решено контратаковать с фронта силами 12-го

танкового полка, который имел несколько машин Т-34, усилив его ротой тяжелых танков КВ. С флангов врага должны были сковать удары мотострелков. Контратаку поддерживал также 13-й арtpолк дивизии. После его короткого удара вперед двинулись танкисты. Присутствие двух генерал-лейтенантов на передовой подействовало на них явно ободряюще. Наблюдая захватывающее зрелище довольно солидной группы танков, на предельной скорости устремившихся на противника, мы, вспоминал С. П. Иванов, не заметили исчезновения Я. Г. Крейзера. Оказалось, что он укатил в атаку на головном КВ. Еременко, узнав об этом, в первый момент был взбешен, но П. М. Филатов успокоил его, сказав, что разрешил комдиву непосредственно в боевых порядках по радио руководить боем.

Когда через некоторое время Крейзер возвратился, продолжает С. П. Иванов, «Еременко неожиданно для всех, а может быть и для самого себя, обнял Якова Григорьевича, крепко пожал ему руку и сказал:

— Представлю к званию Героя Советского Союза и добьюсь, чтобы представлению дали ход. Запиши, Пархоменко, и передай кадровикам! — окликнул он своего порученца, сына легендарного начдива»<sup>265</sup>.

В тот же день, 3 июля, после отъезда А. И. Еременко была предпринята еще одна контратака. На сей раз — с фланга, так как немецкая мотопехота Неринга, расширяя плацдарм, растянулась по шоссе между Борисовом и Лошницей. В этих условиях генерал-лейтенант П. М. Филатов приказал Крейзеру силами танкового и мотострелкового полков контратаковать во фланг прорвавшегося противника. Разгорелся ожесточенный бой, в котором с обеих сторон участвовало свыше 300 танков. В результате контратаки удалось задержать наступление немцев до исхода 4 июля. Части дивизии, таким образом, выиграли время для занятия обороны на реке Нача, а затем почти две недели не давали возможности немецкому XLVII армейскому корпусу развить наступление вдоль автострады Минск — Москва.

Сам Крейзер вспоминал о тех днях: «...Применяя тактику подвижной обороны, части 1-й мотострелковой дивизии вели ожесточенные бои, сдерживая натиск врага. Ночью, когда гитлеровцы делали паузу в наступлении, наши части незаметно отрывались от них на 10—12 км и переходили к обороне на следующем выгодном рубеже. С утра противник предпринимал наступление в развернутых боевых порядках, но бил по пустому месту и только к полуд-

ню подходил к новому рубежу обороны дивизии. Здесь ему снова приходилось разворачиваться для наступления, чтобы преодолеть организованное сопротивление. Так день за днем в течение 11 суток непрерывных боев с частями XLVII немецкого танкового\* корпуса на рубежах рек Нача, Бобр, Адров и населенных пунктов Крупки, Толочин, Коханово изматывались силы врага»<sup>266</sup>.

Ведя подвижную оборону в междуречье Березины и Днепра, 1-я мотострелковая дивизия на своем участке сумела задержать противника, рвавшегося к Смоленску, и этим оказала помощь второму эшелону войск 20-й армии, создавшему оборону на восточном берегу Днепра. Две недели она вела оборонительные бои в исключительно невыгодных условиях — на широком фронте, в большом отрыве от войск 20-й армии, при отсутствии соседей. Но свой долг воины-москвичи выполнили с честью. Не случайно одной из первых дивизия стала гвардейской.

А что касается обещания А. И. Еременко, то его слово оказалось крепким: за искусное руководство боевыми действиями и проявленное при этом бесстрашие полковник Я. Г. Крейзер 22 июля 1941 г. был удостоен звания Героя Советского Союза. Напомним: миновал только первый месяц войны, бойцы и командиры награждались весьма скупно, тем выразительнее факт присвоения геройского звания командиру 1-й Московской мотострелковой дивизии, первому с начала войны среди общевойсковых командиров.

Оценивая те бои, маршал Г. К. Жуков писал: «На реке Березине наши войска упорно дрались в районе города Борисова... Туда подошла 1-я Московская мотострелковая дивизия под командованием генерал-майора [в действительности в тот момент — полковника. — *Авт.*] Я. Г. Крейзера... В этих сражениях генерал Я. Г. Крейзер блестяще показал себя»<sup>267</sup>.

Генерал-майором Яков Григорьевич стал 7 августа 1941 г. В это же время он получил и назначение на должность командующего 3-й армией. Значительный, сразу через несколько служебных ступеней рост. История войны знает массу примеров, когда иной генерал в таких случаях не выдерживал нового объема обязанностей и резко возросшей степени ответственности. В случае с Крейзером

---

\* XLVII армейский корпус по существу был не армейским, а танковым, однако официально он такое название получил только 14 июня 1942 г.

этого не произошло. Пусть не все сразу получалось, как хотелось, но оказанное доверие Яков Григорьевич оправдал.

Явно сказалась отличная школа Московской Пролетарской стрелковой дивизии, позднее переименованной в 1-ю Московскую мотострелковую, в которой он служил с самого момента ее формирования в 1927 г. и до начала Великой Отечественной войны. Рос и мужал вместе с будущими маршалами и генералами армии С. С. Бирюзовым, Н. Н. Вороновым, М. И. Неделиным, В. И. Казаковым, Г. Ф. Одинцовым, П. И. Батовым, К. Н. Галицким, Г. И. Хетагуровым, Д. Д. Лелюшенко, П. Н. Лашенко. Здесь в 1936 г. командир учебного батальона майор Крейзер был удостоен ордена Ленина — так был отмечен его вклад в успешное проведение экспериментального батальонного тактического учения, выстроенного по личному замыслу тогдашнего заместителя наркома обороны маршала М. Н. Тухачевского.

Во главе родной дивизии Крейзер принял и свой первый бой. А затем, уже командуя 3-й армией, участвовал в Московской битве. Довелось много чего совершить — и в оборонительных боях участвовать в ходе Тульской операции, и из окружения из-под Трубчевска выходить, и даже поучаствовать на самой ранней стадии в контрнаступлении под Москвой, освобождая в ходе Елецкой операции Ефремов. Много позднее, в августе 1943 г., в ходе сражения за Левобережную Украину он принял под свое командование 51-ю армию, вместе с которой и вписал свое имя в историю освобождения Крыма.

Войска 4-го Украинского фронта, в состав которого входила 51-я армия, прорвав в районе реки Молочной участок сильно укрепленной немецкой оборонительной линии — так называемого Восточного вала и овладев 23 октября ее ключевым узлом — Мелитополем, вышли на степные просторы Северной Таврии. Впереди открывался путь на Крым, к Перекопу, Сивашу и Чонгарским переправам.

Враг с невероятным упорством цеплялся за Крым. Пока полуостров оставался в его руках, немецкое командование контролировало большую часть Черного моря с помощью подводных лодок, надводных кораблей и авиации. Маршал П. К. Кошевой, в дни описываемых событий командир входившего в 51-ю армию 63-го стрелкового корпуса, вспоминал: «Богатые хлебом поля, железная руда, залегающая на поверхности земли под Керчью, сады и виноградники, многочисленные здравницы Крыма разжигали аппетиты немецко-фашистских захватчиков и заставляли их

яростно сражаться за этот благодатный край. На фронте ходили слухи, что в санаториях Южного берега, Саки и Евпатории лечились 200 тысяч солдат и офицеров фашистского вермахта»<sup>268</sup>.

### На острие главного удара

В ходе преследования отступающего противника командующий фронтом генерал армии Ф. И. Толбухин приказал 51-й армии основными силами во взаимодействии с подвижной группой фронта (19-й танковый и 4-й гвардейский кавалерийский корпуса) ворваться через Перекопский перешеек в Крым. 10-й стрелковый корпус генерал-майора К. П. Неверова получил задачу форсировать с ходу Сиваш в районе острова Русский, овладеть плацдармом и развивать наступление вглубь полуострова.

Однако полностью реализовать поставленную задачу и выйти на оперативный простор сразу не удалось. Войска прорвали оборону противника на Турецком валу, но, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением, успех развить не смогли. Это и неудивительно: немецкое командование загодя оборудовало выгодные оборонительные позиции, выстроив мощную линию обороны. Боевой удачей было уже то, что удалось успешно форсировать Сиваш.

С Сивашом вышла особая история. К исходу 31 октября 1943 г. 346-я Дебальцевская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Д. И. Станкевского из состава 10-й стрелкового корпуса, выйдя к нему первой, сразу же начала подготовку к форсированию. Советское командование еще по опыту Гражданской войны хорошо представляло себе, что такое Сиваш: мелководный залив с преобладающими глубинами в полметра-метр и вязким илистым дном, которое не позволяет переправлять автомашины, орудия и танки своим ходом.

Нужны были хорошо знающие броды проводники, которые помогли бы выбрать оптимальные маршруты для перемещения войск, особенно на случай, если противник откроет сильный огонь. Таких нашли среди местных жителей-рыбаков. Первым провел через холодные воды Сиваша разведчиков и передовые подразделения дивизии местный колхозник В. К. Зауличный, который за этот подвиг был награжден орденом Красной Звезды. На помощь нашим воинам пришел и И. И. Оленчук, который еще в 1920 г.

указал путь через Сиваш командующему Южным фронтом М. В. Фрунзе. «Мы попытались отыскать нужных нам людей, — позднее рассказывал Я. Г. Крейзер П. К. Кошевому. — Вспомнили, что Михаилу Васильевичу Фрунзе помог в свое время местный добытчик соли крестьянин Оленчук. Пригласили к себе колхозников. И что же вы думаете, Иван Иванович Оленчук отыскался: крепкий старик, которому идет семидесятый год. И на этот раз он согласился указать нашим воинам путь в Крым. Не испугали старика ни холодные ноябрьские волны залива, ни возраст, ни угроза смерти от пули врага»<sup>269</sup>. Забегая вперед скажем, что самоотверженные действия старого рыбака были оценены командованием орденом Отечественной войны 1-й степени.

Немецкое командование не допускало и мысли о том, что советские войска, имевшие на вооружении тяжелую боевую технику, смогут, что называется, своим ходом форсировать столь коварное водное препятствие. В связи с этим обороне на этом направлении практически не уделялось внимания. Но немцы просчитались.

Ночью 1 ноября, когда западный ветер отогнал воду Сиваша и понизил ее уровень до одного метра, что было вполне приемлемо для переправы боевой техники, стрелковая дивизия генерала Станкевского начала форсирование. Воины двигались на 12 км восточнее Литовского полуострова между мысом Кургана на севере и мысом Джунгара на юге. Ширина залива достигала здесь почти трех километров, а глубина доходила до одного метра. Пеший боец переходил Сиваш за 2—3 часа, 76-мм орудие солдаты транспортировали на лодке-понтоне за 5—6 часов.

Действия советских войск оказались для противника полной неожиданностью. Переправившись на противоположный берег, части дивизии с ходу начали наступление на Тархан и Томашевку. Опомившись от внезапного удара, немцы вскоре подтянули резервы и пошли в контратаку. Завязался ожесточенный бой за плацдарм. К 3 ноября на сивашском плацдарме площадью чуть больше 70 км<sup>2</sup> сосредоточились все стрелковые части 10-го стрелкового корпуса. Но без тяжелого оружия, танков, транспортных средств, боеприпасов нечего было и думать об удержании плацдарма, так что все это надо было доставить сюда. А сделать это можно было лишь волоком на лодках и лодках-пантонах.

Сохранившиеся фотоснимки, сделанные фронтовыми

корреспондентами, дают лишь приблизительное представление, какими невероятными усилиями достигалась эта задача. Ящики с боеприпасами переносились на плечах. И на расстояние не в 100—200 м, а, напомним, 3 км, да по засасывающему дну, да по соленой ноябрьской воде, от которой до язв разъедало кожу и судорогой сводило суставы. Но иного выхода не было.

Мелководье приходилось преодолевать вброд, пока не была сооружена паромно-лодочная переправа, которая в течение почти 40 суток была единственной артерией, питавшей боеприпасами, оружием и продовольствием войска армии за Сивашем. Затем были построены еще одна такая переправа и рамно-балочный мост, а также через залив возведена дамба. «При подготовке наступательной операции, — вспоминал Я. Г. Крейзер, — Военному совету и штабу нашей армии пришлось решить ряд сложных задач, связанных с инженерным оборудованием исходного района, строительством и поддержанием в исправном состоянии переправ через Сиваш, сосредоточением и маскировкой крупной группировки войск на открытом плацдарме»<sup>270</sup>.

Успешно действовали войска 51-й армии и на Перекопском перешейке. Совместно с 19-м танковым корпусом генерал-лейтенанта И. Д. Васильева они разрушили немецкую оборону в центре Турецкого вала и в результате тяжелой борьбы, когда чаша весов победы колебалась в ту и другую сторону, закрепились в районе Армянска. В последующем на Перекопское направление командование фронта ввело 2-ю гвардейскую армию генерала Г. Ф. Захарова, а соединения 51-й были переброшены к северу от Сиваша и на захваченный плацдарм.

Командарм, как и положено, тщательно вникал во все стороны деятельности подчиненных. Об одном из эпизодов вспоминал П. К. Кошевой, тогдашний командир 63-го стрелкового корпуса, направленного в феврале на усиление 51-й армии. Не скрывая своей радости по поводу того, что в состав армии прибыл еще один корпус, Крейзер не утаил и исключительных трудностей, с которыми должны были столкнуться вновь прибывшие войска. «Вам, товарищ Кошевой, — указал командующий, — надлежит, не теряя времени, подготовить соединения корпуса для переправы на плацдарм. Это — первый шаг. Затем будете наступать. Разведайте район переправ на северном берегу Сиваша завтра же. А потом мы совместно проведем рекогносцировку района размещения дивизий корпуса на плацдарме»<sup>271</sup>.

«Разведка района переправ, — вспоминал Кошевой, — показала, что переброска войск корпуса на плацдарм вброд», учитывая практически стопроцентную заболеваемость людей, по необходимости переходивших залив по мелководью, «могла иметь место лишь в исключительном случае... Ориентироваться надо было на инженерные переправы»<sup>272</sup> — земляную дамбу, два понтонных моста и мост на рамных опорах. Последним особенно гордились инженерные войска 51-й армии, и на законных основаниях. Но и он, и остальные переправы были не готовы выдержать нагрузку в виде тысяч людей, танков, САУ, автомобилей.

«Генерал Крейзер поморщился, когда мы доложили ему результаты разведки, — писал Кошевой. — Он, конечно, все знал и до этого, но наш доклад напомнил еще раз, что пора приниматься за тщательную подготовку переправ. Командарм приказал представить ему письменный доклад с обстоятельным перечнем необходимых инженерных работ, объема их, нужных материалов, транспорта, рабочей силы и времени... Вскоре командарм, как обещал, побывал со мной на южном берегу Сиваша. Тут картина была совсем безрадостной... Кругом расстилалась ровная, как стол, бескрайняя степь»<sup>273</sup> без единого деревца, территория хорошо просматривалась и здесь войскам негде было укрыться от огня противника. Не было никаких источников пресной воды, естественно, никакого топлива для приготовления горячей пищи и обогрева личного состава, страдавшего от студёных восточных и северо-восточных ветров. Все это — и размещение воинов, и их питание, и обогрев, и просушку обмундирования — предстояло наладить командному составу корпуса.

«Черные глаза командарма, — вспоминал Кошевой, — смотрели на меня пылливо, как бы спрашивая: ну, командор, сумеешь организовать все, как полагается? Не подведешь?»<sup>274</sup> Понятно, что командарм не просто молчаливо вопрошал, но и оказал командиру 63-го корпуса всю возможную помощь. Армейские тыловые службы наладили подвоз всевозможных запасов. Инженерная служба возглавила работы по усилению дамбы и моста через Сиваш, которые наряду с корпусными инженерно-саперными частями вели и части армейского подчинения, выделенные по приказу Крейзера. Объем работ был настолько велик, что потребовал привлечения для строительства и содержания переправ на Сиваше пяти инженерных соединений.

Инженерная подготовка плацдарма, меры строгой ма-



скировки позволили разместить на сравнительно ограниченном пространстве плацдарма за Сивашем большую массу войск и техники — девять стрелковых дивизий, танковый корпус, артиллерийскую дивизию прорыва и другие части. Там же был оборудован и командный пункт 51-й армии.

Немецкая разведка так до конца и не смогла разобраться, что же за земляные работы велись на плацдарме, какие войска туда перебрасывались. Командованию в конце марта удалось сосредоточить на плацдарме 19-й танковый корпус генерал-лейтенанта танковых войск И. Д. Васильева и сделать это незаметно для противника, притом что его авиация вела весьма интенсивную воздушную разведку. Советским солдатам удалось даже приблизить исходные позиции на 150—200 м к траншеям противника, что значительно облегчало атаку при начале операции.

К решающим боям готовились и захватчики, которые не могли не понимать, что по мере их изгнания Красной армией с Правобережной Украины скоро придет черед и группировки в Крыму. По донесениям разведки немцы возвели мощные и глубокоэшелонированные оборонительные полосы от Перекопа до южного берега Сиваша и Ак-Манайских позиций на Керченском полуострове до Севастополя. К началу советского наступления в апреле 1944 г. Крымская группировка противника имела в своем составе пять немецких и семь румынских дивизий — всего не менее 200 тысяч человек, около 3600 орудий и минометов, 215 танков и штурмовых орудий и 148 самолетов<sup>275</sup>.

Ставка А. Гитлера требовала не сдавать Крым ни при каких обстоятельствах. Еще в конце декабря 1943 г. Гитлер говорил начальнику Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковнику Курту Цейтцлеру: «Мы обязаны оборонять Крым, этот второй Сталинград, пока есть хоть какая-то возможность...» Следуя этим указаниям, командующий 17-й армией генерал-полковник Эрвин Йенеке превратил Крым, как он считал, в неприступную крепость. «Крым на замке, — писал он в марте 1944 г. — В мире нет еще такой силы, которая была бы способна прорвать немецкую оборону на Перекопе и Сиваше»<sup>276</sup>. Здесь же он делился своими наблюдениями: «Чем больше тянется время, тем яснее вырисовываются грандиозные приготовления русских к наступлению под Перекопом и меньше на Сивашском направлении...» Это означало, что противник так и не сумел своевременно раскрыть планы советского ко-

мандования по нанесению главного удара именно на Сивашском направлении.

Для 51-й армии срок готовности к наступлению был установлен 29 февраля. Но вмешалась очень неустойчивая в этом краю на рубеже зимы и весны погода: из-за шторма и сильного подъема воды в Сиваше обе переправы на неделю полностью были выведены из строя, а в течение последующих нескольких дней работали с пониженной пропускной способностью. Срок готовности армии к наступлению из-за погоды несколько раз переносился.

Начиная с 3 марта в районе переправ на плацдарме работал представитель Ставки ВГК маршал А. М. Василевский. Вместе с Ф. И. Толбухиным и Я. Г. Крейзером он провел рекогносцировку, по результатам которой было принято решение об усилении прикрытия переправ с воздуха, увеличении запаса материалов и готовых элементов мостов для быстрого восстановления переправ в случае их разрушения. Вместе с тем маршал лично убедился, насколько неподходящим было для наступления состояние дорог: весь автотранспорт буквально утопал в грязи. Результатом работы стал доклад Василевского Сталину: «При таком состоянии дорог начинать операцию нельзя, не сумеем за продвигающимися войсками подать не только пушки и снаряды, но даже продовольствие и кухни. К тому же переправы на Сиваше, разрушенные штормом в последних числах февраля, восстановлением из-за подвоза лесоматериалов задерживаются.

На основе всего виденного лично и на основе докладов непосредственных участников в подготовке операции считаю, что Крымскую операцию можно будет начинать лишь в период между 15–20 марта. Только к этому времени сумеем иметь на Сиваше две серьезные переправы и сумеем подвезти как на Перекоп, так и на Сиваш все необходимое.

Прошу Вас утвердить указанные сроки»<sup>277</sup>.

Одиннадцатого марта штаб 4-го Украинского фронта созвал на командном пункте 51-й армии совещание с участием командиров всех соединений и частей фронта. Генерал армии Ф. И. Толбухин сообщил, что под руководством и при помощи представителей Ставки А. М. Василевского и К. Е. Ворошилова (последний в этот момент находился в Отдельной Приморской армии под Керчью) разработан план разгрома противника в Крыму. При этом подчеркнул, что главную роль должно сыграть наступление именно 4-го Украинского фронта, против которого противник и сосре-

доточил основную мощь своей обороны, «мы должны нанести ему решающий удар».

Картину этого совещания позволяют детально представить воспоминания будущего Маршала Советского Союза П. К. Кошевого. Командующий фронтом, «напомнив... о характере обороны противника и местности на Перекопском перешейке и на Сиваше... отметил, что генерал Йенеке, командующий 17-й немецкой армией, сильно укрепил оборону на Перекопе, создал глубокую и развитую систему оборонительных полос и позиций, с траншеями и многочисленными минно-взрывными и другими инженерными заграждениями. Здесь находились главные огневые средства и основная часть пехоты противника. Сюда же нацеливалась основная часть его авиации.

— Мы не сомневаемся, что враг ждет наш главный удар именно на Перекопском перешейке. Там не сказывается отрицательное влияние Сиваша: войска могут получать пополнение и снабжение по суше, а не по шатким и уязвимым переправам. Думаю, что, по научным понятиям прусской военной школы, было бы признано правильным наносить главный удар только на Перекопе.

Мы же сделаем не так, — продолжал Ф. И. Толбухин, перейдя к карте. — Поскольку враг ждет на Перекопе наш главный удар, готов к его отражению и не дает нам надежды на достижение внезапности, операция в этом районе грозит превратиться в медленное, ползучее прогрызание немецких оборонительных позиций. Такой оборот дела выгоден гитлеровскому командованию и никак не подходит нашему фронту. К тому же и глубина обороны противника на Перекопе достигает 30—35 километров и складывается из трех мощных оборонительных полос.

Главный удар мы будем наносить на Сиваше, — подчеркнул командующий. — И нанесет его пятьдесят первая армия, а в ней первый гвардейский стрелковый корпус. Враг не ожидает действий основных сил нашего фронта через залив и поэтому, мы надеемся, не будет полностью готов. Здесь не столь плотное насыщение боевых порядков противника огневыми средствами, не такая большая глубина обороны: две оборонительные полосы прорвать легче, чем три.

Затем командующий фронтом изложил ряд других преимуществ принятого решения. С прорывом обороны противника в полосе 51-й армии советские войска приобретали возможность выйти не только в глубину, но и в тыл

Перекопским и Ишуньским позициям врага, развивать наступление на Симферополь, Севастополь, а при необходимости и на восток — в тыл керченской группировке противника.

Замысел генерала Толбухина был прост и ясен. Однако оставался все же один неясный вопрос: как думал командующий помешать противнику, если тот перебросит силы с Перекопского направления на Сиваш и таким образом будет препятствовать развитию операции советских войск на главном направлении?

Но Федор Иванович предусмотрел и это. Он сказал, что оборона противника будет прорываться одновременно и на Перекопе, и на Сиваше. При одновременных действиях на широком фронте командование противника не сумеет сразу определить, куда 4-й Украинский фронт направляет основные усилия. Генералу Йенеке потребуется какое-то время, чтобы верно сориентироваться в происходящих событиях. Вероятно, он разберется в обстановке только к концу первого дня наступления, когда самые важные задачи прорыва уже будут решены в пользу советских войск, а благоприятный момент для контрдействий окажется упущенным»<sup>278</sup>.

Ввиду необходимости восстановления переправ, вспоминал Я. Г. Крейзер, новый срок готовности армии к наступлению ориентировочно устанавливался на 18 марта, а затем был перенесен на 28 марта. Но вновь властно вмешалась погода. В ночь на 28 марта в районе Сиваша разразился сильнейший снежный буран, продолжавшийся два дня, в результате работа переправ вновь оказалась нарушенной.

Чтобы обсудить сложившуюся ситуацию, 30 марта в расширенном составе собрался Военный совет фронта, присутствовали также представители Ставки ВГК маршалы А. М. Василевский и К. Е. Ворошилов. Разговор был предельно ответственный, ведь к операции по освобождению полуострова, кроме 4-го Украинского фронта, привлекались также войска Отдельной Приморской армии, удерживавшие плацдарм на Керченском полуострове, в связи с чем остро стоял вопрос о синхронизации наступления. Срок начала операции было решено перенести на 5 апреля, но ввиду продолжавшейся неблагоприятной погоды начать ее оказалось возможным только 8 апреля.

В свою очередь, после тщательного изучения обстановки командующий 51-й армией вызвал на свой КП командиров соединений и частей. Он ознакомил подчинен-

ных с замыслом командующего фронтом, в соответствии с которым «армия должна была нанести главный удар с Сивашского плацдарма с задачей прорвать оборону противника, через Тархан выйти в тыл его Ишуньской группировки, противостоявшей 2-й гвардейской армии, и развивать наступление на Симферополь и далее на Севастополь. Из района Перекопского перешейка планировалось наступление 2-й гвардейской армии»<sup>279</sup>.

К моменту наступления (если говорить точнее — на 1 марта 1944 г.) группировка 51-й армии состояла из трех стрелковых корпусов (1-го гвардейского, 10-го и 63-го), 10 стрелковых и двух артиллерийских дивизий, 10 артиллерийских и двух зенитно-артиллерийских, двух минометных, двух танковых полков, трех артиллерийских и четырех инженерно-саперных (из них одна штурмовая) бригад и ряда других частей. Армия насчитывала в своем составе 90 770 человек, имела на вооружении 49 танков, 1428 орудий и 1059 минометов всех калибров, 1072 зенитных орудия, 47 645 винтовок, 20 818 автоматов, 3752 пулемета (из них 173 зенитных). На стороне наших войск было превосходство в живой силе и технике<sup>280</sup>. По решению Крейзера войска армии строились в два эшелона: в первом — шесть стрелковых дивизий, во втором — три, одна дивизия выводилась в армейский резерв:

10-й стрелковый корпус генерал-майора К. П. Неворова имел в первом эшелоне: 257-ю стрелковую дивизию (командир — полковник А. Г. Майков) на Уржинском направлении, 216-ю стрелковую (генерал-майор Г. Ф. Малюков) — на Тарханском направлении, на этом же направлении для развития успеха сосредоточилась 279-я стрелковая дивизия (генерал-майор В. С. Потапенко);

1-й гвардейский стрелковый корпус (генерал-лейтенант И. И. Миссан) имел 91-ю (полковник И. М. Пашков) и 346-ю стрелковые дивизии (генерал-майор Д. И. Станкевский) в первом эшелоне и 33-ю гвардейскую стрелковую дивизию (полковник Н. С. Угрюмов) — во втором эшелоне для развития успеха на Тархан;

63-й стрелковый корпус (генерал-майор П. К. Кошевой) имел 267-ю стрелковую дивизию (полковник А. И. Толстов) на Каранкинском направлении, 263-ю стрелковую дивизию (полковник П. М. Волосатых, с 19 апреля 1944 г. — генерал-майор А. М. Пыхтин) в первом эшелоне на направлении Тюй-Тюбе и 417-ю стрелковую дивизию (генерал-майор Ф. М. Бобраков) — во втором эшелоне.

77-я стрелковая дивизия полковника А. П. Родионова была в армейском резерве в районе Зенют.

Дивизии первой линии, в свою очередь, имели также двухэшелонное построение (два стрелковых полка в первом и один — во втором), и лишь боевой порядок 263-й стрелковой дивизии строился в три эшелона.

Такое оперативное построение армии было выбрано не случайно. Вторые эшелоны стрелковых корпусов располагались в таких районах, из которых они могли быть введены в бой на двух смежных направлениях. Забегая вперед скажем, что в ходе боя преимущества такого расположения войск были использованы генералом Крейзером сполна, дивизии вторых эшелонов легко нацеливались на направления, где обозначался успех.

«По моему приказанию, — писал Я. Г. Крейзер, — накануне наступления на всех участках фронта соединения первого эшелона армии произвели разведку боем. Это нам позволило уточнить цели и группировку противника. Для прикрытия войск и переправ от ударов вражеской авиации в течение нескольких дней перед началом наступления проводилось задымление»<sup>281</sup>.

И вот наступило утро 8 апреля. После мощной, продолжавшейся два с половиной часа артиллерийской подготовки в 10.30 наряду с войсками 2-й гвардейской армии перешла в наступление 51-я армия. Главный удар она наносила на Каранкинском направлении, где основную роль Я. Г. Крейзер отвел 1-му гвардейскому стрелковому корпусу. В его полосе была сконцентрирована основная группировка танков и артиллерии — более 150 орудий на километр фронта прорыва.

Однако у генерала И. И. Миссана дела в этот день не заладились. Сломить упорное сопротивление врага, умело использовавшего выгодную для обороны местность, не удалось. Части корпуса вперед почти не продвинулись. Как вспоминал позднее Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов — тогда начальник штаба фронта, «от Крейзера долго не поступало никаких докладов. Эго начинало не на шутку волновать Толбухина. Мне пришлось срочно запросить по радио командиров корпусов. Генерал Неверов доложил, что его части ворвались в первые траншеи. На душе у командующего стало легче, но беспокойство не проходило.

К вечеру мы с Федором Ивановичем прибыли на командный пункт Я. Г. Крейзера. Командарм подтвердил наши

предположения и доложил, что наибольшие затруднения встретил первый гвардейский корпус. На отдельных участках он совсем не имеет продвижения»<sup>282</sup>. Уезжая в штаб фронта, Толбухин поручил Бирюзову лично проследить за действиями корпуса генерала Миссана. В то же время анализ обстановки подсказал ему необходимость не ослаблять внимания и к действиям 63-го стрелкового корпуса генерала Кошевого, от которого, как выразился Толбухин, «зависит сейчас успех всей армии». Предвидение командующего фронтом подтвердилось. С. С. Бирюзов вспоминал: «Ночью полки первого эшелона 267-й стрелковой дивизии, входившей в состав 63-го корпуса, преодолели проволочные заграждения и ворвались в третью траншею... Один из его батальонов форсировал Айгульское озеро и, выдвинувшись вперед, поставил под угрозу пути отхода противника из района Каранки.

Когда об этом доложили Ф. И. Толбухину, он очень обрадовался и перенацелил на Каранкинское направление главные силы 8-й воздушной армии. Туда же перебрасывались свежие стрелковые и танковые части»<sup>283</sup>. По существу речь шла о перенесении главного удара фронта на другое направление.

Ни в коем случае не должно возникнуть даже тени подозрения, что эти меры предпринимались без участия Крейзера. Сам Яков Григорьевич более или менее подробных воспоминаний не оставил, поэтому на обстановку придется взглянуть глазами его сослуживца, будущего Маршала Советского Союза П. К. Кошевого.

Незадолго до полуночи Крейзер собрал на своем командном пункте в районе Хаджи-Булата командиров корпусов. «Вид у Якова Григорьевича был мрачный. Неудача на направлении главного удара, которую никто не мог предвидеть, выбила его из колеи. В землянке уже находился И. И. Миссан. Он тоже был расстроен.

Подъехал генерал К. П. Неверов, поздоровался и тоже сел в ожидании указаний. Вскоре раздался резкий звонок: у аппарата был генерал Ф. И. Толбухин. После короткого разговора с командармом к телефону пригласили И. И. Миссана.

Не знаю, что говорил командующий, но Иван Ильич отвечал односложно:

— Есть... Слушаюсь... Примем меры...

Диалог был недолгим. Красный от волнения, И. И. Миссан отошел и угрюмо сел.

Затем вызвали меня. Я брал трубку с некоторым беспокойством»<sup>284</sup>.

Прервем здесь Кошевого, заметив, что беспокойство его было не напрасным. Но не потому, что его ждали упреки командующего фронтом, совсем наоборот. Толбухин похвалил за заметное продвижение вперед в полосе 63-го корпуса. Командирское беспокойство у Кошевого должно было возникнуть от обоснованного предположения о переносе в полосу его корпуса главного удара фронта. Когда же Толбухин действительно сообщил Кошевому об этом, дополнительное волнение командир корпуса испытал от осознания всей ответственности задачи, которая легла на него и подчиненные ему войска.

Командующий фронтом одобрил решение командира корпуса на выдвижение в передовые порядки 417-й стрелковой дивизии генерала Ф. М. Бобракова, до того находившейся во втором эшелоне, и подчеркнул:

«— С вводом ее не медлите и сделайте это с рассветом. Развивайте успех для овладения высотой 30,3. Когда вы захватите высоту, у противника не будет более выгодных рубежей для обороны степного Крыма. Из-за угрозы выхода наших войск в тыл перекопским позициям ему придется их бросить и откатываться в горы. Мы же тогда двинем на врага девятнадцатый танковый корпус, тоже в вашей полосе наступления...

Затем к аппарату ВЧ подходили то Крейзер, то Миссан, то Неверов. Меня не приглашали. Они узнали решение командующего фронтом.

Это облегчило мое положение перед командармом: теперь мне оставалось только доложить Крейзеру, что второй эшелон корпуса рекомендовано вводить и дивизия выдвигается.

Было 2 часа 9 апреля 1944 года, когда командарм, после детального рассмотрения вопросов предстоящего наступления, отпустил меня»<sup>285</sup>.

С рассветом 417-я дивизия при поддержке большого количества артиллерии и авиации нанесла мощный удар юго-западнее Каранки и стала развивать наступление на юг. Победное движение продолжила и 267-я дивизия полковника А. И. Толстова, успешные действия которой накануне дали возможность командованию фронта перенести в полосу корпуса главный удар. Чтобы сломить сопротивление противника, на поддержку обеих стрелковых дивизий были полностью переключены артиллерийская дивизия фронта и авиация.



По признанию генерала Кошевого, «управлять стало сложнее. Теперь с требованием всемерно ускорить наступление звонил командарм Я. Г. Крейзер, человек не очень спокойный. На мой наблюдательный пункт он не приехал, хотя я его усиленно приглашал. Поэтому генерал часто вызывал меня к телефону, журил за невысокий, по его мнению, темп наступления и завершал разговор напутствием: «Давай, давай!»<sup>286</sup>.

Натиск советских войск, поддержанных мощными ударами артиллерии и авиации, противник не выдержал, начал отступать. Крейзер, стремясь использовать благоприятный момент, подкрепляя второй эшелон 63-го корпуса, приказал ввести в бой и 346-ю стрелковую дивизию соседнего 1-го гвардейского стрелкового корпуса. Последняя получила задачу форсировать вброд Айгульское озеро, выйти во фланг и тыл противнику, оборонявшемуся перед 63-м стрелковым корпусом, и тем самым способствовать его успеху в прорыве и разгроме Каранкинско-Томашевской группировки противника.

Форсирование озера вброд шло в исключительно тяжелых условиях, под сильным огнем противника. Немцы непрерывно контратаковали передовые подразделения, вышедшие на восточный берег озера. Но упорное продвижение вперед позволило постепенно ввести в дело всю 346-ю дивизию. Угроза выхода наступающих частей 51-й армии в тыл Ишуньским позициям, куда накануне — после прорыва обороны на Каранкинском направлении частями 51-й армии и овладения войсками 2-й гвардейской армии Армянском — отошли обороняющиеся, вынудили командование противника 9 апреля отдать приказ о дальнейшем отводе своих войск.

Тем временем на правом фланге 51-й армии 257-я стрелковая дивизия под командованием полковника А. Г. Майкова совместно с соседними частями 2-й гвардейской армии очистила от противника район Карповой балки. Центр тяжести боя стал заметно перемещаться в сторону Перекопского перешейка.

По итогам дня командующий фронтом в боевом донесении в Генштаб о действиях войск на Перекопском и Каранкинском направлениях следующим образом отметил роль подчиненных Крейзера: «51 армия, почти полностью уничтожив части... [дается перечень конкретных частей германской армии. — *Авт.*] и овладев пунктами Асс-Найман, Каранки, Чучак, к 20.00 вышла на рубеж: сев. скаты выс. 30.3,

Самай, вост. скаты выс. 20.6 до залива и на пасурманском направлении вышла одной сд к безым[янному] озеру лиман и одним отрядом силой в бат[альо]н овладела Каттаган.

В результате боев за 8—9.4.44 г., по далеко не полным данным, уничтожено свыше 3500 солдат и офицеров, 26 танков. Захвачены трофеи: орудий среднего калибра — свыше 50, мелкого калибра — свыше 25, пулеметов — 264, винтовок и автоматов — 2318, минометов — 25, лошадей — 70 и взято в плен свыше 800 солдат и офицеров»<sup>287</sup>.

«Несмотря на преграды, созданные природой, невзирая на упорное сопротивление противника, оборона его была взломана как за Сивашем, так и на Перекопском перешейке. 51-я армия уверенно выходила из межозерного дефиле в крымские степи», — вспоминал С. С. Бирюзов<sup>288</sup>.

Командующий армией внимательно следил за изменением обстановки и сразу понял, что создались благоприятные условия для ввода в прорыв 19-го танкового корпуса генерала И. Д. Васильева, буквально за месяц до этого, 10 марта 1944 г., удостоенного почетного наименования Перекопский. Он доложил свои соображения командующему фронтом Ф. М. Толбухину, поскольку корпус был фронтового подчинения. Предложение Крейзера было поддержано.

На следующее утро, 11 апреля, в 5.30 при поддержке огня основной массы артиллерии 51-й армии и авиации 19-й танковый корпус с рубежа южнее Томашевки тремя колоннами вошел в прорыв. Можно лишь представить, что испытали солдаты и офицеры противника, ощутившие на себе огонь главной ударной силы 4-го Украинского — около 250 танков плюс бригада стрелков, самоходная артиллерия, гвардейские минометы («катюши»)… Громя арьергарды противника, части корпуса уже через три часа прорвались к Джанкою, с ходу овладели им и начали развивать наступление на Симферополь.

Для преследования отступавшего противника в полосе 51-й армии была создана подвижная группа в составе 19-го танкового корпуса, 279-й стрелковой дивизии, посаженной на автомашины, и 21-й истребительной противотанковой артиллерийской бригады под общим командованием заместителя командующего армией генерал-майора В. Н. Разуваева. В качестве ближайшей ей была поставлена задача не позднее 13 апреля освободить столицу Крыма Симферополь.

Задача оказалась не из легких. На рубеже дороги Сим-

ферополь — Саки — Евпатория противник сумел организовать сильное огневое противодействие наступающим частям. В районе станции Сарабуз, где враг использовал для борьбы с нашими танками зенитные орудия, частям 19-го танкового корпуса пришлось остановиться в ожидании подхода передовых стрелковых частей, поскольку сломить сопротивление противника с ходу не удалось.

В это время дивизии первого эшелона армии под прикрытием передовых отрядов форсированным маршем продвигались к югу. К ночи разрыв в 40—45 км от передовых частей танкового корпуса был преодолен. После перегруппировки сил и короткой артиллерийской подготовки части подвижной группы в 7 часов утра перешли в наступление на Симферополь. Противник был атакован одновременно с нескольких направлений и не выдержал удара. 13 апреля к 11 часам советские войска полностью овладели Симферополем.

### **«Необходим последний решительный штурм»**

Бои за Крым вступали в решающую фазу, приобретая особое ожесточение. Но тут недостаточно четко сработали тыловики. 8-я воздушная армия, осуществлявшая авиационную поддержку наступающих наземных войск, из-за отсутствия горючего резко снизила свою активность, в то время как у немцев сохранился аэродром, где были сосредоточены более 250 самолетов, достаточный запас топлива и боеприпасов.

«С выходом наших войск на рубеж Бахчисарая, — вспоминал Яков Григорьевич Крейзер, — противник ударами своей авиации задержал продвижение частей 51-й армии, особенно на перевалах и горных дорогах, где повсеместно были устроены завалы методом взрывов. И только спустя несколько дней, когда наша авиация получила необходимое количество горючего, возобновились наступательные действия 51-й армии. При поддержке штурмовой авиации части армии с ходу захватили передовые позиции противника на внешнем оборонительном обводе Севастополя, а к исходу 18 апреля 417, 267 и 77-я стрелковые дивизии совместно с 19-м танковым корпусом овладели Федюхиными высотами»<sup>289</sup>.

Велик был наступательный подъем в войсках. Ближайшие задачи им командующий фронтом генерал армии

Толбухин определил в приказе, который в этот же день был зачитан во всех ротах и батареях. «Товарищи бойцы и офицеры 4-го Украинского фронта! — говорилось в приказе. — Под вашим ударом в течение трех дней рухнула “неприступная” немецкая оборона на всю глубину Перекопских, Ишуньских, Сивашских и Ак-Монайских позиций. На шестой день вами занята столица Крыма — Симферополь и одни из основных портов — Феодосия и Евпатория...

Сегодня части армий вышли к последнему рубежу севастопольской обороны противника на реке Черная и хребту Сапун-Гора, что в 5—7 км от Севастополя.

Необходим последний организованный решительный штурм, чтобы утопить противника в море и захватить его технику, к этому вас и призываю...»<sup>290</sup>

Враг был, однако, все еще силен и изощрен в обороне. Попытка овладеть Севастополем с ходу силами всех армий 4-го Украинского фронта, к глубокому сожалению, не удалась. 18 апреля «наступали по всему фронту, — вспоминал П. К. Кошевой. — В полосе нашего корпуса войска приблизились к подножию Сапун-Горы, но далее продвинуться из-за мощного, хорошо организованного огня противника не смогли. Потери же понесли и израсходовали артиллерийский боезапас. Чувствовалось, что враг сидит крепко и выбить его с подготовленных и удобных позиций можно только после подготовки наступления по всем правилам военного искусства.

Командарм Я. Г. Крейзер, выслушав мой доклад по итогам дня, ничего не сказал. Видимо, успеха не было нигде. Он только приказал усилить разведку противника, организовать ночные действия отдельными отрядами и всемерно ускорить подвоз боеприпасов»<sup>291</sup>.

Ставка Верховного главнокомандования с пониманием отнеслась к сложившейся ситуации. Поступил приказ тщательно подготовить операцию, произвести перегруппировку войск, пополнить части и соединения личным составом, подвезти боеприпасы, горючее. Командующий 51-й армией занимался этими вопросами, как всегда, обстоятельно. Тогда-то и имел место эпизод, о котором известно из воспоминаний П. К. Кошевого и который весьма наглядно характеризует деловой стиль Крейзера.

«Однажды командарм генерал Я. Г. Крейзер вызвал на доклад заместителей командиров дивизий по тылу и других начальников, ведавших снабжением соединений. Люди это

были весьма серьезные. Война научила их находить выход, казалось бы, из безнадежного положения.

В разгар работы, когда о положении со снабжением докладывали командиры из дивизий, раздался звонок телефона ВЧ. Крейзер взял трубку. По лицу и позе командующего все поняли, что звонит Верховный главнокомандующий.

И. В. Сталин поздоровался, выслушал доклад о положении с боеприпасами по армии, а затем спросил, как часто бывает командарм в соединениях и частях. Я. Г. Крейзер ответил, что бывает и положение там знает. Для вящей убедительности он привел на память размеры наличных запасов боеприпасов, горючего и продовольствия по одной из дивизий, о которой только что докладывалось на совещании.

Уверенный тон генерала произвел, видимо, положительное впечатление. Но следующий вопрос оказался неожиданным: что сегодня готовят на обед в каком-либо из полков?

Я. Г. Крейзер оторопел, таких данных у него не было. Присутствующие переглядывались, понимая положение командующего. Трубка молчала.

Выручил, — продолжает П. К. Кошевой, — наш С. Ф. Плотников, подполковник, заместитель командира 417-й дивизии по тылу. Увидев затруднение генерала, он извлек из кармана записи, где было и меню полков дивизии, зажал пальцем нужное место и передал их в руки Крейзеру.

Командарм прочитал в трубку телефона, что в полку 417-й дивизии на первое — щи из крапивы с мясом, на второе — пшенная каша с салом.

В то время для борьбы с авитаминозом и пародонтозом мы по совету врачей практиковали иногда щи из молодой крапивы: благо ее было много среди развалин. Такой день и выпал в то время.

Последовал вопрос, достаточно ли обеспечена армия мясом и салом. Это генералу было хорошо известно, он четко доложил по дивизиям. Верховный главнокомандующий поблагодарил, пожелал успеха в подготовке операции и положил трубку.

После этого разговора Я. Г. Крейзер приказал всем учиться хозяйствовать и быть готовыми ответить на любой вопрос по тылу, как С. Ф. Плотников. Командарм позвонил мне, рассказал о случившемся и от всей души похвалил сообразительного подполковника»<sup>292</sup>.

Параллельно с накапливанием снаряжения и боеприпасов шла тщательная разведка обороны противника. По оценкам штаба 4-го Украинского фронта, к началу мая 1944 г. немецкое командование сосредоточило на небольшом клочке земли под Севастополем 72 тысячи человек, 1830 орудий и минометов, 330 противотанковых орудий, 50 танков и штурмовых орудий, 100 боевых самолетов; войска были полностью обеспечены боеприпасами. Наибольшая плотность сил и средств была достигнута на центральном участке обороны, то есть там, где должна была наступать 51-я армия Крейзера. Здесь противник имел почти 29 тысяч человек личного состава, 940 пулеметов, 570 орудий и минометов, 132 противотанковых орудия<sup>293</sup>.

Редко где на советско-германском фронте немцам удалось создать такую мощную и разветвленную оборону, как под Севастополем. За почти два года, в течение которых они контролировали город, были восстановлены долговременные железобетонные укрепления, возведенные частями Красной армии еще в 1941—1942 гг., и построены новые. Севастополь был опоясан тремя мощными оборонительными обводами. Первая полоса (внешний обвод) состояла из трех позиций (каждая по две—три линии траншей) и простиралась в глубину на 5—8 км. Перед ее передним краем было сильно укрепленное предполье глубиной 500—700 м. Первая полоса была разделена на четыре участка: северный, горно-лесистый, центральный и южный. Основным считался центральный участок с ключевыми позициями, какими были Сахарная Головка, Сапун-Гора. Эти две господствующие над местностью высоты были превращены в мощные узлы сопротивления, в каждый из которых входили многочисленные опорные пункты на прилегающих к ним отрогах.

Центральный участок протяженностью около 17 км находился в полосе наступления 51-й армии. Сапун-Гора была буквально превращена в каменную и железобетонную крепость. Отсюда можно было обстреливать боевые порядки наступающих на глубину 5—6 км. Кроме того, она надежно прикрывала подступы к Инкерманской долине, Золотой балке, безымянным высотам Балаклавы. Именно здесь был наиболее короткий путь к Севастополю. Овладев Сапун-Горой, советские войска получали возможность отрезать и уничтожить всю северную группировку противника с одной стороны, южную его группировку — с другой, лишить его возможности воспользоваться Севастополь-

ским портом. Вот почему на восточных скатах Сапун-Горы на расстоянии 150–200 м одна от другой были ярусами оборудованы пять-шесть траншей полного профиля с дотами, дзотами, пулеметными и минометными площадками. Подступы к ним прикрывались минными и проволочными заграждениями, многослойным огнем из всех ярусов и навесным огнем тяжелой артиллерии с закрытых позиций. Можно представить, каково приходилось советским солдатам под таким массированным обстрелом, если на каждую стрелковую роту, действовавшую в первом эшелоне, приходилось в среднем 32 пулемета и 15 минометов противника.

Были укреплены не только восточные скаты Сапун-Горы. По ее отлогим западным скатам были открыты три-четыре линии траншей, одна из которых проходила по гребню. Вторая полоса (внутренний обвод) по своим инженерным сооружениям не уступала внешнему обводу. Она проходила по линии Инкерман–Дергачи, высота 172,7, совхоз № 10, имела общую глубину 4–5 км и состояла из трех-четырех траншей, также удаленных друг от друга на 150–200 м. Тыловой оборонительный рубеж второй полосы, оборудованный инженерными сооружениями, проходил по северо-восточной окраине слободы Корабельной, гора Камчатка, Малахов курган, Зеленая Горка, хутор Отрадный, Загородное шоссе. Третья полоса была на юго-западе города и проходила по Херсонскому валу<sup>294</sup>.

Двадцать девятого апреля на КП Приморской армии Ф. И. Толбухин ознакомил командный состав с планом предстоящей операции по освобождению Севастополя. «По замыслу командующего фронтом, — вспоминал Крейзер, — главный удар было решено нанести силами Приморской и левого крыла 51-й армий на участке Сапун-Гора, Карань, прорвать вражескую оборону и выйти к основным причалам Севастополя, которые противник мог использовать для эвакуации»<sup>295</sup>.

«Этому направлению предпочтение было отдано по многим обстоятельствам, — вспоминал С. С. Бирюзов. — Здесь местность больше, чем в других местах позволяла применить танки. От Сапун-Горы открывался кратчайший путь к пристаням, которые необходимо было захватить и тем лишить противника возможности эвакуироваться морем. Наконец, был расчет и на то, что фашисты никак не могут предполагать, будто мы решимся повторить неудачный опыт Манштейна, который ровно за два года до этого

пробовал взять Севастополь, прежде всего со стороны Сапун-Горы и потерпел там неудачу»<sup>296</sup>.

Действия ударной группировки советских войск облегчила военная хитрость, к которой прибегло наше командование. Чтобы ввести противника в заблуждение, за два дня до наступления на главном направлении, вражеские войска с северо-востока, через Мекензиевы горы атаковали части 2-й гвардейской армии, здесь же мощные удары с воздуха нанесла 8-я воздушная армия. Для этого, вспомогательного, удара было избрано как раз то направление, откуда Манштейну в 1942 г. удалось, в конце концов, пробиться к городу. Предпринят он был с таким расчетом, чтобы отвлечь хотя бы часть сил противника с главного направления. И это удалось: немецкое командование начало перебрасывать сюда войска с других участков, в том числе из полосы действий 51-й армии.

Но еще до решительного штурма надо было во что бы то ни стало захватить высоту, носившую, вопреки таившейся в ней опасности, уменьшительно-ласковое название Сахарная Головка. Грозная вершина из белого известняка примыкает к Сапун-Горе уступом вперед. Немцы, опираясь на обе вершины, могли контролировать положение на приморском фланге, а ведь именно там сосредоточивались для главного удара основные силы фронта.

Немецкое командование, описывая в своих воспоминаниях П. К. Кошевой, создало на Сахарной Головке «мощный узел обороны с большим количеством огневых средств. Каждый метр земли на подступах и скатах высоты был нашпигован минами и фугасами, колючей проволокой, простреливался многослойным косоприцельным огнем. Враг, опираясь на Сахарную Головку, командовал над Инкерманской долиной и фланговым огнем не давал приблизиться к Сапун-горе... Что только ни делал он [генерал И. И. Миссан, в полосе наступления стрелкового корпуса которого находилась высота. — *Авт.*], чтобы захватить Сахарную Головку, но день шел за днем, нарастал счет потерям, а успех все не приходил»<sup>297</sup>.

«Сахарная Головка стала бельмом на глазу армии и фронта... Мы ждали решения Я. Г. Крейзера на прорыв позиций противника с особым нетерпением и вниманием, — передавал испытываемые тогда чувства П. К. Кошевой. — Командарм, продумывая решение, на какое-то время полностью отключился от вязкой текущей работы. Он пропал на НП у Сахарной Головки, колесил вдоль фронта



на “Виллисе”, заметно волновался. От природы смуглый, Я. Г. Крейзер стал совсем черным и худым. Мы, командиры корпусов, понимали его чувства и не докучали мелочами повседневной жизни войск, улаживая их с начальником штаба армии Я. С. Дашевским»<sup>298</sup>.

Беспокоился и Ф. И. Толбухин. Из-за задержки со взятием проклятой высоты приходилось рассматривать не один, а два варианта начала наступления. Для их обсуждения командующий фронтом в начале мая собрал командиров соединений на наблюдательном пункте 51-й армии.

Вспоминает П. К. Кошевой: «Когда я прибыл, там уже находились командиры корпусов И. И. Миссан и К. П. Неверов, командующий артиллерией армии генерал Н. И. Телегин, член Военного совета генерал-майор В. И. Уранов, некоторые другие офицеры штаба армии. Вскоре в сопровождении Я. Г. Крейзера подъехали Ф. И. Толбухин, С. С. Бирюзов и командующий 8-й воздушной армией генерал-лейтенант Т. Т. Хрюкин. Началась отработка решения командующего 51-й армией на атаку главной полосы обороны немецко-фашистских войск»<sup>299</sup>.

Я. Г. Крейзер довел до сведения участников совещания два возможных варианта дальнейших действий. В случае, если к началу наступления советских войск Сахарная Головка продолжала бы оставаться в руках противника, то ее штурм поручался 417-й дивизии (из состава 63-го корпуса) и частям 1-го гвардейского стрелкового корпуса. Однако, в случае реализации этого варианта, командование армии было бы вынуждено значительно ослабить силы, наступающие на Сапун-Гору, что было нежелательно. Этого удалось бы избежать в случае, если бы Сахарная Головка была бы взята до начала основного наступления.

«Яков Григорьевич, — писал П. К. Кошевой, — был человеком дипломатичным и не предложил, как делалось в таких случаях, какого-то одного решения. Вероятно, эта необычная позиция была заранее согласована с Ф. И. Толбухиным и им санкционирована»<sup>300</sup>. Началось горячее обсуждение. Часть присутствующих восприняла сдержанность Крейзера как сигнал к упрекам в адрес И. И. Миссана. Главным был вопрос: почему до сих пор высота не взята и препятствие на пути к Севастополю не преодолено? И теперь придется отвлекать от основной задачи правофланговую дивизию 63-го стрелкового корпуса, а Сапун-Гору атаковать силами всего двух дивизий. Именно на таком ва-

рианте действий настаивал начальник штаба фронта генерал С. С. Бирюзов.

А пресловутая высота меж тем просто «купалась в солнечных лучах, ослепительно блестела известковой вершиной, красовалась сочной молодой зеленью и весенними цветами, пробившимися кое-где по ее склонам»<sup>301</sup>. При виде этой красоты досада от того, что все еще не удается сломить сопротивление противника, и боевой азарт только возрастали.

Продолжает рассказ П. К. Кошевой: «Заговорил горячий Миссан.

— Сахарную Головку мы возьмем, безусловно, без помощи шестьдесят третьего корпуса, — заявил он убежденно, заметно волнуясь и не скрывая обиды, — даю слово!

После такого безапелляционного утверждения никто не решился заговорить. Наступило молчание. И тут урок безграничной веры в подчиненных преподал всем присутствующим командующий фронтом. Ф. И. Толбухин подошел к генералу и, глядя ему в глаза, сказал:

— Я вам, товарищ Миссан, верю.

Затем, обращаясь ко всем присутствующим, добавил:

— Разговор на этом прекратим. А при дальнейшей разработке решения на атаку Сапун-Горы будем исходить из того, что Сахарная Головка — в наших руках...

Много раз мне приходилось присутствовать в момент важных решений, принимаемых крупными советскими военачальниками, — резюмирует П. К. Кошевой. — Но подобного случая, как в тот день на НП 51-й армии, я больше не встречал. На всю жизнь запала в память безграничная вера Ф. И. Толбухина в своих подчиненных, в героизм советских воинов, готовых, если того требует дело победы, на любые жертвы и подвиги. Доверие полководца ко многому обязывало»<sup>302</sup>.

Планирование наступления главных сил фронта, назначенное на утро 7 мая, было к 6 мая завершено. Генерал Крейзер уточнил задачи стрелковых корпусов, наступавших на направлении главного удара 51-й армии в первом эшелоне — 63-го и 1-го гвардейского и вводившегося в бой во втором эшелоне — 10-го стрелкового. Были тщательно проверены готовность частей, организация управления и взаимодействия войск.

К началу наступления армия имела 1026 орудий и минометов, 365 противотанковых орудий, 1885 пулеметов, 20 танков. По всем показателям, исключая танки, соотношение сил было на нашей стороне<sup>303</sup>.

## **«В боях за Севастополь отличились войска генерал-лейтенанта Крейзера»**

Утром 7 мая командующий 51-й армией дал приказ к началу наступления. К его глубокому удовлетворению, как, разумеется, и командования фронта, склон Сахарной Головки, обращенный в сторону наших наступающих войск, к этому моменту был захвачен войсками 1-го гвардейского стрелкового корпуса, так что расплывать силы, перенацеливать правофланговую дивизию из 63-го корпуса на помощь корпусу Миссана не потребовалось.

Атаке предшествовала мощная полуторачасовая артиллерийская подготовка, в которой участвовали несколько тысяч орудий и минометов. 170 орудий на 1 км фронта — такова была плотность артиллерии. Она была по немецким укреплениям прямой наводкой и с закрытых позиций. Одновременно начала штурмовку Сапун-Горы наша авиация. В 10.30 в воздух взвились красные ракеты. По этому сигналу шквал артиллерийского и минометного огня переместился с первой траншеи противника в глубину его обороны. С мощным «ура!» войска ринулись на врага.

В центре наступления 63-го корпуса 417-я дивизия генерал-майора Ф. М. Бобракова попала под многослойный ружейно-пулеметный огонь из всех ярусов траншей противника и вынуждена была залечь. Незначительны были и успехи 77-й стрелковой дивизии на левом фланге корпуса, где развернулись кровопролитные схватки за безымянные высоты, прикрывающие подступы к Сапун-Горе. Шквальным фланкирующим огнем немцы остановили ее продвижение.

В этих условиях Я. Г. Крейзер приказал повторить артиллерийскую обработку восточных склонов Сапун-Горы и поддержать штурм стрелковых соединений ударами с воздуха. В период артиллерийского и авиационного наступления саперы проделали проходы во вражеских заграждениях, и корпус продолжил штурм. В центре взламывали укрепления неприятеля 1369-й и 1376-й стрелковые полки под командованием майора С. Л. Карася (позднее удостоенного звания Героя Советского Союза) и подполковника Е. Б. Льва. Солдаты, передвигаясь вслед за огненным валом, достигли, наконец, первой траншеи противника. К 13 часам первый этап штурма Сапун-Горы был завершен.

По приказу командарма в дивизиях 63-го корпуса пополнили запасы боеприпасов, выдвинули поближе к пе-

реднему краю орудия сопровождения пехоты, подтянули резервы. Через полтора часа наступление возобновилось. 267-й и 417-й стрелковым дивизиям потребовалось два часа ожесточенных схваток, чтобы овладеть всеми тремя траншеями первой позиции. Значительным оказался успех на участке наступления 77-й дивизии полковника А. П. Родионова. Следуя за валом артиллерийского огня, дивизия вплотную подошла ко второй позиции внешнего обвода вражеской обороны.

К последней, третьей позиции обороны противника все три дивизии 63-го корпуса вышли почти одновременно. Дотов и дзотов, блиндажей и каменных гнезд с пулеметами здесь у противника было особенно много. А еще — минные поля и проволочные заграждения. Немцы вели многослойный огонь из всех видов оружия. До гребня горы осталось каких-нибудь 200—300 м, но они не только продолжали отбивать атаки, но на отдельных участках даже предпринимали контратаки.

И тем не менее советские воины продолжали упорно продвигаться вперед. Гора содрогалась от разрывов бомб и снарядов. В ходе штурма начальник разведотдела армии М. Ф. Зайцев получил от подчиненных перехваченную радиограмму: «Румыны оставили свои позиции и обратились в бегство. Фланг открыт...» Он тут же доложил об этом Я. Г. Крейзеру, а командарм — Ф. М. Толбухину. Командующий фронтом приказал ввести в бой резервы армии и овладеть Сапун-Горой.

Несколько часов продолжался ожесточенный бой. К 22 часам крики «ура!» заглушили гром орудий. Это бойцы 77-й и 257-й дивизий овладели гребнем Сапун-Горы. Сюда пробившись и полки 267-й и 417-й дивизий, штурмовавшие верхние ярусы грозного хребта. Перед самыми сумерками на вершине Сапун-Горы заколыхались на ветру полотнища красных флагов.

Историю нескольких знамен привел в своих воспоминаниях бывший политработник ветеран 51-й армии С. М. Саркисьян. Для водружения на гребне Сапун-Горы полотнище было заготовлено воинами 1372-го полка подполковника Н. В. Баранова еще в апреле при начале наступления с Сивашского плацдарма. «Во время штурма Сапун-Горы нести знамя было доверено старшине Фисенко, — рассказал политработник. — В одной из атак его ранило в грудь. Собрав все силы, старшина продолжал пробиваться вперед. Его вторично ранило в плечо. Тогда знамя

из его рук приняли бойцы штурмовой группы лейтенанта М. Я. Дзигунского. Но им вскоре пришлось залечь под сильным огнем фашистского дота. Лейтенант Дзигунский подполз к доту, кинул связку гранат, но гитлеровцы продолжали вести огонь. Тогда отважный лейтенант поднялся, скомандовал: “Вперед, товарищи!” — стремительно кинулся к огневой точке и телом закрыл ее амбразуру. Бойцы поднялись в атаку. Недалеко от штурмовой группы Дзигунского залегла стрелковая рота. Погибшего командира роты заменил младший лейтенант В. Ф. Громаков. Красное знамя бойцы несли, передавая из рук в руки. Но вот упал, сраженный пулей, знаменосец — комсорг роты. Флаг подхватил В. Ф. Громаков и скомандовал: “За мной, на гребень!”

В 267-й дивизии парторг роты старший сержант Евгений Смелович развернул знамя и скомандовал: “Коммунисты, на гребень!” За коммунистами поднялась рота, а за ротой — батальон. В разгар схватки пал Смелович. Из рук героя знамя принял пулеметчик И. К. Яцуненко и вместе со своими друзьями М. Пазухом, Ф. Белявцевым, Б. Ивашиным мгновенным рывком поднялся на гору, водрузил алый стяг над одной из высот хребта Сапун-Горы. Лейтенанту М. Я. Дзигунскому, младшему лейтенанту В. Ф. Громакову, пулеметчику И. К. Яцуненко Президиум Верховного совета СССР присвоил звание Героя Советского Союза<sup>304</sup>.

Итак, первый день штурма завершился взятием частями 1-го гвардейского стрелкового корпуса обращенных в сторону наступающих войск скатов Сахарной Головки, прикрывавшей вход в Инкерманскую долину, и восточных скатов и хребта Сапун-Горы в полосе наступления 417-й, 77-й стрелковых дивизий и на левом фланге — 267-й дивизии. Захват ключевых позиций расшатал устойчивость всей фашистской обороны и предрешил исход сражения, создав советским воинам благоприятную возможность развивать наступление на Инкерман, Малахов курган, Зеленую Горку.

И все-таки прорыв внешнего обвода оставался незавершенным. Сахарную Головку (бои за нее продолжались до 8 мая включительно), западные скаты и северо-восточную часть хребта Сапун-Горы противник продолжал удерживать.

Около полуночи командира 63-го корпуса, к этому времени переместившего наблюдательный пункт непосредственно на вершину, чтобы ни на минуту не утратить нити управления войсками, позвал к телефону звонок

Я. Г. Крейзера. «Командарм... был доволен результатами действий корпуса и моим решением переместиться вперед, — вспоминал П. К. Кошевой. — Это оказалось как нельзя кстати: в ночь на 8 мая вводился в бой второй эшелон армии — 10-й стрелковый корпус генерала К. П. Неверова, который получил задачу наступать левее нас на восточную окраину Севастополя. Командарм, зная о серьезных потерях в штурмовавших соединениях, не хотел рисковать. Он уплотнял боевые порядки наступающих войск и сужал полосу наступления нашему корпусу»<sup>305</sup>.

В ходе разговора Крейзер сообщил Кошевому, что генерал Г. Ф. Захаров, чья 2-я гвардейская армия «уже выбила противника из укреплений на реке Бельбек и приступила к прорыву оборонительного обвода на рубеже Мекензиевых гор»<sup>306</sup>, уверен в реальности прорыва в течение 8 мая к Севастополю. При этом заметил:

— Сделайте отсюда вывод и для своих войск, Петр Кириллович.

Крейзер явно надеялся, что 63-й корпус сделает все возможное, чтобы не отстать от гвардейцев Захарова. На левом фланге 51-я армия действовала на стыке с Приморской армией. Во взаимодействии с ней и 2-й гвардейской армией войскам Крейзера предстояло завершить разгром группировки противника в Севастополе и, таким образом, закончить освобождение Крыма.

Отчаяние обреченных. Это о последних попытках немецких войск сдерживать наступавшие части Красной армии. С наступлением темноты бои не затихли. Немецкое командование, опираясь на тыловую позицию главного обвода на западных скатах Сапун-Горы и используя подкрепления, неоднократно пыталось контратаковать советские войска и отбросить их обратно в долину. Только корпус генерала Кошевого отбил одиннадцать сильных контратак противника.

В 4.00 8 мая Крейзер поставил вверенным ему соединениям задачи на день, приказав продолжать энергичное наступление. 279-я стрелковая дивизия генерал-майора В. С. Потапенко из состава 10-го стрелкового корпуса во взаимодействии с 33-й гвардейской стрелковой дивизией, входившей в состав 1-го гвардейского стрелкового корпуса (ее с 16 апреля возглавил бывший командир 263-й стрелковой дивизии полковник П. М. Волосатых), должна была занять лес северо-восточнее Инкерманской долины и к исходу дня овладеть селом Гайтаны.

Сменившему Волосатых генерал-майору А. М. Пыхтину и его 263-й стрелковой дивизии из состава 63-го стрелкового корпуса предписывалось решительными действиями завершить взятие Сахарной Головки, к исходу дня овладеть Инкерманом и не допускать отхода противника с Северной стороны на Севастополь. 346-я стрелковая дивизия генерал-майора Д. И. Станкевского (1-й гвардейский стрелковый корпус) получила приказ очистить Инкерманскую долину, во взаимодействии с 267-й стрелковой дивизией полковника А. И. Толстова (63-й стрелковый корпус) овладеть северной частью хребта Сапун-Горы и далее наступать на Малахов курган.

Две оставшиеся не задействованные пока дивизии 10-го стрелкового корпуса — 216-я и 257-я — получили приказ перейти в решительное наступление из-за левого фланга 63-го корпуса, прорвать внутренний севастопольский обвод, к исходу дня овладеть западной частью Севастополя и Рудольфовой слободой.

В 6.30 огонь всей советской артиллерии обрушился на Сахарную Головку и прилегающие к ней высоты. В 7 часов дивизии 1-го гвардейского стрелкового корпуса, поддержанные 21-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой полковника Н. Д. Павлова, устремились в атаку, взаимодействуя с соседями из 2-й гвардейской армии. Восточнее Мекензия наступала 279-я стрелковая дивизия, решительным натиском очищая от захватчиков горно-лесистую зону по правому флангу 51-й армии.

Взяв сильно укрепленный противником опорный пункт Гайтаны, 279-я дивизия устремилась к мостам через Черную речку. Войска правого фланга армии, стремившиеся к Восточному Инкерманскому маяку, разгромили неприятеля в районах балок Мартыновской, Цыганской и овладели устьем Черной речки.

Наитруднейшую задачу решила 263-я дивизия, к 10.00 полностью овладев Сахарной Головкой. Но какой ценой! Вот только один эпизод. Два дота внезапно открыли пулеметный огонь по наступающим воинам из 997-го стрелкового полка под командованием майора П. Л. Рогалева. Ближе всех к ним оказались старший сержант Степан Погадаев и рядовой Михаил Буряк. Они подползли к дотам и забросали их гранатами. Но немцы продолжали вести огонь. Тогда солдаты бросились вперед и закрыли амбразуры своим телом. За героизм, проявленный в боях за эту высоту,

М. И. Буряк, И. П. Нечаев, С. Б. Погадаев, П. Л. Рогалев, А. А. Удодов, И. В. Ходырев, В. А. Шацких были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

«Не хватает слов, чтобы описать массовый героизм, который был проявлен при прорыве обороны противника, при штурме Сапун-Горы, высоты Сахарная Головка, на подступах к Севастополю, в боях за город», — признавался Яков Григорьевич Крейзер, которому постоянно докладывали о подвигах его подчиненных, да и сам он был свидетелем многих из них<sup>307</sup>.

Взятие штурмом Сахарной Головки сразу обезопасило тыл и фланг 51-й армии и позволило 346-й стрелковой дивизии очистить южную часть Инкерманской долины. Ее части, взаимодействуя с 267-й дивизией, овладели северной частью Сапун-Горы. Таким образом, к 11.00 8 мая и на правом фланге 51-й армии внешний обвод обороны Севастополя был прорван<sup>308</sup>.

51-я армия вышла ко второй полосе вражеской обороны. Овладев Сахарной Головкой, Инкерманской долиной, дивизии 1-го гвардейского корпуса развернули бои за поселок Инкерман, гору Суздальская и высоту 178,2, продвигаясь к Корабельной стороне. На направлении главного удара армии после полуторачасовой мощной артиллерийской и авиационной подготовки в 11.30 перешел в наступление 10-й стрелковый корпус, усиленный танками и артиллерией. Этому корпусу предстояло штурмовать главный узел сопротивления внутреннего обвода, хорошо оборудованный в инженерном отношении, — высоту 172,7, господствующую над местностью и имевшую большое оперативно-тактическое значение. Необходимо было овладеть ею, с ходу ворваться в центр Севастополя, отрезать отход северной группировки противника и, выйдя к северо-восточным берегам Стрелецкой бухты, окружить гитлеровцев, находящихся в городе.

По приказу Крейзера, корпус и дивизии строили свои боевые порядки в два эшелона. В направлении Воронцовской горы, железнодорожной станции наступала 216-я дивизия; высоты 172,7, Исторического бульвара — 257-я дивизия. Действия обоих соединений поддерживал танковый полк. Преодолев сопротивление неприятеля на западных скатах Сапун-Горы, к 13.30 10-й корпус стремительным натиском овладел Английским кладбищем и первой траншеей на восточных скатах высоты 172,7, после чего завязал бои на первой позиции второй полосы вражеской обороны.



Тяжелые бои развернулись в полосе вырвавшейся вперед 257-й дивизии. Стремясь не допустить выхода наших войск к Южной бухте, немцы без сопротивления не оставляли ни одной позиции.

Генерал Крейзер приказал командиру 10-го корпуса в 15.00 ввести в бой вторые эшелоны. Свежие части позволили развить успех. В свою очередь, войска соседней 2-й гвардейской армии, овладев после четырехчасового ожесточенного боя полустанком Мекензиевы горы, начали продвижение к Северной бухте. В результате непрерывного штурма укреплений врага к исходу 8 мая на участке от Лабораторной до Элеваторной балки первая, а во многих местах и вторая позиции внутреннего обвода были прорваны.

Командующий фронтом приказал войскам не давать противнику передышки, сломить его сопротивление на всю глубину второй оборонительной полосы, прежде чем он успеет закрепиться на позициях, непосредственно опоясывающих город.

В 6.00 9 мая советская авиация нанесла сильный удар по единственному оставшемуся в руках противника аэродрому на Херсонесском мысу, а также по его войскам и кораблям. Открыла массированный огонь артиллерия, в том числе корабельная. Начался штурм по всему фронту.

Бои переместились на городскую территорию Севастополя. Последний день штурма оказался предельно насыщенным событиями. Войска 51-й армии, прорвав оборону противника на внутреннем обводе, завязали бои на восточной (63-й и 1-й гвардейский стрелковые корпуса) и юго-восточной (10-й стрелковый корпус) окраинах. Гвардейцы генерала Миссана, взаимодействуя с 55-м корпусом 2-й гвардейской армии, обошедшим Северную бухту с востока, овладели поселком Инкерман, горой Суздальская и к 14.00 9 мая ворвались в Корабельную сторону. 346-я дивизия завязала бои на городских улицах. Разгромили гитлеровцев на высоте Камчатка и в районе Малахова кургана 267-я и 417-я стрелковые дивизии 63-го корпуса. К 15.00 они также повели бой на улицах.

«Бои шли на улицах и площадях центральной и юго-западной части Севастополя, — пишет ветеран 51-й армии С. М. Саркисян. — 216-я дивизия и 22-й гвардейский танковый полк с саперными частями и артиллерией непосредственной поддержки, разбив арьергарды отходящего врага на западном берегу бухты Южная, к 15 часам овладели площадью и проспектом Нахимова, вышли к бухте Артилле-

рийская, где встретились с десантами, высаженными кораблями Черноморского флота. 257-я дивизия, поддержанная армейской артиллерийской группой, к 14 часам завязала бои на аллеях и террасах Исторического бульвара, имея задачей овладеть площадями Ушакова и Лагерная, проспектом Загородный, выходом к берегу бухты Карантинная и во взаимодействии с 216-й дивизией уничтожить окопавшиеся на берегу войска противника»<sup>309</sup>.

Остатки разгромленных немецких частей уже не рассчитывали удержать Севастополь, они отходили на мыс Херсонес в надежде эвакуироваться морем. Еще в 10.40 на левом крыле фронта для их преследования командование ввело 19-й танковый корпус. К исходу дня 11-й гвардейский корпус Приморской армии вышел к юго-восточной окраине Севастополя и устью Стрелецкой бухты. Советские части стремительно выдвинулись к вражескому оборонительному рубежу — так называемому Земляному валу (он же Аварийный), который прикрывал мыс Херсонес.

К исходу дня 9 мая согласованными ударами войск 51-й, 2-й гвардейской и Приморской армий во взаимодействии с Черноморским флотом враг был изгнан из Севастополя. К этому времени победное Красное знамя давно полыхало над полуразрушенным зданием Севастопольской панорамы.

Любопытно, что разные, хотя и одинаково авторитетные авторы расходятся в фамилиях воинов, водрузивших знамя: С. С. Бирюзов называет лейтенанта Н. Я. Гужву, а Я. Г. Крейзер — старшего лейтенанта Петренко. Наверное, не ошибается ни один из двух военачальников, поскольку многие командиры направляли своих подчиненных для водружения знамени над панорамой. Есть сведения, что 9 мая таких групп было не менее четырех.

Противник разрозненными группами бежал на свой последний оборонительный рубеж — мыс Херсонес. Задача окончательного уничтожения его остатков была возложена на Приморскую армию и 10-й стрелковый корпус 51-й армии. И здесь наше командование действовало осмотрительно. Как ни велико было желание побыстрее сбросить врага в море, Ф. М. Толбухин, Я. Г. Крейзер, генерал-лейтенант К. С. Мельник, новый командующий Приморской армией, — каждый на своем уровне обеспечили надлежащую подготовку к решающему бою. Эвакуация морем гитлеровским командованием вынужденно прекратилась вследствие уничтожающих действий советских летчиков и

моряков, и прижатым к последней полоске суши немцам и румынам в прямом смысле некуда было деваться. А хищник в своей норе, как известно, опасен вдвойне и втройне.

К ликвидации остатков разбитой 17-й полевой армии и румынских частей на Херсонесе генерал Крейзер привлек 10-й стрелковый корпус и артиллерию всей армии, что позволило иметь на 1 км фронта 445 стволов. Артподготовка назначалась на 12.00 12 мая. Однако полученные разведкой сведения заставили скорректировать план. Стало известно, что противник на рассвете того же дня собирается начать отвод войск для эвакуации морем. Этой же ночью ожидался подход к мысу Херсонес из Румынии большого каравана судов. В связи с этим командующий фронтом приказал сорвать расчеты врага, нанести ему немедленный удар. Ровно в 3.00 12 мая тысяча орудий и минометов 51-й и Приморской армий произвели ураганный налет, после которого пехота поднялась в атаку и решительным штурмом прорвала Земляной вал. Части 10-го корпуса, очистив западный берег Стрелецкой бухты, к 7 часам вышли в район бухт Круглая, Омега, Камышевая и отрезали врагу пути отхода к пристаням. Подходивший конвой вражеских судов был встречен заградительным огнем артиллерии. Значительная часть его была потоплена кораблями Черноморского флота и авиацией.

Ощутившие полную безысходность своего положения и решившие сохранить жизнь свыше 25 тысяч солдат и офицеров сдались в плен в районе бухт Камышовой, Казачьей и мыса Херсонес. К полудню выстрелы на Херсонесе стали стихать...

В изданном 10 мая 1944 г. приказе Верховного главнокомандующего Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому и генералу армии Ф. М. Толбухину отдана дань подвигу войск 4-го Украинского фронта, «штурмом овладевших крепостью и важнейшей военно-морской базой на Черном море городом Севастополем». Персонально прозвучало и имя командующего 51-й армией: «В боях за Севастополь отличились войска... генерал-лейтенанта Крейзера...»<sup>310</sup> Для Якова Григорьевича не могло не вызвать глубокого удовлетворения и упоминание в числе отличившихся его подчиненных командиров корпусов генерал-лейтенанта Миссана, генерал-майоров Неверова и Кошевого.

Приказом Верховного главнокомандующего от 24 мая 1944 г. 33-я гвардейская стрелковая дивизия (из состава 51-й армии) именовалась впредь Севастопольской<sup>311</sup>.

И еще один факт: из более чем 200 участников освобождения Севастополя, удостоенных высокого звания Героя Советского Союза, 59 человек воевали в 51-й армии под началом Якова Григорьевича Крейзера — одного из первых Героев той войны.

\* \* \*

После Севастополя Крейзеру довелось повоевать еще немало. Из Крыма 51-я армия была переброшена на 1-й Прибалтийский фронт, которым командовал будущий Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян — старый сослуживец Якова Григорьевича по 1941 г. Когда начальник штаба фронта генерал В. В. Курасов собрался представить командующему вновь прибывшему, оказалось, что в этом нет надобности. «В... молодом, высоком, стройном генерал-лейтенанте я сразу узнал своего старого товарища по Юго-Западному фронту. Это был Яков Григорьевич Крейзер. В конце 1941 года он командовал на Юго-Западном фронте 3-й армией...

Я был рад увидеть Крейзера живым и невредимым. Прошло более двух с половиной лет! И каких лет! Ведь война не щадила ни командармов, ни командующих фронтами. А Крейзер с первых дней войны находился в боях, командуя различными общевойсковыми объединениями. 51-ю армию, которая передавалась нам из резерва Ставки, Крейзер возглавлял уже почти год и заслуженно считался одним из самых опытных и проверенных в боях командармов. Мне он очень нравился своей настойчивостью в достижении цели, оптимизмом и умением быстро ориентироваться в сложной обстановке»<sup>312</sup>.

Эти качества Крейзер сполна проявил, руководя своей 51-й армией в Рижской и Мемельской наступательных операциях. После войны вырос в должностях и воинском звании — был командующим войсками нескольких военных округов, стал генералом армии. А мысленно все равно возвращался к родной 51-й армии и боевым дорогам, которыми прошел вместе с ней, во главе нее.

Начальник политотдела 1-го гвардейского стрелкового корпуса И. С. Выборных, много раз встречавшийся с Яковом Григорьевичем и в ходе боев за Крым, и позднее, поддерживал с бывшим командармом дружеские отношения. «Мы часто встречались, вспоминали былые сражения, снова и снова переосмысливали пережитое, — писал Выбор-

ных. — Во время одной из таких бесед генерал Я. Г. Крейзер — в ту пору он возглавлял курсы “Выстрел” — выразил пожелание создать книгу о славных делах 51-й армии на полях Великой Отечественной войны.

— Вы политработник, вам и карты в руки, — улыбнулся он. — А мы, ветераны, поможем вам в подборе материалов...

К сожалению, Якову Григорьевичу не удалось оказать обещанного мне содействия. Тяжелый недуг уже тогда подтачивал его здоровье. Не помогла ему и хирургическая операция. Осенью 1969 года нашего фронтового командарма не стало...»<sup>313</sup>

---

---

## Петр Кириллович КОШЕВОЙ

*Родился 8 (21) декабря 1904 г. в уездном городе Александрия Херсонской губернии.*

*Маршал Советского Союза (1968 г.).*

*В Красной армии — с февраля 1920 г. После окончания Крымских кавалерийских курсов — командир взвода, начальник полковой школы, начальник штаба полка. С 1939 г., после окончания Военной академии им. М. В. Фрунзе, — начальник штаба, командир стрелковой дивизии (по февраль 1940 г.).*

*В годы Великой Отечественной войны — командир 65-й, с июля 1942 г. — 24-й гвардейской стрелковых дивизий, с августа 1943 г. — 63-го, с мая 1944 г. — 71-го, с января 1945 г. — 36-го гвардейского стрелковых корпусов.*

*После войны — командир 36-го гвардейского стрелкового корпуса (по июль 1946 г.), командующий армией (по июль 1955 г.), 1-й заместитель главнокомандующего Группой советских войск в Германии (по июль 1957 г.), командующий войсками Сибирского (по апрель 1960 г.), Киевского военных округов. С января 1965-го по октябрь 1969 г. — главнокомандующий Группой советских войск в Германии, по сентябрь 1976 г. — генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.*

*Дважды Герой Советского Союза (16 мая 1944 г., 19 апреля 1945 г.), награжден пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, двумя орденами Кутузова 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени.*

*Кандидат в члены ЦК КПСС в 1961–1971 гг., депутат Верховного Совета СССР 6–7-го созывов.*

*Скончался 30 августа 1976 г. Похоронен в Москве у Кремлевской стены.*

## Тихвинский урок

Сформированная в Сибири 65-я стрелковая дивизия в середине ноября 1941 г. прибыла в район Тихвина. Командира дивизии полковника П. К. Кошевого вызвал к себе командующий 4-й армией (вскоре назначенный командующим Волховским фронтом) генерал армии К. А. Мерецков. Познакомив подчиненного с обстановкой, он поинтересовался, бывал ли тот в реальном бою. Получив отрицательный ответ, по-отечески посоветовал:

— Тогда побывай завтра на передовой. Когда обстреляют, другими глазами будешь видеть бой. На рожон переть не следует. Зря голову под пулю не подставляй, все делай с умом... Смотри и вникай. Приметь, где находится противник, как он себя ведет. Погляди, как воюют наши люди, как командный состав организует бой и взаимодействие войск, как управляет войсками. К тому, что увидишь, относись критически...<sup>314</sup>

Узнав, что командный состав дивизии в боевых действиях тоже еще не участвовал, командующий посоветовал пропустить через передний край командиров полков и батальонов: «Пусть понюхают порошу и увидят что к чему в настоящей войне»<sup>315</sup>.

Кошевой так и поступил. Всего день провел он на передовой, а взгляд на многие фронтовые реалии стал иным. Главное правило, которое сформулировал полковник, возвращаясь на КП фронта, заключалось в обязанности командира делать все возможное, чтобы победа над врагом достигалась наименьшей кровью.

«Я хорошо запомнил тихвинский урок Мерецкова, — писал много позднее Маршал Советского Союза Кошевой, — и позднее, командуя соединениями под Сталинградом, Севастополем, в Белоруссии и под Кенигсбергом, всегда старался хоть немного приучить необстрелянных людей к боевым условиям, не бросать новичков в огонь с ходу. Даже короткая закалка позволяет людям освоиться с обстановкой на передовой и в итоге сохраняет немало жизней»<sup>316</sup>.

С этого ценного урока началась боевая практика Петра Кирилловича. Спустя несколько дней после описанных событий его дивизия оказалась в эпицентре контрнаступления советских войск, предпринятого с целью освобождения Тихвина. Бои были тяжелыми. Но и значение города для участи блокадного Ленинграда невозможно было пе-

реоценить: отбросив врага, наши войска получали возможность восстановить единственную железнодорожную магистраль к Ладожскому озеру, по которой в город на Неве шли важнейшие грузы.

После ожесточенного ночного штурма 9 декабря Тихвин был освобожден. Это — первый город, за который сражалась 65-я дивизия, и потому он, по признанию Кошевого, навсегда остался в памяти. Особое удовлетворение у бойцов и командиров вызывала мысль, что своим контрнаступлением они помогли не только Ленинграду, но и столице. В те же самые дни под Москвой началось масштабное контрнаступление, а немецкое командование не имело возможности снять в полосе 4-й армии ни единой части, чтобы усилить группу армий «Центр».

Позднее, убывая с Волховского фронта, Кошевой посчитал необходимым обратиться к Мерецкову с личным письмом: «Я ехал на фронт под впечатлением рассказов об отходах, окружениях, проигранных боях... Вы мне не говорили об отступлении или окружении. Наоборот, Вы говорили, как заставить противника повернуть вспять. В Ваших советах я нашел моральную опору. Я шел в бой уверенно... Уезжая, пишу откровенно и правду. Вы меня научили воевать и бить фашистов»<sup>317</sup>.

Научили воевать... Да, так получилось, что в Красную армию Кошевой добровольно поступил еще в феврале 1920 г., а в настоящем бою ему довелось побывать лишь на двадцать первом году службы. Война быстро учит. 17 декабря 1941 г. в ознаменование победного участия 65-й стрелковой дивизии в Тихвинской наступательной операции она была награждена орденом Красного Знамени. Что касается комдива, то генерал-лейтенант В. Ф. Яковлев (командующий 52-й армией, в состав которой с декабря 1941 г. вошла дивизия) в боевой характеристике П. К. Кошевого отмечал, что, хотя ему еще недостает широты взгляда, он «за время боевых действий дивизии проявил себя как волевой, энергичный командир».

В середине октября 1942 г. Кошевой вместе с 24-й гвардейской стрелковой дивизией, которую он возглавил 2 июля того же года, покинул Волховский фронт. Под стук колес офицеры управления гадали: куда держит путь их эшелон? После Москвы повернули на юго-запад, миновали Тамбов. Вскоре последовали остановка и команда на выгрузку. Оказалось, дивизия включена в состав 2-й гвардейской армии. Уже по тому, что армию вскоре возглавил генерал



Р. Я. Малиновский, о котором, как писал Кошевой, «мы были наслышаны как о человеке с весьма большим и разнообразным военным опытом»<sup>318</sup>, было ясно: армия предназначена для серьезных дел. Так и было. По первоначальному замыслу Ставки ВГК 2-я гвардейская армия в составе Донского фронта К. К. Рокоссовского должна была стать главной ударной силой в ликвидации окруженных под Сталинградом немецких войск.

Однако в начале декабря резко осложнилась ситуация на Сталинградском фронте. Э. фон Манштейн из района Котельникова крупными танковыми силами начал наступление, стремясь деблокировать окруженную Сталинградскую группировку Ф. Паулюса. По предложению А. М. Василевского, армия была передана в состав Сталинградского фронта и спешно выдвинута на рубеж небольшой степной речушки Мышковы. В первом эшелоне пешим порядком форсированно выдвигалась 24-я гвардейская дивизия Кошевого. Комдив, на несколько часов опередив свои части, первым оказался на северном берегу речки, чтобы осмотреться и принять решение на оборону. Буквально на его глазах с юга к расположенному на другом берегу хутору Нижне-Кумский стала подходить немецкая колонна: танки, бронемашины, пехота. День клонился к вечеру, подчиненная дивизия все не показывалась, и Кошевого охватили невеселые мысли. Организовывать оборону придется в темноте, не будет возможности на местности согласовать огонь артиллерии, минные поля придется ставить без точной привязки к местности, направления контратак до деталей тоже разведать невозможно.

Комдив внимательно следил за концентрирующимся в Нижне-Кумском противнике и пришел к выводу, что тот явно не собирается никуда двигаться на ночь глядя. Вероятно, противник не допускал возможности выхода советских войск в этот район и вел себя беспечно, не организовав даже наблюдения и не выставив за пределами хутора охранения. Родился замысел использовать это обстоятельство и под покровом ночи нанести внезапный упреждающий удар по врагу.

Предложение поддержали начальник штаба дивизии, командиры полков. В 2.30, в самую глухую пору декабрьской ночи, загремели пушки. «Работать пришлось без пристрелки, но стреляли хорошо, — описывал обстановку Кошевой. — Снаряды рвались в центре хутора, где располагалось, как мы думали, командование противника. В хуторе

поднялась суматоха. Раздался грохот моторов фашистских танков. Враг пытался вывести их из-под обстрела. Суматоха на улицах перерастала в панику. В это время батальон ворвался в расположение противника и косил метавшихся возле домов гитлеровцев. На окраине завязалась ожесточенная схватка. Особенно жаркий бой вела рота лейтенанта В. Ф. Кречетова, которая вышла к стоянке фашистских танков. Ее поддерживали огнем минометчики лейтенанта Нургая Орумбекова. Они не дали немецким танкистам завести остывшие на морозе моторы. Бойцы Кречетова действовали отважно и напористо, перебили экипажи двух десятков танков и повредили сами машины»<sup>319</sup>.

В ходе ночного боя противник потерял несколько сотен человек убитыми и до 65 танков. Дерзкие, умелые действия подчиненных Кошевого позволили несколько сбить наступательный порыв врага. С наступлением утра в бой втянулись и соседние дивизии. Эпицентр событий переместился в район соседних хуторов Васильевка и Верхне-Кумский, где вперед рвалась ударная группировка Манштейна.

Несколько дней на берегу ранее безвестной, а с тех пор вошедшей во все учебники по военному искусству степной речушки Мышковы кипело ожесточенное сражение. Отразив удар танкового кулака противника, 2-я гвардейская армия с рассветом 24 декабря сама перешла в наступление. 29 декабря дивизия Кошевого совместно с 7-м танковым корпусом генерал-лейтенанта танковых войск П. А. Ротмистрова освободила Котельниково, откуда за две недели до этого Э. фон Манштейн начал наступление (с его войсками Кошевой вновь повстречается зимой—весной 1944 г. при освобождении Крыма). Все попытки врага вызволить окруженную группировку Паулюса, таким образом, провалились.

В сентябре 1943 г. генерал-майор Кошевой возглавил 63-й стрелковый корпус, с которым принял активное участие в освобождении Левобережной Украины.

### Через Сиваш

«После боев на Днепре 63-й стрелковый корпус в середине января 1944 г. был выведен в резерв фронта»<sup>320</sup>. Правый сосед, 3-й Украинский фронт, как, впрочем, и ряд других фронтов наступали. Находясь в резерве, подчиненные Кошевого да и сам комкор, конечно, хотели побыстрее уз-



Людмила Павличенко. 1942 г.

Л. М. Павличенко 6 июня 1942 г. в бою за Севастополь





На пикнике  
в советском  
посольстве  
в Вашингтоне  
с Николаем  
Красавченко  
и Владимиром  
Пчелинцевым.  
*Сентябрь 1942 г.*

Л. М. Павличенко  
на встрече  
с женщинами  
Одессы.  
*9 августа 1944 г.*



Снайпер  
54-го стрелкового полка  
25-й стрелковой дивизии  
Приморской армии  
Северо-Кавказского  
фронта  
младший лейтенант  
Л. М. Павличенко.  
*Фото сделано в ходе ее  
поездки по Англии, США  
и Канаде с делегацией  
советской молодежи  
осенью 1942 г.*



Л. М. Павличенко  
и ее гражданский муж  
Алексей Кищенко.  
*Севастополь, февраль  
1942 г.*



## Слава снайперу Людмиле Павличенко!

Она в совершенстве владеет своим оружием, без промаха разит врага

### 300 метких выстрелов

Смелого героиню Людмилу Павличенко, отважную комсомолку, знает и любит вся повстанческая 300 женщин истребителя вражеского самолета своей винтовкой. О ее выстрелах, об отваге и силе 2 июня в «Комсомольской правде» написал Гитлерин.

Вот как кричат, в совершенстве владеющая оружием женщина из линии фронта.



### ЛЮДМИЛЕ ПАВЛИЧЕНКО

Умница, работяга, дисциплина,  
Бить врагов, какой друг твой,  
За коммунизм твой коммунизм  
Тысяч и тысячи бойцов.

О, сколько жаль было врагов  
Уничтожить и погубить.

Ты же так любишь и оружие,  
Возвращай же любовь, наш коммунистический.

Да, да, мы все любим и тебя,  
Ты же любишь, перед нами весь,  
Смелость, доброту, любовь,  
Как выходишь, как выходишь.

Да, в твоем сердце, в сердце,  
С тобой и в сердце и в бое,  
В сердце и в сердце и в бое,  
Смелость, доброту, любовь!

МОСКВА УТКИНА

"Комсомольская правда" от 4.06.1942 г.

4 июня 1942 г. в «Комсомольской правде» были опубликованы стихи И. Уткина, посвященные девушке-снайперу

Людмила Павличенко (в центре) во время встречи в Белом доме с супругой президента США Элеонорой Рузвельт. Слева — член Верховного суда США Роберт Джексон.

Вашингтон, 1942 г.  
Фото из архива  
Библиотеки  
Конгресса США

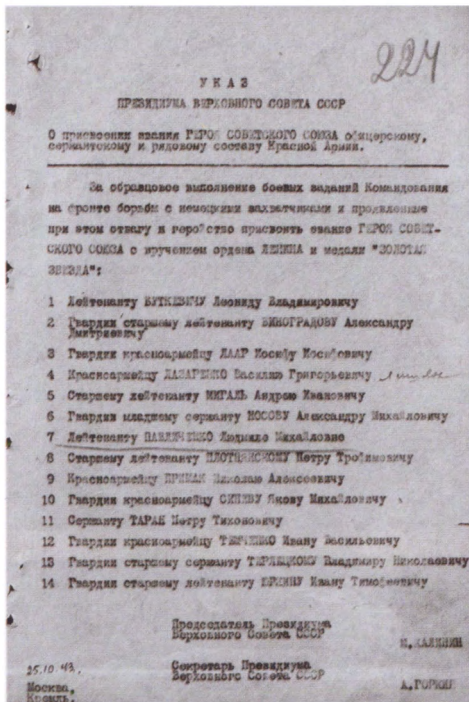




Прием в советском  
посольстве  
в Лондоне  
по случаю 25-летия  
Октябрьской  
революции.  
Слева направо:  
Н. Красавченко,  
В. Пчелинцев,  
министр  
иностраннх дел  
Великобритании  
Э. Иден, посол  
Советского Союза  
И. М. Майский,  
супруга Э. Идена,  
супруга  
И. М. Майского,  
Л. М. Павличенко

Л. М. Павличенко:  
«Не кажется ли  
вам, джентльмены,  
что вы слишком  
долго прячетесь  
за моей спиной?»





Указ Президиума  
Верхнего Совета СССР  
от 25 октября 1943 г.  
о присвоении  
Л. М. Павличенко  
звания Героя  
Советского Союза

Старший лейтенант  
Л. Павличенко —  
снайпер 2-й роты  
54-го стрелкового полка.  
Весна 1942 г.  
Фото И. Шагина



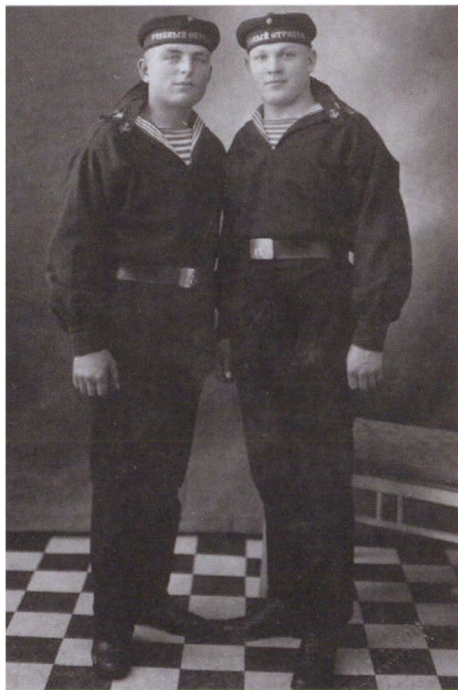


Советский снайпер  
будущий Герой Советского  
Союза старший сержант  
Людмила Михайловна  
Павличенко. 1942 г.  
*Фото И. Озерского*



Снайпер 2-й роты  
54-го стрелкового полка  
25-й Чапаевской  
стрелковой дивизии  
старший сержант  
Л. М. Павличенко  
с винтовкой СВТ-40  
с прицелом ПУ.  
*Апрель 1942 г.*  
*Фото Д. Рамырева*





Краснофлотец учебного  
отряда МСЧМ  
А. Лещенко (слева)  
после окончания  
обучения



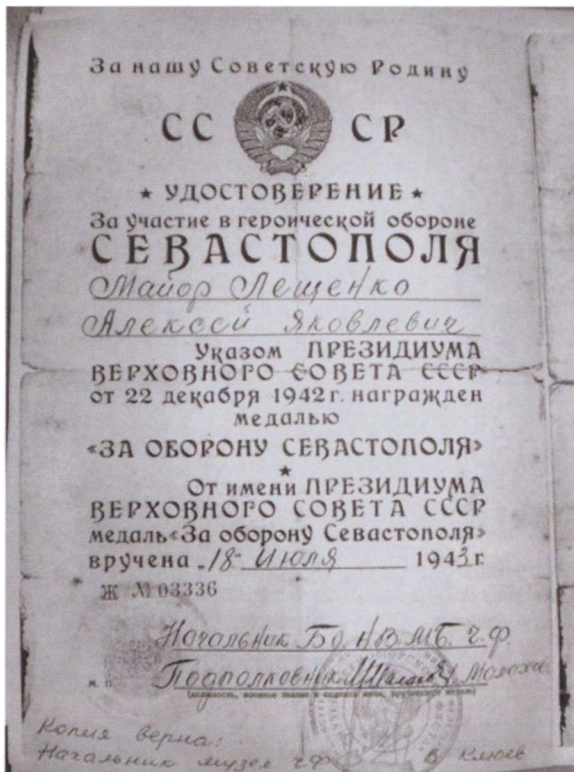
Подполковник  
А. Я. Лещенко.  
*Вторая половина 1950-х гг.*



Центральный командный пункт батареи. А. Я. Лешенко  
дает целеуказания. Кадр из документального фильма  
«Битва за Севастополь» (режиссер Василий Беляев, 1944 г.)

Батарея ведет огонь





Удостоверение  
А. Я. Лещенко  
к медали  
«За оборону  
Севастополя»

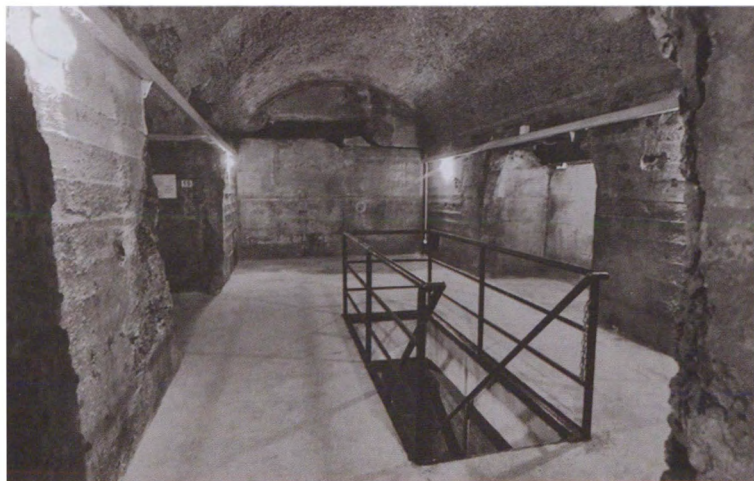
Внешний вид  
одной  
из башен  
35-й ББ  
после подрыва  
2 июля 1942 г.





Гнездо башни № 1. Современный снимок

Массив 35-й батареи. Одно из подземных помещений с входным отверстием в шахту, которая вела к левому командному пункту





Командир бронекатера  
«БКА-121» 2-го отряда  
1-го гвардейского  
дивизиона бронекатеров  
Азовской военной  
флотилии старший  
лейтенант  
А. К. Абдрахманов

Где-то в акватории  
Тихого океана.  
А. К. Абдрахманов  
с подчиненным.  
*Конец 1960-х гг.*



Капитан 1-го ранга  
А. К. Абдрахманов



В Севастополе  
на территории  
Черноморского  
высшего военно-  
морского училища  
им. П. С. Нахимова  
установлен бюст  
А. К. Абдрахманова



Капитан 1-го ранга  
А. К. Абдрахманов  
выступает  
перед личным  
составом.  
*Тихий океан.  
Конец 1960-х гг.*



Мемориальная доска  
в Севастополе  
на доме 29  
по улице Суворова,  
в котором жил  
А. К. Абдрахманов





Красноармейцы на Графской пристани в освобожденном Севастополе.  
1944 г. Фото Н. Аснина



Советские воины срывают вывеску с полицейского участка в Почтовом переулке в Керчи. Январь 1944 г.

Советские солдаты на берегу озера Сиваш. Ноябрь 1943 г.  
*Фото А. Устинова*



нать, когда они сами пойдут вперед. «Каждый разговор по телефону со штабом фронта мы, командование корпуса, использовали не только для докладов начальству всякого рода сводок, но и старались что-нибудь выведать о предстоящей задаче. Штабники фронта, сохраняя тайну, отмалчивались, а С. С. Бирюзов коротко отсекал мои вопросы: придет время — узнаешь»<sup>321</sup>.

«Солдатский телеграф» сообщил: 4-й Украинский фронт тоже вскоре перейдет в наступление. И это соответствовало действительности, однако направление наступления стало неожиданностью. Вместо того чтобы принять участие в начавшейся 30 января Никопольско-Криворожской наступательной операции, 63-й корпус был возвращен в состав 51-й армии, в рядах которой полгода назад он освобождал Донбасс, и получил приказ начать переброску на подступы к Крыму.

Решение Ставки ВГК было разумным. Прошло время, когда Ставка Гитлера имела хотя бы какое-то основание надеяться, что ей удастся восстановить связь Крымской группировки с главными силами 6-й армии, развернутыми на правом берегу Днепра. Немцы все еще удерживали плацдарм в районе Никополя, откуда можно было нанести удар на Перекопском направлении. Но теперь счет существования Никопольского плацдарма уже шел на дни, и германскому Генеральному штабу пришлось оставить планы прорыва в Крым или из Крыма к Днепру.

К двадцатым числам февраля 63-й корпус завершил «комбинированный марш в новый район сосредоточения на северном берегу Сивашского залива»<sup>322</sup>. Командующий армией генерал-лейтенант Я. Г. Крейзер не скрывал своей радости по поводу прибытия в состав армии еще одного корпуса, к тому же такого, боевые возможности которого ему были хорошо известны. Он поставил Кошевому задачу, «не теряя времени, подготовить соединения для переправы на плацдарм»<sup>323</sup>, захваченный еще в ноябре 1943 г. на южном берегу Сиваша. Отсюда корпусу предстояло в дальнейшем наступать.

Командующий армией приказал на завтра же разведать район переправ, с тем чтобы совместно провести рекогносцировку района на плацдарме, где предстояло разместиться дивизиям корпуса. Его беспокойство было легко объяснимым. Как позднее вспоминал сам Я. Г. Крейзер: «Военному совету и штабу нашей армии пришлось решить ряд сложных задач, связанных с инженерным оборудованием исход-

ного района, строительством и поддержанием в исправном состоянии переправ через Сиваш, сосредоточением и маскировкой крупной группировки войск на открытом плацдарме»<sup>324</sup>.

Приказ Я. Г. Крейзера заставил Кошевого вместе с командирами дивизий и начальниками родов войск уже наутро быть на Сиваше. Погода была такой, что знающий Крым только по книгам ни за что не поверил бы: «Мороз был легкий, шел редкий снег, но порывистый, пронзительный ветер пробирал до костей сквозь полушубки»<sup>325</sup>.

Существовавший мост на рамных опорах был серьезно поврежден вражеской авиацией, и Кошевой стал свидетелем того, как переправлялась вброд группа саперов и связистов из 263-й стрелковой дивизии, оборонявшейся на плацдарме. Нагруженные катушками кабеля, коробками с взрывателями для мин и другим имуществом бойцы шли по наледи босиком. «Они сняли обувь и шаровары, связали их тюком и приспособили на голову. Полы шинелей высоко подоткнули за поясные ремни»<sup>326</sup>. Другого выхода не было, потому что на том берегу не было ни малейшей возможности обсушиться.

«Когда я думаю, что человек способен перенести самые большие трудности, — писал участник переправы широко известный в СССР балкарский поэт Кайсын Кулиев, — каждый раз мне вспоминается Сиваш и особенно саперы. Какой это был громадный труд! Какие это были люди!»<sup>327</sup>

Переброска войск на плацдарм вброд, по примеру тех саперов и связистов, как имел возможность лично видеть Кошевой, могла быть проведена лишь в чрезвычайной ситуации — слишком велика была опасность массовых заболеваний от переохлаждения, а также воспаления суставов. Следовательно, нужно было ориентироваться на инженерные переправы. Их было две. «Одна переправа по земляной дамбе и понтонному мосту вела с северного берега Сиваша на Русский остров, а отсюда по другому понтонному мосту и продолжающей его земляной дамбе выходила на южный берег залива. Общая длина переправы достигала почти трех километров. Неподалеку от этой переправы находился мост на рамных опорах, протяженностью 1865 метров, который законно гордились инженерные войска армии.

Мы внимательно осмотрели земляную дамбу и нашли, что она не выдержит, если по ней начнут переправляться войска корпуса. Основа дамбы оказалась недостаточно прочной, и надо было сделать, чтобы она не разрушилась

под ногами тысяч людей, колесами орудий и автомобилей, под гусеницами танков. Требовалось усиление и для мостов, которые не выдерживали танков и САУ»<sup>328</sup>.

Как вспоминал П. К. Кошевой, требовались и другие меры, в первую очередь усиление противовоздушной обороны, так как переправы были одной из главных целей авиации противника. А транспортные заботы? «Глинистая почва, насыщенная солью, размокла, и грязь засасывала любой транспорт. Обстоятельства вынудили создать непредусмотренную никакими штатами и долгосрочными прогнозами “службу проталкивания машин”. Задача этой доморощенной организации состояла в том, чтобы вывозить из грязевого плена транспортные средства... Только так удавалось подвозить землю, бревна и доски к переправам, доставлять продовольствие, горючее, боеприпасы войскам, эвакуировать с плацдарма раненых и заболевших... Не помню, однако, случая, чтобы кто-нибудь хоть словом обмолвился о нелегкой службе, зароптал на горькую долю или пожаловался, — писал позднее маршал Кошевой. — Воинский коллектив, сплоченный боями, был нашей надежной опорой. В его рядах любой солдат оказался способен на такой, пусть не боевой, но настоящий человеческий подвиг»<sup>329</sup>.

Безрадостной предстала картина и на самом плацдарме на южном берегу Сиваша, где командир корпуса побывал вместе с командующим армией. Бескрайняя степь просматривалась до самого горизонта, и генералу явственно представилось, с какими трудностями столкнутся его наступающие войска, совершенно открытые для огня противника.

«На плацдарме не имелось никаких источников пресной воды»<sup>330</sup>, отсутствовало какое-либо топливо для приготовления горячей пищи, обогрева людей, сушки одежды. Как решать эти казавшиеся неподъемными задачи? На выручку приходили смекалка, наблюдательность, способность командиров и хозяйственников по-хорошему извернуться.

Кошевой стал свидетелем того, как проявлялась эта способность найти выход из самого безнадежного положения. В одной из частей 267-й дивизии он обратил внимание на сарай без крыши, из-за двери которого слышался храп спавших людей. Казалось, в такой холод никакой сон не возьмет, а люди спали. В чем дело? «“Парниковый эффект”, — пояснил командир полка. Оказалось, один из солдат, агроном по специальности, случайно узнал, что местные жители свезли в этот сарай сухой конский навоз.

Он знал, что, если такой навоз слегка увлажнить, он нагревается. Солдат сообразил, что природа дает шанс организовать массовый обогрев людей. Он доложил начальству. «Спальню» создали быстро: на навоз клали шинели, на них ложились в ряд люди и сверху укрывались шинелями. Не комфорт и не розарий, но в условиях фронта — все-таки возможность отдохнуть и выспаться в тепле», — резюмировал Кошевой<sup>331</sup>.

Тем временем, несмотря не все немыслимые трудности, полным ходом развернулась подготовка к наступлению. В войска прибывало пополнение. Круглые сутки шли работы по усилению дамбы и моста через Сиваш. Но природа в конце февраля устроила новое испытание. Разразившимся штормом переправы были разрушены. Разбушевавшаяся стихия перечеркнула всю многодневную работу инженерно-саперных частей, выделенных от корпуса, армии и даже фронта. Пришлось начинать все заново.

Третьего марта район переправы осмотрел Маршал Советского Союза А. М. Василевский — представитель Ставки на 4-м и соседнем 3-м Украинском фронтах. Маршал, проведя вместе с командующим фронтом Ф. И. Толбухиным и другими представителями руководящего состава фронта, 2-й гвардейской и 51-й армий, рекогносцировку, отдал приказ усилить прикрытие переправ с воздуха, увеличить запасы стройматериалов для быстрого восстановления переправ. О результатах своей работы маршал доложил в Ставку и просил Сталина ввиду разрушения переправ и страшной распутицы перенести начало Крымской операции на 15–20 марта<sup>332</sup>. Необходимая отсрочка была получена. В течение нескольких дней смытые переправы вновь поднялись над Сивашем.

Началась переправа войск корпуса Кошевого на плацдарм. Погода наудачу была нелетная, это позволило произвести переброску артиллерии, не ощутив воздействия вражеской авиации. «С началом переправы стрелковых дивизий установилась ясная теплая погода. На наших глазах стали подсыхать дороги. Вскоре по ним могли проходить все виды транспорта. Теперь уже было легче с подвозом»<sup>333</sup>, но и немецкая авиация оживилась. Тем не менее к 25 марта на крымский берег было переправлено все, что требовалось для предстоявшего наступления.

Но еще 11 марта на командном пункте Я. Г. Крейзера в Строгановке состоялось совещание, созванное командующим фронтом. Ф. И. Толбухин ознакомил присутству-

ющий командный состав с замыслом предстоящей наступательной операции. Главный удар он решил наносить силами 51-й армии и 19-го танкового корпуса с Сивашского плацдарма: наступление вести там было много труднее, но тем неожиданнее для врага. Вспомогательный удар поручался 2-й гвардейской армии из района Перекопа. Удачный прорыв обороны противника в полосе 51-й армии сулил нашим войскам двойной выигрыш: они получали возможность не только выйти в тыл Перекопским и Ишуньским позициям, но и при наступлении на Симферополь, Севастополь рассечь всю крымскую группировку немцев.

Операция по прорыву обороны 17-й немецкой полевой армии проводилась фронтом во взаимодействии с Отдельной Приморской армией генерал-полковника А. И. Еременко, которая решала аналогичную задачу на Керченском полуострове. Забегая вперед скажем, что события в ходе наступления развивались таким образом, что именно стрелковому корпусу Кошевого пришлось обеспечивать левый фланг 51-й армии и стык с соединениями Отдельной Приморской армии.

Начало наступления было назначено на конец марта 1944 г.

### **Прорыв в межозерных дефиле**

Под руководством Кошевого и штаба корпуса шли последние приготовления к операции. Но вновь вмешалась неустойчивая в эту пору погода. После полуночи 28 марта вдруг резко подул сильный северо-восточный ветер, а еще через час начался сильный буран с морозом, буквально парализовавший боевую жизнь на фронте. Только 30 марта с нормализацией погоды удалось приступить к завершению подготовки к наступлению. Наконец последовал приказ: начало операции назначить на 8 апреля.

Первый эшелон боевого порядка корпуса составляли две дивизии — 267-я (командир — полковник А. И. Толстов) справа и 263-я (полковник П. М. Волосатых) слева. 417-я дивизия полковника Ф. М. Бобракова находилась во втором эшелоне. «В своем решении на прорыв обороны противника, — вспоминал П. К. Кошевой, — я исходил из реально сложившейся обстановки и приказа вышестоящего командования. Поскольку фронт и армия наносили главный удар в полосе действующего справа от нас

1-го гвардейского стрелкового корпуса, было целесообразно и наши главные усилия сосредоточить на правом фланге соединения. Поэтому основная группировка пехоты, артиллерии и танков была именно там.

На направлении главного удара действовали две стрелковые дивизии — 267-я в первом эшелоне и 417-я во втором. Они должны были уничтожить противника в районе Каранки, где находился мощный опорный пункт обороны противника и некоторые органы его управления войсками, Асс-Найман, Саман. В дальнейшем намечалось овладеть Ново-Александровкой, совхозом Кирк-Ишунь, не допуская контратак противника с юга. 263-я дивизия должна была наступать в восточном направлении (на Чучак, Пасурман 2-й, Таганаш) с целью отрезать группировку противника на Чонгарском полуострове... Учитывая большую глубину и многополосность обороны противника, боевые порядки войск на направлении главного удара строились в два эшелона...»<sup>334</sup>

Учитывая важность задачи, стоявшей перед 267-й дивизией, в полосе ее наступления Кошевой сосредоточил «почти все артиллерийские части корпуса, в том числе 845-й Краснознаменный морской артиллерийский полк, хорошо обученный, на механической тяге, с энергичными командирами во главе. Соединению... придали 22-й отдельный танковый полк, имевший всего 15 танков, почти половину их составляли быстроходные, но легко уязвимые Т-70, работавшие на бензине. В полосу дивизии нацелили и поддерживающую авиацию.

Второму стрелковому батальону 848-го стрелкового полка 267-й стрелковой дивизии поставили задачу вброд форсировать Айгульское озеро и одновременно с атакой главных сил соединения ворваться в тыл обороны противника в районе высоты юго-западнее Каранки, где была сосредоточена основная масса немецкой и румынской артиллерии. Было необходимо дезорганизовать и уничтожить ее, не допустив отхода врага из Каранки на юг. Этот маневр Кошевой предпринимал по личному указанию генерала Ф. И. Толбухина»<sup>335</sup>.

Непосредственно перед наступлением войскам 267-й стрелковой дивизии удалось серьезно улучшить позиции, с которых предстояло начать разгром врага. В ночь на 8 апреля при разведке боем удалось овладеть первой траншеей обороны румынских войск и закрепиться там. «Я решил захваченную траншею противника оставить за собой и с



этого рубежа начать завтра прорыв немецко-фашистской обороны, — вспоминал П. К. Кошевой. — Правда, такое решение влекло за собой большие изменения в плане артиллерийской подготовки и требовало дополнительных мероприятий по организации наступления. Артиллеристам, в частности, предстояло переместить за ночь почти все передовые наблюдательные пункты. Но мы получили ряд преимуществ. Нам уже не надо было, например, преодолевать заграждения, особенно сильные на подступах к переднему краю противника. Командарм мое решение одобрил»<sup>336</sup>.

За два часа до наступления командиры довели боевой приказ до личного состава. И вот ровно в 8.00 8 апреля «гул множества орудий и разрывов бомб донесся до нас и с направления главного удара фронта. Он рокотал весенней грозой над крымской землей»<sup>337</sup>. А спустя полтора часа над НП корпуса, дивизий и полков взвились красные ракеты — условный сигнал атаки. «Огонь артиллерии сместился на третью траншею противника. В бинокль было видно, — вспоминал Кошевой, — как на брустверах нашей траншеи появились офицеры. За ними поднялись группы бойцов. Через несколько секунд, обгоняя офицеров, наши красноармейцы устремились к позициям противника. А там все дымилось и, казалось, земля еще колебалась от разрывов снарядов. Сквозь неумолчный рев артиллерии и грохот разрывов донеслось удалое “ура”. Атака началась...»<sup>338</sup>

Хотя нашим бойцам противостояли румыны, а не немцы, сломить их сопротивление оказалось нелегко. «Обстановка требовала наращивать огонь артиллерии и минометов, массировать бомбовые удары авиации по основным опорным пунктам противника, поддерживать движение пехоты, не дать угаснуть ее боевому порыву. У меня и у всего командного состава, — вспоминал Кошевой, — теперь не было ни одной свободной минуты. Телефоны стали буквально горячими...

Командир 267-й дивизии полковник А. И. Толстов, доложив мне о серьезных осложнениях на левом фланге, попросил помощи. Прежде чем дать ответ, я помедлил: вся артиллерия корпуса уже находилась в действии.

Помощь пришла несколько неожиданно. Генерал С. А. Краснопевцев, который внимательно наблюдал за развитием наступления, повернулся ко мне и спросил:

— Не надо ли тебе подправить положение у Толстова силами фронтовой артиллерийской дивизии прорыва?..

Краснопевцев, не теряя времени, вызвал по телефо-

ну командира одной из бригад артиллерийской дивизии и поставил ему задачу. Через считанные минуты по позициям врага, неподалеку от которых залегли наши воины, замолотили десятки снарядов крупного калибра...

Правый фланг дивизии тем временем продолжал медленно продвигаться вперед. К 13 часам 844-й стрелковый полк и 2-й батальон 846-го полка ворвались во вторую траншею противника и выбили оттуда румынских солдат»<sup>339</sup>. Чтобы подавить огневые точки врага и поддержать наступающих, командир корпуса всю имеющуюся у него артиллерию нацелил на правый фланг. «Здесь еще есть неиспользованный шанс сломить сопротивление врага. Он заключался в маневре 2-го батальона 848-го полка, который, как помнит читатель, должен был нанести удар в тыл противника через Айгульское озеро»<sup>340</sup>.

Несмотря на то что дно озера оказалось илистым, а вода доходила солдатам до груди, они сумели незаметно для врага форсировать водную преграду и захватить первую траншею немецкой обороны. «Но, продвинувшись вперед, оказались на плоской равнине... Грунт как каменный, лопата не берет»<sup>341</sup>, укрыться негде, доложил А. И. Толстов. Ответ не замедлил себя ждать: немцы контратаковали силами до двух рот при поддержке нескольких батарей артиллерии.

Кошевой принял «решение нанести удар по артиллерии и пехоте противника, задерживающим батальон, силами авиации и артиллерией. Кроме того, усилить нажим наших войск с фронта... Краснопевцев ставит задачи бригаде артиллерийской дивизии прорыва»<sup>342</sup>. Телефонный звонок Кошевого командующему авиацией фронта генералу Т. Т. Хрюкину обеспечил удар по позициям врага с воздуха. Принятые меры позволили батальону продолжить двигаться в заданном направлении — в тыл противнику, к его артиллерийским позициям. Хотя бой был тяжелый.

На правом фланге дивизии Толстова постепенно обозначился явный успех: батальоны вступили в бой за третью траншею, немецкая артиллерия потеряла возможность вести огонь, поскольку в этом случае могла накрыть собственных солдат. Кошевой, вызвав к телефону комдива Толстова, отдал приказ вводить в бой второй эшелон дивизии.

«В полосе 267-й дивизии развернулись решающие события. Ввод в сражение второго эшелона соединения, удар батальона через Айгульское озеро, своевременная поддержка их действий артиллерийским огнем всех приданных нам

средств и ударами авиации поколебали устойчивость противника»<sup>343</sup>. Через некоторое время первая позиция его обороны оказалась полностью в руках наших войск. «Части 267-й дивизии охватили опорный пункт противника в Каранки широким полукольцом, приблизившись к нему примерно на полтора километра. 2-й батальон 848-го полка, форсировавший Айгульское озеро, соединился с основными силами. На правом фланге дивизии наши подразделения нависли над путями отхода противника из Каранки, блокируя в этом районе много артиллерии... На следующий день наши войска здесь захватят материальную часть 19 батарей противника.

Обстановка складывалась так, — вспоминал П. К. Кошевой, — что в любое время мог возникнуть благоприятный момент для ввода в дело второго эшелона корпуса — 417-й стрелковой дивизии. Комдив генерал Ф. М. Бобраков, всегда хорошо чувствовавший пульс сражения, звонил мне несколько раз, докладывая, что дивизия готова к бою. Я понимал, что доклады предпринимаются с целью зондажа, не сетовал на это, но неизменно отвечал, что время еще не пришло.

Глядя на поле боя, дымившееся от разрывов снарядов и мин, мы видели, как близко подошли наши войска к Каранки. До наступления ночи оставалось еще два часа. Думалось, что если сейчас двинуть вперед 417-ю дивизию, то она успеет засветло выйти на исходный рубеж для наступления, а с первыми лучами солнца следующего дня двинется в атаку. Это должно решить судьбу боя, и мы прорвем неприятельскую оборону на всю глубину.

Однако доводы были не только за ввод второго эшелона корпуса. Были и против. Прежде всего, мы не имели формального разрешения командарма и могли это разрешение не получить, поскольку по плану операции второй эшелон предполагалось ввести на второй день наступления. Кроме того, неблагоприятный исход боя соседа справа мог потребовать использования 417-й дивизии не на юг, как намечались сделать мы, а для удара на запад, в помощь корпусу И. И. Миссана»<sup>344</sup>.

Как вспоминал П. К. Кошевой, «С. А. Краснопевцев, заметив мои сомнения, сел рядом и уверенно сказал:

— Вводи. Вводи дивизию Бобракова, не сомневаясь.

Он взялся за телефон командующего фронтом, доложил ему обстановку. Как бы между прочим генерал сказал, что первая позиция противника прорвана успешно, а обо-

рона противника в Каранки должна сама собой рухнуть, если немецкие командиры не хотят попасть здесь в мешок.

Выслушав что-то в ответ, сказал, что Кошевому надо бы вводить второй эшелон, но Крейзер медлит с разрешением. На этом разговор закончился.

Перед заходом солнца Краснопевцев заторопился на командный пункт фронта. Прощаясь, сказал:

— Ну а ты — дави... дави всемерно... И ночью дави, не давай противнику покоя. Я поехал на КП: вызывает Толбухин.

И опять-таки, как бы между прочим бросил:

— Наверное, и тебя туда вызовут»<sup>345</sup>.

Это уже потом, через несколько часов Кошевой понял весь смысл этих намеков. Вопреки первоначальным замыслам командования фронта, прорыв в полосе соседа справа — 1-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Миссана, где войска фронта наносили главный удар, не удался. Учитывая благоприятное развитие событий в полосе действий 63-го стрелкового корпуса, целесообразно было перенести направление главного удара именно сюда. Таким замыслом генерал Краснопевцев, весь день находившийся рядом с Кошевым, не преминул поделиться с командующим фронтом.

Самостоятельно командир корпуса решение о вводе в бой второго эшелона — 417-й стрелковой дивизии принять не мог: на это требовалось разрешение командующего армией. Но то, что было в его полномочиях, он сделал: «лично поставил задачу командиру 417-й дивизии генерал-майору Ф. М. Бобракову на выдвижение на рубеж ввода в бой. Дивизия вводилась на правом фланге с задачей ударом вдоль берега Айгульского озера прорваться на юг и, взаимодействуя с 267-й дивизией, захлестнуть противника в районе Каранки»<sup>346</sup>.

С наступлением ночи комкор был вызван на армейский НП к генералу Крейзеру. «Вид у Якова Григорьевича был мрачный. Неудача на направлении главного удара, которую никто не мог предвидеть, выбила его из колеи, — писал П. К. Кошевой. — В землянке уже находился И. И. Миссан. Он тоже был расстроен...

Вскоре раздался резкий звонок: у аппарата был генерал Ф. И. Толбухин. После короткого разговора с командармом к телефону пригласили И. И. Миссана.

Не знаю, что говорил командующий, но Иван Ильич отвечал односложно:

— Есть... Слушаюсь... Примем меры...

Диалог был недолгим. Красный от волнения, И. И. Миссан отошел и угрюмо сел.

Затем вызвали меня. Я брал трубку с некоторым беспокойством.

— Кошевой слушает вас. Здравия желаю, товарищ командующий.

— Слушайте, дорогой, — с характерным для него оканьем сказал Толбухин, — рядом со мной стоит генерал Краснопевцев. Он сказал мне, что в полосе шестьдесят третьего корпуса достигнут заметный успех. Вы, очевидно, с ним согласны?

— Некоторое продвижение вперед есть, товарищ командующий.

— Вот и отлично! Завтра с рассветом мы переключаем на ваше направление всю артиллерийскую дивизию прорыва и основные силы авиации воздушной армии. Главный удар фронта отныне наносится в полосе шестьдесят третьего стрелкового корпуса»<sup>347</sup>.

Понятно волнение, охватившее Кошевого. В практике военного искусства случается не часто, чтобы в ходе уже идущей фронтальной операции главный удар переносился на другое направление. Тем более разволнуешься, когда осуществление этого удара возложено на тебя.

Между тем Ф. И. Толбухин дал указание не медлить с вводом 417-й стрелковой дивизии в бой и сделать это с рассветом. Развитие успеха лишит врага выгодных рубежей для обороны степного Крыма, подчеркнул комфронта, и он из-за угрозы выхода советских войск в тыл его Перекопским позициям будет вынужден откатываться в горы.

«...Было 2 часа 9 апреля, когда командарм, после детального рассмотрения вопросов предстоящего наступления отпустил меня, — вспоминал Кошевой. — На НП корпуса меня с нетерпением ожидали [начальник штаба корпуса полковник А. Ф.] Некрасов, [начальник Оперативного отдела штаба корпуса подполковник А. И.] Емельянов, [командующий артиллерией корпуса полковник И. Ф.] Сапрыкин, [заместитель по политической части полковник В. В.] Данилов и другие командиры»<sup>348</sup>. Совет пришел к выводу, что противник либо будет оборонять Каранки до последнего предела, либо отойдет из них заблаговременно. Если события станут развиваться по первому варианту, «тогда 417-я дивизия Бобракова будет иметь достаточно времени, чтобы нанести удар на юг и закрыть врагу пути от-

хода в этом направлении. В таком случае наступление 267-й дивизии Толстова непосредственно на Каранки не надо было форсировать с раннего утра, чтобы не вытолкнуть противника»<sup>349</sup>.

Разведка доложила, что признаков отхода врага из Каранки нет, это позволяло думать, что враг будет действовать по первому варианту. На рассвете «свежая 417-я дивизия при поддержке большого количества артиллерии и самолетов нанесла мощный удар юго-западнее [на Асс-Найман]... стала развивать наступление на юг»<sup>350</sup>.

События развивались стремительно. В 11 часов были введены в бой вторые эшелоны 1-го гвардейского и 63-го стрелковых корпусов. «На восточном берегу решительной атакой прорвала оборону противника 417-я стрелковая дивизия, в районе Асс-Найман она соединилась с частями 346-й дивизии и, перехватив пути отхода Каранкинской группировки, содействовала основным силам 267-й дивизии к исходу дня уничтожить Каранкинский узел сопротивления, являющийся остовом всей оборонительной системы гитлеровцев на их правом фланге. Тем временем на левом фланге 63-го корпуса 263-я стрелковая дивизия теснила противника в районе Тюй-Тюбе. Повернув на юг, 263-я дивизия повела наступление в общем направлении на Джанкой»<sup>351</sup>.

Сполна сказывалось войсковое товарищество. Действовавшие к западу от 63-го стрелкового корпуса войска 2-й гвардейской армии, 10-го и 1-го гвардейского стрелковых корпусов, энергично прорывая оборону противника, не позволили врагу высвободить на Перекопе и Сиваше сколько-нибудь существенные резервы, чтобы повлиять на ход операции, на острие которой находились соединения Кошевого.

Немцы оказывали ожесточенное сопротивление. Обеспечивая действия 417-й и 267-й стрелковых дивизий, командир корпуса полностью переключил на их поддержку выделенную ему артиллерийскую дивизию фронта и авиацию. По признанию Кошевого, «управлять войсками стало сложнее». Постоянно звонил командарм Крейзер, требуя «всемерно ускорить наступление».

417-я стрелковая дивизия, наступавшая на главном направлении корпуса, действовала стремительно. «Труднее было в полосе 267-й дивизии... Только к 18 часам А. И. Толстов доложил... что войска ворвались в Каранки»<sup>352</sup>. Высокий темп наступления на левом фланге корпуса набрала

263-я стрелковая дивизия, командир которой — полковник П. М. Волосатых через месяц после этих событий был удостоен звания Героя Советского Союза за умелое управление войсками на поле боя. Под удар частей именно этой дивизии попала та «часть каранкинской группировки врага, которая пыталась спастись через Сиваш, перебравшись в район Тюй-Тюбе...

9 апреля 1944 года, как и предыдущий день, я закончил на своем наблюдательном пункте, — вспоминал Кошевой. — Однако настроение было куда более радостным, чем вчера. Важнейший узел сопротивления противника — Каранки — был полностью ликвидирован. Мы достигли рубежа Асс-Наймана, и впереди уже маячила высота 30,3, где проходила последняя позиция вражеской обороны.

И много лет спустя мемуарист не мог забыть обстановку, в которой ему в среде своих боевых товарищей — командиров 417-й и 267-й дивизий, офицеров штаба и начальников родов войск — довелось подводить итоги столь победного дня и ставить задачи на следующие сутки: «Слабый свет керосиновой лампы в небольшом блиндаже наблюдательного пункта мягко освещал лица моих боевых друзей. Все смертельно устали за эти два дня, но глаза блестели в радостном возбуждении: корпус успешно выполнял боевую задачу, еще одно усилие — и мы выйдем на оперативный простор...»<sup>353</sup>

Когда командир корпуса предложил присутствующим высказаться, как следует прорывать рубеж обороны противника с высотой 30,3, генерал Бобраков, чья 417-я дивизия должна была сыграть в прорыве главную роль, заявил, что будет брать высоту ночью, не проводя артиллерийской и авиационной подготовки. Ночь выгодна эффектом внезапности. Огневые же точки врага были выявлены заранее и еще засветло пристреляны. «Так что и ночью огонек будем вести точно по целям», — уверенно заявил Бобраков.

Замысел был успешно реализован. Еще не наступил рассвет, как генерал Бобраков вышел на связь и доложил, что он — на высоте 30,3. Через непродолжительное время последовал новый доклад — об овладении важным населенным пунктом Томашевкой.

Тем временем действовавшая восточнее 263-я дивизия, «успешно прорвав позиции противника к юго-востоку от Тюй-Тюбе, гнала врага на Пасурман и готовилась к повороту на Чонгарское направление, на Таганаш»<sup>354</sup>.

Кошевой с разрешения командарма сменил дислока-

цию своего наблюдательного пункта, перейдя в район недавно захваченной высоты 30,3. Наступило время решить задачу, которую еще накануне ночью по телефону поставил начальник штаба фронта генерал С. С. Бирюзов — согласовать с представителями командования 19-го танкового корпуса вопросы ввода корпуса в сражение после полного прорыва вражеской обороны. Для этого на новый НП Кошевого был направлен заместитель командира корпуса полковник И. А. Поцелуев. Командиры, используя бинокли, долго изучали местность, определили пути подхода танков к рубежу развертывания и договорились, когда и как следует поддержать их артиллерийским огнем и ударами авиации. Затем спустились в блиндаж, оборудованный еще немцами, чтобы перекусить. Здесь и произошел один из тех многочисленных случаев, о которых вспоминают старые бойцы, не переставая удивляться фронтовой удаче.

Впрочем, дадим слово самому Петру Кирилловичу: «Мы исправно работали ложками, продолжая беседовать о совместных действиях, как вдруг... Мы с Поцелуевым почувствовали, как загудела и заколебалась вокруг земля. Это самолеты врага прорвались к высоте и нанесли еще один удар. Мы переглянулись, несколько не заботясь о безопасности, поскольку над головой находилось, как нам казалось, надежное перекрытие. Однако дело обстояло иначе. Вместе с тяжелыми бомбами самолеты противника бросали множество мелких бомб осколочного действия, которые у солдат получили прозвище “лягушки”. Вот теперь-то и пожаловала к нам в блиндаж такая тварь, свалившись через крышу прямо между мной и Поцелуевым. Мы сообразили, что именно происходит, лишь тогда, когда потолок затрещал и чугунная чушка оказалась у наших ног. Мы оцепенели... Прошла секунда, две, три... Взрыва не было. И я, и собеседник, однако, не поднимались и молча взирали на бомбу. Наконец мы полностью пришли в себя и выскочили в траншею... Бомба так и не взорвалась. Ее благополучно обезвредили»<sup>355</sup>.

Хорошо то, что хорошо кончается. Командирам некогда было заниматься собственными переживаниями, так как предстояло вновь действовать быстро и энергично. «На рассвете 11 апреля с рубежа южнее Томашевки в общем направлении на Джанкой [то есть в полосе 63-го корпуса. — *Авт.*] мы ввели в прорыв дополнительные силы — 19-й танковый корпус и 77-ю стрелковую дивизию, — писал бывший начальник штаба 4-го Украинского



фронта С. С. Бирюзов. — К полудню они овладели Джанкоем — этим важным узлом железных и шоссейных дорог в северной части Крыма, а также базой материального обеспечения значительной части немецких войск. Отсюда открывался путь на Симферополь»<sup>356</sup>.

Для обеспечения высоких темпов наступления командующий фронтом Ф. И. Толбухин приказал создать подвижную группу, в которую вошли 19-й танковый корпус, посаженная на автомашины 279-я стрелковая дивизия и 21-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, под общим руководством заместителя командующего 51-й армией генерал-майора В. Н. Разуваева. Началось преследование отступающего противника.

Задача же 63-го стрелкового корпуса, как ее сформулировал Кошевому начальник штаба фронта, «не отстать от подвижной группы и прорывать, если потребуется, промежуточные рубежи обороны, не втягивая в дело танки»<sup>357</sup>. Об этом теперь напомнил Кошевому и командарм Крейзер. Следовало, как вспоминал Петр Кириллович, действовать стремительно, напористо, ни на минуту не терять контакта с противником, не давая ему возможность планомерно откатиться к Севастополю.

Одиннадцатого апреля в очищенном от врага Джанкоем воины корпуса слушали по радио приказ Верховного главнокомандующего о прорыве обороны противника на Перекопе и Сиваше, об овладении Джанкоем. В тот же день с керченского плацдарма началось наступление Отдельной Приморской армии. 12 апреля ее войска овладели Ак-Монайскими позициями, гоня противника через степи на Симферополь.

Возникла ситуация, когда отступающие на запад вражеские части могли нанести удар во фланг 51-й армии. Поскольку здесь, на левом фланге наступал 63-й стрелковый корпус, именно на Кошевого командующий армией возложил задачу по обеспечению фронтовой наступательной операции с флангов. Ситуацию затрудняло отсутствие точной информации, сколько отходило немецких войск, какими силами их можно было сдержать.

Комкору позвонил Я. Г. Крейзер: «Высылайте боковой отряд не менее полка. Усиьте его артиллерией. Посадите на автомашины. Головой отвечаете за левый фланг». Малейшее промедление исключалось. Карта показала наилучший рубеж для организации обороны — районный центр Зуя в 20 км северо-восточнее Симферополя, через него

шла дорога из-под Керчи прямо на Симферополь. Расположенную в предгорьях Крымских гор, на небольшой реке с крутыми, обрывистыми берегами Зую враг не мог миновать никак, поскольку именно здесь имелся единственный в округе мост.

Расчет оказался верным. Отряд, сформированный из трех артиллерийских полков, успел до темноты захватить Зую и развернуться в районе моста. Подошедшего в полночь противника, не подозревавшего о подготовленной ему встрече, встретил ведущийся буквально в упор огонь. Яростный бой длился всю ночь, пока враг не понял, что напрямую к Симферополю ему не прорваться. Бросая технику и тяжелое оружие, остатки двух пехотных немецких дивизий стали поспешно отходить к морю через горы, намереваясь таким образом соединиться с гарнизоном Севастополя.

А после того как через некоторое время в районе боя появились части Отдельной Приморской армии и Кошевой получил об этом доклад, он мог, в свою очередь, доложить командующему армией, что поставленная вверенным ему войскам задача прикрытия армейского фланга успешно выполнена.

## На подступах к Севастополю

Части 63-го стрелкового корпуса вступили в древнюю столицу Крымского ханства город Бахчисарай 13 апреля вслед за подвижным отрядом 51-й армии. Понимая, что борьба вступает в решающую стадию, немецкие войска оказывали яростное сопротивление. «Кровавые стычки проходили поистине в райских кушах, — вспоминал Кошевой. — В долинах буйно цвели сады, журчали полноводные в это время года ручьи и речки»<sup>358</sup>, и рядом бушевало море огня и разящий все живое металл.

В соответствии с приказом генерала Крейзера корпус должен был наступать через Инкерманскую долину в общем направлении на Севастополь. На вопрос начальника штаба фронта генерала С. С. Бирюзова, прибывшего на КНП Кошевого, как думает действовать командир корпуса, Петр Кириллович высказался за безостановочное наступление, с тем чтобы «на плечах отходящего противника ворваться на Сапун-Гору». Это решение было одобрено. Однако расчет с ходу овладеть внешним оборонительным

рубежом Севастополя не оправдался. Захватить Федюхины высоты и выйти к нему удалось только 18 апреля. Выйти, но не взять. Хотя до подножия Сапун-Горы осталось всего каких-нибудь 700—800 м, без тщательной подготовки наступления, как вспоминал Кошевой, нечего было и думать о том, чтобы выбить врага с заранее подготовленных позиций.

Войска окопались, интенданты начали подвозить все необходимое, накапливать боеприпасы. Усиленно заработала разведка. А Кошевой нажал на боевую учебу, в ходе которой личный состав, особенно пополнение, осваивал способы штурмовых действий. «В тылу подыскивали участки местности, похожие на гряду Сапун-Горы, построили там траншеи, полосы заграждений, макеты дотов и дзотов, полностью копируя оборону противника. Туда выводили подразделения с переднего края, учили молодых воинов и совершенствовали навыки ветеранов... Молодых воинов и старых солдат тренировали наступать вместе»<sup>359</sup>. Целесообразную систему действий пехоты, выработанную на совещаниях командного состава в соединениях и частях, Кошевой описывал так: «Воевать с головой, зря на пулемет не бросаться, а вызывать артиллерию; когда ее нет — действовать по амбразурам дотов врага противотанковыми гранатами; прежде чем действовать — разобраться в обстановке и поступать, как она требует»<sup>360</sup>. Ежедневно бывавший на таких занятиях командир корпуса обратил внимание на то, как выросло за последние месяцы войны боевое мастерство младших командиров. Часто молодые по возрасту, но прошедшие огонь и воду войны, они были опытными и умелыми наставниками более пожилых, но еще необученных воинов.

Когда в один из дней комкор наугад выбрал для проверки один из взводов в 844-м полку дивизии А. И. Толстова, его внимание привлекли четкие продуманные действия младшего лейтенанта П. Г. Завьялова. Тот буквально не давал спуска подчиненным, стоило кому-то из них совершить неверные действия при переползании или растеряться, оказавшись перед спиралью настоящей колючей проволоки, едва заметной среди камней. Командир взвода добивался, чтобы люди действовали не механически, а понимали смысл учения. Разыгрывая атаку вражеской траншеи, офицер не раз останавливал занятия, чтобы разъяснить подчиненным ошибки и повторить действия. Разумеется, тогда еще никто не знал, что взвод П. Г. Завьялова одним из пер-

вых ворвется на вершину Сапун-Горы, а сам офицер будет удостоен звания Героя Советского Союза. А секрет успеха закладывался именно тогда, на тыловых занятиях.

...Двадцать седьмого апреля в корпусе побывали представитель Ставки А. М. Василевский и командующий фронтом Ф. И. Толбухин. А 29 апреля вместе с другими командирами корпусов Кошевого вызвали на КП Приморской армии, где Толбухин ознакомил подчиненных с планом предстоящей операции. Чтобы отвлечь внимание противника от направления главного удара, раньше других должна была наступать 2-я гвардейская армия, сосредоточив основные усилия на прорыве вражеской обороны юго-восточнее Бельбека в направлении Мекензиевы горы — восточный берег Северной бухты. На сутки позже в дело вступали Приморская и 51-я армии. 63-й стрелковый корпус участвовал в нанесении основного удара левым флангом армии в направлении на поселок Шестая верста — мыс Херсонес с обходом Севастополя с юга. В отношении способа наступления главных сил генерал Толбухин был краток: «Сапун-Гору будем штурмовать».

По приказу командующего фронтом за пять дней до начала операции артиллерия и авиация приступили к методическому разрушению укреплений противника. С 28 апреля по 3 мая орудия большой мощности разрушили в районе Сахарной Головки и Сапун-Горы 18 дотов, 34 дзота, сотни метров траншей<sup>361</sup>.

Наступление главных сил фронта было назначено на утро 7 мая. Еще в ночь на 7 мая начальник штаба фронта генерал Бирюзов вместе с начальником разведки штаба фронта прибыл на НП Кошевого, чтобы отсюда наблюдать атаку на Сапун-Гору. В соответствии с указаниями Я. Г. Крейзера «63-му корпусу предстояло прорвать оборону противника сначала на Сапун-Горе, в последующем — на рубеже Английского кладбища, в дальнейшем — овладеть юго-восточной частью Севастополя... Было приказано атаковать основные позиции обороны противника непосредственно в лоб, имея справа Сахарную Головку исключительно и слева центр Сапун-Горы включительно.

Чтобы удар наших войск уже с самого начала наступления обладал предельной силой, я решил иметь все три дивизии в одном эшелоне, — писал Кошевой. — Но поскольку ожидалось, что в момент захвата гребня Сапун-Горы враг мобилизует все свои силы и сделает отчаянные попытки сбросить нас вниз, боевые порядки дивизий строились

в два эшелона. Командиров соединений я обязал полк второго эшелона использовать только в момент атаки позиций противника на самой вершине и для развития успеха на западных скатах в направлении Английского кладбища»<sup>362</sup>.

## Штурм

Утром 5 мая, как и было запланировано, вперед, к Северной бухте рванулись воины 2-й гвардейской армии. Ее напор оказался достаточным для того, чтобы немецкое командование приняло это наступление за главное и со второй половины дня 6 мая начало перебрасывать сюда войска, ранее стоявшие в полосе будущего наступления 51-й армии. Замысел А. М. Василевского и Ф. И. Толбухина по введению вражеского командования в заблуждение тем самым был реализован.

«Прохладная крымская ночь на 7 мая 1944 года, — вспоминал Кошевой, — уже готовилась уступить место ясному дню, когда мы прибыли в укрытый от наблюдения с воздуха окопчик наблюдательного пункта корпуса. Отсюда мы переговорим в последний раз перед штурмом с командирами соединений по телефону. Радиосвязь запрещена. Так делается всегда на пороге решающих событий, чтобы не демаскировать штабы и наши намерения... Еще несколько переговоров по телефону — доложили командиры дивизий. У них все готово к штурму»<sup>363</sup>.

Ожидая сигнала к атаке, Кошевой (не говоря уже о командовании фронтом и армией) беспокоился о правом фланге, конкретно — о примыкавшей к Сапун-Горе высоте Сахарная Головка. Несмотря на титанические усилия 1-му гвардейскому стрелковому корпусу, наступавшему справа от 63-го корпуса, взять Сахарную Головку никак не удавалось. «Чтобы обезопасить себя от угрозы контратак, Кошевому пришлось еще до начала штурма повернуть в сторону Сахарной Головки 417-ю дивизию Бобракова. Это сильно ослабляло силы корпуса на главном направлении»<sup>364</sup>. Какова же была радость Кошевого и его подчиненных, «когда лучи солнца вырвали из предрассветной мглы алые флаги на горном склоне [Сахарной Головки], обращенном в нашу. Значит, там наши... Теперь будь спокоен за правый фланг. Бросай все силы корпуса на Сапун-Гору»<sup>365</sup>.

«Артиллерийская и авиационная подготовка началась [ровно в 9.00]... Тысячи снарядов, мин и бомб пахали и пе-

репахивали обращенный к нам склон и гребень Сапун-Горы... Полтора часа артиллерийской и авиационной подготовки подходили к концу...

— Пора, Петр Кириллович, — вывел меня из раздумий голос Сапрыкина. — разрешите дать команду на переход к огневому валу?

Это значило, что сейчас артиллерия перенесет огонь на первую позицию обороны противника и последует атака пехоты. Начнется штурм»<sup>366</sup>.

«Задолго до рассвета саперы 12-й Мелитопольской штурмовой инженерно-саперной бригады под командованием полковника П. Г. Павлова проделали у подножия Сапун-Горы более десяти 15-метровых коридоров в многорядных проволочных заграждениях противника... Эта нелегкая, стоившая крови подготовка, осуществленная саперами, позволила головным частям 77-й стрелковой дивизии под командованием полковника А. П. Родионова в течение нескольких минут достигнуть первой линии вражеских траншей...

С нашего наблюдательного пункта было хорошо видно Сапун-Гору, — писал С. С. Бирюзов. — Она вся окуталась дымом и пылью. То и дело фашисты выскакивали из укрытий, пытаясь контратаковать наши части. Завязались кровавые рукопашные схватки...»<sup>367</sup>

«В который уже раз за войну мы видели, как воины начинали атаку, — писал много лет спустя, по-прежнему, как в тот майский день, испытывая волнение и боль, П. К. Кошевой. — Командиры рот, их заместители по политической части и командиры взводов рывком поднялись на брустверы траншей на исходном положении и зашагали к Сапун-Горе. Они оборачивались назад, наблюдали, как переходят в атаку бойцы подразделений, что-то кричали им и снова шли на врага. Офицеров настигли, а затем опередили цепи атакующих бойцов.

Дым и пыльные облака, поднятые артиллерийской подготовкой, скрывали от нас штурмовые группы и взводы, которые, пользуясь артиллерийской подготовкой, заранее выдвинулись вперед, почти вплотную к обороне противника. С переносом артогня в глубину они устремились на врага...

Противник ответил сильным огнем. Многочисленные орудия и пулеметы, скрытые среди нагромождения камней, в блиндажах, дотах и дзотах, теперь изрыгали потоки пуль и осколков... Многие из воинов падали и более не поднимались...»<sup>368</sup>

Вражеский огонь был настолько плотным, что быстрого продвижения войск добиться было невозможно. По сравнению со своими соседями — дивизиями полковника А. И. Толстова и генерала Ф. М. Бобракова, наступавшими соответственно справа и в центре, чуть дальше продвинулись войска левого фланга корпуса — дивизия полковника А. П. Родионова. Кошевой принял решение помочь дивизии Толстова огнем артиллерийского резерва корпуса. Бойцам 417-й стрелковой дивизии удалось, наконец, захватить первую траншею (а их только в первой линии обороны было три).

Находившийся на своем КП Кошевой мог наблюдать, как напряженно складывалась схватка. Ее судьбу решал рукопашный бой: опасаясь накрыть огнем собственных солдат, командир корпуса не мог поддержать наступающих артиллерией или авиацией. За время боя окопы несколько раз переходили из рук в руки.

А вот наступление дивизии А. П. Родионова по обе стороны Симферопольского шоссе развивалось успешнее. К 11.30, когда соседи справа только завязывали бой в первой линии окоп, бойцы 77-й дивизии уже завершали разгром противника в третьей траншее и готовились штурмовать скаты Сапун-Горы. Но где-то на середине пути к вершине враг вынудил залечь и их. Уж очень прочной оказалась здесь немецкая оборона. Несмотря на наш мощный авиа- и артиллерийский налет, многие выбитые в камне глубокие траншеи, доты и дзоты остались неповрежденными и наступающие части оказались по ливнем свинца.

Предельного напряжения борьба в полосах наступлений 267-й и 417-й дивизий достигла к 14 часам. Противник, оборонявший первую позицию из трех траншей, был, наконец, потеснен с переносом боя на вторую позицию. Дивизии тем самым продвинулись вперед всего на 50—150 м. «Но главное, — вспоминал П. К. Кошевой, — заключалось не в расстоянии, а в том, что был преодолен один из самых важных, пожалуй, “этажей” многоярусной обороны врага, особенно системы его огня... Захватив позицию, мы приобрели возможность подниматься по склону горы, применяя не только огневые средства, но и штурмовые группы и взводы в полную их силу и по прямому назначению»<sup>369</sup>.

А вот левофланговая 77-й дивизия в это же время попала в крайне тяжелую ситуацию. Огонь прижал людей к земле. Чтобы поднять их в атаку, полковник Родионов не только распорядился всем штабным офицерам выдвинуться в

батальоны и роты, но и сам возглавил одно из подразделений (по итогам майских боев за Севастополь Алексей Павлович Родионов будет удостоен звания Героя Советского Союза).

Небольшое продвижение наших войск на левом фланге надо было немедленно использовать. Кошевой тотчас же вызвал по радиации Толстова и Бобракова и отдал приказ использовать рывок подчиненных Родионова в свою пользу.

Комкор следил за боем со своего НП, откуда деталей, конечно, было не разглядеть. О них уже после войны своему командиру поведал П. Г. Завьялов, тот самый младший лейтенант, подготовку взвода которого генерал наблюдал в канун наступления. С началом штурма Сапун-Горы взвод, находившийся почти в центре боевого порядка 267-й дивизии, выдвинулся вперед. «Вот тут-то и сказалась наша тренировка, — рассказывал П. Г. Завьялов. — Штурмовые группы стали продвигаться по склону горы. Мы преодолевали проволочные заграждения и мины, огнем и гранатой выбивали врага из траншей, блиндажей и укрытий. По гитлеровским ходам сообщения, по трещинам в камне горы, от укрытия к укрытию просачивались мы в глубину обороны противника».

К последней, третьей позиции обороны врага все дивизии корпуса вышли почти одновременно, примерно к 18.00. До гребня Сапун-Горы оставалось не более двухсот метров. И именно в это время у атакующих закончились снаряды. П. К. Кошевой вспоминал: «Сознание работало четко, один вариант решения сменялся другим. Ни один из них не подходил. Вдруг на глаза мне попались две девятки советских штурмовиков поддерживающего нас 1-го гвардейского штурмового авиационного корпуса генерал-лейтенанта В. Г. Рязанова. Самолеты завершали штурмовку противника на Сапун-Горе и уже передавали офицеру связи от авиации майору Капустину, который с аппаратурой наведения самолетов на цель находился со мною рядом, что работу заканчивают и возвращаются на аэродром. Тут-то и созрело решение: надо задержать штурмовики над Сапун-Горой — они сделают то, что не в состоянии сделать наша артиллерия.

Звоню генералу Т. Т. Хрюкину — командующему 8-й воздушной армией. Его НП находился от меня всего в 700—800 м. Коротко объясняю положение, прошу оставить обе девятки самолетов над полем боя, сделать еще два круга со штурмовкой.



Хрюкин обещал помочь, хотя и знал, что авиаторы кончают работу.

— У тебя есть свой наводчик, — посоветовал он, — передай команду самолетам через него или прямо сам.

Капустин быстро связался со штурмовиками. Я взял микрофон и открыто назвал свою фамилию:

— Я — Кошевой. Сделайте еще два круга над высотой. Очень нужно.

— “Хозяин”, — ответили самолеты, — гороха нет.

Это значит, что у летчиков кончились боеприпасы.

— Все же очень прошу вас сделать два круга, — повторил я. — Позарез нужно.

— “Хозяин”, будет сделано.

И тут же, несмотря на сильный огонь противозвоздушной обороны врага, самолеты развернулись и с ревом пошли в пики на противника, кто с выстрелами, а кто просто так. Немецкие солдаты, не зная, что “гороха нет”, быстро попрятались в укрытия. Огонь противника на Сапуне заметно ослабел. Этим воспользовалась пехота...»<sup>370</sup>

Получивший донесение об этом командующий фронтом тут же по телефону отдал распоряжение командарму 51-й: «63-й стрелковый корпус истекает кровью. Вводите в бой свой 10-й корпус — помогите генералу Кошевому...»<sup>371</sup>

Минуты штурма, по собственному признанию Петра Кирилловича Кошевого, показались ему «непомерно долгими. Но вот, наконец, атакующие бойцы вплотную приблизились к вершине Сапуна»<sup>372</sup>.

## От Сапун-Горы до Малахова кургана

«Шел восьмой час вечера... Наступал, может быть, самый важный момент боя, когда, овладев ключевой позицией фашистских войск на подступах к Севастополю, мы должны были закрепить достигнутый успех и не позволить врагу вернуть себе Сапун-гору»<sup>373</sup>. Чтобы иметь возможность лично контролировать поле боя и непосредственно руководить отражением ударов противника, Кошевой тут же переместил свой НП непосредственно на Сапун-Гору, приказав сделать то же самое и командирам дивизий. Место для НП подсказал... враг. Едва «Виллис» выскочил на гребень, как тут же попал под артиллерийский налет. Толкнув дверь, Кошевой, как он вспоминал без тени юмора, «вынырнул из машины и кубарем скатился в первую по-

павшуюся воронку. Кисло пахло тротилом, но яма, к счастью, была глубокой, так что осколки шли выше головы. Тут же сверху свалились адъютант, солдат с радиостанцией и два офицера штаба»<sup>374</sup>. Здесь, в воронке, и обосновались. Командиры дивизий доложили, что введенные в бой полки второго эшелона перевалили гребень и уже отражают контратаки противника. Даже артиллерия дивизии успела сменить огневые позиции.

В стгушавшихся сумерках Кошевому удалось увидеть, что «западный скат Сапун-Горы шел в сторону Севастополя ровно и отлого, совсем не так, как крутой и обрывистый восточный склон. В 3—4 км впереди он упирался в гряду новых высот, протянувшихся сплошной цепью от селения Дергачи, прилепившегося к шоссе и совершенно разрушенного, к Английскому кладбищу. Оттуда враг хорошо видел расположение наших войск и мог поражать артиллерийским огнем»<sup>375</sup>. Наступающая ночь могла сыграть в его пользу, поскольку позволяла прийти в себя, организовать систему огня, а с рассветом предпринять сильные контратаки. Поэтому командирам дивизий был отдан приказ: «Будьте бдительны, подготовьтесь к отражению контратак»<sup>376</sup>.

С начальником штаба армии (Я. Г. Крейзер в это время находился на КП фронта) командир 63-го корпуса согласовал вывод 77-й дивизии Родионова во второй эшелон и ее смену 257-й стрелковой дивизией 10-го стрелкового корпуса. Входящая в состав того же корпуса 216-я дивизия также заняла исходный рубеж для наступления, пройдя через боевые порядки 417-й дивизии в первый эшелон.

Командирам дивизий Кошевой уточнил задачу на наступавший день — 8 мая. 267-й дивизии предстояло «прорвать рубеж обороны противника в районе Дергачей, где враг создал сильный опорный пункт... затем дивизии предстояло овладеть рядом кварталов Севастополя и выйти на берег Южной бухты... Задача 417-й стрелковой дивизии Ф. М. Бобракова, занимавшей центральное положение в боевом порядке корпуса, состояла в том, чтобы разгромить немецкий опорный пункт на северном скате высот с Английским кладбищем. В последующем — овладеть районом Севастополя, примыкающим к железнодорожному вокзалу. Командир 77-й дивизии, пока выведенной во второй эшелон, был ориентирован на то, что ему придется наступать во взаимодействии с 417-й дивизией с целью разгромить противника в опорном пункте на высотах с

Английским кладбищем... Захватив высоты, 77-я дивизия приобрела бы командное положение на последующем пути к Севастополю.

...Комдивы заверили, что приказ выполняют. Уверенность командиров дивизий была понятной: за каждым соединением стояли сотни орудий дивизионной, корпусной, армейской и фронтовой артиллерии, многочисленная авиация»<sup>377</sup>. К слову, именно мощью и непрерывностью огня советской артиллерии, который не давал противнику возможность вести прицельный ответный огонь, командиры дивизий в докладе Кошевому объясняли сравнительно небольшие, значительно меньшие, чем при наступлении в обычных условиях боя, потери в течение минувшего дня. Еще одно принципиально важное замечание услышал командир корпуса от комдивов: они «отметили высокий темп штурма, хорошую организацию боя во всех звеньях командования. Это позволило сравнительно быстро подняться на вершину Сапун-Горы, закрепить ее за собой. Не отмечалось ни одного случая потери управления в частях и подразделениях на сколько-нибудь продолжительное время...

Фактический ход событий и мнение участников боя, — резюмировал в своих воспоминаниях П. К. Кошевой, — подтвердили, таким образом, правильность решения советского командования брать Сапун-Гору штурмом, а также всех расчетов по материальному и боевому обеспечению наступления, показали высокий уровень оперативного мышления наших боевых руководителей. Радовала и зрелость командиров тактического звена»<sup>378</sup>.

Звонок командующего армией Я. Г. Крейзера внес некоторые уточнения в порядок действий войск корпуса. «Командарм... — как вспоминал позднее Кошевой, — счел нужным сообщить мне обстановку более широко, чем это обычно делалось для командиров корпусов. Вероятно, причиной тому было не совсем обычное положение, которое создавалось в Севастополе, куда устремлялись все три армии фронта и сходились в одном, сравнительно небольшом районе города»<sup>379</sup>.

С вводом в сражение 10-го стрелкового корпуса генерала Неверова, наступавшего левее на восточную окраину Севастополя, полоса действий 63-го корпуса приказом командарма несколько сжималась. «Теперь ось нашего наступления пролегла вдоль Симферопольского шоссе на Малахов курган и вокзал Севастополя», — писал Коше-

вой<sup>380</sup>. «“Командующий второй гвардейской армией уверен, что за восьмое мая он прорвется к Севастополю. Сделайте отсюда вывод и для своих войск, Петр Кириллович”, — сказал далее Крейзер, намекая, что и нам отставать не к лицу»<sup>381</sup>.

С рассветом, как и предполагалось, немцы предприняли контратаки в полосе всех трех дивизий. «Вскоре после мощного артиллерийского налета двинулись вперед пехота и танки противника. Шли с фанатичным упорством, не останавливаясь, не замедляя темпа»<sup>382</sup>. Причина особой активности войск 17-й армии генерала пехоты Карла Альмендингера (сменившего 1 мая 1944 г. Эрвина Йенеке) «заключалась, — как Кошевой узнал позже, — в жестком приказе, который был получен ночью... из ставки Гитлера: удерживать севастопольский обвод любой ценой»<sup>383</sup>. Особо сильную контратаку немцы предприняли со стороны Английского кладбища в полосе 77-й стрелковой дивизии. Мощному напору подверглись 267-я и 417-я дивизии. По подсчетам Кошевого в этот день его подчиненными было отбито 11 сильных контратак противника, пока его силы, наконец, иссякли. А на утро 9 мая после мощного огневого налета по опорным пунктам на переднем крае и в ближайшей глубине обороны противника все три дивизии корпуса атаковали врага. 417-я стрелковая овладела Английским кладбищем, а в 16 часов один из батальонов дивизии прорвался в Севастополь. Вскоре там же завязали бой дивизии Родионова и Толстова.

Поскольку основные силы 63-го стрелкового корпуса теперь находились в Севастополе, Кошевой, как только помощник начальника Оперативного отделения штаба корпуса доложил о готовности КНП на Малаховом кургане, немедленно направился туда. НП корпуса теперь расположился не в окопе, а в капитальном немецком блиндаже с двумя метрами бетона над головой. Командно-наблюдательные пункты (КНП) командиров дивизий располагались поблизости, связь с ними была не только по радио, но и по телефону.

Кошевой «поднялся на вершину кургана, перебрался за высокий земляной вал — гласис — и, — по его собственным словам, — ахнул: 9 мая 1944 г. военная судьба привела меня на место командного пункта адмиралов В. А. Корнилова и П. С. Нахимова, воевавших здесь в годы Крымской войны... Крест из ядер старинных пушек чернел на месте смертельного ранения В. А. Корнилова»<sup>384</sup>. Надо ли гово-

рять, какую бурю чувств испытал генерал, оказавшись на столь святом месте!

Между тем бой в городе развивался успешно. «В центре одноэшелонного боевого порядка находилась 417-я дивизия, справа — 267-я, слева — 77-я... Зажатые с севера войсками 2-й гвардейской, а с юга — Приморской армий, [немцы] не выдерживали ударов и откатывались в центр Севастополя»<sup>385</sup>. Кошевой вспоминал: «Дорогая моему сердцу 24-я гвардейская стрелковая дивизия [ею Кошевой командовал в период с июля 1942 г. вплоть до назначения командиром корпуса. — *Авт.*] воевала уже на южном берегу Северной бухты. Я не удержался, запросил по радио ее полки. Отозвались и по старой привычке доложили обстановку А. С. Дрыгин, Т. И. Степанов... Ф. П. Тонких... Вновь сошлись наши пути, на этот раз на священной земле Севастополя.

Доклады старых друзей и обрадовали, и вместе с тем огорчили. Обрадовали потому, что вели бой они уже в центре Севастополя, а огорчили тем, что закрыли нам путь к Панораме, Графской пристани и Херсонесу: гвардейцы начисто выметали фашистскую нечисть с превращенных в руины улиц города»<sup>386</sup>. Пришло время во избежание перемешивания войск разных соединений запросить командование армии, как действовать дальше. Вскоре от Я. Г. Крейзера поступила команда остановиться и закрепиться на достигнутых рубежах. А с рассветом 10 мая корпусу было приказано выйти в район Дергачей, в тыл.

За боевые успехи при взятии Севастополя П. К. Кошевому было присвоено воинское звание генерал-лейтенант. На груди комкора засияла «Золотая Звезда» Героя Советского Союза (звание было присвоено Указом Верховного совета СССР от 16 мая 1944 г.).

## На северо-запад

Двадцать седьмого мая 1944 г. Кошевой сдал 63-й корпус генерал-майору Ф. А. Бакунину и отбыл в Москву, где явился к 1-му заместителю начальника Генерального штаба РККА генералу армии А. И. Антонову. Кошевому было объявлено, что он назначен командиром 71-го стрелкового корпуса, сражавшегося в составе 3-го Белорусского фронта генерала армии И. Д. Черняховского. Сообщил Антонов и о том, что новое назначение состоялось по решению Ставки.

Иначе говоря, вопреки обычному порядку, при котором назначения производились по приказу наркома обороны. Отходили от этого порядка лишь в том случае, если кандидата на должность рекомендовал кто-то из членов Ставки.

Таковым был начальник Генерального штаба маршал А. М. Василевский. Как представитель Ставки он на протяжении всей зимы и весны 1944 г. имел возможность наблюдать за умелыми и инициативными действиями Кошевого.

Вновь двум военачальникам довелось вместе воевать в Восточной Пруссии, куда Кошевого, который командовал 71-м, а затем 36-м гвардейским стрелковыми корпусами, привели военные пути-дороги. Кошевой поступил в прямое подчинение маршалу Василевскому, ставшему в феврале 1945 г. командующим 3-м Белорусским фронтом. Бой за Восточную Пруссию, вспоминал Александр Михайлович, представляли собой целую эпопею на заключительной стадии войны. На всех этапах этой стратегически важной операции борьба носила исключительно острый характер. Инстербург, Кенигсберг, Пиллау — основные города, которые штурмовали подчиненные Кошевого. Каждый, даже небольшой населенный пункт, не говоря уже о городах, представлял собой крепость, которую надо было брать штурмом. «И всюду, — отзывался Василевский о Кошевом, — он показывал лучшие свои командирские качества — умение предвидеть ход боевых действий, быстро и правильно оценивать обстановку и принимать оригинальные решения. Личное мужество и оправданный риск дополняли эти качества»<sup>387</sup>.

Умелые действия Петра Кирилловича при штурме Кенигсберга, его личное мужество и героизм были оценены второй медалью «Золотая Звезда» (Указ Верховного совета СССР от 9 апреля 1945 г. «за умелое руководство воинскими соединениями при штурме Кёнигсберга и проявленные при этом личное мужество и героизм»).

\* \* \*

«...Я покидал свой последний наблюдательный пункт в Крыму уже утром 10 мая, — писал в своих мемуарах маршал Кошевой. — Вышел на вершину Малахова кургана, чтобы взглянуть в последний раз на разрушенный героический город. Его руины еще дымились... Казалось, ничто не могло сохраниться на этой искромсанной снарядами, обожженной земле. Но я ошибся: на склоне высоты чуть зе-

ленело надломанное сучьями одинокое деревце миндаля. Никто не проходил мимо него равнодушно — так поразителен и велик был этот гордый вызов смерти. Миндаль был изранен осколками и пулями. Куски рваного, уже потемневшего металла впились в кору. Сок, словно кровь, тек густыми каплями, оставляя по стволу неровный извилистый след. Цвести не было сил, но миндаль уже поборол смерть и теперь жадно тянулся к солнцу порубленными, но неубитыми ветками. Так, думалось тогда нам, и сам Севастополь обретет новую, еще более прекрасную молодость и жизнь...»<sup>388</sup>

Читаешь эти, полные строгой лиричности и такие непривычные под пером столь сурового человека, как Кошевой, строки и думаешь: а разве это не образ всей нашей страны в годы той войны? Вот также она была избита и истерзана в первые месяцы сражений с фашистской Германией, но великая сила исторической справедливости позволила повернуть войну вспять, воспрянуть и повергнуть врага. А проводниками этой справедливости были в том числе герои Севастополя, и среди них — Петр Кириллович Кошевой.

---

---

## Людмила Михайловна ПАВЛИЧЕНКО

*Урожденная Белова (в 1932 г. вышла замуж за Алексея Павличенко, но вскоре развелась). Родилась 29 июня (12 июля) 1916 г. в городе Белая Церковь Васильковского уезда Киевской губернии.*

*Среднюю школу окончила в Киеве, работала на заводе «Арсенал». Параллельно с отличием окончила стрелковую школу ОСОАВИАХИМа. До войны успела окончить четыре курса исторического факультета Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко (полный курс завершила в 1945 г.).*

*В июле 1941 г. добровольно вступила в ряды Красной армии, воевала в качестве снайпера в составе 25-й Чапаевской стрелковой дивизии сначала под Одессой, затем под Севастополем. К июлю 1942 г. уничтожила 309 солдат и офицеров противника, в том числе 36 снайперов. В дальнейшем в боевых действиях не участвовала.*

*В 1943 г. окончила Высшие офицерские курсы «Выстрел». В 1945–1953 гг. — научный сотрудник Главного штаба ВМФ. После увольнения в запас работала в Советском комитете ветеранов войны.*

*Герой Советского Союза (25 октября 1943 г.). Награждена двумя орденами Ленина, медалями.*

*Скончалась 27 октября 1974 г. Похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище.*

**Злость к врагу — хорошая вещь,  
она — сестра святой мести**

Утро 22 июня 1941-го началось для Людмилы с водных процедур на одесском пляже. Сюда, в Одессу, она после зимней сессии приехала по направлению Государственной



исторической библиотеки в Киеве в командировку в Одесскую публичную библиотеку. Последняя славилась своими богатейшими фондами, так что новоиспеченный, пусть и временный, научный сотрудник Павличенко намеревалась, помимо основной работы, основательно потрудиться над дипломной работой (ее темой она избрала жизненный путь Богдана Хмельницкого, присоединение Украины к России и деятельность Переяславской рады). Горячее солнце, влекущее к себе море, ждавший вечера билет на оперный спектакль — всё располагало к безмятежному времяпрепровождению...

Как и у миллионов советских людей, жизненный уклад Люды мгновенно переломился с первыми фразами наркома иностранных дел Молотова, прозвучавшими в полдень из репродукторов: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!..» Павличенко, имея не такую уж массовую воинскую специальность снайпера — она занималась стрелковыми видами спорта и окончила снайперские курсы, — не сомневалась: она нужна на фронте. Правда, потребовалось две «осады» военного комиссариата Водно-транспортного района, пока военком не убедился, что перед ним — не одна из женщин, «которые хотят быть солдатами, но не соображают, как это трудно», а понастоящему профессионально подготовленный боец Красной армии. Решающим фактором стали результаты учебных стрельб, в ходе которых девушка перевыполнила все нормативы и получила назначение на должность снайпера в 25-ю стрелковую дивизию.

Уже 24 июня Павличенко была в воинском эшелоне, двигавшемся на запад. «Никто ничего не объяснял, не рассказывал про конечный пункт назначения, — вспоминала Людмила Михайловна. — Говорили лишь, что мы едем на фронт, и сердце невольно стучало: “Быстрее, быстрее!” Молодежь в нашем вагоне горячилась: “Мы не успеем! Фашистов побьют без нас!” Так мало мы тогда представляли себе размер бедствия, вдруг обрушившегося на нашу цветущую прекрасную страну»<sup>389</sup>.

И вот — передовая. Пополнение выгрузили под покровом темноты где-то в степи у реки Прут. Построились в каре. Перед строем едва угадывался человек высокого роста, в военной форме. Знаков различия на гимнастерке не видно, но властный, чеканный голос выдавал командира.

— Может, знамя не видно вам, — услышала Люда, — но я его знаю, выцветшее, продырявленное. Имя на нем Ча-

паева, он его в руки брал! Знамени этому столько же лет, сколько нашей революции. Поклянёмся же Родине, Чапаю прогнать Гитлера с нашей земли... И помнить надо, какая вам оказана честь. Вы теперь бойцы и командиры 25-й имени Василия Чапаева стрелковой дивизии<sup>390</sup>.

Павличенко стала красноармейцем 54-го имени Степана Разина стрелкового полка. После присяги начались фронтовые будни. Молодой женщине, впервые попавшей на передовую, трудно было заставить себя выстрелить в человека. Первый бой заставил отбросить чувствительность, так понятную в мирной жизни и так неуместную в бою. «Он был прекрасным счастливым мальчиком, которого убили прямо на моих глазах, — вспоминала позднее Людмила оказавшегося рядом с ней в окопе юного бойца. — Теперь уже ничто не могло меня остановить».

В письме своей маме Елене Трофимовне наша героиня рассказывала о том же, но шадя дорогого человека обходилась без подробностей: «Успела насолить румынам и немцам... Кое-что мне пришлось видеть. От их зверств во мне закипает злость, а злость на войне — хорошая вещь, она сестра ненависти и святой мести»<sup>391</sup>.

По высохшей степи, где земля без воды каменела так, что зарыться в землю — при необходимости — было целой проблемой, батальон Людмилы вместе с другими частями дивизии с боями отходил к Одессе. Даже обычная винтовка Мосина образца 1891—1930 гг. попала ей в руки не сразу — недостаток стрелкового вооружения был страшный, а только во второй половине июля, после того как полк попал под сильный артиллерийский обстрел на рубеже Ново-Павловка — Новый Арциз. «Очень обидно с единственной гранатой в руке наблюдать за ходом боя, — много позднее делилась своими ощущениями Людмила Михайловна. — Но в миллион раз горше ждать, когда твой товарищ, стоящий рядом, будет ранен и его оружие перейдет к тебе. Осколок снаряда тяжело ранил моего однополчанина, спрятавшегося в окопе. Истекая кровью, он отдал мне “трехлинейку”»<sup>392</sup>.

А профессиональное оружие Павличенко получила лишь в конце июля, когда полк вел бои у Тираспольского укрепрайона. Ей наконец-то вручили совершенно новую, в заводской смазке снайперскую винтовку Мосина с оптическим прицелом ПЕ (прицел Емельянова).

Дату и место своего снайперского дебюта она запомнила навсегда — 8 августа 1941 г., район старинного села Бе-

ляевка, километров в сорока от Одессы. В воспоминаниях Людмилы Михайловны боевое снайперское крещение отложилось так: «К вечеру на восточной стороне села закрепился наш первый батальон. Капитан Сергиенко [командир батальона. — *Авт.*] вызвал меня на командный пункт и показал на дальний конец Беляевки. Там среди разросшихся деревьев виднелся большой дом с крыльцом под двускатной крышей, хорошо освещенный предзакатным солнцем. На крыльцо вышли два человека в офицерских мундирах и в касках...

— Похоже, там их штаб. Достанешь? — спросил комбат.

— Попробую, товарищ капитан, — ответила я.

— Давай, — он встал поодаль, собираясь наблюдать за моими действиями...

Стрелять из положения лежа не представлялось возможным. Я решила стрелять, спрятавшись за стену, то есть с колена с применением ремня: сесть на каблук правого сапога, а на левую ногу, согнутую в колене, опираться левым же локтем, вес винтовки принять на ремень, пропущенный под левый локоть...

Короче говоря, первую цель я поразила с третьего выстрела, вторую — с четвертого, зарядив винтовку дефицитным патроном с “тяжелой” пулей. Не могу сказать, что волновалась или колебалась. Какие могут быть колебания после трех недель отчаянного отступления под вражескими бомбами и снарядами? Но что-то мешало сосредоточиться. Говорят, это порою бывает, когда снайпер впервые переходит от учебных стрельб по картонным мишеням к стрельбе по живому противнику»<sup>393</sup>.

Комбат, опытный боевой офицер, судя по всему, хорошо понял состояние подчиненной. Не ругал, только мягко упрекнул:

— Патроны все-таки беречь надо. Семь штук на двух фашистов — это много.

Настоящим снайпером боец Павличенко стала, конечно, не сразу. Слишком тонкой оказалась эта наука, и метко стрелять — было далеко не всё. Одной лишь смелостью обладать — мало, многочасовым терпением — мало, хладнокровием — мало, умением маскироваться — мало... Всем этим да еще доброй дюжиной других качеств предстояло овладеть в комплексе, тогда уже можно было выходить на боевую позицию.

Снайперский рубеж Людмила сразу поставила себе очень высокий. Своей сестре Валентине она 27 августа

писала из госпиталя, куда попала по контузии, первой, но не последней в ее фронтовой жизни: «Я уже месяц и десять дней в армии. Успела насолить румынам и немцам, побывала на передовой. Они, гады, присыпали меня землей... Теперь в госпитале. Через два дня выхожу, иду в свою часть, где моя специальность — боец-снайпер. Думаю, если не убьют, быть в Берлине, отлупить немцев и вернуться в Киев. Расчет у меня простой — 1000 немцев, а тогда я уже дешевле свою голову не ценю»<sup>394</sup>.

Добрый наставником стал для Людмилы командир взвода лейтенант Василий Ковтун. Самому-то всего двадцать три, но это был уже опытный и мастеровитый воин. Он и сам знал, как вести наблюдение, осуществлять поиск, маскироваться, чувствовать винтовку, словно живое существо, и умел этому научить. Война, однако, собирала свою жатву: выйдя из госпиталя, Людмила своего командира уже в живых не застала: почти весь взвод poleg во время кровопролитных боев у Куяльницкого лимана.

Об этом новоиспеченному ефрейтору Павличенко рассказал комбат Сергиенко, он же передал ей и новую снайперскую винтовку вместо разбитой в том бою, когда Людмилу контузило разрывом близко взорвавшегося снаряда. Это оружие позволило Павличенко быстро нарастить свой боевой счет. За три вылазки на нейтральную полосу, растянувшиеся в сущности на один бой, Людмила сразила 26 солдат и офицеров противника.

На задание, описывала Людмила Михайловна выход в засаду, отправились втроем: «боец с ручным пулеметом “Дегтярев пехотный” и пара — снайпер-истребитель (это — я) и снайпер-наблюдатель Петр Колокольцев. Противогазные сумки набили патронами, на пояс повесили гранаты... Местом засады выбрали заросли довольно высокого и густого кустарника... От первой линии окопов 54-го полка место засады отделяло расстояние метров в 600. Далековато, конечно. Но мы договорились с пулеметчиками, что они будут наблюдать за нами и по нашему сигналу (поднятая вверх малая саперная лопатка) прикроют наш отход огнем»<sup>395</sup>.

Под покровом ночи и в предрассветных сумерках оборудовали позиции. «Вырыли окопы с небольшими брустверами, укрепили их камнями и дерном, положили на них винтовки, примерились, определили расстояние... В пять часов утра в расположении противника началось движе-

ние. Солдаты ходили во весь рост, перекликались между собой. В шесть часов утра приехала полевая кухня. Появились офицеры, крикливыми голосами отдававшие приказы... Мы ждали до 10 часов утра, изучая повадки врага, находящегося в удалении от переднего края, затем открыли огонь.

Румыны перепугались, — вспоминала Л. М. Павличенко. — Несколько минут они не могли определить, откуда ведется стрельба, и метались из стороны в сторону, дикими воплями усиливая панику. Но расстояние у нас было измерено, прицелы выставлены. Практически каждая пуля находила свою цель. Примерно за двадцать минут я и Колокольцев сделали по 17 выстрелов. Результат: у меня — 16 убитых, у Петра — 12. Пулеметчик, который должен был прикрывать нас в случае прямой атаки противника на нашу засаду, не стрелял, так как в этом не было нужды<sup>396</sup>.

Неприцельный минометный и пулеметный огонь, открытый румынами по зарослям, не помешал нашим бойцам благополучно отойти к позициям своего подразделения. А на следующую ночь Людмила и ее боевые побратимы дерзнули вернуться на место той же самой засады и не прогадали: румыны явно не ожидали повторного нападения с одной и той же позиции. «Повторилась вчерашняя картина: у Павличенко — 10 убитых, из них — два офицера, у Колокольцева — 8»<sup>397</sup>. А когда враг открыл ответную стрельбу по кустарникам из двух пулеметов, наши воины незаметно подошли к пулеметчикам с фланга и расстреляли расчеты, заодно прихватив с собой и пулеметы.

Чуть позднее при отражении «психической» атаки, затеянной румынами, боевой счет Людмилы вырос еще на 19 офицеров и унтер-офицеров.

Так довольно быстро общее число уничтоженных врагов достигло сотни. В ознаменование этого события командир 25-й Чапаевской стрелковой дивизии генерал-майор И. Е. Петров наградил младшего сержанта Павличенко именной снайперской винтовкой СВТ-40 с оптическим прицелом ПУ с наказом: «Бейте фашистов без жалости».

В поредевших рядах Чапаевской дивизии раненая Людмила эвакуировалась из Одессы в Севастополь, показавшийся ей прекрасным белым городом, еще не опаленным жарким дыханием сражений. Именно там, в обороне Главной базы Черноморского флота, стала она выдающимся мастером сверхметкой стрельбы.

## Снайпер бьет издалека, но всегда наверняка!

Людмила присоединилась к однополчанам по 54-му стрелковому полку не сразу, поскольку находилась после ранения в голову в одном из севастопольских госпиталей, а только 9 ноября 1941 г. Вместе со всей 25-й стрелковой дивизией полк занял позиции в третьем секторе обороны, то есть на Мекензиевых горах между реками Бельбек и Черная. Людмиле, привыкшей воевать в степях, пришлось срочно осваивать и навыки горной войны.

«Как показал опыт севастопольцев, — вспоминала Л. М. Павличенко, — лучший метод использования снайперов в степных, лесостепных и гористых местностях — это работа парами: один ведет огонь, другой наблюдает, а в случае надобности стреляют оба... Перед снайперами Севастопольского гарнизона была поставлена задача: не давать врагу покоя ни днем ни ночью. Местом для своих постов меткие стрелки обычно выбирали нейтральную зону — полоску земли между передним краем наших частей и противником. Ширина этой зоны обычно была не более 30–100 метров. Поэтому у наших снайперов не всегда была возможность создавать запасные посты и часто их менять. Противник вел постоянное и тщательное наблюдение за нейтральной зоной.

Однако снайперы всегда находили способы обмануть гитлеровцев. Постоянные «охоты» снайперов заставили их прекратить всякое движение на своем переднем крае и еще глубже закопаться в землю»<sup>398</sup>.

Как воевала наша героиня? Вполне «рядовая» история одного снайперского выстрела, описанная не без юмора, была рассказана в газете «Красная звезда»: «Заняв свою позицию, Павличенко увидела картину, которая была похожа, как она сказала, на представление в кукольном театре. За ширмой из густых непролазных кустарников сидел немец и разыгрывал комедию. Сначала он выставил вперед металлическую каску. Ржавая, с помятым козырьком, с пробоиной в левом углу, каска то лежала неподвижно, то вдруг принималась прыгать, как заводная. Потом Людмила увидела, как возле одинокого тополя словно из-под земли выросло искусно сделанное чучело немецкого солдата. На нем была темно-зеленая шинель, пилотка-пирожок, бурые ботинки, нарочито запачканные грязью. И даже винтовку этот тряпичный воин держал с той непринужденностью, которая отличает живого человека.

“Форменный балаган”, — подумала Павличенко про себя и вслух сказала своему напарнику:

— Ну, товарищ наблюдатель, готовься. Еще часок, и немец не выдержит.

Так оно и вышло. Вскоре кусты зашевелились. Немецкий корректировщик осторожно приподнял голову, уперся ладонями о бруствер окопа, прислушался и скрылся. Минутой позже он опять выглянул, на этот раз уже с биноклем. Грянул выстрел. Немец выронил из рук бинокль, клюнул носом.

— Сто пятьдесят восьмой, — деловито произнес наблюдатель, вытаскивая записную книжку»<sup>399</sup>.

Очень часто мастера меткого огня прибегали к устройству засад. Когда немецкие войска готовились ко второму наступлению на Севастополь, у них заметно оживилось движение в ближайшем тылу. Не считая нужным прибегать к маскировке, они повадились даже при свете дня подвозить боеприпасы и выдвигать чуть ли не на передовую полевые кухни. Командование поставило снайперам задачу нарушить эту идиллию.

Л. М. Павличенко вспоминала об одном из эпизодов удачных действий своих товарищей: «Пять снайперов ушли (дело происходило в районе Мекензиевых гор) в три часа ночи; миновав передний край противника, они замаскировались в густом кустарнике, неподалеку от дороги. За два дня засады они уничтожили 130 вражеских солдат и 10 офицеров. На исходе второго дня противник вынужден был послать против наших снайперов роту автоматчиков. Развернутым строем фашисты пошли в атаку на кустарник. Но снайперы успели сменить позиции и открыли с фланга огонь по наступающим.

Гитлеровцы потеряли из виду наших бойцов. Они стреляли куда попало. Один из взводов автоматчиков обходил высоту справа, а другой — слева. Эсэсовцы решили во что бы то ни стало изловить группу снайперов. Лишь только фашисты начали сближаться, по ним с фланга открыли огонь снайперы. Противник, не разобравшись в чем дело, начал отстреливаться. Снайперы незаметно скрылись. Эсэсовцы продолжали вести огонь по своим же солдатам. Фашисты истребляли друг друга. Снайперы благополучно вернулись в свое подразделение. Эти засады оправдывали себя. Гитлеровцам ничего не оставалось, как прекратить всякое передвижение днем»<sup>400</sup>.

Всё правда в этом рассказе, только об одном умолчала

по скромности наша героиня: одной из пятерки снайперов была она сама.

Опыт показал, что действия парами при организации засад оправдывали себя далеко не всегда. Оптимальными оказались группы по три—пять человек. «Каждый стрелок был вооружен, кроме снайперской винтовки, пистолетом, пятью гранатами и имел при себе 200 патронов. На группу выделялось: один-два автомата, обязательно — ручной пулемет с несколькими дисками и саперные лопатки. Облюбованное снайпером место в течение двух-трех ночей проверялось разведкой, в которую ходили только участники засады. Лишь после этого назначался выход всей группы. Подготовка к нему велась секретно»<sup>401</sup>.

Когда в первых числах ноября противник захватил хутор Мекензия, или Лесной кордон № 2, «разинцы» попытались отбить его. Но он оказался крепким орешком. Советским солдатам удалось закрепиться лишь на высотах, расположенных километром западнее этого злополучного хутора. Но оставлять немцев в покое они не собирались.

В расположение полка только ему ведомыми тропами пробрался местный егерь Анастас Вартанов, сообщивший, что на хуторе Мекензия разместился немецкий штаб. Родилась идея совершить на него налет. С разрешения командования полка Людмила Павличенко вместе с лесником провела разведку маршрута, чтобы точно знать, с чем там может столкнуться группа снайперов, если выйдет в рейд. Разведка показала, что есть все возможности незаметно проникнуть во вражеский тыл и наделать изрядного шума.

В набег на вражеский штаб вышла группа, о составе и главное — действиях которой позволяют судить воспоминания Л. М. Павличенко: «На рассвете мы подошли к хутору и заняли позиции, согласно разработанному плану, в тылу у гитлеровцев. Я вместе со старым егерем — напротив дома, вход в него держа на мушке; три снайпера — в пятнадцати шагах слева от нее; два разведчика — в пятнадцати шагах справа, их цель — середина поляны и камень-известняк, где останавливается полевая кухня...

Немцы — солдаты очень дисциплинированные — собрались в нужном месте, в нужное время, в нужном количестве. Кухня подъехала в 11.37, приступила к раздаче пищи в 11.50. Наблюдая за ними в бинокль, я ждала, когда они обступят кухню потеснее. На прицеле держала долговязого унтер-офицера с двумя поперечными полосками на погонах, то есть кандидата на офицерское звание...



Мы открыли ураганный огонь с трех точек. Пули полетели в серо-зеленую толпу, стали кромсать ее на части, валить врагов на землю. Немцы не имели оружия и не могли ответить нам тотчас. Кроме того, многие уже в первые минуты нападения оказались убиты. В их числе — унтер-офицер и повар, получившие в голову горячий подарок от моей “светы” [так бойцы любовно называли снайперскую винтовку СВТ-40. — *Авт.*]. Майор артиллерии выскочил из дома, услышав выстрелы и крики. Пуля пробила ему переносицу. Не зря же я столько времени посвятила изучению этой позиции»<sup>402</sup>.

Группа Павличенко вернулась, захватив в немецком штабе ценные документы. Помощник начальника штаба полка по разведке не скрывал удовлетворения добытыми сведениями. Всем снайперам, в том числе Людмиле, записали на личный счет по семь уничтоженных немцев. Хотя кто теперь мог сосчитать тех солдат и унтер-офицеров в серо-зеленой униформе, которые остались лежать возле полевой кухни? По оценке командира группы, их было не менее шестидесяти: убитых, тяжело раненых...

С наступлением некоторого затишья после срыва первого наступления войск 11-й немецкой армии на Севастополь и переходом к позиционной войне от снайперов потребовалось изменение тактики. На первый план выходили непрерывное наблюдение за нейтральной полосой, ведение разведки, охота за вражескими солдатами и офицерами на их передовой линии. С винтовкой Мосина за плечами, имея на пояском ремне патронную сумку, пистолет «ТТ», нож-«финку» в металлических ножнах, флягу, малую саперную лопатку в чехле и две гранаты, Людмила вместе со своим подопечным Федором Седых отправлялась после полуночи на нейтральную полосу, в одну из обустроенных снайперских засад, метко названных «лисьими норами». На позиции обычно проводили несколько часов, наблюдая в бинокли за передним краем противника. По замечанию Людмилы Михайловны, немцы поначалу вели себя довольно беспечно, ходили по своим позициям во весь рост. «Это мы прекратили почти сразу, — пишет Л. М. Павличенко, — уничтожив в течение двух дней двенадцать человек: 10 солдат и два офицера».

Немцы сделались много осторожнее: стали глубже закапываться в землю, усилили наблюдение за нейтральной полосой, вели беспокоящий пулеметный и минометный огонь. Их разведывательные группы принялись действо-

вать на той же территории, что и советские, и если обнаруживали советские засады, то разрушали их или минировали. На одной из таких мин подорвались двое подчиненных Павличенко. И ей самой теперь приходилось тяжелее. «Конечно, хотелось бы неотступно следовать установленному мной правилу: ни одного дня без убитых врагов, — сетовала она. — Но, увы, не всегда это получалось»<sup>403</sup>.

И тем не менее боевой счет Людмилы Михайловны рос. Возглавляемому ею взводу сверхметких стрелков приходилось нередко действовать за пределами «родного» III сектора обороны и «гастролировать» по всему переднему краю нашей обороны, выполняя задания особой сложности. Вот один из таких эпизодов.

Группа фашистских снайперов заняла высоту Безымянную в районе горы Гасфорта и Итальянского кладбища. С расстояния в 500 м они начали прицельно обстреливать проселочную дорогу от деревни Камары до деревни Шули, которая проходила по тылам II сектора обороны и играла важную роль в снабжении наших войск продовольствием, вооружением и боеприпасами. Все попытки подавить врагов артиллерией и минометами ни к чему не приводили. Снайперы меняли позиции на высоте и возобновляли обстрел.

Перед нашими снайперами была поставлена задача очистить высоту Безымянную от немцев. Для выполнения задания выделили семь человек. Первый день не принес удачи. Немцы занимали выгодное положение на гребне высоты, а нашим пришлось залечь у ее подножия. В 3 часа ночи следующего дня, скрываясь в мелком кустарнике и умело используя рельеф местности, наши бойцы поднялись наверх и очень близко подошли к боевому охранению противника. Нетрудно себе представить, какую нужно было проявить смекалку, чтобы почти вплотную подойти к тщательно охраняемому рубежу.

Но советские снайперы не просто подобрались на несколько десятков метров к позициям противника, но и «высадили» несколько заранее приготовленных кустов. Укрывшись за камнями, они замерли в ожидании того момента, когда с рассветом гитлеровцы откроют огонь по кустам, полагая, что в них замаскировались советские воины.

«Противник попался на нашу удочку, — писала Л. М. Павличенко, опять-таки не упомянув, что сама была активным участником описываемых событий. — Только на востоке заалела розовая полоска и первые лучи солнца

брызнули из-за гор, раздалась бешеная стрельба из пулеметов и автоматов. Эсэсовцы открыли огонь по ложной цели. Мы этого и ждали. Нам требовалось точно определить месторасположение пулеметных гнезд и окопов автоматчиков. Почти одновременно прозвучали восемь выстрелов. Снайперы сумели быстро выбрать цели. Они били врага без промаха»<sup>404</sup>.

Член Военного совета Приморской армии, в состав которой входила 25-я стрелковая дивизия, дивизионный комиссар И. Ф. Чухнов в статье в «Известиях», опубликованной в разгар решающих боев за Севастополь, высоко отзывался о снайперском движении в рядах защитников города-крепости, называл снайперов «боевыми стахановцами фронта». За время со 2 по 30 апреля снайперы, сообщал он, уничтожили 1402 солдата и офицера противника, а за первую декаду мая — еще свыше тысячи. Они держали противника в постоянном напряжении, что на передовой — остро необходимо.

Взятый в плен обер-ефрейтор из 22-й пехотной дивизии Альберт Вальтер показал на допросе: «Ваши снайперы не дают нам высунуть носа из окопа. Они следят за нами круглые сутки. Нельзя же, в конце концов, сидеть все время в земле! Высунешься — и конец. Это доводит нас до истерики»<sup>405</sup>.

И. Ф. Чухнов отмечал, что снайперское движение возникло среди самих бойцов и выросло оно из их стремления не дожидаться, пока враг приблизится сам, а рваться навстречу ему, искать его, чтобы уничтожить. Понятно, что член Военного совета, будучи старшим политработником в армии, не мог не отметить роль партийных и комсомольских организаций, политработников в придании этой инициативе, родившейся снизу, организованного характера. С другой стороны — и это тоже понятно — без руководящего начала со стороны командования и политорганов в Красной армии по определению не могла получить развитие ни одна инициатива, как бы хороша она ни была.

Подготовка снайперов приняла самые разнообразные формы. Их готовили многочисленные курсы, организованные в подразделениях, опытные мастера сверхметкой стрельбы принимали индивидуальное шефство над бойцами, брали их с собой на огневую позицию, передавали свой опыт и боевые навыки.

В числе таких «стахановцев» член Военного совета Приморской армии назвал сержанта Левкина, заместителя

политрука Гусева, сержанта Польшникова, чей боевой счет достиг 50—60 врагов... Особое впечатление на читателей должно было произвести имя старшего сержанта Людмилы Павличенко — и это понятно, учитывая 253 уничтоженных ею к этому времени вражеских солдат и офицеров.

Именно в те дни, о которых писал И. Ф. Чухнов, 16 апреля 1942 г., Военный совет фронта провел слет метких стрелков всех частей гарнизона. Разумеется, не ради «галочки» бойцов, на боевом счету каждого из которых значилось не менее чем по 100—150 убитых гитлеровцев, отозвали с передовой. Бои вступали в решающую фазу, и мастерство снайперов оказалось на вес золота. Выйдя к столу, накрытому красной материей, всматриваясь в знакомые лица своих боевых коллег — опытного Ноя Адамии, Героя Советского Союза, инструктора снайперского дела 7-й бригады морской пехоты, и сидевшего рядом восемнадцатилетнего Юрия Федоренко, Люда быстро преодолела волнение и высказала беспокоившую ее мысль кратко: если гитлеровцев больше, чем нас, то и бить их нужно больше. Стрелки брали на себя боевые обязательства. Павличенко дала перед товарищами слово довести личный счет до 300. Ее слово оказалось, как и всегда, твердым.

Ловя в прицел очередного врага и нажимая на спусковой крючок, молодая женщина увеличивала не только собственный боевой счет, она воевала и за любимого человека. Много раз она выходила на задание, благословляемая командиром роты младшим лейтенантом Алексеем Киценко. Общие фронтовые заботы сблизили молодых людей, а после того, как 19 декабря Люду тяжело ранило при отражении вражеской атаки и Киценко вынес ее на своих руках из-под вражеского огня, они ощутили невозможность существовать друг без друга.

Лишь в дальнем уголке памяти остались следы первого чувства, закончившегося ранним замужеством и рождением сына Ростислава, который появился на свет, когда Люде Беловой было только 16 лет. Увы, потеряла голову только она одна, восторженная наивная школьница, но не ее спутник. Сохранились у нее лишь горестные воспоминания да новая фамилия, под которой позднее ее узнал весь мир.

Об Алексее Киценко в книге Людмилы Михайловны написано не так много, но какие это строки! «Как командир, он пользовался непререкаемым авторитетом у подчиненных. Как муж, он всегда заботился обо мне и оберегал от всяческих напастей, насколько это возможно на пере-

довой линии фронта. С ним я впервые почувствовала, что такое любовь, взаимная и всепоглощающая, и была совершенно счастлива в те дни»<sup>406</sup>.

Командиру части был уже подан рапорт с просьбой зарегистрировать брак, но... 3 марта не в снайперском гнезде при наблюдении за передним краем противника, как уже после войны проскользнуло в литературе, а прямо на позиции 54-го полка Киценко был тяжело ранен во время неожиданно обрушившегося артобстрела. Произошло все на глазах Людмилы, которая вместе с подчиненными доставила Алексея в медсанбат. Она молила судьбу сохранить любимого, но муж умер у нее на руках.

Что-то навсегда затвердело в ее душе. Преодолев шок, Павличенко через несколько дней вновь вышла на боевую позицию, и счет уничтоженным врагам стал быстро расти. Задолго до рассвета Люда выходила в засаду и не покидала ее сутки, двое. Умело примерялась к рельефу, делала своими союзниками и туман, и солнце, и сумерки. Судьба любимого человека напоминала: цена малейшей ошибки — гибель. Тем более что за ней с той стороны вели настоящую охоту, поскольку ее беспощадный почерк немцы уже узнали.

Во время обороны Севастополя Людмила к своему боевому счету, составлявшему 187 вражеских солдат и офицеров, добавила еще 122. Итого — 309 врагов, среди которых — 36 снайперов. Она, как и другой прославившийся под Севастополем снайпер — Ной Адамия, придерживалась правила: «Один выстрел — один труп врага».

Людмила Михайловна в своей книге приводит свои записи той поры: «За 31 марта советские снайперы уничтожили 32 немецких солдата и офицера; за 3 апреля — 18; за 4 апреля — 26; за 6 апреля — 25; за 7 апреля — 26; за 8 апреля — 66; за 9 апреля — 56; за 10 апреля — 108; за 11 апреля — 53; за 14 апреля — 55; за 15 апреля — 50; за 18 апреля — 83; за 19 апреля — 65. Всего за 30 дней апреля снайперы отправили на тот свет 1492 фашиста. А за первые десять дней мая — 1019...»<sup>407</sup>

Ходили слухи, что глазное яблоко у Людмилы имело особое строение, чем якобы и объяснялось ее острое зрение. Говорили, будто она заговорена от смерти знахаркой и будто слышит все в радиусе полукилометра. Но, скорее всего, это были обычные байки, по крайней мере, сама она никогда на эту тему разговор не поддерживала.

А вооружена была Людмила, как уже упоминалось выше, привычным для миллионов красноармейцев и стандарт-

ным для советских снайперов оружием — 7,62-мм винтовкой системы Мосина образца 1891/1930 г. Была у нее одна так называемая выходная винтовка, а рабочая винтовка — обыкновенная трехлинейная. Были, разумеется, оптический прицел и качественный бинокль. Способность извлечь из оружия максимум возможного девушка привела в равновесие с умелым использованием свойств собственного организма — острыми взором и слухом, тонкой интуицией, трезвым холодным расчетом. Ничем не заменимым было и уверенное знание баллистических таблиц, позволявшее до сантиметров определить расстояние до цели и внести необходимую поправку на ветер.

Фамилия Павличенко все чаще звучала со страниц центральных газет, став известной далеко за пределами Крыма. 31 мая газета «Красная звезда» опубликовала посвященный ей целый «подвал» под заголовком «Девушка с винтовкой». Позднее главный редактор «Звездочки» в годы войны Д. И. Ортенберг, вспоминая об этой публикации, писал: «Людмила Павличенко! Кто на фронте не слышал о ней?! Впервые ее имя появилось в репортаже нашего спецкора Льва Иша из Одессы... Теперь Павличенко в Севастополе. Там Иш снова встретился с этой боевой девушкой...» А что у героини очерка действительно боевой характер, подтверждал, по свидетельству корреспондента, плотный лист бумаги с золотым тиснением, прикрепленный к дощатой стенке землянки, в которой обитала Людмила: «Диплом. Дан старшему сержанту Павличенко Людмиле Михайловне в том, что она является снайпером-истребителем немецко-фашистских оккупантов. По данным на 6 апреля 1942 года, тов. Павличенко уничтожила 257 фашистов. Военный совет N армии»<sup>408</sup>.

А в начале июня комсомолке Павличенко ее «родная» газета «Комсомольская правда» посвятила стихи<sup>409</sup>. Известный поэт Иосиф Уткин (позднее погибший при возвращении самолетом из партизанского края) обращался к ней со строками, в которых слились нежность, без которой невозможно говорить о молодой женщине на войне, и суровость, которой дышал сам облик героини:

Улыбка, робкие движенья...  
Быть может, нежный цвет лица,  
Но переплавил цех сражений  
Тебя в сурового бойца.  
О, сколько надо было крови

Увидеть, зверств и темноты,  
Чтоб так вот, прямо и сурово  
Взглянуть на жизнь, как смотришь ты.

Наконец, в самые последние дни, 2 июля 1942 г. «Комсомолка» опубликовала письмо матери нашей героини. «Я знаю, — писала Елена Трофимовна Белова, — сейчас моя дочь вместе со всеми бойцами героического Севастополя защищает этот легендарный город. Я знаю, как им трудно там, сердце сжимается от боли...»<sup>410</sup>

Не знала Елена Трофимовна, что еще за две недели до этого Людмила получила ранение и тяжелую контузию и 19 июня на подводной лодке Л-4 ее эвакуировали в Новороссийск. О падении Севастополя она узнала в госпитале. Ей были неизвестны подробности последних боев, но она, ветеран обороны, могла легко представить себе, какие воистину нечеловеческие испытания должны были выпасть на долю последних защитников черноморской твердыни...

Шестнадцатого июля 1942 г. приказом войскам Северо-Кавказского фронта (его подписал командующий Маршал Советского Союза С. М. Будённый) «за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» снайпер 54-го стрелкового полка 25-й стрелковой дивизии старший сержант Павличенко была награждена орденом Ленина<sup>411</sup>.

### **«Направить в Соединенные Штаты Америки»**

Памятной, оставившей след на всю жизнь стала для Людмилы почти полугодовая поездка в США, Канаду и на Британские острова в качестве полпреда воюющей советской молодежи в августе 1942-го — январе 1943 г. Их небольшая делегация (кроме Павличенко в группу входили Н. П. Красавченко, секретарь Московского горкома ВЛКСМ по пропаганде, и Герой Советского Союза старший лейтенант В. Н. Пчелинцев, так же, как и Людмила, снайпер) была командирована для участия в I Международной антифашистской студенческой ассамблее в Вашингтоне и Международной антифашистской молодежной конференции в Лондоне.

Некоторые подробности этой поездки Людмила Михайловна привела в своей книге, изданной, увы, после ее

смерти и лишь в 2015 г. Время сейчас такое, что ни лично-стью автора, ни подробностями ее боевого пути заинтере-совать сколько-нибудь значительную читательскую ауди-торию трудно. Значительно раньше, еще тогда, когда наша страна была самой читающей в мире, свою книгу о той по-ездке опубликовал Владимир Пчелинцев. Спасибо ему, сохранившему для нас драгоценные подробности важно-го этапа в жизни нашей героини, потому что сама Людми-ла Михайловна, по привычке скромничая, многое в своей книге предпочла не отразить.

Началось всё 12 августа 1942 г. с вызова в ЦК комсомола к 1-му секретарю Н. А. Михайлову. Естественное недоуме-ние по поводу приглашения хозяин кабинета рассеял сразу же, сообщив о предстоящей поездке в Соединенные Шта-ты Америки. Оказалось, что через американского посла на имя И. В. Сталина поступила телеграмма Ф. Рузвель-та, в которой президент США, говоря о всевозрастающих усилиях союзнических государств в разгроме нацизма и о большой роли в антифашистской борьбе молодежи, пред-ложил советскому вождю направить для участия в собирав-шейся в Вашингтоне в начале сентября Всемирной студен-ческой ассамблее двух-трех делегатов.

От предложения было решено не отказываться. Ис-пользовалась любая возможность расширить антифашист-ский фронт народов, привлечь на сторону воюющего совет-ского народа как можно больше симпатий в мире. «Честное слово, в первые минуты я не поверила собственным ушам, решила, что это — неуместная шутка, ибо Николай Алек-сандрович, будучи человеком веселым, любил пошутить, — вспоминала Л. М. Павличенко. — Кругом — война, разру-ха, смерть и кровь ни в чем не повинных людей, а британцы с американцами вместо того, чтобы по-настоящему помо-гать нашему государству, выдумывают какие-то странные развлечения»<sup>412</sup>.

На последней перед поездкой встрече Н. А. Михай-лов протянул ребятам небольшой, в четвертушку размером лист с грифом «Политбюро ЦК ВКП(б)»:

— Наверное, вам интересно будет посмотреть своими глазами на этот документ...

Постановление Политбюро гласило:

«13 августа 1942 года г. Москва, Кремль

Направить гг. Красавченко Н. П., Павличенко Л. М. и Пчелинцева В. Н. в Соединенные Штаты Америки.

И. Сталин».



После этого сомнений не осталось — поездка состоится при любых условиях.

Вся троица была отчаянно молода: Павличенко и Красавченко исполнилось по 26 лет, Пчелинцеву и того меньше — 23 года. Но биографии были насыщены так, что иному человеку хватило бы на пару жизней.

Николай Красавченко, будучи секретарем Московского горкома, в июле 1941 г. был направлен уполномоченным ГКО на строительство оборонительных рубежей на дальних подступах к Москве в Смоленскую область. В тяжелых боях под Вязьмой оказался в окружении и попал в плен. Бежал и вместе с другими окруженцами с боями прорывался к своим. Его восстановили в прежней должности. В качестве секретаря МГК ВЛКСМ занимался подготовкой партизанских отрядов, диверсионных и подпольных групп, в том числе на случай захвата немцами Москвы.

Владимир Пчелинцев, в июле 1941 г. уйдя добровольцем на фронт, очень быстро стал одним из самых известных снайперов Ленинградского фронта. В феврале 1942-го он стал Героем Советского Союза, к этому моменту имея на боевом счету не менее полутора сотен фашистов.

В том, почему именно они стали делегатами Всемирной студенческой ассамблеи, никакой натяжки не было. Красавченко, еще в 1939 г. с отличием окончивший истфак знаменитого МИФЛИ — Московского института философии, литературы, истории, студентом, конечно, уже не был, но право возглавить делегацию получил как признанный молодежный вожак. А вот Людмилу Павличенко война застала на преддипломной практике как студентку исторического факультета Киевского госуниверситета. Пчелинцев же пошел добровольцем на фронт прямо со студенческой скамьи: в июне 1941 г. он успешно окончил 3-й курс геолого-разведочного факультета Ленинградского горного института. Вот с такими героическими ребятами Людмила отправилась в длительную командировку.

Сильные эмоции вызвало посещение Павличенко и Пчелинцевым экспериментальной пошивочной мастерской Наркомата обороны, а попросту — генеральского ателье. Здесь «в пожарном порядке» их обеспечили военной формой. Женских парадных кителей в ателье не было, шить было некогда, поэтому для младшего лейтенанта переделали генеральскую гимнастерку из тонкого чистошерстяного габардина. Ладно выглядела Людмила в форме с офицерскими петлицами и орденом Ленина и медалью «За бо-

евые заслуги» на гимнастерке, перехваченной офицерским ремнем с португеей. К имеющимся «регалиям» по указанию заместителя наркома обороны СССР генерал-полковника Е. А. Щаденко добавили золоченые знаки «Снайпер» и «Гвардия». Именно в этой военной форме мы видим Павличенко на многочисленных снимках, сохранившихся в архивах информангентств от поездки в США и Великобританию.

Перед отъездом Н. А. Михайлов устроил в своем кабинете прощальный ужин для делегации. Не успел главный комсомолец провозгласить первый тост, как у него на рабочем столе зазвонил белый телефон с гербом СССР в центре диска. Михайлов мгновенно схватил трубку и голосом, полным глубокого почтения, если не сказать страха, доложил:

— Михайлов у аппарата... Да, слушаю... Сейчас приедем...

Надо ли называть имя человека на другом конце провода?!

«...И вот мы — в приемной, у дверей кабинета. Секретарь Верховного главнокомандующего Поскребышев открывает ее, и... я вижу этого великого человека. Он одет в простой китель с отложным воротником, но без знаков различия, ростом не так высок, как мне казалось раньше, худощав, смугловат, на лице — легкие оспины, в согнутой левой руке держит трубку.

Но внимание притягивает взгляд его темных тигриных глаз. Огромная внутренняя сила чувствуется в нем. Наверное, мы пробыли в кабинете Сталина минут двадцать, хотя течения времени не ощущали. Оно для нас остановилось... — передавала свои ощущения Людмила Михайловна. — Я испытывала нечто другое: небывалое воодушевление. Мне хотелось услышать слова Верховного Главнокомандующего, обращенные именно ко мне. — Да, товарищ Сталин, просьба есть, — негромко произнесла я. — Очень нужен англо-русский и русско-английский словарь с учебником грамматики в придачу. Потому что таких союзников, как и врагов, надо знать в лицо!

— Хорошо, товарищ Павличенко, вы сейчас сказали, — вождь мирового пролетариата улыбнулся. — Книги вы получите. Лично от меня...»<sup>413</sup>

Искусственно сократим тот долгий и напряженный путь, который через три континента преодолела делегация, и из Кремля перенесемся прямо в Белый дом. В Вашинг-

тоне члены делегации стали личными гостями президента США и его супруги Элеоноры Рузвельт. Первая леди США встретила наших ребят у подъезда Белого дома и, свидетельствуя им высокое уважение как почетным гостям Америки и ее президента, сообщила: Людмиле и ее спутникам предоставлено право провести в резиденции президента США целые сутки, для чего гостям отведены апартаменты на втором этаже здания.

В день торжественного открытия студенческой ассамблеи 2 сентября здесь же, в Белом доме, состоялась встреча с президентом. Вот как описал ее Пчелинцев (Павличенко этому эпизоду визита отвела до обидного мало места): «Госпожа Рузвельт улыбнулась, тронула дверь и пропустила нас вперед. Сделав только первый шаг, мы оторопели — боком к нам в качалке сидел Рузвельт!

— Фрэнк! Я хочу познакомить тебя с моими новыми друзьями из Советской России, — услышали мы голос за спиной и тут же почувствовали, как Элеонора Рузвельт легонько подталкивает нас вперед к креслу, — думаю, тебе тоже будет приятно их видеть.

— Да. Да! Конечно!..

Рузвельт жестом пригласил подойти поближе. Каждый из нас, представившись, пожал протянутую руку. Рукопожатие было приятным, дружеским. При этом он задерживал руку каждого, выслушивая переводчика и не спуская своих пронизательных глаз с наших лиц. Непроизвольно каждый из нас, кроме своего имени и фамилии, называл город, который он представлял, откуда прибыл, где воевал.

— Москва?! Ленинград?! Севастополь?! — повторял за нами президент, как бы взвешивая каждое название и вспоминая что-то ему одному известное».

Потом, как джентльмен, он обратил свое внимание на сидящую перед ним Людмилу, попросив ее более подробно рассказать о себе: где воевала? За что получила боевые награды?

Он «слушал Павличенко с большим интересом. И чувствовалось, что этот интерес не был наигранным. Встретившись с простыми советскими людьми, а не дипломатическими представителями, и, кажется, встретившись впервые, Рузвельт и как человек, и как политик пытался найти в разговоре ответы на какие-то свои, мучившие его вопросы. Может быть, поэтому, чуть подавшись вперед, он все расспрашивал и расспрашивал Людмилу об Одессе, Севастополе, советских военных моряках»<sup>414</sup>.

Ребята отдали должное протокольным встречам. Они присутствовали на нескольких официальных приемах в честь участников студенческого форума. В своей резиденции их радушно принимал советский посол М. М. Литвинов. Но главную свою миссию — сделать друзьями воюющего советского народа мировое студенчество, молодежь, организовать ее на практическое участие в борьбе с нацизмом — они в наибольшей степени реализовали, пожалуй, в неформальном общении, там, где имели возможность напрямую обратиться к американцам.

Первое посещение советского посольства в день приезда. Впервые с момента отлета из СССР по рекомендации посольства Людмила и Владимир облачились в военную форму. У здания их встретила громадная толпа журналистов и фотокорреспондентов. Замелькали фотовспышки, застрекотали кинокамеры. Теперь понятной стала настоятельная просьба надеть парадную форму командиров Красной армии, она уже сама по себе вызвала огромный интерес. Буквально через несколько часов кадры съемок попали во все вечерние газеты и в кинохронику.

На следующий день здесь же состоялась пресс-конференция, на которой присутствовали более сотни иностранных и американских корреспондентов. Наступательная, а подчас и нахальная манера поведения журналистов напомнила Людмиле настоящую психическую атаку, вроде той, которую с участием румын ей довелось отражать вместе с однополчанами под Одессой. На ее долю пришлось самые каверзные, а иногда даже неприличные вопросы. Любопытству журналистской братии не было предела. Красят ли женщины на фронте губы и какую помаду при этом они предпочитают? Какие сигареты курят? Разрешит ли госпожа Павличенко печатать ее портреты на коробках сигарет? Фирма готова уплатить за это миллион долларов!.. Какое белье предпочитает леди Павличенко и какой цвет ей нравится?.. К чести Людмилы, она достойно отразила все наскоки и своими острыми ответами заставила покраснеть не одного излишне нахального репортера.

Делегация оказалась в центре внимания и на самом международном студенческом съезде. Во многом благодаря собственному авторитету наших ребят, за которым стоял авторитет воюющего советского народа, съезд удалось развернуть от несколько отвлеченных проблем сугубо студенческого движения к борьбе молодежи мира с нацистской опасностью. И если в тексте итоговой декларации участни-

ки форума выразили единодушную надежду на то, что «Рузвельт и Черчилль выполняют свои обязательства в том, что вторжение на Европейский континент будет предпринято как можно скорее», несомненно, это было успехом наиболее радикальных сил съезда, которые представляла в первую очередь наша троица.

**«Не кажется ли вам, джентльмены, что вы слишком долго прячетесь за моей спиной?»**

А затем советская студенческая делегация отправилась в поездку по Америке, которая охватила не менее десятка городов и университетских кампусов. На вокзале в Филадельфии наших ребят встретила депутация жителей города, которая в прямом смысле слова вынесла их на руках из вагона.

Вечером — встреча с горожанами на местном стадионе. «Не успели мы на машине въехать прямо на зеленое поле, — вспоминал В. Н. Пчелинцев, — как 100 тысяч человек в едином порыве поднялись и бурно приветствовали прибывших гостей. Ажиотаж еще больше усилился, когда диктор по радио объявил, что на стадион прибыли русские снайперы. Особую экзальтацию вызвало сообщение, что снайпер-женщина, герой Одессы и Севастополя, уничтожила 309 “бошей”. Стадион ревел, топал, свистел... Митинг “Героев Объединенных наций” на стадионе продолжался два часа»<sup>415</sup>.

В Нью-Йорке делегация разделилась. Владимир и Николай вместе со студентами из других стран, участвовавшими в съезде, направились на восточное побережье. Людмила, сопровождаемая англичанами — летчиками Майлсом и Малдэном и голландцем лейтенантом морского флота Вольтере, — на западное.

Поездка растянулась почти на целый месяц. Ясно, что в этой мужской компании единственная девушка в новенькой, с иголки в форме, с наградами на груди привлекала в любой аудитории особое внимание. Американцы без преувеличения восхищались ею. «Девушку-снайпера, русскую героиню!» повсеместно встречали с большой помпой, как кинозвезду. Она успела побывать в Чикаго, Миннеаполисе, Денвере, Сिएтле, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе. Людмилу приветствовал Голливуд, где у нее состоялась встреча с Чарли Чаплином.

Именно в ходе той поездки состоялось едва ли не самое знаменитое публичное выступление Павличенко перед аудиторией, которая знала войну, если можно так сказать, дистанционно и не могла себе даже представить, что чувствует человек, когда его землю перепахивают вражеские бомбы и снаряды, когда у него на глазах гибнут родные и какие священные чувства мести рождаются от этого в сердце.

Митинг в Чикаго. «Я шагнула вперед, к микрофону, — писала Людмила Михайловна. — Перед сценой собралась изрядная толпа. Я отчетливо видела лица людей в первых ее рядах: в основном мужчин лет 30—40. Они довольно приветливо меня рассматривали и улыбались. Я начала с нескольких фраз о войне, что бушует сейчас в далекой от них России, потом сделала паузу и резко возвысила голос:

— Джентльмены! Мне двадцать пять лет. На фронте я уже успела уничтожить триста девять фашистских солдат и офицеров. Не кажется ли вам, джентльмены, что вы слишком долго прячетесь за моей спиной?..»<sup>416</sup> Толпа молчала несколько секунд, слушая перевод. Потом на старинный парк обрушилась настоящая буря. Люди вопили, что-то скандировали, свистели, топали ногами, аплодировали. К эстраде бросились журналисты. Расталкивая репортеров, туда же устремились и те, кто хотел сделать взнос в фонд помощи СССР.

Голосом Людмилы говорила советская молодежь, не ведавшая пощады к вероломному врагу. Говорила убежденно, страстно. Сколько раз заокеанские журналисты пытались проверить ее на излом! Донимали вопросами: ее ли, молодой обаятельной женщины, дело — воевать? С какими чувствами она стреляет в людей? Как может хладнокровно, часами выслеживать солдата или офицера на «той» стороне с единственной целью — улучив момент, застрелить, уничтожить? Она отвечала просто: стреляла не в людей, а во врагов, незвано пришедших на нашу землю: «Я собиралась быть или учителем истории в средней школе, или научным сотрудником в библиотеке или в архиве. Вместо этого стала фронтовым снайпером, умелым охотником на людей, одетых в румынские и немецкие мундиры. Но зачем они пришли сюда, на мою землю, зачем заставили меня отказаться от моей мирной профессии?..»<sup>417</sup>

Словам, да еще произнесенным, хотя и с внутренней страстью, но хладнокровно, так что и ожидать от молодой женщины было трудно, конечно, верили. Однако дотош-

ной журналистской братии мало было слов, она хотела своими глазами увидеть стрелковое мастерство гостей.

«Почти всегда, когда мы с Людмилой посещали воинские части и подразделения, — вспоминал В. Н. Пчелинцев, — как бы случайно появлялся или автомат, или карабин, а иногда и винтовка. Этим “случайностям” мы поначалу не придавали особого значения. Однако, как только у меня или у Людмилы оказывалось в руках оружие, обязательно следовало предложение “испытать его”, попросту говоря, недвусмысленно предлагали из него пострелять... Вежливая попытка вернуть оружие ни к чему не приводила — оружие снова возвращалось к нам в руки. Стало ясно, что наши новые друзья, и в первую очередь корреспондентская братия, упорно хотят удостовериться в нашей снайперской стрельбе... До них никак не доходило, что миловидная девушка в военной форме, которая совершает турне по их стране, действительно была способна уничтожить несколько сот нацистов. Высказать свои сомнения напрямую выглядело бы оскорбительным. Вот они и шли поэтому на разного рода “хитрости”»<sup>418</sup>.

Вообще говоря, трудно объяснить, почему мысль показать свое мастерство не пришла в голову самим ребятам, ведь это еще больше подняло бы их авторитет, сделало мнение об их профессионализме незыблемым, рассеяло бы нет-нет да и проскальзывавшие в печати предположения, что СССР послал на студенческий форум не героев войны, а обычных пропагандистов, одетых в военную форму. Тем более что продемонстрировать свое мастерство им было довольно просто — не летчики, не танкисты, чай, никакой сложной техники не надо, бери винтовку в руки — а недостатка в тирах и стрельбищах в Америке явно не было. Как ни странно, но «отшучивались» всю поездку, и лишь пару раз, в Чикаго и Вашингтоне, ситуация сложилась так, что все же пришлось защищать «честь мундира».

Людмила, хотя в своих воспоминаниях и оговаривается, что «мне самой было интересно посмотреть на американское снайперское оружие», показать его в действии не торопилась. А почему не предположить, что молодая женщина просто устала: от обстановки боя, от изнурительного, не спадающего многими днями напряжения, от необходимости вести огонь и обязательно меткий, на поражение, поскольку снайпер, как и сапер, ошибается чаще всего один раз.

...Америку делегация покидала с чувством хорошо про-

деланной работы. За два с лишним месяца ребята посетили 43 города, выступили на почти семи десятках массовых митингов. Как правило, все они сопровождались сбором денежных средств в помощь Красной армии. Так что общая сумма собранных средств превысила несколько миллионов долларов. Визит 1 ноября 1942 г. завершился прощальным ужином в Белом доме, устроенным Элеонорой Рузвельт. С ней Людмила Михайловна крепко подружилась, они встречались несколько раз при посещении госпожой Рузвельт Советского Союза в 1957 и 1958 гг.

Через Канаду героическая тройка перебралась по воздуху на Британские острова. Здесь, в Лондоне, 14 и 15 ноября усилиями Национального союза студентов был организован Международный конгресс молодежи. А затем, как и в США, последовали поездки по стране. О посещении Британских островов в воспоминаниях Л. М. Павличенко нет ни слова, поэтому вновь обратимся к книге В. Н. Пчелинцева.

### **С товарищами по оружию**

Семнадцатого ноября состоялся прием советских делегатов в штабе английского Верховного командования, где Людмиле и Владимиру вручили боевые награды и снайперское оружие. В закрытых узких металлических серых пеналах покоились английские снайперские винтовки «Спрингфельд» с оптическими прицелами. Вручая оружие, седой генерал сказал:

— Мы понимаем, что стрелять из этих винтовок вам не придется, но вручаем их вам как символ нашей союзнической солидарности и в знак уважения за ваше мужество на поле боя.

А пострелять все-таки пришлось, пусть и не из этого, наградного, оружия. Великобритания, конечно, больше, чем США, представляла собой военный лагерь, здешние войска непосредственно готовились к боям. И при посещении воинских частей в графстве Кент, на побережье Ла-Манша, с просьбой показать стрелковую подготовку обратились не только журналисты, но и такие же, как гости, бойцы. Отказать им, братьям по оружию, было значительно труднее.

В одной из пехотных частей, куда привезли советских гостей, выучку и мастерство солдаты демонстрировали на



стрельбище. И как много раз до этого, в руках у Павличенко оказался автомат. Немедленно застрекотали кинокамеры местных кинохроникеров, защелкали фотоаппараты. Стало ясно, что от Людмилы ожидают, когда же леди Павличенко нажмет на спусковой крючок и покажет искусство снайперской стрельбы.

Первым на линию огня вышел Владимир, который быстро выявил особенности автомата. «Людмила, получив от меня короткую информацию об ошибке в прицеле, — вспоминал Пчелинцев, — перевела рычажок на “автомат” и тут же короткими очередями расстреляла по мишеням весь магазин. Ее зрелищную, шумную и, откровенно говоря, бесшабашную стрельбу окружающие наблюдали с любопытством. Крутились ручки киноаппаратов, шелкали фотокамеры. Надо ли говорить, что и эта стрельба была успешной...»<sup>419</sup>

...Если в Вашингтоне ребята были почетными гостями М. М. Литвинова, то в Лондоне их принимал у себя советский посол И. М. Майский. Именно он был их «гидом» на состоявшемся 7 ноября в Экспресс-холле митинге, посвященном 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции и традиционном приеме в посольстве по случаю этого праздника. Когда председательствующий стал представлять гостей, каждое имя встречалось громкими рукоплесканиями. Потом наступила тишина, и усиленный мощными динамиками зазвучал голос И. В. Сталина. Это были фрагменты его речи на торжественном заседании, которое прошло в Москве накануне. Год назад речь Сталина Людмиле услышать не довелось: настойчивые попытки гитлеровцев овладеть Севастополем не позволили оставить передний край. А именно тогда, 6 ноября 1941-го, прозвучали слова вождя: «Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получают». Захватчики в самом деле ее получили, и одним из миллионов «истребителей» стала Людмила.

Страна изнемогала в противоборстве с превосходящим по силе врагом. Тут бы союзникам и помочь Красной армии! Но ожидание второго фронта все затягивалось, и терпеть это становилось просто невозможным. Потому, выйдя к трибуне, Павличенко не стала излишне дипломатничать:

— Мы благодарим за танки, сделанные английскими рабочими и доставленные нам храбрыми моряками торгового и военного флота. — И после выразительной паузы

зы прибавила: — Но мы надеемся на большую поддержку, на такую, которая, по крайней мере, отвлекла бы с нашего фронта 60—70 германских дивизий<sup>420</sup>.

И. М. Майский давно жил в Лондоне, был «своим» человеком в среде дипломатов и политиков и потому мог представить своих юных друзей лидерам антинацистского сопротивления.

Теплой, сердечной вышла встреча с «красным архиепископом» Хьюлеттом Джонсоном — настоятелем Кентерберийского собора, с началом войны ставшим председателем Объединенного комитета помощи Советскому Союзу.

— Я рад, что встретился с необычной русской женщиной, которая еще раз доказала истину, что когда речь идет о защите отечества, женщина способна совершать дела, которые испокон веков были чисто мужскими, — сказал Джонсон, обращаясь к Людмиле. — Я только могу лишь поинтересоваться: как, леди Павличенко, не тяготит ли вас груз поверженных вами врагов?

— Враги всегда враги! А в природе женщин не только давать новую жизнь, но если понадобится, то и защищать ее. Страна наша дала нам, женщинам, и эту возможность наравне с мужчинами.

— Да, да! Вы правы. Россия — страна особенная... — Джонсон секунду помедлил, а потом добавил: — Я благословляю вас на жизнь, на победу — и осенил всех крестным знаменем.

А вот состоявшаяся в здании парламента встреча с премьер-министром Уинстоном Черчиллем откровенно разочаровала. Нет, премьер был любезен, но его интерес к гостям оказался каким-то дежурным, никаких чувств он не проявил.

Тем более впечатляющим оказался прием, оказанный генералом Шарлем де Голлем — руководителем Национального комитета «Свободная Франция», признанным союзными державами в качестве лидера французского Сопротивления.

Окружающие почувствовали, что как ни опытен был по части приемов и визитов генерал, обворожительная Людмила поставила его в неловкое положение. Как вести себя с ней? Как с красивой женщиной, перед которой он, истинный француз, не может ударить лицом в грязь? Или как с офицером армии, с которой устанавливались союзнические отношения? Но второе, судя по всему, затмевалось первым, и де Голль отдал явное предпочтение Людмиле как женщине.

Но постепенно разговор перешел в русло обмена мнениями, который с обеих сторон вели профессиональные военные.

— Я получил из Москвы известие, — сообщил де Голль, — что первая партия французских летчиков-добровольцев эскадрильи «Нормандия» благополучно достигла русских берегов. Надеюсь, что скоро они поднимутся в небо на русских самолетах.

— Для немцев будет большим сюрпризом услышать французскую речь в русском небе, — заметила Людмила.

Генерал гордо вскинул голову:

— Это обязательно случится. Хотел бы я видеть лица немцев, когда это произойдет!.. Я надеюсь, что в небе России будет воевать не только одна эскадрилья военных летчиков, но значительно больше. В нашем представительстве уже не одна сотня заявлений французских летчиков с просьбами направить их на русский фронт. Они горят желанием скрестить свои шпаги с бошами.

— Советское правительство делает все возможное, чтобы как можно скорее и лучше принять ваших добровольцев, — включился в разговор И. М. Майский.

Через несколько минут гостей пригласили в просторный, ярко освещенный холл. В свете люстр ослепительно блестела сервировка стола. Когда присутствующие расселись, генерал де Голль провозгласил тост «за славные успехи русской армии». К этому времени уже стало известно о начале контрнаступления Красной армии под Сталинградом и окружении армии Паулюса, что побудило главу Национального комитета «Свободная Франция» высказать твердую уверенность, что гитлеровцы уже никогда не оправятся от этого удара Красной армии.

— Мы — накануне краха фашистской армии. — Генерал де Голль не скупился в своих оценках силы советских войск.

В ответ И. М. Майский высоко оценил вклад в борьбу с нацистами французского народа и провозгласил тост за французское движение Сопротивления, за его Национальный комитет, за его мужественных руководителей.

Легкое вино — а на столе были только французские вина — сняло напряжение, скованность, царившие в начале встречи, все почувствовали себя свободнее. Некоторые французские военные, как оказалось, могли немного объясняться по-русски, и это помогло окончательно установить дружеские отношения.

— Месье! Я позволю себе восполнить пробел, который мы допустили, произнося официальные тосты, — поднялся с места молодой генерал, сидевший недалеко от де Голля. — Долг француза обязывает первый тост произнести за женщину. Сегодня наше общество украшает единственная женщина — это русская героиня Людмила Павличенко. Мы хотим поднять тост за ее здоровье, успехи и благополучие. Виват!..

Все дружно встали и осушили свои бокалы. Сразу же поднялась со своего места Людмила, сидевшая рядом с генералом де Голлем. В свете многочисленных светильников слегка раздурманенная от вина Людмила эффектно смотрелась в своей военной форме. Она озорно сверкнула своими карими глазами и голосом, не терпящим возражения, произнесла:

— Мне впору было бы обратиться к вам со словами: «Месье! Господа! Мистеры! и т. д.». Но я не сделаю этого... — В зале притихли, а Людмила, умышленно помедлив, вдруг серьезно произнесла: — Я скажу вам, как русский солдат: «Товарищи!» — Такого французы не ожидали. Зал взорвался, приветствуя слова Павличенко. — Да! Я не ошиблась, говоря вам: «Товарищи!», ибо у нас в Советском Союзе это слово говорится братьям по оружию! Позвольте мне выразить свою уверенность, что 1943 год, который уже не за горами, станет для нас годом совместных боевых действий против фашистской Германии. На фронте, в боевых условиях, всегда ценится братство по оружию. И пусть первой ласточкой этого братства будет дружба советских и французских летчиков эскадрильи «Нормандия». Я провожашаю тост за военную дружбу французов и русских!

Тост не мог не понравиться, за него все дружно подняли бокалы<sup>421</sup>.

...Приближался конец декабря, и всё нетерпеливее становилось ожидание момента возвращения домой. Наконец, 22 декабря всю троицу пригласил к себе И. М. Майский. «Вот и дождался! — сказал он с улыбкой. — Визы получены. Новый год будете встречать дома».

Но оказию пришлось ждать еще несколько дней. Лишь 4 января 1943 г. раздалось давно ожидаемое:

— Сегодня! В 20.00 летим!

Летели на высоте 22 тысяч футов в бомболуке неотапливаемого английского бомбардировщика. С помощью членов экипажа не без труда втиснулись в облегающие тело специальные комбинезоны с электрическим подогре-

вом. На головы надели теплые, на меху шлемофоны, на руки — меховые рукавицы.

Полет был, конечно, мучительным. Заснуть невозможно, скорее это было какое-то полуобморочное забытие, из которого то и дело выводил резкий маневр бомбардировщика. Томительное ожидание под мощный гул моторов облегчалось лишь мыслью, что каждый оборот винта приближал к родной земле. И вот бомбардировщик резко сбавляет скорость, уже почти не слышно шума винтов, самолет идет по прямой, и вдруг легкий толчок, скрип тормозов под ногами... Через проем бомболюка виден белый снег — во Внукове настоящая зима. Что ж, хорошо в гостях, а дома — лучше.

На обывательские суждения, а нужно ли было отрывать героев от их ратных дел и посылать за океан, хорошо ответил Иван Михайлович Майский: «Не подлежит никакому сомнению, что наши комсомольцы сделали большое и полезное дело... Главное — они так хорошо воплощали юность Советского Союза, свежую, сильную, смелую, глубоко верящую в будущее своей страны и своего народа. Это производило большое впечатление, и многие англичане, приходившие в соприкосновение с нашей тройкой, потом говорили: “Страну, которая имеет такую молодежь, нельзя победить!”»<sup>422</sup>.

### «Не промахнись»

Такие поездки, конечно, остаются в памяти на всю жизнь. Тем более что отчитываться о визите за океан Людмиле (на сей раз только ей одной) пришлось Верховному главнокомандующему. И. В. Сталин долго расспрашивал о впечатлениях от поездки, настоятельно попросил поделиться своими мыслями о подготовке сверхметких стрелков, об их оружии, интересовался тактикой, которую его собеседница применяла в степи под Одессой и в горах у Севастополя.

Стал он расспрашивать и о том, почему Людмила так рвется назад, на фронт.

— Очень много потерь в этой войне, — ответила Павличенко. — Но ведь воевать кому-то надо. Вот я и хочу вернуться к своим боевым товарищам. У меня — знания и опыт. Так что шансов уцелеть больше.

«Я видела, — писала Людмила Михайловна, — что мой ответ собеседнику понравился. Но заговорил он не сразу.

— Вам нельзя, — вдруг сделал вывод он. — Арифметику знаете?

Удивленная таким поворотом в разговоре, я кивнула. Сталин взял карандаш, придвинул к себе большой блокнот, который лежал на столе, и начал объяснять, как учитель в школе:

— Если поедете на фронт, убьете сто фашистов. Однако вас тоже могут подстрелить. А если обучите сто снайперов, передадите им свой бесценный опыт и каждый из них застрелит хотя бы десять гитлеровцев, — сколько будет? Тысяча. Вот вам и ответ. Вы здесь нужней, товарищ лейтенант...»<sup>423</sup>

Так что на фронт Людмила уже не вернулась, ее опыт и мастерство были востребованы в Центральной школе инструкторов снайперского дела, дислоцировавшейся в Вешняках под Москвой. Здесь она подготовила немало мастеров сверхметкого огня, делясь военным опытом.

Интересно, что ее пребывание на американской земле еще долго будоражило общественное сознание. По следам визита певец и композитор Вуди Гатри написал песню «Мисс Павличенко» («Miss Pavlichenko»). Текст немного наивный, выдает в авторе человека, в военных делах совершенно неискушенного, но зато искреннего в своем восторге перед советской девушкой-героиней. Слова песни заслуживают быть приведенными с минимальным числом купюр.

Мисс Павличенко, ее слава известна,  
Россия — твоя страна, сражение — твоя игра,  
Твоя улыбка сияет, как утреннее солнце,  
Но более чем три сотни нацистских собак пали от твоего оружия.  
<...>

Не хотел бы я приземлиться с парашютом в вашей стране, как враг.

Если ваш советский народ так сурово поступает с захватчиками,  
Не желал бы я найти свой конец, пав от руки такой красивой девушки,

Если ее имя — Павличенко, а мое три-ноль-девять...

Жизнь у каждого из нашей героической тройки, ставшей полпредом советского народа за океаном, сложилась по-разному. В. Н. Пчелинцев воевал до самого конца войны. Он стал одним из самых результативных снайперов Второй мировой войны, уничтожив 456 солдат, унтер-офицеров и офицеров врага. Позднее был направлен на учебу и на боевую позицию со снайперской винтовкой больше

не выходил. В 1944 г. окончил высшие офицерские курсы «Выстрел», а уже после войны — Военную академию связи в Ленинграде. Служил в армии до 1976 г., уволился в запас полковником. Умер в 1997 г. в подмосковной Балашихе, где жил после увольнения в запас и работал, активно занимаясь военно-патриотической работой с молодежью. Написал несколько книг о своей лейтенантской юности.

А вот у Николая Красавченко в его биографии не обошлось без «зигзагов», продиктованных большой политикой. Он возвратился из поездки по США и Великобритании и был тут же избран 1-м секретарем Московского обкома и Московского горкома ВЛКСМ. Впереди вырисовывалась серьезная партийная карьера, однако в декабре 1949 г. его неожиданно сняли с должности и перевели в резерв горкома ВКП(б). Официально об этом не сообщалось, но в партийном аппарате знали и кто с тревогой, а кто — со злорадством следили за перипетиями раскручивавшегося в столице так называемого Московского дела, в центре которого оказался руководитель городской и областной парторганизации, он же — секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Попов. Номенклатурным противникам Попова, в числе которых были члены Политбюро ЦК ВКП(б) Н. С. Хрушев и Г. М. Маленков, удалось заручиться поддержкой быстро стареющего И. В. Сталина и снять лидера московских коммунистов с должности. Как и полагалось в тогдашних политических кампаниях, устранялось и окружение провинившегося.

Но в отличие от так называемого Ленинградского дела, основные фигуранты которого были расстреляны, москвичи отделались легким испугом. Сам Попов получил, например, должность министра городского строительства СССР. Красавченко же был в 1950 г. исключен из ВКП(б) и больше к профессиональной комсомольской и партийной работе не возвращался. Дальнейший жизненный путь Николая Прокофьевича оказался связан с наукой и высшей школой, его «лебединой песней» стало ректорство в Московском историко-архивном институте. Умер он в 1993 г. Известно, что после войны Красавченко несколько раз встречался со своими товарищами по поездке в Америку и на Британские острова, жаль, письменных свидетельств этих встреч не осталось.

Людмила Павличенко же до середины 1943 г. служила в Центральной школе инструкторов снайперского дела. В этот период как раз и начали оформляться ее рекомендации, которые позднее нашли отражение в книге «Героиче-

ская быль» и других публикациях, но пользоваться которыми курсанты школы взялись, разумеется, сразу, по горячим следам. Например, такие: «Приемы у снайперов разные бывают. Лежу я, обыкновенно, впереди переднего края, или под кустом, или отрываю окоп. Имею несколько огневых точек. На одной точке бываю не более двух-трех дней. Со мной всегда есть наблюдатель, который смотрит через бинокль, дает мне ориентиры, следит за убитыми. Убитых проверяет разведка. 18 часов пролежать на одном месте довольно трудное занятие, причем шевелиться нельзя, а поэтому бывают просто критические моменты. Терпение здесь нужно адское. Во время засады брали с собой сухой паек, воду, иногда ситро, иногда шоколад, а вообще снайперам шоколад не положен... Надо сказать, что если бы у меня не было физкультурных навыков и подготовки, то 18 часов пролежать в засаде я бы не смогла».

Уместно напомнить, что за время Великой Отечественной войны в СССР для нужд Красной армии во всех формах подготовки (Всевобуч, ОСОАВИАХИМ, Центральная школа инструкторов снайперского дела, Центральная женская школа снайперской подготовки, учебные формирования на фронтах и др.) было подготовлено более 400 тысяч снайперов<sup>424</sup>.

25 октября 1943 г. указом Президиума Верховного совета СССР лейтенант Павличенко была удостоена звания Героя Советского Союза. Как и в случае с награждением орденом Ленина, специфику боевой работы в качестве снайпера в указе отражать не стали и обошлись шаблонной формулировкой: «За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм»<sup>425</sup>. При этом Людмила Михайловна — единственная из снайперов-женщин, получившая это звание при жизни, а не посмертно.

Но еще до этого, в начале августа, она стала слушателем Краснознаменных стрелково-тактических курсов усовершенствования командного состава пехоты «Выстрел». А по их окончании до мая 1944 г. оставалась в этом прославленном и совершенно уникальном военно-учебном заведении на преподавательской работе в должности инструктора снайперского дела.

Победный май 1945-го Людмила встретила в родном Киеве. Ей еще в конце 1944 г. дали возможность завершить полный университетский курс и стать дипломированным



историком. Затем она вернулась в Москву, продолжала служить во флоте, но уже на научной ниве. Будучи майором береговой службы, стала научным сотрудником Главного штаба Военно-морского флота. Вышла замуж.

Людмила Михайловна Павличенко умерла 27 октября 1974 г. в возрасте всего 58 лет. С полным основанием можно утверждать, что ее догнала война — ранениями, контузиями, болью потерь самых близких и дорогих людей.

В Центральном музее Вооруженных сил Российской Федерации в специальной экспозиции представлены личные вещи и подарки Людмиле Михайловне. Рядом с винтовкой Мосина, оптическим прицелом и книжкой снайпера — обыкновенная детская рогатка с надписью: «Не промахнись»... Трогательный подарок, от которого у посетителей наворачиваются слезы, лучше, чем многое другое, напоминает: то была война, поднявшая на защиту Отечества и женщин, и детей.

### **Есть ли у снайпера Павличенко «загадка»?**

Нет необходимости скрывать, что личность и боевые дела Л. М. Павличенко, как и десятков других канонических фигур Великой Отечественной войны (Александра Матросова, Зои Космодемьянской, Георгия Жукова, героев-панфиловцев... — этот список длинен), в последние годы попали в поле особого внимания. Факты, которые десятилетиями считались неоспоримыми, ставятся под сомнение, концепции подвергаются пересмотру.

В ряде случаев имеет место сознательное умаление заслуг, очернение героев войны, о них — особый разговор. Но нередко это — попытка докопаться до сути, подтвердить достоверность данных, которые принимались на веру и никем по-настоящему не проверялись. И никто не может отказать добросовестным исследователям в праве на такую попытку, такой поиск. В конце концов, никому не возбраняется задавать вопросы, на которые либо ответы не даны, либо они носят расплывчатый характер.

Ряд таких вопросов о некоторых деталях жизненного и боевого пути Л. М. Павличенко поставил О. А. Каминский — руководитель сектора истории авиации Одесского военно-исторического центра «Память и Слава». С подробностями можно легко познакомиться по размещенной в Интернете публикации<sup>426</sup>.

Главное, что Каминский ставит под сомнение, это — боевой счет Людмилы Павличенко в 309 уничтоженных захватчиков. Его аргументы сводятся по существу к утверждению, что за столь короткий срок, в течение которого воевала Павличенко (с августа 1941-го по июнь 1942 г., да еще выходя из строя по трем ранениям и четырем контузиям в общей сложности на несколько месяцев), просто невозможно, невероятно уничтожить такое количество солдат и офицеров противника. Подобной «скорострельности» не смог добиться ни один снайпер, в том числе мужчина.

При этом Каминский обращает внимание на то, что, имея такой невероятно большой боевой счет, Людмила долгое время не была отмечена ни единой боевой наградой. Ее имени нет ни в одном наградном приказе, изданном по результатам обороны Одессы, притом что, по официальным данным, только на подступах к городу у моря она застрелила 187 захватчиков. Первая из наград — весьма скромная медаль «За боевые заслуги» — последовала лишь 24 апреля 1942 г., когда боевой счет Людмилы подошел к 260 убитым врагам, в том числе почти 30 немецких снайперов. И это притом что удостоенные к этому времени звания Героя Советского Союза И. Д. Вежливцев, П. И. Голиченков, А. А. Калинин, С. П. Лоскутов, В. Н. Пчелинцев, Ф. А. Смолячков и другие имели гораздо меньший личный счет: от 100 до 155 уничтоженных оккупантов. Высоких государственных наград были удостоены и многие сослуживцы Павличенко по Приморской армии, в том числе снайперы, хотя они имели куда более скромные результаты, чем она.

Согласимся, такой факт действительно требует объяснения. Первое, что приходит на ум: на войне, как и в жизни вообще, далеко не всегда отмечают по заслугам. Например, звания героя не были удостоены некоторые снайперы, чей личный счет был значительно большим, чем у названных выше мастеров меткого огня, в том числе Павличенко: М. И. Сурков — 702 уничтоженных врага, В. Ш. Квачантирадзе — 534, И. М. Сидоренко — 500, И. Н. Кульбертинов — 489, М. И. Буденков — 437 и др.

Задержку с присвоением Павличенко звания героя можно отнести и на довольно забюрократизированный порядок представления к наградам, когда в порядке вещей было издание указа даже о посмертном награждении через много месяцев после момента подвига. К слову, на-

мек на это содержится и в книге воспоминаний Людмилы Михайловны. Как и на ее прямой, открытый характер, смелость, с которой резала в глаза начальству «правдumatку», что тоже не способствовало ускоренному представлению к заслуженной награде. Причина может корениться в особенностях обыденного сознания большинства людей. Счет Павличенко вырос так быстро, что удостоить ее «скромной» награды было уже нонсенсом, а представить к награде весомой, вроде ордена Ленина, командование не решалось, ждало, когда этот счет станет еще более весомым, чтобы действовать уже, так сказать, наверняка. А когда бои за Севастополь вступили в решающую фазу, было уже, прямо скажем, не до награждений. Возможно, такие объяснения могут показаться не очень серьезными, но история войны буквально напичкана похожими примерами несоответствия действий командиров разных степеней требованиям руководящих документов и даже формальной логике.

Невозможно согласиться с утверждением «критика», что «судя по всему, были серьезные сомнения в правдивости боевого счета Павличенко, например, в отношении ее успехов в борьбе с вражескими снайперами». И будто бы только после того, как Людмилу после излечения направили из Новороссийска в Москву, Главное политуправление Красной армии (цитируем), «имея далеко идущие пропагандистские планы, стало активно “работать” с новоиспеченной кандидаткой в героини». О каких сомнениях командования в правдивости боевого счета Павличенко можно говорить, если ее показатели назывались публично, в центральной прессе не после, а еще в ходе обороны Севастополя (например, в упомянутой ранее статье в «Известиях» от 17 мая 1942 г. за подписью дивизионного комиссара И. Ф. Чухнова)? Как можно называть «новоиспеченной кандидаткой в героини» человека, опять-таки публично признанного героиней ее командирами и сослуживцами по обороне Одессы и Севастополя, человека, в честь которого задолго до пресловутого вызова в ГлавПУ слагали стихи известные всей стране поэты?

И уж совсем недостойно выглядят досужие рассуждения «критика» относительно того, что образ Павличенко должен был в советской пропаганде заменить «изрядно потускневший», по его выражению, образ мученицы Зои Космодемьянской. Это такая, извините, дичь, что и комментария не требует.

Можно отчасти согласиться с тем, что методики подсчета успехов снайперов (как, впрочем, и истребителей танков, летчиков-истребителей и др.) грешили многими недостатками, а подчас имели место и приписки. Но в каждом конкретном случае обвинений нужны железные доказательства. Попытки же бросать упрек в адрес Павличенко ли, других ли участников войны, не имея на то веских оснований, а лишь опираясь на обывательские рассуждения, никакому даже самому правдолюбивому исследователю лавров не принесут.

---

---

## Алексей Яковлевич ЛЕЩЕНКО

*Родился 4 (17) марта 1906 г. в поселке Васильевка Мелитопольского уезда Таврической губернии.*

*В декабре 1928 г. призван на военную службу в Морские силы Черного моря. После окончания объединенной школы старшин учебного отряда в августе 1929 г. направлен для дальнейшего прохождения службы на 35-ю башенную батарею береговой обороны главной базы флота — Севастополя. В декабре 1931 г. оставлен на сверхсрочную службу в должности старшины 1-й башни.*

*В 1934 г. экстерном окончил параллельные курсы при военно-морском училище, получил воинское звание лейтенант. Назначен помощником командира 1-й башни, а через два года — помощником командира 35-й башенной батареи. В 1937 г. по политическим мотивам уволен в запас и исключен из ВКП(б). После партийного расследования восстановлен в партии и возвращен в кадры флота.*

*Окончил Курсы усовершенствования командного состава НКВМФ, назначен командиром береговой батареи № 13. С сентября 1940 г. — командир 35-й башенной батареи. Командовал батареей в течение всей обороны Севастополя вплоть до 3 июля 1942 г. После подрыва батареи вследствие полученного ранения эвакуирован в Новороссийск. После излечения вошел командиром 117-го артиллерийского дивизиона Новороссийской военно-морской базы. Во главе него с 30 апреля 1944 г. принимал участие в освобождении Севастополя. В дальнейшем служил в составе частей береговой обороны Тихоокеанского флота.*

*После Великой Отечественной войны служил на Балтийском флоте. В 1955 г. уволен в запас по состоянию здоровья. Последнее воинское звание — подполковник.*

*Награжден орденами Ленина, Красного Знамени (два*

жды), *Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, медалью «За оборону Севастополя», другими медалями.*

*Умер 9 августа 1970 г. Похоронен в городе Киеве на Лукьяновском военном кладбище.*

«Нас не предали, но и не спасли...» Чтобы разделить мнение тысяч защитников Севастополя, оставленных командованием на Херсонесе перед лицом озверевшего врага, надо было быть одним из них, сполна испить чашу испытаний июльских дней 1942-го. А он и был одним из них — командир легендарной 35-й башенной батареи Алексей Лещенко. И не его «вина», что он остался жив в той мясорубке. Рок, судьба? Нет — верные морскому братству подчиненные Лещенко в буквальном смысле забросили своего командира, находившегося без сознания из-за тяжелой контузии, на борт одного из последних морских охотников...

После излечения Алексей Яковлевич много воевал, долго служил на флоте (хотя и не на Черном море), но до конца дней не было для него уголка земли ближе, чем Херсонес. Его подвижничеству в борьбе за правду о последних днях обороны Севастополя потомки обязаны рукописи воспоминаний «История башенной батареи № 35 береговой обороны Черноморского флота (декабрь 1927 — июль 1942 года)». Это — подлинно исторический документ, содержащий рассказ о таких фактах, упоминания о которых нет в других письменных источниках. Недаром на него ссылались в своих воспоминаниях вице-адмирал И. И. Азаров и генерал-майор П. А. Моргунов.

Понятно, что и нам пройти мимо этого свидетельства нашего героя было бы самым настоящим преступлением.

## **Береговой линкор**

Батарея № 35 была предназначена в первую очередь для отражения нападений с моря. Но еще военные инженеры Русского императорского флота пришли к выводу: необходимо сооружать морские береговые батареи таким образом, чтобы сектора их обстрела позволяли вести стрельбу одинаково как по акватории, так и по побережью.

Место для установки крупнокалиберной береговой батареи, способной защитить город со всех направлений, выбрали еще до революции 1917 г. — это был наиболее высот-

ный район мыса Херсонес вблизи Казачьей бухты. Однако сооружение объекта стало достижением уже советского Военно-морского флота. Бронебашенная четырехорудийная 305-мм стационарная артиллерийская система предназначалась для ведения боя с сильным морским противником на подступах к главной базе Черноморского флота.

Всего несколько цифр позволяют представить грандиозность работ. Общая стоимость бронебетонной части батареи была сравнима со стоимостью постройки плотины Днепрогэса. Такой же по объему была общая железобетонная масса батарейной крепости со всеми потернами (подземными ходами). Общая площадь железобетонных покрытий составила 5 тысяч м<sup>2</sup> при толщине свода более 4 м. Орудия длиной ствола 15 м и весом 53 т каждое могли наводиться на цель независимо друг от друга или вместе, при этом посылали гранату весом 471 кг на дальность 27 км, а фугасный снаряд весом 314 кг — почти на 46 км<sup>427</sup>.

Башни размещались в отдельных бетонированных блоках и имели по два зарядных и снарядных погреба. Боеприпасы располагались на специальных стеллажах. Их загрузка в арсенал батареи осуществлялась с помощью хорошо замаскированной монорельсовой железной дороги, проведенной от форта к берегу бухты, и кранов. Кроме основного городка (казарм) под землей размещался еще небольшой военный городок, где имелись кладовые и кают-компания, жилые и бытовые помещения, лазарет и котельная, машинное отделение и орудийный погреб. Подземные помещения батареи имели специальные химические фильтры и систему принудительной вентиляции, что делало невозможным проникновение ядовитых газов. Командный пункт управления огнем находился в 500 м от башни в хорошо защищенном и замаскированном помещении. В подземные казематы батареи вели три бронированные двери из металла и бетона толщиной около 3 м, изготовленные на Ленинградском сталелитейном заводе.

Бронебашенная батарея № 35 вступила в строй в 1929 г. В последние перед Великой Отечественной войны годы она была модернизирована и усилена. Вокруг нее были построены доты и дзоты, отрыты траншеи и ходы сообщения. Интересно, что батарея в определенной степени представляла собой овеществленное наследие императорского флота. Ее артиллерийские установки МБ-2-12 были оснащены за счет хранившихся в арсеналах стволов 305-мм орудий с флагмана императорского Черноморского флота — линей-

ного корабля «Императрица Мария», ставшего в октябре 1916 г. жертвой взрыва пороховых погребов вследствие вражеской диверсии.

К северу от 35-й была построена аналогичная ей 30-я бронештурмовая батарея, вступившая в строй летом 1933 г. О значении, которое военно-политическое руководство СССР придавало этим объектам, говорит хотя бы факт посещения их в 1929 г. И. В. Сталиным. Обе батареи были сведены в 1-й отдельный (с 18 июня 1942 г. — гвардейский) артдивизион. Грозные «береговые линкоры» были главной огневой силой береговой обороны Черноморского флота, которая к началу войны имела на вооружении 93 орудия калибра от 100-мм до 305-мм. Недаром немцы и румыны называли 35-ю и 30-ю ББ фортами, дав им собственные названия «Максим Горький-1» и «Максим Горький-2».

Забегая вперед скажем, что в первый раз в своей истории 35-я батарея открыла огонь по противнику, вышедшему в район Мекензиевых гор, 7 ноября 1941 г., уничтожив одно дальнобойное орудие и три минометные батареи. И далее, вплоть до оставления советскими войсками Севастополя, мощная артиллерийская система, предназначенная для ведения боевых действий против сильного морского агрессора, весь боезапас потратила на отражение его наступления с сухопутного направления. Как и в Крымскую войну, главную базу Черноморского флота пришлось оборонять с суши.

Алексей Яковлевич Лещенко всегда с иронией, называя их «корректировщиками», отзывался о тех авторах, кто утверждал, будто береговые артиллеристы учились стрелять только по морским целям и им пришлось переучиваться, чтобы управлять огнем по сухопутным целям. Нет, навыки такой стрельбы у них были прочные, полученные в ходе многочисленных тренировок до войны. Но все же, как признавал комбат, «серьезно не думали, что нам придется воевать и вести огонь по врагу под Севастополем»<sup>428</sup>.

Накануне оставления нашими войсками Одессы на 35-ю батарею прибыл бывший командир Одесской военно-морской базы, а в тот момент заместитель командующего Черноморским флотом по обороне главной базы контр-адмирал Г. В. Жуков.

— Приехал познакомиться с батареей и с системой сухопутной обороны, — сообщил он Лещенко цель своего визита, — показывайте, командир.



Показать было что: башни, подбашенные отделения, потерны находились в образцовом порядке, все механизмы работали без задержек. Любо-дорого было посмотреть на сноровистые действия личного состава по сигналу командира «Оборона батареи с суши». Адмиралу Жукову, как понял Алексей Яковлевич, было важно составить четкое представление не только о том, как батарея сможет сберечь себя, но и о ее возможностях оборонять главную базу флота. Он поделился опытом поддержки береговой артиллерией пехоты под Одессой и дал указания готовиться к такого же рода действиям на подступах к Севастополю.

Лешенко запомнились слова заместителя командующего ЧФ: «Смотри, комбат. Твоя батарея станет самым важным участком обороны, если мы впустим немцев в Крым». К сожалению, это предвидение оправдалось очень скоро.

### **От номерного до командира батареи**

Путь Лешенко к главной должности его жизни очень похож на путь миллионов его ровесников. К моменту его призыва на действительную службу он окончил поселковую школу и выучился на паровозного машиниста. Опыт работы с механизмами наверняка сыграл свою роль, кроме личного желания, в его призыве в декабре 1928 г. на Черноморский флот, по терминологии того времени — Морские силы Черного моря. Учитывая немалую по тем временам техническую подкованность краснофлотца Лешенко, его направили в объединенную школу артиллерийских старшин учебного отряда флота. А по ее окончании в августе 1929-го назначили на башенную батарею береговой обороны № 35. Здесь за 10 последующих лет довелось ему пройти путь от номерного в отделении подачи боеприпасов до командира батареи.

Одна из главных причин — неутолимая жажда знаний молодого краснофлотца. «Мощная боевая техника меня очень привлекла так, что я и в свободное время старался прочитать описание и просмотреть чертежи, чтобы быстрее овладеть техникой, изучить детально ее действия. И я старался как можно быстрее ее освоить и научиться ею быстрее управлять», — вспоминал Лешенко<sup>429</sup>.

Уже через несколько недель он стал комендором-наводчиком, а еще через непродолжительное время — коман-

диром правого орудия 2-й башни. Такую должность обычно занимали старшины с многолетним опытом службы.

В декабре 1931 г. срочная служба Лешенко подошла к концу, и когда командир батареи, а им был будущий флагманский артиллерист ЧФ А. А. Руль, предложил Алексею остаться на сверхсрочную, тот не упирался и не раздумывал. И вот Лешенко — уже старшина 1-й башни. Он хочет расти, учиться дальше, но рапорт с просьбой о направлении на параллельные курсы при военно-морском училище ему вернули: нужен на батарее. Экзамены же предложили сдать экстерном. Сочетать службу и учебу было сложно. Но организованность и упорство дело свое сделали: в 1934-м, сдав необходимые экзамены, Алексей Лешенко становится средним командиром РККФ и получает назначение помощником командира 1-й башни.

На батарее он был единственным из лиц командного состава, не окончивший военно-морского артиллерийского училища. А отставать от своих товарищей Алексей не хотел. Вот и усиленно совмещал самоподготовку с выполнением служебных обязанностей и работой с личным составом. Через два года он получил третью по значимости (после командира и военкома) должность на 35-й ББ — помощника командира. Если проводить аналогию с боевым кораблем — Лешенко стал старпомом, да еще такой грозной крепости, притом не имея высшего образования. У артиллеристов такой служебной категории это было редкостью. В полной мере происшедшее осознал сам Алексей Яковлевич. «У меня, как у помощника командира батареи, работы было много: организация повседневной и боевой службы, организация боевой подготовки, ведение хозяйства батареи — все это лежало на мне. От того, как работает и разворачивается помощник командира батареи, зависит ход боевой подготовки и организация службы на батарее», — писал он без всяких преувеличений<sup>430</sup>.

В своих воспоминаниях Лешенко неизменно с уважением и благодарностью отзывался о людях, с чьей помощью рос в профессиональном отношении. Его добрая память о командирах батареи, под началом которых ему довелось служить — Е. П. Донце, И. Ф. Кабалюке, А. А. Руле и П. А. Моргунове (в 1941–1942 гг. — начальник береговой обороны ЧФ и СОР, генерал-лейтенант), многое говорит о человеческих качествах Алексея Яковлевича.

Служба спорилась, однако наступил 1937 г., по всей стране ширилась кампания по выявлению «врагов народа»,

доносы множились, эта мутная волна накрыла и Лещенко. В компетентные органы поступила порочащая помощника командира секретного объекта информация: его отец — якобы бывший царский офицер и служил в белой армии, а его родственником является известный в эмигрантской среде певец Петр Лещенко. Донос свою подлую роль сыграл: Лещенко исключили из партии и уволили со службы.

Моряк не смирился, толкался во все партийные двери флота, а затем обратился с жалобой в ЦК ВКП(б). Видно, не черствой душе попала она в руки. Из Москвы пришло предписание тщательно разобраться в ситуации. Парткомиссия флота направила одного из своих членов на родину Лещенко, и собранный им материал позволил отклонить все наветы. Решение парткомиссии батареи было отменено, и Лещенко восстановили в партии. Сразу сдвинулся с места и вопрос восстановления на службе. Алексею предложили вернуться на ранее занимаемую должность, но молодой командир выдвинул свои резоны против. Не хочу, заявил он, чтобы люди, которые ранее видели в нем «примазавшегося к партии», теперь, ощутив его требовательность и взыскательность, воспринимали их как придирки и попытки свести счеты. Командование согласилось, и Лещенко был назначен командиром батареи 122-мм орудий.

Но родная 35-я батарея не отпустила. Менее чем за год до войны, в сентябре 1940 г., старший лейтенант Лещенко, окончивший к тому моменту годичные курсы усовершенствования командного состава ВМФ, стал ее командиром. «Вступая в командование 35-й батареей, мне не пришлось тратить время на ознакомление с организацией боевой и повседневной службы, не пришлось изучать технику и боевые свойства батареи, — писал наш герой. — Все это я знал и, нужно прямо сказать, знал основательно»<sup>431</sup>.

Слова не расходились с делами. По итогам года 35-я ББ была признана на флоте лучшей и завоевала переходящий приз командующего вице-адмирала Ф. С. Октябрьского.

## Война началась

На 29 июня 1941 г. штабом флота была запланирована комплексная стрельба с 30-й батареей «Совместный бой двух крупнокалиберных батарей с главными силами противника». Но надо ли говорить, что когда наступило 22 июня, моряки флота стали руководствоваться уже не

программами боевой учебы и экзаменовал их не старший начальник, а противник?

В последнюю мирную ночь 35-я ББ была дежурным средством боевого обеспечения береговой обороны флота. Оперативное дежурство требовало от личного состава батареи находиться на боевых постах или в жилых кубриках, под «массивом». Сам Лещенко тоже был на батарее, не поддаваясь желанию после только что завершившегося двухнедельного учения флота дать хоть какую-то передышку и себе, и подчиненным. Более того, для проверки несения боевой службы личным составом в 23.00 он объявил по батарее сигнал «Боевая тревога». Личный состав уложился в положенное время, все боевые средства оказались готовы к немедленному действию. Потом около получаса Лещенко посидел возле боевой рубки, наслаждаясь южной ночью и доносившимся шумом прибора. Даже не думалось, что тишину могут взорвать выстрелы и взрывы. И даже когда все же прилегшего отдохнуть комбата разбудил звук колоколов громкого боя и звонок телефона, в трубке которого он услышал от своего помощника капитана Никульшина всего два слова: «Сигнал развертывания», мысли о том, что это настоящая боевая тревога, а не учебная, по признанию Лещенко, не было.

Сигнал для батареи означал: перейти на повышенную боевую готовность, расконсервировать и выдать всему личному составу штатное оружие и противогазы, расставить людей по штатам военного времени. Что ж, подумалось комбату, учения продолжаются. А буквально через час-полтора, став свидетелем бомбежки «неизвестными» самолетами главной базы и поняв, что это — не учения, он, как и его подчиненные, терялся в догадках, чья это была авиация. «Разные мысли проносились в голове, некоторые [военнослужащие] высказывали свои предположения, но о том, что напала фашистская Германия, у меня и мысли не было, ведь недавно был заключен договор о дружбе и о ненападении между Советским правительством и правительством Германии»<sup>432</sup> — такое признание дорогого стоит. Наш герой не стал приписывать себе задним числом какую-то сверхъестественную прозорливость, написал откровенно. И это признание, пожалуй, лучше всего демонстрирует противоречивость политических установок кануна войны. Если война, то кто же напал? Как вспоминал Лещенко, неотвязно крутилась одна мысль — турки, румыны, англичане? О возможности вероломного нападения Германии даже

не думалось, настолько цепкими были пропагандистские клише. Напомним хотя бы печально известное сообщение ТАСС от 14 июня 1941 г., в котором слухи о «близости войны между СССР и Германией» выдавались за происки английской пропаганды.

Все недоуменные вопросы батарейцев сняло выступление по радио В. М. Молотова в полдень наступившего 22 июня. Ни штаб флота, ни командование береговой обороны до этого никакой информации частям и кораблям не давали. Они и сами не были сориентированы из Москвы, в результате в течение целых восьми часов весь флот пребывал в состоянии тревожного ожидания.

Воспоминания Лещенко интересны еще и тем, что они позволяют увидеть события первого дня войны на ЧФ, казалось бы, так подробно описанного, но увидеть несколько в ином свете, чем это обычно делалось и делается. Стало уже общим местом утверждение, что как только система ВНОС флота доложила о подходе со стороны моря неизвестных самолетов, корабли и город погрузились во тьму. Но вот что пишет Лещенко, наблюдавший за происходящим с сигнального мостика, возвышавшегося над местностью и потому дававшего отличный обзор: «Фарватер показывали створные огни, огонь Херсонесского маяка показывал поворот с моря на Севастополь. Зенитные батареи ведут артогонь по освещаемым прожекторами самолетам, а огни створных знаков и Херсонесского маяка — горят. Для меня оставалось неясным: почему горит огонь Херсонесского маяка?»<sup>433</sup> Этим вопросом задались, разумеется, и в вышестоящем штабе. Попытки дозвониться на маяк были тщетными. По приказу из штаба артдивизиона, в состав которого входила 35-я ББ, Лещенко срочно направил к маяку лейтенанта Миловидова с двумя матросами с категорическим приказом, не останавливаясь перед угрозой оружием, погасить огни. Через 10–12 минут маяк погрузился в тишину, а возвратившийся лейтенант доложил: вахтенный спал сном праведника. Вот тебе и «бдительность». А в результате немецкие бомбардировщики смогли, невзирая на противодействие ПВО, сбросить на фарватере донные мины. Их сбрасывали на парашютах, и многие посчитали, что противник сбрасывает парашютный десант. На батарею поступил приказ командира дивизиона Радовского приготовиться к его отражению. Позднее эта информация не подтвердилась, однако, как вспоминал Лещенко, «десантомания» долго будоражила Севастополь. Гражданское насе-

ление в каждом военном с новыми нашивками или эмблемами видело вражеского шпиона или парашютиста.

Между тем на батарее кипела работа по оперативному развертыванию. «Переход от мирной жизни к военной по организации произошел нормально, а вот в уме никак не укладывалось, что началась война», — признавался в своих воспоминаниях Алексей Яковлевич. При этом он не мог скрыть глубокого удовлетворения тем, что ни проявлений паники, ни жалоб личного состава на тяжесть службы не было ни в этот, первый день, ни позднее. Значит, правильно воспитывали подчиненных. Один лишь пример: когда на батарее еще в ходе боев за Одессу отбирали 60 бойцов для участия в десанте в районе Григорьевки, добровольцами вызвались стать все краснофлотцы и младшие командиры без исключения. Пришлось комбату отбирать десантников самостоятельно. И доверие они в ходе высадки оправдали полностью — лавиной рванули вперед и смяли противника. лейтенант Зеленый заменил в бою убитого командира роты, возглавил штурмующих, пока его самого не сразила вражеская пуля.

За 22 июня на 35-й батарее последовали напряженные боевые будни. Но если моряки эскадры и летчики морской авиации буквально с первых минут войны приняли участие в боевых действиях — отражали налеты немецкой авиации, бомбили Плоешти и Констанцу, совершали набеги на румынское побережье, то подчиненные Лещенко еще только готовились во всеоружии встретить противника. На батарее напряженно текла повседневная жизнь. Боевая подготовка велась по плану, сменялись вахты, заступал наряд в караул. Проводились политические занятия и политические информации.

Прибывал мобилизованный приписной состав, за счет которого штат батареи увеличился вдвое — до 300 человек. Тут возникла еще одна коллизия, свидетельствовавшая, что тыловая служба к войне хотя и готовилась, но недостаточно основательно. Для вооружения вновь прибывших краснофлотцев потребовались дополнительно 200 винтовок, а на складе артуправления флота их не оказалось. По требованию Лещенко ему передали 200 учебных винтовок, которые силами батареейной мастерской были приведены в боевую готовность. Позднее матросы получили новые винтовки, которыми заменили учебные, но происшедшее авторитета тыловикам не добавило.

Пополнение сразу же начинало подготовку, отрабаты-

вались индивидуальные и коллективные действия людей у боевых механизмов. В короткий срок вновь прибывшие довольно прочно овладели навыками боевой работы. Видя, что их есть кем заменить, многие краснофлотцы да и младшие офицеры стали подавать рапорты с просьбой перевести их в бригады морской пехоты, чтобы не ждать, а сражаться. Притом что Красная армия продолжала отступать и бои вскоре развернулись уже сравнительно рядом — под Одессой, никто не думал, что враг ворвется в Крым, и батареям, как и всем севастопольцам, придется воочию увидеть врага и вступить с ним в бой. Убеждение, что немцев и румын удастся остановить еще на дальних подступах, было так велико, что, по собственному признанию Лещенко, «если бы мне тогда кто сказал, что враг подойдет к Севастополю и нам придется оставить его, я посчитал бы такого человека провокатором и, наверное, отдал бы приказ арестовать и отправить в особый отдел»<sup>434</sup>.

Однако напор врага был столь мощным, что уже в августе в предвидении скорой опасности вокруг главной базы стали сооружаться оборонительные рубежи. На личный состав батареи лег груз создания системы сухопутной обороны — отрывались окопы и ходы сообщения, обустроивались доты и дзоты. Но строительные работы были лишь малой, хотя и очень трудоемкой частью такой подготовки. «Стрельба по сухопутным целям дальнобойной и мощной артиллерией, — вспоминал Лещенко, — требовала надежной маневренной связи, а также необходимого количества оборудованных НП и хорошо обученных корректировщиков... Пришлось больше внимания подготовке корректировочных постов, да и опыт береговой обороны подсказывал это»<sup>435</sup>. К сентябрю была произведена привязка 14 точек для наблюдательных постов (НП), а также за счет личного состава батареи укомплектованы семь постов для корректировки артогня.

С самого начала приходилось разрешать трудные задачи, проявлять смекалку, поскольку руководящие документы подсказывали выходы из положения далеко не всегда. Так как батарея могла обстреливать сухопутный фронт обороны на всем его протяжении, ей требовалось иметь не меньше семи корректировочных постов, а подготовленных для этого артиллеристов было всего четыре человека — старший лейтенант Захаров, лейтенанты Хонякин, Миловидов и Дмитриев. К ним при необходимости добавлялся помощник командира батареи капитан Никульшин.

Но так как их нельзя было отозвать с боевых постов у орудий, то Лещенко принял решение подготовить корректировщиков из старшин и младших командиров. В эту группу вошли старшина дальномерный Волков, старшины башен Славиковский и Трамбовецкий, старший писарь Лобанов и ряд других младших командиров. С этой группой корректировщиков пришлось серьезно поработать. Хотя все они были первоклассными специалистами в своем деле, но чтобы корректировать огонь батареи, надо было иметь артиллерийскую подготовку. Нужно знать карту, уметь сличать ее с местностью, найти на карте точку свою и цели, уметь подготовить исходные данные по карте, словом, выработать много навыков, без которых успешно действовать корректировщику невозможно.

Что-то достигалось теоретически, но вот, например, для выработки умения в массе разрывов снарядов определять разрывы своей батареи нужна была практика: а где ее получишь без стрельбы? Специального полигона не было. Нашли небольшой мыс между 18-й и 19-й береговыми батареями, по которому, хотя и с риском, можно было провести стрельбу практическими снарядами, то есть болванками, не начиненными взрывчатым веществом. Это уменьшало опасность поражения при непредвиденной ошибке в корректировке или подготовке исходных данных. Практический снаряд взрыва не давал, но падение почти полутонного снаряда поднимало облако земли и пыли, и наблюдать момент и место падения можно было уверенно. Такая стрельба по наземной цели стала хорошей тренировкой для корректировщиков и, по существу, — предварительным зачетом перед тяжелым и серьезным экзаменом, который сдавала батарея и ее корректировщики в боях при обороне Севастополя.

Важной задачей оказалась прокладка линии телефонной связи. 35-я батарея была связана с 30-й воздушной телефонной линией, которая шла по балкам и ложбинкам вокруг города и Северной бухты. От этой круговой линии связи батарейные связисты сделали «усы» к намеченным НП. Кроме телефонной связи корпосты имели с батареей радиосвязь. Подчиненные Лещенко решили важнейшую задачу, о чем говорит уже тот факт, что круговая телефонная линия батареи впоследствии была использована штабом Приморской армии как один из каналов связи с соединениями.

Между тем 28 сентября противник подошел к Армян-



ску, начались бои уже непосредственно на крымской земле. Правда, об этом командир батареи узнал не от вышестоящего командования, а от... своих подчиненных, откомандированных на север полуострова для заготовки овощей. «Мне кажется, — писал Лещенко, — что такая “военная тайна” не приносила пользы, а наоборот, может принести вред. Тот, кому нужно знать, что наше положение ухудшилось, об этом узнает из других источников, и у него возникает вопрос: “Почему от меня скрывают то, что я должен по долгу службы узнавать от своего командира?”»<sup>436</sup>. Против такого довода боевого командира трудно возразить.

### Полутонные «гостинцы» врагу

Двадцать девятого октября в Севастополе было объявлено осадное положение. Накануне контр-адмирал Г. В. Жуков, о чем уже шла речь выше, приехал на батарею, чтобы осмотреть главный калибр. И буквально через неделю, 7 ноября, батарея впервые открыла огонь по врагу. В этот день немцы овладели хутором Мекензия, возникла угроза захвата Мекензиевых высот. Лещенко, разумеется, не мог знать, что именно в этот день Ставка ВГК отдала приказ: «Севастополь не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами», но его подчиненные, когда довелось, действовали так, будто им этот приказ был известен.

День 7 ноября начался на батарее, как обычно, в предбоевой атмосфере: менялись вахты у механизмов, все было на «товсь». В 14.00 корректировщик лейтенант А. Хонякин, находившийся в боевых порядках пехоты, донес: «Северовосточнее хут. Мекензия, 1000 метров вижу большое скопление мотопехоты противника». Лещенко доложил об этом командиру дивизиона и получил приказ обстрелять ее.

«Прозвучал сигнал боевой тревоги, личный состав готовит боевые посты, корректировщику дана команда приготовиться к работе. Ожил боевой организм, поступили доклады о готовности боевых постов, — под пером комбата и много лет спустя живо встает картина первого боя 35-й. — Командир корпоста лейтенант Александр Хонякин доложил:

— Цель вижу, к корректировке готов...

Я готовил исходные данные для стрельбы. Это была первая моя и всего личного состава батареи боевая стрельба по врагу.

Для таких батарей, как 30 и 35, вероятный противник — линейные корабли, крейсера, крупные транспорты, а мы готовимся открыть огонь по живой силе и технике противника, которая рвется к Севастополю. Посылать по врагу снаряды почти полтонны весом. Конечно, такой снаряд нанесет большой урон врагу, но снаряды и меньшего калибра хороши по живой силе, танкам и машинам врага...

Орудия заряжены, прицел и направления скомандованы, поправки в прицел введены и вот в 14 ч. 25 мин. даю команду: “Поставить на залп” и “Залп”.

Прогрохотал залп, и хотя командный пост находился в 450 метрах от батареи, он вздрогнул от мощного звука наших пушек. Полутонные наши “гостинцы”, рассекая воздух, понеслись в расположение фашистов».

Каждому, даже не артиллеристу, понятно, какое волнение управляющий огнем переживает от залпа до момента падения снарядов. Какие только мысли молнией не пролетают в голове. Но вот — доклад корректировщика, небольшой перелет, направление верно. «Уменьшаю прицел для захвата цели в вилку. Второй снаряд падает недолетом и направление верное. Половиню вилку и перехожу на поражение»<sup>437</sup>.

Прилив профессионального удовлетворения испытал комбат, получив доклад корректировщика: «Снаряды падают в расположение противника, загорелись машины, поднимаются клубы дыма». Не менее радостным было услышать в наушниках голос полковника Павла Филипповича Горпищенко — командира полка морской пехоты, занимавшего участок фронта у хутора Мекензия: «Молодцы, дали жару фрицам, уничтожено около тридцати автомашин и бронетранспортеров, много фрицев отправили на тот свет. Прошу перенести огонь по батарее противника, которая находится правее 20 делений и дальше 1250 метров от цели, по которой ведешь огонь. Я сам буду корректировать».

В способностях и знаниях артиллерийского дела полковника Горпищенко сомневаться не приходилось, он был артиллеристом и командовал 12-й батареей еще тогда, когда Лешенко только прибыл молодым матросом в Севастополь. Введя соответствующие поправки в прицел и направление, командир 35-й батареи перенес огонь по артиллеристам противника. Первый же залп накрыл цель. В наушниках вновь раздался рокочущий басок полковника: «Хорошо легли снаряды, так их чертей, давай еще»... «Я был доволен результатами нашей первой боевой стрельбы», — кратко заключил Лешенко описание первого боя.

Вечером того же дня батарея вновь вела огонь по селению Черкез-Кермен и по дороге северо-восточнее селения. И здесь подчиненные Лещенко показали себя мастерами меткой стрельбы. Корректировщик лейтенант Хонякин обнаружил по вспышкам выстрелов вражескую батарею, открывшую огонь по расположению наших войск. Получив разрешение на ответный огонь, Лещенко принял решение подавить батарею стрельбой по секундомеру. Суть этого сложного, но эффективного способа Лещенко разъяснял в воспоминаниях так: «Увидев вспышку выстрела вражеской батареи, корректировщик пускает секундомер и засекает стереотрубой или буссолью направление на вспышку. Как только дойдет звук выстрела до наблюдателя, секундомер останавливается, снимается отсчет, и время в секундах множится на скорость звука в воздухе, равную 340 метрам в секунду. Полученное число есть расстояние в метрах от наблюдателя до цели. Зная это расстояние и направление, корректировщик наносит точку цели».

Лейтенант Хонякин отлично справился с задачей, по его данным комбат подготовил прицел и азимут для батареи, ввел поправки и дал первый выстрел. Первое падение снаряда дало отклонение 150 метров, но по направлению было верно.

Дадим слово комбату: «Введя корректуру, даю второй выстрел, падение снаряда совпало по времени со стреляющей батареей противника.

Хонякин от радости доложил не по-уставному, крикнув в трубку:

— Тов. командир, совпало.

Я понял Александра и подал команду:

— Башня, два снаряда.

А пока зарядили орудия, прикрикнул:

— Что значит — совпало, как это понимать?

Он тогда поправился и доложил:

— Падение по цели.

— То-то же, — говорю ему и команду: — Залп!

Через 35—40 секунд Хонякин докладывает, что снаряды падают в район цели, батарея противника замолчала. Батарея израсходовала 6 фугасных снарядов, и мы подавили противника. В эту и последующие ночи и дни из этого района противник артогня не вел».

Батарея Лещенко несколько раз открывала огонь по скоплениям живой силы и батареям противника, а по но-

чам производила артналеты по его глубоким тылам. Немцы пытались прорвать фронт нашей обороны из района Черкез-Кермен вдоль долины Кара-Коба, и 35-я принимала участие в отражении их атак. Особенно результативным был бой 14 ноября, в результате которого оказалась разгромленной танковая колонна.

Долина Кара-Коба хорошо просматривалась с корпоста на высоте 256.2, командиром которого был старшина Волков. 14 ноября на рассвете он доложил о шуме моторов на развилке дороги, ведущей на Черкез-Кермен. С согласия командира дивизиона Лещенко применил еще один эффективный способ стрельбы. Накануне батарея вела огонь по батарее противника, расположенной на небольшом расстоянии от указанной развилки, поэтому возникла возможность обстрелять ее путем переноса огня от пристрелянной накануне цели коэффициентом «К».

Произведя перерасчет прицела и азимута от пристрелянной цели и указав орудийным расчетам установки прицела, Лещенко ожидал доклада от корректировщика о появлении танков. Вновь слово комбату:

«Через минуту-другую Волков докладывает:

— Появилась группа танков.

В это время команду: “Залп”.

Не ожидая падения первого залпа, даю второй залп огня из двух орудий.

В это время Волков докладывает:

— Падение первого залпа.

Один снаряд из первого залпа упал рядом с танком и повредил его. Танк развернуло поперек дороги. По второму танку попал осколок в бак с горючим, тот вспыхнул. Второй снаряд упал перелетом. Второй залп упал на покрытие. Изменив немного направление, я дал еще два двухорудийных залпа.

Вражеские танки не смогли быстро развернуться и уйти назад, а вперед им дорогу закрыли первые два танка, подбитые нами. 3-й и 4-й залпы упали хорошо и подожгли еще три танка. Остальные успели развернуться и уйти за складки местности»<sup>438</sup>.

Успешные действия батареи не могли не обратить на себя внимания вражеского командования. Немцы и ранее знали о существовании фортов «Максим Горький» № 1 и № 2, а теперь почувствовали на себе всю мощь их калибра. И уже на рассвете 9 ноября 35-я ББ подверглась атаке тройки Ju. 87. До этого немецкие самолеты бросали бомбы в

район батареи, но не прицельно: выручала хорошая маскировка. Но когда она начала вести огонь, маскировка нарушилась, да и вспышки выстрелов демаскировали батарею, и, конечно, противник ее засек. Тогда батарейцы успешно отбились от воздушных налетчиков. Но явно требовалось усиление ПВО, для чего дополнительно к четырем установкам М-4 (счетверенные пулеметы Максима) были установлены крупнокалиберные пулеметы ДШК. Но и немцы активизировали работу своей авиации. Более того, для борьбы с нашими батареями они доставили в окрестности Севастополя железнодорожную пушку «Дора» калибром 800 мм и самоходную мортиру «Карл» — 600 мм.

Если у кого-то непосвященного в тонкости боевой работы артиллеристов сложилось представление, мол, ничем особым, кроме стрельбы, им заниматься не надо, то оно — крайне упрощенное. Ведение огня — дело нескольких часов, а уход за боевой техникой, ее обслуживание — занятие постоянное. Когда первое наступление немцев на Севастополь захлебнулось и на фронте установилось относительное затишье, Лещенко доложил руководству смелое предложение — произвести замену изношенных стволов первой башни. К этому моменту их боевой ресурс был уже превышен на 25 % — по инструкции орудийный ствол нормально выдерживал 200 выстрелов, и дальнейшее их использование грозило разрушением боевой техники и гибелью людей. Но это легко сказать — замена. Даже в мирное время при наличии стационарных кранов заменить ствол калибра 305 мм и весом в 152 т — нелегкая техническая задача, а что же говорить, если ее решать пришлось, используя подсобные приспособления и под угрозой вражеского обстрела.

Главное — не было крана, да и железная дорога от пристани в Казачьей бухте, где находились запасные орудийные стволы — а это примерно 750–800 м от батареи, отсутствовала. В таких условиях артуправление флота категорически отказалось давать «добро» на замену. Мотивировало тем, что по конструкции стволы тяжелого калибра мог менять только Ленинградский металлический завод, монтировавший башенные установки. Но где найти и как доставить заводскую бригаду в Севастополь, кто и когда мог собрать кран и построить железную дорогу?

Лещенко решил опереться на мастерство и находчивость личного состава. Поговорил предварительно с командирами башен лейтенантом Хонякиным, старшим лей-

тенантом Захаровым и старшинами башен Славиковским и Грамбовецким. Затем созвали свободный личный состав. Комбат не скрывал трудностей. Надо было снять с башни часть горизонтальной брони, каждый лист которой весил от 15 до 25 т. Далее снять все оборудование и механизмы со старых стволов, вынуть из башни стволы и на их место поставить новые, а потом собрать механизмы и оборудование, поставить листы брони на место. А до этого надо было запасные стволы доставить с пристани.

Опытным командирам башен и старшинам было что сказать, предложения по разборке механизмов и брони, а также по доставке запасных стволов с пристани ждать себя не заставили. Призванный из запаса железнодорожный мастер взялся руководить постройкой пути для подвозки стволов, благо рельсы, шпалы, костыли, болты, накладки были завезены на батарею еще до войны. Старшина Гайдученко предложил приспособить тележки, уцелевшие от ранее завезенного, но разбомбленного немцами крана, для перевозки стволов с пристани к башне, и забегая вперед скажем, что эту работу под руководством Гайдученко мастерская батареи сумела осуществить.

Тщательно продуманный проект замены стволов доложили коменданту БО генерал-майору Моргунову и командиру дивизиона Радовскому. Командование не особенно верило в успех работы, но так как иного выхода не было, с проектом согласилось. Руководство артуправления ЧФ тоже не стало уклоняться от решения этой задачи, направив на батарею инженера 3-го ранга Менделеева и оружейного мастера Пракуду.

Лещенко, оставивший за собой общее руководство работами, сформировал четыре бригады, которые и приступили к делу. Очень трудоемкой оказалась постройка железной дороги от пристани до башни. Требовалось соорудить земляную насыпь, перебросив более 10 тысяч кубометров земли. Но и эта работа по тяжести и сложности не шла ни в какое сравнение с демонтажем башни, механизмов и удалением стволов из башни.

Использовали имевшиеся на батарее два пятитонных железнодорожных домкрата и стотонные гидравлические домкраты для подъема башни. Сняли часть брони, подняли первый ствол домкратами, подвели под него три железнодорожные рельсы, на которые уложили дубовые подушки и на них опустили ствол. Когда все было готово, осталось

впрячь два трактора и вытянуть из башни ствол. Так же поступили со вторым стволом.

Самым ответственным этапом работы была установка новых стволов. Подъем и укладка орудийного ствола на крановые тележки не требовали много людей, но мало-сильные подъемные средства требовали смекалки и выдумки. Ведь двумя пятитонными домкратами (100-тонные гидравлические домкраты имели выход штоков всего 300 мм, и на подъем стволов на тележку использовать их не представлялось возможным, ими только поднимали старые стволы в башне и приподнимали броню) нужно было поднять 52-тонный ствол на высоту около 1,75 м, подкатить под концы ствола тележки и опустить его на них.

Но свои трудности имелись и здесь, поскольку выход подъемного устройства у пятитонников был недостаточен — всего 1,5 м. «Работа, — описывал Лещенко, — велась так: сначала поднимали с одного конца на 20–25 см, делали подкладку дубовых брусьев и укладывали на подкладку ствол, потом так же поднимали со второго конца. Так, попеременно ствол был поднят на нужную высоту, подкачены тележки и на них уложен ствол.

Очередная задача была доставить ствол к башне. Орудийный ствол вместе с тележками весил 152 тонны, две тележки по 50 тонн и сам ствол 52 тонны. Такой тяжеловес надо было доставить к башне на расстояние 750–800 метров и на подъем 15–20 градусов. Расчеты показывали, что по рельсам такую тяжесть могут тянуть два трактора ЧТЗ, но останавливать движения нельзя, так как на подъеме в 15–20 градусов такую тяжесть не смогли бы сдвинуть и пять тракторов. И была еще опасность в том, что такая тяжесть могла потянуть под уклон оба трактора, которые вместе весили 18 тонн. Поэтому задача заключалась в том, чтобы движение поезда не останавливалось.

Решение было принято такое — впрячь в поезд пять тракторов, которые и должны тянуть поезд на подъем. Если при бомбежке будет выведен из строя один или даже два трактора, то остальные все же доставят ствол на место... Была предусмотрена система торможения при внезапной остановке поезда (подкладка брусьев и клиньев под скаты, упоры в тележках)»<sup>439</sup>.

Лещенко принял решение доставить такой состав к башне с рассветом, хотя был большой риск попасть под бомбежку или артобстрел. Но на него приходилось идти. Опыта такого рода работ у личного состава не было, при

свете хотя бы видны сигналы руководителя и можно следить за тем, как ведет себя техника, чтобы избежать непредвиденных ситуаций.

И вот поезд медленно тронулся... Почти половину пути прошли благополучно, когда над батареей появились немецкие самолеты. Несмотря на сильный огонь зенитных пулеметов, несколько авиабомб все-таки упали поблизости, правда, без серьезных последствий, и к башне поезд подошел, как выражаются люди военные, штатно. Осталось поднять ствол, выкатить из-под него тележки, уложить ствол на дубовые подушки и вдвинуть в башню, чем сразу же и занялись. После выемки из-под ствола подушек и рельсов закрепили ствол на орудийном станке и взялись за сборку механизмов.

Уникальнейшая, единственная в своем роде техническая операция! И если бы не Алексей Яковлевич Лещенко, так педантично, в деталях описавший ее, в истории севастопольской обороны было бы еще одно «белое пятно», которых, увы, и без того хватает, несмотря на все усилия профессиональных историков и их добровольных помощников.

Батарейцы так же доставили и заменили второй орудийный ствол. Его транспортировку, получив ничем не заменимый опыт, произвели ночью, во избежание опасности удара вражеской авиации. Всего на замену стволов 1-й башни затратили больше месяца, притом что такое же время требовалось заводской бригаде в мирное время при наличии специального крана, приспособлений и высококвалифицированных мастеров, а подчиненные Лещенко перемещали стволы едва ли не на руках и в условиях активного противодействия врага. Опыт — великое дело. Когда им поделились с 30-й батареей, там затратили на решение аналогичной задачи всего 16 дней. А когда в конце декабря уже на самой 35-й ББ возникла необходимость восстановить 2-ю башню, стволы заменили за 10 дней.

Роль вверенной Лещенко батареей в системе обороны Севастополя высоко оценивалась командованием. Комендант береговой обороны главной базы ЧФ П. А. Моргунов называет «сестричек» — 30-ю и 35-ю ББ «цементирующей силой обороны, использовавшейся для ведения огня по дальним целям: скоплениям войск противника, его резервам, тяжелой артиллерии, а также при отражении многочисленных вражеских атак»<sup>440</sup>.

Не случайно на опробование 1-й башни 20 января



1942 г. прибыли комфлота вице-адмирал Октябрьский и генерал-майор Моргунов. Стрельба показала, что работы по замене стволов проведены отлично, все механизмы действуют безотказно, боеспособность батареи восстановлена полностью. Приказом командующего около тридцати особо отличившихся матросов, младших и средних командиров были награждены орденами и медалями.

Люди не жалели себя: так велико было желание вновь открыть разящий огонь по врагу. После замены стволов орудий с 20 января по май 1942 г. башня № 1 вела огонь 23 раза и произвела по врагу 140 выстрелов.

### **«Над 2-й башней вижу большой столб дыма»**

А пока молчала первая башня, за обеих трудилась вторая. В день возобновления немецкого наступления на Севастополь, 17 декабря, артиллеристы практически не покидали боевых постов. Были уничтожены две артиллерийские батареи врага в районе Дачи Торопова и южнее селения Черкез-Кермен. Кроме того, огонь открывался по танкам и скоплениям пехоты. Из орудий 2-й башни было выпущено 18 шрапнельных и 54 фугасных снаряда.

Столь интенсивная стрельба из далеко не новых орудий сказала трагически. Снова дадим слово А. Я. Лещенко: «В 16 часов 10 минут батарея вела огонь по скоплению живой силы в районе деревни Верхний Чоргунь. Давали последний выстрел по этой цели.

Я имел привычку после каждого выстрела пускать секундомер и следить по нему момент падения снаряда. И вдруг через 15–18 секунд после пуска секундомера я услышал звук выстрела, то есть на 15–12 секунд раньше, нежели позволяет наша скорострельность. В этот же момент сигнальщик с наблюдательного поста доложил: “Над 2-й башней вижу большой столб дыма”.

По телефону 2-я башня не отвечает. Глянув в амбразуру боевой рубки, я увидел столб дыма и огонь над второй башней. Приказал: “Пожарная тревога, пожар во 2-й башне, погреб 2-й башни затопить”, что и было немедленно выполнено.

Доложив на КП дивизиона о происшедшем и отданных приказах, отправился немедленно на место для личного руководства. По прибытию на место я увидел страшную картину — вся горизонтальная броня башни сорвана, электро-

проводка, краска, ящики с инструментом горят, прислуга башни убита, и трупы горят в бушующем пламени. Личный состав аварийной партии ликвидирует пожар»<sup>441</sup>.

Оказалось, что во время перезарядки левого орудия произошел самопроизвольный выстрел. После автоматического открытия каморной части ствола от оставшегося выстрела воспламенился картуз, вызвавший взрыв. В башне, вследствие подрыва заряда, вспыхнул сильный пожар. Расчет пытался погасить огонь, но в это время вспыхнули полuzаряды в зарядном устройстве правого орудия, а затем еще несколько полuzарядов, находившихся в шахтах обоих подъемников боеприпасов. От последовавшего взрыва башня в прямом смысле подпрыгнула, отчего бронированные стены и крыша оказались разорванными на отдельные листы. Средняя часть крыши весом более 80 т упала и разбила механизмы орудий.

И спустя многие годы Лещенко не мог не поклонить голову перед мужеством подчиненных, до последнего боровшихся за живучесть своего «сухопутного линкора». «По всей вероятности заряды горели относительно спокойно, — писал Алексей Яковлевич, — пока не начало создаваться давление, так как прислуга подачи перегрузочного отделения успела схватить огнетушители и даже разбить некоторые, но в этот момент произошел взрыв зарядов, который и причинил большие повреждения в перегрузочном отделении и вызвал пожар».

Оставшиеся в живых моряки из личного состава погребов оставались задраенными в погребах, а погреба во время пожаров были по сигналу «Пожарная тревога» залиты водой. «Прислуга погребов поднялась по стапелям к подволоку (потолку), где создалась воздушная подушка, и находилась там до спуска воды и открытия погребов, — продолжает Лещенко. — Несмотря на грозившую им гибель, матросы и младшие командиры боевые посты не бросили. Они знали, что если во время пожара открыть броневые двери для выхода, то может взлететь на воздух вся батарея».

При завершении ликвидации угрозы вторичных взрывов и выходе людей из-под корпуса Лещенко не присутствовал. По приказу прибывшего на батарею начальника особого отдела береговой обороны, заподозрившего, что в башне «сработала вражеская рука», он был посажен под арест, хорошо хоть в кают-компаниии своей же батарее и под охраной своих же матросов. По собственному признанию Лещенко, какое-то время он был «не в себе», но не

потому, что боялся за собственную участь, а терялся в догадках, пытаясь определить, что могло стать причиной катастрофы. «Считать, что взрыв произошел от неумелого обращения с боеприпасами или других причин, зависящих от личного состава, например: незнание инструкций по эксплуатации матчасти, я не мог, — признавался Лещенко. — Личный состав инструкции и матчасть знал отлично, провел десятки боевых стрельб, и всегда техника была приготовлена отлично, и действия личного состава у механизмов были безукоризненными. Вторая версия — это предположение вредительства со стороны личного состава. Но так как личный состав, обслуживающий орудия, был кадровый и прослуживший порядочное время на батарее и был обученным, да и к тому же все погибли при взрыве, я исключил эту версию. Я терялся в догадках и не мог прийти к какому-либо выводу».

Причину установили вместе с прибывшими на место происшествия предшественниками Лещенко по командованию батареей — генерал-майором П. А. Моргуновым и флагманским артиллеристом флота капитаном 1-го ранга А. А. Руллем, убедившим особиста освободить комбата из-под ареста. Что тлеющие остатки картуза воспламенили заряд во время заряжания, подтвердили контрольные стрельбы этой партией зарядов. Как только при закрывании затвора начало создаваться давление пороховых газов, произошел выстрел при не полностью закрытом замке. Газы вытолкнули снаряд и одновременно пошли назад, в казенную часть, так как замок еще не сцепился с казенником, его оторвало, и факел огня вырвался из канала ствола, сорвал броневую крышу башни и сжег людей, находившихся в боевом и рабочем отделениях башни.

«Страшную картину разрушения увидели мы, зайдя в перегрузочное отделение башни, — писал Алексей Яковлевич. — Искореженные механизмы, трупы сгоревших матросов на боевых постах, некоторые из них с огнетушителями в руках.

Для уточнения погибших построили личный состав башни, и когда я увидел, что почти половины состава башни нет в строю, сердце готово было разорваться на части. 34 человека мы не досчитались в строю, 34 наших боевых товарища погибли на боевых постах. Таких больших потерь батарея еще не имела»<sup>442</sup>.

Взрыв 2-й башни означал, что теперь замолчала вся батарея. И это — в день начала второго штурма Севастопо-

ля, когда на учете были каждый ствол, каждое орудие. Тем острее чувствовали Лещенко и его подчиненные, ряды которых заметно поредели, необходимость скорейшего восстановления огневой мощи любимой батареи.

Объем предстоявших работ кого угодно мог привести в оторопь, но только не личный состав батареи и ее командира. В первую очередь надо было удалить изношенные и поврежденные орудийные стволы. Такой опыт был получен еще при смене стволов в 1-й башне, поэтому с работой справились в два раза быстрее. Не представляла особых трудностей также доставка с пристани запасных орудийных стволов: были готовы и люди, и тележки с тракторами.

Тяжелее было поднять разбросанную взрывом броню, покрыть ею башню и закрепить болтами. Все старые болты были сорваны, их остатки надо было высверливать, вновь нарезать резьбу, изготавливать новые болты и закреплять на месте. Батарейцам помогала бригада с морского завода.

Лещенко отмечает в своих воспоминаниях многих своих подчиненных за инициативу, сметку, настойчивость. Вот, например, начальник боевого питания старший сержант А. Я. Побыванец. Вместе с матросом Тютюновым он разыскал в складах порта и морского завода и доставил на батарею сотни метров кабеля разных марок, сотни наименований запчастей, инструмента и материалов. И это не в мирных условиях при отлаженном учете, а на разбитых при бомбежках и артобстреле складах.

С полным напряжением работала артиллерийская мастерская, которой командовал старшина Гайдученко. Детали самых сложных профилей и конфигураций, требующие заводских условий изготовления, выходили из умелых рук матросов-мастеровых. Артиллерийские электрики башни во главе со старшиной Борисом Мельником провели переборку, ремонт и замену негодных деталей в электросхемах и электроприборах башни, заменили сотни метров кабеля в электросхемах орудий, схеме электроосвещения башни.

Командир башни лейтенант Лев Репков, комендоры Яковлев и Монастырский, орудийный мастер Пракуда под общим руководством инженера артуправления Менделеева провели полную переборку и регулировку всех механизмов башни. Особенно пришлось повозиться с механизмами наведения орудий. К концу марта работы были завершены. После покраски Лещенко доложил по команде о готовно-

сти 2-й башни. 3 апреля на батарею прибыл командующий флотом вице-адмирал Октябрьский в сопровождении коменданта береговой обороны генерал-майора Моргунова.

— Вы меня повели не в ту башню, которая была взорвана, — сказал Октябрьский, не узнав боевую технику после ремонта, — давайте выйдем на бруствер и посмотрим.

Убедившись, однако, что его никто не обманывает, командующий дал приказ произвести контрольную стрельбу. Естественно, огонь повели по реальной цели. Из разведсводки было известно, что в помещении совхоза «Красная звезда», располагавшемся в долине реки Момошай, расположен штаб немецкого корпуса. Генерал-майор Моргунов решил сам управлять огнем. Ни генерал не сплеховал, ни техника не подвела. Одним из снарядов дом был разрушен до основания.

После каждого выстрела командир башни Репков, командиры орудий, комендоры и электрики придирчиво проверяли работу механизмов, но все было в порядке, недоделок никаких не обнаружили, механизмы работали безотказно. Об этом доложили командующему.

— Ну что ж, будем считать 2-ю башню в строю, — сказал адмирал. — Представляйте особо отличившихся к наградам<sup>443</sup>.

Итак, 3 апреля 1942 г. 35-я ББ огнем всех своих орудий оповестила врага, что она — в полном порядке. Учитывая, что осада Севастополя в этот период приобрела, если можно так выразиться, обыденный характер (немцы, как потом стало известно, готовились разгромить Крымский фронт, стоявший на Керченском полуострове), боевая нагрузка на главный калибр береговой обороны ЧФ была сравнительно небольшой. 30-й и 35-й батареям иногда давали приказ произвести огневой налет на тылы противника, батареи или большое скопление боевой техники, но какое-то время, как вспоминал Алексей Яковлевич, «таких приказов было немного». Когда же они поступали, батарейцы действовали по-гвардейски (18 июня 35-я ББ, как и весь 1-й отдельный дивизион береговой обороны, стала гвардейской).

Несмотря на превосходство врага в живой силе, танках и особенно авиации, войска СОР держались стойко. Ни у кого не было сомнений, что главную базу удастся отстоять, но в мае буквально за две недели рухнул Крымский фронт. Всеми высвобожденными войсками Э. фон Манштейн навалился на Севастополь. 7 июня начался третий штурм.

## Последние дни батареи

По воспоминаниям А. Я. Лешенко, тяжелая обстановка сложилась на всех участках обороны. Батарея постоянно получала приказание открывать огонь то по Мекензиевым горам, то вместе с 30-й — по Бельбеку, то по совхозу Благодать и вдоль Ялтинского шоссе. Вот выписка из журнала боевых действий батареи, пусть и весьма лаконично передающая нарастающую остроту противоборства с врагом: «7 июня проведено 14 артстрельб, уничтожено до батальона немцев, 6 танков и одна артбатарея. 8 июня — пять артстрельб по пехоте и батареям противника. В 13 ч. 43 м. 12 самолетов Ju. 88 бомбили батарею, сбросили свыше 50 бомб — повреждений нет. 18 ч. 41 м. — артналет по батарее, выпущено свыше 100 снарядов 7–8-дюймового калибра»<sup>444</sup>.

День и ночь не прекращались кровопролитные бои. Враг наседал. Но если он мог восполнять большие потери за счет вновь прибывающих частей, то ряды защитников Севастополя редели на глазах. Волей-неволей приходилось оставлять все новые рубежи. 35-я батарея своим огнем помогала стрелковым частям отбивать атаки врага. «Тяжело было видеть, что наши части отходили, чувствовать свое бессилие в том, что ничего не можешь сделать, чтобы остановить... ползучего гада, охватывавшего кольцом наш славный Севастополь, — с болью писал Лешенко, — но стрелять тоже скоро будет нечем, снарядов остается все меньше и меньше»<sup>445</sup>. Да, мало боеприпасов было на 35-й ББ, к 10 июня фугасных снарядов осталось всего 294 единицы. За последующие десять дней больше половины было израсходовано, а пополнить боезапас было уже нечем.

В один из дней командир 30-й ББ майор Г. А. Александр доложил командованию дивизиона, что в Бельбекской долине накапливаются пехота и артиллерия противника, но вверенная ему батарея не может их обстрелять: враг — в «мертвом» пространстве. Тогда огонь на поражение открыл Лешенко, а корректировал его Александр.

После успешной стрельбы два комбата поговорили по телефону. Александр сообщил, что батарея уже вступила в непосредственный контакт с врагом: немцы подошли к командному посту на 400–500 м, из-за чего приходится часть людей держать в окопах. «Пожелав друг другу успехов, мы прекратили разговор. Я в то время не думал, что не увижу больше своего друга... Нам с Александром редко приходи-

лось перебрасываться парой слов, а несколько теплых ободряющих слов в тяжелой боевой обстановке, ох, как нужны», — сколько в этих простых словах Лещенко искренней скорби по боевому другу. Георгий Александрович Александер попал тяжелораненым в плен и погиб, будучи опознан предателем из местного населения.

Двадцать первого июня немцы вышли к Северной бухте. Вся ее акватория теперь простреливалась вражеской артиллерией. 35-я ББ вступила в артиллерийскую дуэль с крупнокалиберными батареями противника. Она оставалась последним артиллерийским бастионом крупного калибра СОР.

Последний корректировочный пост 35-й ББ был оборудован на Сапун-Горе. Благодаря этому батарея в течение всего 28 июня вела огонь на Балаклавском направлении, поддерживая оборонявшие Балаклаву подразделения. Немцы установили место расположения корпункта батареи, в неравном бою погибли старшина Волков и еще трое артиллеристов, сражаясь до последнего патрона, а потом подорвав себя гранатами.

Бои за Севастополь приближались к своей развязке. Ввиду прорыва фронта Военный совет СОР вечером 30 июня перешел на запасной флагманский командный пост на 35-ю ББ. Через непродолжительное время сюда же перешел Военный совет Приморской армии и береговой обороны ЧФ. Таким образом, массив 35-й батареи стал последним местом пребывания штаба обороны Севастополя.

Лещенко был вызван к вице-адмиралу Ф. С. Октябрьскому для доклада. Командир 35-й батареи доложил командующему флотом о наличии боезапаса, который, увы, был крайне ограниченным — три фугасных, семь броневых и шесть шрапнельных снарядов, 40 снарядов для практических стрельб. Ф. С. Октябрьский поставил батарее задачу прикрыть отходящие части и эвакуацию раненых и гражданского населения. Лещенко заверил, что задача будет выполнена, хотя, как он признавался много позднее в письме адмиралу И. И. Азарову, мысль сверлила: чем при таком скудном боезапасе отбивать атаки танков, чем гасить огонь вражеских батарей? В одном не сомневался комбат — в своих подчиненных: в любой обстановке они не растеряются, и если придется погибать, то погибнут, как герои<sup>446</sup>. Командующий флотом дал еще один приказ, который выполнять было для Лещенко страшно тяжело, — после израсходования артбоеприпасов взорвать батарею. Но приказ

есть приказ, комбат заверил: «Есть, задача будет выполнена».

Пока шел разговор, для членов Военного совета был приготовлен ужин, и Октябрьский пригласил Лещенко присоединиться к ним. Алексею Яковлевичу бросилось в глаза, как по-разному держали себя за столом военачальники. Адмирал говорил мало, к еде почти не притронулся. А вот член Военного совета СОР Н. М. Кулаков «говорил не умолкая, шутил и приглашал есть и пить не стесняясь. Сам он тоже пил и кушал с большим аппетитом...». В последнем не было бы никакого греха, если бы дивизионный комиссар не знал, что через пару часов он вместе с командующим и другими руководителями покинет подчиненных, оставив их по существу на милость врагу. Судя по оживленному поведению, главный политработник Черноморского флота не испытывал в этот момент ни малейшего морального дискомфорта.

Не хотим нагнетать излишние страсти, но, когда командиры ужинали под железобетонным панцирем, наверху воцарился настоящий ужас. К вечеру 30 июня берег Камышовой бухты в районе пристани был сплошь забит ранеными в ожидании эвакуации. Там же находилась масса неорганизованных военных, отбившихся от своих частей или просто дезертировавших, и много гражданского народа. Люди металась по берегу, но никто ничего толком не знал об истинном положении с эвакуацией. А из города подходили все новые группы и одиночки.

Свидетелем этой картины стал капитан 2-го ранга И. А. Заруба, бывший командир крейсера «Червона Украина», а в тот момент исполняющий обязанности начальника плавсредств и гаваней ЧФ: «...Вместе с комиссаром отдела пошли в Камышовую бухту. То, что там я увидел, меня поразило. Толпы людей, солдаты, матросы с оружием и без. Все чего-то ждут. К пристани не подойти. Тысячи людей, шум, крики. Решил пойти на 35-ю батарею. Это было в 1 час 35 минут 1 июля. Придя на 35-ю батарею к ее главному входу, увидел еще худшее. Весь дворик и коридоры навеса были переполнены комсоставом Приморской армии. Двери на запорах. Здесь я узнал, что 29 июня было дано распоряжение по армии всему старшему офицерскому составу оставить свои части. Части остались без управления. Все это было похоже на панику в полном смысле слова...»<sup>447</sup>

Комендант береговой обороны генерал-майор Моргунов приказал Лещенко организовать посадку руководящего



состава флота на подводную лодку для эвакуации. В своих воспоминаниях Алексей Яковлевич сохранил для истории некоторые подробности этой крайне некрасивой для высших командиров истории: «Я пригласил командующего и члена ВС в машину, и мы направились к пирсу у левого КП. Не доехав до пирса, я увидел какое-то столпотворение... На пирсе и на подходе к пирсу было по меньшей мере 2500—3000 народа (солдаты, матросы и командиры), отошедшие со своих позиций. Шла стрельба из автоматов и винтовок. Кто стрелял, куда стреляли — ничего не понять. Никто никем не управлял, каждый стремился попасть на катер.

Я понял, что провести командующего на катер я не смогу, а приказать, чтобы дали дорогу, нельзя было, да я и боялся, что если сказать: “Дать дорогу командующему”, то от разъяренной толпы можно всего ожидать. Скажут: “Сам удираешь, а мы остаемся”.

Тогда я доложил комфлоту, что здесь мы не пробьемся, надо ехать на аэродром. Комфлота согласился...»<sup>448</sup>

Лещенко связался по телефону с командиром 3-й особой авиагруппы ВВС ЧФ полковником Г. Г. Дзюбой, получил подтверждение, что самолет ждет командующего, и доложил об этом Октябрьскому. Подземными коридорами — потернами он вывел командующего и члена Военного совета на поверхность поближе к аэродрому, и те, сопровождаемые двумя подчиненными Лещенко, отбыли. Там, на летном поле, им не без труда удалось попасть на ожидавший их самолет и улететь в Новороссийск. Через некоторое время Лещенко удалось организовать посадку с расположенного у 35-й ББ причала на подводную лодку командиров Приморской армии во главе с ее командующим генералом И. Е. Петровым. Итак, первые лица СОР покинули подчиненный личный состав. Много лет спустя, на конференции в Севастополе в 1961 г., Октябрьскому и Кулакову пришлось посмотреть в глаза немногим оставшимся в живых...

А пока наступало 1 июля. Лещенко, совершая обход вверенного ему хозяйства батареи, обнаружил под массивом, особенно в кубриках личного состава, комнатах отдыха, в кают-компаниях много офицеров Приморской армии и морской пехоты. Для него стало откровением, что, рассчитывая на эвакуацию, командование СОР отдало приказ старшему командно-политическому составу частей, оборонявших Севастополь, отойти в район 35-й батареи, куда должны были подойти корабли и суда. За себя Октябрьский оставил командира 109-й стрелковой дивизии генерал-

майора П. Г. Новикова. Силами оставшихся боеспособными частей армии и береговой обороны он должен был организовать прикрытие района эвакуации — рейдовый причал у 35-й ББ и причал в Казачьей бухте.

К генералу Новикову, находившемуся в кубрике командира электромеханической части батареи, на рассвете и был вызван Лещенко для доклада об обстановке и состоянии батареи. Новый руководитель СОР лично знал Алексея Яковлевича, поскольку продолжительное время был начальником I сектора обороны Севастополя и постоянно взаимодействовал с Лещенко при отражении вражеских атак. Сейчас своей властью он назначил комбата комендантом береговой обороны, то есть своим заместителем по сухопутной части. Это было логично, потому что, в отличие от большинства находившихся в районе 35-й ББ командиров, либо оставивших в силу приказа свои части и подразделения, либо утративших над ними контроль, Лещенко по-прежнему стоял во главе боеспособного и управляемого воинского коллектива.

Около полудня командир батареи получил от генерала новую задачу. Вот как описал ее сам Лещенко: «Он [Новиков. — *Авт.*] вызвал меня к себе и приказал из всех бойцов и офицеров, отошедших с передовой, организовать оборону вокруг батареи и держаться до последнего. Я начал возражать, так как считал, что организовать всех отошедших к батарее я сам не в силах, да и по званию армейские офицеры были старше меня. Я имел звание гвардии капитан, а армейцы были в звании подполковника и полковника и по должности командиры полков и даже дивизий. Генерал повторил приказ и добавил: “Действуй от моего имени”. Мне осталось только подчиниться и выполнить приказ.

В кают-компании батареи находилось около полусотни офицеров Приморской армии, — продолжает Лещенко. — Их я заставил силой оружия выйти из-под массива, собрать разрозненные группы солдат и сержантов, организовать во взводы и роты и занять оборону в километре от батареи, о чем я и доложил генералу»<sup>449</sup>.

Больше с Новиковым, замечает Алексей Яковлевич, ему не пришлось видеться. Генерал в соответствии с приказом исполнял свою должность ровно сутки и вместе со своим немногочисленным штабом эвакуировался на катере. В районе Ялты катер был подбит, и раненый генерал попал в плен. Погиб он в 1944 г. в лагере Флоссенбург...

Но и с уходом Новикова сопротивление продолжа-

лось. Лешенко стало известно, что, не поставив его в известность, эвакуировался на Большую землю его прямой начальник — командир дивизиона Радовский вместе с комиссаром. Оставшись, таким образом, старшим по команде, комбат не собирался складывать оружия. Последние снаряды должны были нанести врагу весь возможный урон. Немцы засыпали батарею снарядами и авиабомбами, а ответить им было по сути нечем.

И все же отвечали, огрызались. Одна немецкая батарея в районе Сухарной балки особенно надоедала. Она подозрительно точно укладывала свои снаряды по нашим блиндажам и окопам, по-видимому, ее корректировщик находился где-то возле 35-й батареи. У Лешенко сердце загорелось уничтожить вражескую батарею. Своего корректировщика не было, поэтому комбат обратился к своему коллеге с 18-й батареи лейтенанту Николаю Дмитриеву с просьбой корректировать его стрельбу. Результат вышел отличным: одним снарядом было прямое попадание в немецкое орудие, а остальные два были опрокинуты силой взрыва стоявшего рядом склада с боезапасом.

Фугасные и бронебойные снаряды закончились. А как они были нужны! Около 10.30 Лешенко получил радиogramму от старшего лейтенанта Халифа — командира 32-й батареи, расположенной на восточном берегу Стрелецкой бухты. Он сообщал, что немцы атакуют его батарею, снарядов нет, и просил отогнать наступающих огнем 35-й батареи. Помочь было нечем, о чем с болью пришлось сообщить на 32-ю батарею.

«Через некоторое время, — вспоминал Алексей Яковлевич, — мне вручили радиogramму такого содержания: “Немцы атакуют, идем в контратаку, прощайте, товарищи. Халиф”». Сердце от боли сжалось при ее чтении, но батарейцы с 35-й и сами были в таком же положении. У них осталось еще некоторое количество шрапнельных и практических снарядов: первые комбат приберегал для стрельбы картечью по пехоте противника, а вторые — для огня по танкам и по батареям. И они потребовались очень скоро.

В 12.00 — а было, напомним, 1 июля — немецкие танки прорвались к 18-й батарее, и ее командир лейтенант Дмитриев попросил отогнать их, чтобы успеть подорвать батарею. Лешенко открыл огонь практическими снарядами. Но первые выстрелы оказались безрезультатными: снаряды лишь поднимали столбы пыли, а точных попаданий не было. Но вот наблюдавший за боем комбат с радостью

увидел, как от прямого попадания в танк последний рассыпался как карточный домик. Остальные, опасаясь попасть под артобстрел, отошли и скрылись за складки местности. Возникшей паузы оказалось достаточно, чтобы Дмитриев успел с подчиненными подорвать материальную часть своей батареи и отойти на 35-ю.

А вскоре потребовалась и шрапнель. Противник, скрытно накопив пехоту в балке, идущей от Камышевой бухты, около 16.00 под прикрытием артиллерийского огня и авиации двинулся к батарее. Шли в открытую, без перебежек, густыми цепями. Дадим слово А. Я. Лещенко: «Я находился у левого КП батареи. Когда фашисты подошли на 700–750 метров, я приказал открыть пулеметный огонь. Несмотря на то, что огонь вели два станковых, два ручных и один счетверенный пулеметы, гитлеровцы продолжали движение. Падали раненые и убитые, но это не останавливало врага. Тогда я принял решение встретить врага картечью, оставшимися шрапнельными снарядами стрельбой на картечь.

Вбежав в башню, где были оставлены командир орудия Яковлев и три комендора, приказываю: “Шрапнелью, трубка на картечь, орудие зарядить, орудия 0” [то есть на шкале прицела — нулевые установки. — *Авт.*]. Сам стал горизонтальным наводчиком, навел в самую гущу противника и скомандовал: “Залп”.

Когда развеялся дым, на поле в направлении стрельбы я не увидел ни одного стоящего вражеского солдата. Повернув башню левее, дал еще выстрел...»<sup>450</sup>

Невозможно передать словами, что такое стрельба картечью из 12-дюймовых орудий. Разрывы снарядов буквально прорубали просеки в цепях наступавших. Каждый выстрел стоил атакующим сотен солдат и офицеров. Немцы отвечали массированным огнем. На последнем, шестом выстреле в башню ударил вражеский снаряд, Лещенко сильно контузило, и он потерял сознание. Часа через три очнулся в санчасти. Потерявший много сил, почти оглохший, он тем не менее отказался от замены другим командиром и продолжал управлять батареей. Пошли, как потом стало ясно, последние часы жизни батареи.

Примерно в 23.00 Лещенко получил доклад, что большая группа немецких автоматчиков прорвала оборону, отрезав правый командный пост батареи, который находился в 450 м от батареи. Опасность прорыва непосредственно к башне и ее захвата врагом возрастала с каждой минутой. А

допустить этого нельзя было ни при каких обстоятельствах: Лещенко свято помнил приказ командующего фронтом — батарею «живой» врагу не сдавать! Вместе с комиссаром батареи В. Е. Ивановым он принял тяжелое решение — подорвать орудия. Можно лишь представить себе, что испытывал при этом Алексей Яковлевич, выросший на 35-й из рядового краснофлотца до комбата, знавший на ней буквально каждый винтик. «Мне и сейчас тяжело думать о том, что 35-я батарея не существует. Приказ на уничтожение батареи стоил громадного нервного напряжения и даже, не стесняюсь сказать, слез...» — признавался много лет спустя Алексей Яковлевич в письме вице-адмиралу И. И. Азарову<sup>451</sup>. И старый моряк очень хорошо уловил, каково было на душе у комбата Лещенко в тот тяжелый момент.

Для подрыва заранее были приготовлены 10 больших глубинных бомб и несколько зарядов — килограммовых тротильных патронов, загодя подвели электрокабели. Командовал подрывной партией начальник боевого питания старший сержант Алексей Побыванец, оставшийся другом Алексея Яковлевича на всю жизнь.

Роковой, но неизбежный приказ Лещенко был отдан в 00.30 2 июля. Первым был подорван правый командный пост батареи, через 15 минут взорвана 1-я башня, еще через 10 минут — 2-я. В паузе между двумя последними взрывами запустили все дизели силовой и осветительной станций, слили из них масло и перекрыли воду для охлаждения. Через несколько минут дизели заклинило. Приборы центрального поста матросы разбили кувалдами. Батарея как артиллерийская единица перестала существовать. Не такого конца заслуживала она, но на войне как на войне. Ни главному калибру, ни обслуживающему его личному составу военная судьба выбора не оставила.

Противник между тем наседал. Не сумев захватить батарею, немцы хотели рассчитаться с ее защитниками за все перенесенные унижения. «Личный состав продолжал отбивать яростные атаки гитлеровцев, переходя в контратаки вплоть до рукопашных схваток. Но силы были далеко не равными. Мы несли большие потери и вынуждены были отходить к морю», — писал, вспоминая те часы, комбат 35-й.

При отходе к береговой черте Лещенко был вновь ранен, на сей раз тяжело. Бойцы не бросили своего командира, сумев погрузить его на один из катеров — морских охотников, присланных для эвакуации.

**«Затем, чтоб вдали от крымской земли  
о ней мы забыть не смогли»**

По воспоминаниям жены Лещенко, уже в новороссийском госпитале в кармане его кителя врачи обнаружили несколько камешков, подобранных комбатом на Херсонесе, на «моем заветном утесе». Легенда или нет, но эту историю узнал находившийся в Новороссийске композитор Б. А. Мокроусов, вместе с поэтом А. А. Жаровым написавший популярную песню «Заветный камень».

Друзья-моряки подобрали героя,  
Кипела вода штормовая.  
Он камень сжимал посиневшей рукою  
И тихо сказал, умирая:  
«Когда покидал я родимый утес,  
С собою кусочек гранита унес,  
Затем, чтоб вдали от крымской земли  
О ней мы забыть не смогли».  
«Затем, чтоб вдали от крымской земли  
О ней мы забыть не смогли».  
Кто камень возьмет, тот пускай поклянется,  
Что с честью носить его будет,  
Он первым в любимую бухту вернется  
И клятвы своей не забудет.

Не забыл своей клятвы капитан Лещенко. И пусть не первым, но одним из первых он, командир 117-го артдивизиона Новороссийской военно-морской базы, вернулся в родной Севастополь. 12 мая Алексей Яковлевич с оставшимися в строю сослуживцами по 35-й ББ устремился на Херсонес поклониться праху своих боевых товарищей, павших на защите их «сухопутного линкора».

Сюда, в Севастополь, память звала Лещенко неизменно. Но его прямота и откровенность, с какой он говорил о последних днях обороны, не могли понравиться его бывшим и нынешним начальникам (тем более что это чаще всего были одни и те же люди). Вопреки указанию предоставлять участникам обороны Севастополя возможность продолжить службу на Черном море, Алексей Яковлевич был направлен на Тихоокеанский флот, служил близ Советской Гавани в береговой обороне ТОФа. После войны был переведен на Балтику. Но и уволившись в запас в 1955 г., подполковник Лещенко не смог поселиться в Севастополе. Осел в Киеве. Ни на минуту не упускал из виду,

зачем унес с Херсонеса заветный камень — чтобы и вдали от крымской земли о ней никогда не забывать.

Не забыть самому — это не грозило ему ни при каких обстоятельствах. Главное, в чем офицер видел свой святой долг, — не дать забыть другим, не позволить заболтать, запустозвонить ту трагическую картину, которая открылась последним защитникам Севастополя. Главным результатом его активной поисковой и литературной работы стала рукопись, на которую мы здесь неоднократно ссылались, по истории родной для него башенной батареи № 35, доведенная до первых чисел июля 1942-го.

Правда из уст боевого командира 35-й ББ больно колола глаза бывшим руководителям Севастопольского оборонительного района. Судя по многим признакам, они, малодушно бросившие вверенных их командованию людей на пяточке Херсонеса, без особого труда преодолели угрызения совести (тот же вице-адмирал Н. М. Кулаков\* не постеснялся принять в 1965 г. звезду Героя Советского Союза). Сами они писали и издавали мемуары, тем самым формируя нужные представления о событиях недавнего прошлого, но, пребывая при значительных должностях и в значительных воинских чинах, не особенно ратовали за «окопную правду». При показной поддержке адмиралом Октябрьским усилий Лещенко бывший командующий ЧФ реальной помощи в публикации подготовленной Алексеем Яковлевичем рукописи не оказал. Стыдно сказать, но она увидела свет только в 2011 г. и то благодаря многолетним усилиям сына комбата Лещенко — Валерия и писателей-маринистов С. А. Смоляникова и В. А. Михайлова.

«История башенной батареи № 35...» — живой мемориал защитникам Севастополя. Живой в том смысле, что воспоминания комбата Лещенко — в «строю», они работают на утверждение памяти о защитниках Севастополя — и о тех, кто пал, и о тех счастливицах, кому удалось вернуться на освобожденный от захватчиков заветный утес.

---

\* После провала Керченско-Эльтигенской десантной операции Кулаков был разжалован в капитаны 1-го ранга, но благодаря заступничеству Н. Г. Кузнецова в июле 1944 г. был восстановлен в звании контр-адмирала.

---

---

# Асаф Кутдусович АБДРАХМАНОВ

*Родился 20 декабря 1918 г. в городе Агрыз Сарапульского уезда Казанской губернии. Детство прошло в селе Иж-Бобья Агрызского района. Окончил Казанский авиационный техникум, работал на авиационном заводе.*

*В Военно-морском флоте — с 1939 г. В 1942 г. окончил Черноморское высшее военно-морское училище. Направлен в одну из воинских частей Азовской военной флотилии и назначен командиром бронекатера. С 1943 г. — командир бронекатера «БКА-121» 2-го отряда 1-го гвардейского дивизиона бронекатеров Азовской военной флотилии. Отличился при форсировании Керченского пролива, высадив первые штурмовые отряды на крымскую землю.*

*После Великой Отечественной войны до 1973 г. продолжал службу в ВМФ СССР. В 1963–1968 гг. — командир корабля измерительного комплекса «Сучан/Спасск» (Камчатка), участвовавшего в обеспечении испытаний ракетного оружия. В последние годы военной службы — заместитель начальника факультета, начальник кафедры в Черноморском высшем военно-морском училище им. П. С. Нахимова. Уволен в запас в 1973 г.*

*Герой Советского Союза (22 января 1944 г.). Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, тремя орденами Красной Звезды, медалями.*

*Скончался 3 сентября 2000 г. Похоронен в городе Севастополе на Аллее Героев городского кладбища «Кальфа».*

## **Заветная мечта мальчишки из Иж-Бобьи**

Асаф Абдрахманов родился в семье учителя. Отец — Абдрахманов Кутдус Абдрахманович был человеком известным, оставившим добрый след на татарской земле. Педа-



гог и просветитель, автор учебников на татарском языке, Кутдус Абдрахманович был выпускником медресе Буби, будучи муллой, в 1903–1911 гг. преподавал в нем, изучал основы ислама и арабскую графику в Каирском университете. Муллой был и дед Асафа Кутдусовича. После закрытия медресе Кутдус Абдрахманович продолжал работать в Иж-Бобье в земской школе. В 1921–1923 гг. он был заведующим отделом народного образования кантона (района), в 1923–1945 гг. работал директором Иж-Бобьинской средней школы<sup>452</sup>. В семье росло трое детей. 28 октября 1938 г. Кутдус Абдрахманович был арестован якобы за антисоветскую агитацию и распространение соответствующей литературы (статья 58-10, часть 1). 15 февраля 1939 г. ему было предъявлено обвинение, однако дело было прекращено за недоказанностью улик.

С 1-го по 4-й класс Асаф учился в Агрызской школе, а затем продолжил учебу в семилетней школе деревни Иж-Бобья. В годы учебы он увлекался рисованием, оформлял наглядную агитацию в школе и родной деревне, организовал кружок художественной самодеятельности. Уже тогда у него зародилась мечта стать покорителем одного из двух океанов: воздушного океана или водного океана Земли.

В деревне Иж-Бобья, где вырос Асаф Абдрахманов, о самолетах, а тем более о море знали только понаслышке, океаны, льды и штормы видели лишь в документальной хронике нечастых кинопередвижек, а вся местная «водная стихия» была представлена тремя небольшими и тихими речками Иж, Бобинка и Лекешмеска, которые как бы охватывали всю территорию Иж-Бобья. От названий этих первых двух речушек и получила свое наименование деревня, в которой вырос Асаф. И все же отсутствие близлежащих морей не смогло повлиять на выбор юношей своего жизненного пути. Парень перечитал все книги о морях и мореплавателях, которые имелись в школьной библиотеке. Привозил книги о дальних странах и океанах Асафу и отец во время поездок по учительским делам в Агрыз и Казань.

Однако судьба предоставила Асафу возможность сделать первые шаги к заветной цели именно в области авиации. В 1934 г. он успешно окончил семилетнюю (неполную среднюю) школу и поступил в Казанский авиационный техникум. Там он овладел специальностью техника-механика и получил направление на Казанский авиационный завод. В течение года юноша старательно работал, строил самолеты, но не отказался от заветной мечты о море.

Десятого июля 1939 г. Казанским районным военным комиссариатом Асаф Кутдусович Абдрахманов был призван в ряды Рабоче-крестьянского Красного флота. Как раз в это время был объявлен комсомольский набор в военно-морские училища. И по призыву ЦК ВЛКСМ Асаф с комсомольской путевкой в составе группы казанских комсомольцев, мечтавших о мужественной и романтической флотской службе, отправился в Севастополь на учебу во 2-е военно-морское училище, переименованное в июле 1940 г. в Черноморское высшее военно-морское училище. Вступительные экзамены в училище Асаф сдал успешно. Училище в Севастополе лишь недавно закончило период своего становления, произведя всего два набора курсантов. В первом наборе курсантов 1937 г. было 472 человека, во втором 1938 г. — 379 человек. Третий набор курсантов училища 1939 г., в котором сдавал вступительные экзамены и Асаф, был самым большим в предвоенные годы — курсантами стали сразу 847 человек. В четвертом наборе 1940 г. был 281 курсант и в пятом 1941 г. — 318 человек.

Многие из будущих офицеров флота только здесь, в Севастополе — городе русской славы, впервые увидели море, боевые корабли, на которых им предстояло служить.

Старательно изучал Асаф военно-морскую науку, был отличником учебы. В непростое время проходило становление будущего офицера флота. В мире уже было неспокойно, началась Вторая мировая война. Будущие командиры РККФ прекрасно понимали, что нацистская Германия не остановится и после Польской кампании будет готовиться к нанесению мощного удара по СССР. Менее чем через два года так оно и произошло. Асаф Кутдусович с товарищами по 2-му курсу проходил практику на учебном корабле «Днепр», который совершил переход из Севастополя в Одессу. Ночью 22 июня 1941 г. в 3.00 радист «Днепра» получил телеграмму, чтобы корабль немедленно возвращался в Севастополь. Так в походе Асафа и застала война.

### **Военное лихолетье. Учиться, чтобы побеждать**

Закончился мирный период учебы. Для Асафа и его товарищей по училищу начался новый этап жизни и учебы. С началом военных действий военно-учебные заведения получили указание о переходе на учебные планы и программы ускоренной подготовки, стажировка курсантов выпускно-

го курса Черноморского высшего военно-морского училища была прекращена, а все выпускники приказами народного комиссара ВМФ были произведены в офицеры и направлены на боевые корабли флотов и флотилий.

Летняя практика курсантов младших курсов была также прекращена, и они направлялись в училище. Война внесла свои коррективы в повседневный быт и учебу курсантов. Налеты люфтваффе на Севастополь — главную базу Черноморского флота — совершались днем и ночью. Курсант Абдрахманов с сокурсниками ежедневно работал на строительстве блиндажей, отрывал щели для укрытия личного состава, оборудовал огневые позиции и командные пункты. И все вручную в скальном грунте, до седьмого пота... А еще ежедневная охрана и оборона противовоздушного участка в районе мыса Фиолент. Штаб береговой обороны не исключал возможности высадки противником воздушного десанта в тылу военно-морской базы. Ежедневно боевым расчетом на данный участок предусматривалось выделение не менее 300 курсантов и офицеров.

С первого дня войны на училище было возложено также патрулирование побережья от мыса Херсонес до Карантинной бухты. Наряды курсантов по 3—5 человек круглосуточно несли службу, патрулировали территорию и береговую черту назначенных участков. Вплоть до эвакуации училища в Ростов-на-Дону курсанты несли боевую службу в назначенном районе. Не раз заступал на боевое патрулирование и курсант Асаф Абдрахманов.

Участие в работах по строительству оборонительных сооружений, боевая служба курсантов в гарнизоне, постоянные воздушные и боевые тревоги — все это существенно осложняло учебный процесс, создавало обстановку, в которой дальнейшее проведение учебной практики и занятий становилось весьма затруднительным. Решением Совета по эвакуации при СНК СССР Черноморскому высшему военно-морскому училищу была поставлена задача передислокации в тыл. И в августе 1941 г. была в основном произведена эвакуация материальной базы и личного состава Черноморского высшего военно-морского училища из Севастополя в Ростов-на-Дону.

С курсантами 1-го и 3-го курсов начались плановые занятия. Небольшая часть третьекурсников проходила практику на кораблях в Азовском море. 2-й курс из Севастополя поездом был отправлен в Керчь для продолжения практики. Три роты курсантов набора 1941 г. также были пере-

правлены в Ростов-на-Дону. Здесь училищу под аудиторию и жилые помещения были переданы часть зданий педагогического и финансово-экономического институтов. Водные станции «Юный моряк», «Водник» и водно-моторная станция использовались для размещения плавсредств училища. 1 сентября 1941 г. начались плановые занятия по новому плану 1941/42 учебного года. А в октябре фронт приблизился и к Ростову-на-Дону.

С каждым днем обстановка под Ростовом ухудшалась. 9 октября в 20 часов из штаба Северо-Кавказского военного округа был получен приказ командующего округом генерал-лейтенанта Ф. Н. Ремизова, в котором указывалось, что Черноморское высшее военно-морское училище реорганизуется в 6-й морской курсантский полк и находится в резерве командования округа в Ростове-на-Дону до особого распоряжения. Курсантский полк в составе четырех батальонов нес боевую службу по обороне моста и других важных объектов города.

Обстановка у Ростова продолжала ухудшаться, передовые части 1-й танковой группы генерал-полковника Эвальда фон Клейста рвались к городу. 17 октября в соответствии с приказом командующего округом полк походным порядком выступил для занятия позиций в районе высот 104.8 и 89.1 у авиагородка. На протяжении дня личный состав курсантского полка оборудовал рубеж обороны и производил пристрелку рубежей. Вскоре поступило новое распоряжение: полку, расположившись в районе каменоломни, быть готовым для борьбы с танками противника, прорвавшимися к Ростову от селений Несветай, Султан-Салы, Чалтырь. Прибыв ночью в новый район, курсанты оборудовали рубеж обороны. Как и на предыдущем участке, отрывались окопы и ячейки для истребителей танков, оборудовались позиции для пулеметов, пристреливались цели.

Двадцать четвертого октября по указанию заместителя народного комиссара обороны СССР Е. А. Щаденко Черноморское училище было направлено в Минеральные Воды на реформирование. К 15 часам того же дня полк передал свой оборонительный рубеж и в походных колоннах направился в Ростов. На рассвете 25 октября на железнодорожную площадку Ростов-порт стали подавать вагоны и платформы для погрузки полка. В этот же день эшелон отбыл из Ростова и 27 октября прибыл в Минеральные Воды. 1 ноября 1941 г. был получен приказ наркома ВМФ СССР № 02255, в котором говорилось: «...Ввиду отправки на

фронт всего курсантского состава и части постоянного состава Черноморского высшего военно-морского училища с 1 ноября 1941 г. училище расформировать. Оставшийся постоянный состав обратить на доукомплектование других военно-морских учебных заведений. Имущество ЧВВМУ передать Каспийскому высшему военно-морскому училищу...»<sup>453</sup>

Во исполнение приказа о расформировании по указанию народного комиссара ВМФ в училище были проведены досрочные выпуски. 232 курсантам 4-го курса было присвоено звание «лейтенант», и они были отправлены на корабли и в части флота. Немало выпускников получило назначение и на корабли вновь созданной Азовской военной флотилии первого формирования, где был большой некомплект офицерского состава, особенно младшего. Однако среди молодых лейтенантов-выпускников училища Асафа Абдрахманова еще не было. Поздней осенью 1941 г. его ожидало новое место учебы и службы.

В числе 207 курсантов (две роты) 3-го курса и 84 курсантов (одна рота) 2-го курса вместе с преподавателями и курсовыми офицерами Асаф Абдрахманов был направлен в Астрахань. Там уже разместилось эвакуированное из Ленинграда Высшее военно-морское училище им. М. В. Фрунзе. Решение о его эвакуации в Астрахань было принято еще в конце июля 1941 г. Так группа курсантов Черноморского высшего военно-морского училища, в которой был и Асаф, оказалась в Астрахани и продолжила там обучение.

Сложная ситуация на фронтах привела к необходимости эвакуации военно-учебных заведений вглубь страны. И в августе 1942 г. училище имени М. В. Фрунзе вновь было эвакуировано, на этот раз в Баку. Однако еще до его эвакуации состоялся выпуск группы курсантов-черноморцев, получивших звание «лейтенант». На этот раз среди выпускников — молодых командиров флота был и Асаф.

Остальные сокурсники Асафа — 294 курсанта были выпущены в Минеральных Водах досрочно в воинском звании «младший лейтенант» и назначены в морские стрелковые бригады на должности командиров взводов, а 125 курсантам 2-го курса было присвоено воинское звание «главный старшина», и они были направлены в морские стрелковые бригады на должности помощников командиров взводов. Всем курсантам 1-го курса (318 человек) было присвоено воинское звание «старшина 1-й статьи» и их направили в бригады на должности командиров отделений.

Именно этот эпизод из курсантской жизни Асафа Кутдусовича Абдрахманова внес некоторое несоответствие в опубликованные в средствах массовой информации страницы его биографии. Даже его земляки из Агрызского муниципального района полагают, что Асаф обучался в Высшем военно-морском училище им. М. В. Фрунзе в Ленинграде. В его официальной биографии на портале муниципальных образований Республики Татарстан указано, что «в 1939 году по призыву ЦК комсомола группа комсомольцев завода направилась на учебу в Краснознаменное Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе. В этой группе был и наш земляк А. К. Абдрахманов. Старательно изучал парень морскую военную науку. Был отличником учебы. Успешно закончил училище в 1942 г.»<sup>454</sup>

В годы суровых испытаний будущим офицерам флота не приходилось выбирать ни место учебы, ни военно-морское учебное заведение. Так случилось и с курсантом Черноморского высшего военно-морского училища Асафом Абдрахмановым. Военное лихолетье внесло свои коррективы в его учебу и службу. Завершать военно-морское образование ему пришлось уже не в стенах родного Черноморского высшего военно-морского училища, а в Астрахани, в эвакуированном туда Высшем военно-морском училище им. М. В. Фрунзе.

### **«Речные танки» Сталинграда в составе Азовской флотилии**

С июня по ноябрь 1942 г. лейтенант А. К. Абдрахманов проходил службу в частях Волжской военной флотилии. До начала Сталинградской битвы (17 июля 1942 г. — 2 февраля 1943 г.) флотилия проводила траление фарватера от немецких мин, проводку судов, отражение атак вражеской авиации на гражданские суда. С началом Сталинградской битвы флотилия находилась в оперативном подчинении командования Сталинградского фронта. В ходе сражения флотилия оказывала обороняющимся частям Красной армии огневую поддержку, высаживала десанты, переправляла советские подразделения и части, оружие, боеприпасы и продовольствие в город, а из Сталинграда — раненых, женщин и детей. Маршал Советского Союза В. И. Чуйков в мемуарах «Сражение века» писал об этих событиях так: «О роли моряков флотилии, об их подвигах скажу кратко:

если бы их не было, возможно, 62-я армия погибла бы без боеприпасов и без продовольствия и не выполнила своей задачи».

После окончания Сталинградской битвы боевые корабли флотилии были переданы Азовской и Днепровской военным флотилиям. В составе Волжской флотилии были оставлены только два дивизиона тральщиков для очистки фарватера Волги от немецких мин. Так, с мая 1943 г. служба лейтенанта А. К. Абдрахманова была неотделима от боевых действий возрождавшейся Азовской военной флотилии.

Для более четкого понимания сути происходивших событий следует сделать некоторые пояснения. Лето и осень 1942 г. были не лучшими временами для этого объединения кораблей. Летом 1942 г. немцы начали готовить большую десантную операцию в направлении на Ейск и станицу Приморско-Ахтарскую. Они перебросили из Германии в Мариуполь флотские команды общей численностью до 6000 человек, подготовили необходимые плавсредства и планировали атаковать на Кубани тыл советских войск, оборонявших Ростов и Таманский полуостров. Но благодаря своевременным ударам с воздуха авиации Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота, а также эффективным действиям с моря кораблей Азовской военной флотилии этот план противника был сорван.

В начале августа 1942 г., когда части и соединения Северо-Кавказского фронта под ударами превосходящих сил противника вынуждены были отходить на рубеж реки Кубань, Азовская флотилия приступила к подготовке вывода в Черное море всех незанятых в обеспечении боевых действий судов торгового и технического флотов и к эвакуации своих баз из Ейска и станицы Приморско-Ахтарской. Одновременно флотилия прикрывала приморские фланги отступающих войск Красной армии, сосредоточивала силы для обороны Темрюка и Таманского берега.

В середине августа 1942 г. части и соединения 17-й немецкой армии, овладев Краснодаром, развернули стремительное наступление на Новороссийском и Туапсинском направлениях. К Новороссийску продвигались 2 пехотные и 3 кавалерийские дивизии, а на Туапсинском направлении — 5 пехотных и 2 моторизованные дивизии. 19 августа противник, имея четырехкратное превосходство в пехоте, семикратное в артиллерии и минометах и почти двойное в танках и штурмовых орудиях, перешел в наступление в направлении станиц Северская, Абинская и Крымская. Со-

ветские войска держались стойко. В район Крымской с Черноморского побережья была переброшена 83-я морская стрелковая бригада. Здесь же части 77-й стрелковой дивизии поддерживал своим огнем бронепоезд Азовской флотилии «Смерть немецким оккупантам». Лишь на третий день превосходящим силам противника удалось занять станицы Абинская и Крымская. В это же время основные силы румынского кавалерийского корпуса, развернув наступление на Темрюк, прорвали фронт в районе хутора «Красный Октябрь» и с боями продвигались к станице Курчанская. Бои за Темрюк приобретали все более ожесточенный характер...

Моряки-азовцы обороняли Темрюк до последней возможности и оставили город лишь к исходу дня 23 августа. Последние подразделения морских пехотинцев оставили Темрюк в 1 час 40 минут 24 августа, перед уходом моряки взорвали мост и уничтожили переправы через реку Кубань и рукав дельты Кубани — Казачий Ерик, а также заминировали порт. Стойкость и мужество защитников Темрюка высоко оценил Военный совет Северо-Кавказского фронта. Командующий фронтом С. М. Будённый в самый разгар боев в районе Темрюка прислал командиру Темрюкской военно-морской базы телеграмму: «Объявите всему личному составу, что оборона Темрюка войдет в историю Отечественной войны. За героизмом, проявленным личным составом, следит вся страна, как в свое время следила за героями Севастополя. По данным разведки, вы уничтожили до 80 % состава 5-й румынской кавдивизии и до 85 % состава 9-й румынской кавалерийской дивизии. Отличившихся в боях представьте к награде»<sup>455</sup>.

В конце августа Азовская флотилия с большими потерями прорвалась в Черное море, проведя через Керченский пролив 164 судна. Однако положение на фронте, потеря баз в Азовском море привели к тому, что приказом командующего Черноморским флотом от 8 сентября 1942 г. флотилия была расформирована. В сентябре ее корабли, тыловые и обеспечивающие части и органы управления были переданы Новороссийской и Керченской военно-морским базам, 2-й бригаде торпедных катеров, морская пехота — на формирование новых частей морской пехоты и пополнение уже имевшихся. В их составе они участвовали в сражениях на Таманском полуострове, в районе Анапы, под Новороссийском и в самом городе...

Новый, 1943 г. ознаменовался началом операции «Кольцо» в ходе Сталинградской битвы. Ко 2 февраля была



окружена, разгромлена и пленена сильная немецкая группировка. Победа советских войск в Сталинградской битве внесла огромный вклад в достижение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны и оказала серьезное влияние на дальнейший ход всей Второй мировой войны. В феврале 1943 г. советские войска освободили от захватчиков почти весь Северный Кавказ. 12 февраля советские войска вошли в Краснодар, через два дня в Ростов-на-Дону. Были освобождены от фашистов Азов и Ейск.

Накануне этих событий, 3 февраля 1943 г., нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов приказал начать второе формирование Азовской военной флотилии. Корабли флотилии получили главную базу в Ейске и маневренные базы в Азове и Приморско-Ахтарской. В начале июня 1943 г. корабельный состав флотилии был представлен Отдельным Кубанским отрядом кораблей (3-й дивизион бронекатеров — 6 единиц, дивизион полуглиссеров — 12 единиц); 12-м дивизионом сторожевых катеров (3 единицы); 1-м дивизионом бронекатеров (6 единиц); 13-м дивизионом катеров-тральщиков (4 единицы) и отрядом торпедных катеров (4 единицы).

Лейтенант А. К. Абдрахманов был назначен на должность командира бронекатера БКА-121 1-го дивизиона бронекатеров Азовской военной флотилии. В то время на Азовском море была горячая боевая пора. Активно содействуя войскам Южного фронта, моряки флотилии во время боев в Приазовье днем и ночью вели морские бои, обстреливали вражеские береговые укрепления, действовали на коммуникациях противника, высаживали тактические десанты в тыл и на фланги противника (Таганрогский десант, Мариупольский десант, десант у города Осипенко), всего было высажено семь тактических и один разведывательный десант. Верховный главнокомандующий в своем приказе от 10 сентября 1943 г. особо отметил действия моряков Азовской флотилии при взятии Мариуполя. А в приказе Верховного главнокомандующего от 9 октября 1943 г., в связи с освобождением Таманского полуострова, были отмечены успешные действия десантов флотилии в Термюкском десанте.

Проявленные лейтенантом Абдрахмановым личное мужество и героизм в боях с врагом в Приазовье были по достоинству отмечены командованием флотилии. Командир 1-го дивизиона бронекатеров Азовской военной флотилии капитан-лейтенант П. В. Красников в первых числах сентября 1943 г. в наградном листе на командира бронекатера

катера БКА-121 лейтенанта А. К. Абдрахманова отмечал: «Тов. Абдрахманов за время нахождения на БКА № 121 1 ДБКА участвовал в 18 набеговых операциях по уничтожению живой силы пр[отивни]ка, постановки мин и поддержке фланга Армии. Все операции прошли успешно. С 11 на 12 июня по обстрелу косы Белосарайская встретился с катерами пр[отивни]ка и вступил в бой и в результате боя тов. Абдрахманов потопил вражеский катер. С 31 июля по 1 августа в Темрюкском заливе, в морском бою с катерами пр[отивни]ка потопил один катер, таким образом БКА №121 под командованием т. Абдрахманова на своем счету имеет два потопленных катера пр[отивни]ка. В операции с 29 на 30 августа по обстрелу г. Мариуполя его катер уничтожил прожектор и подавил одну батарею противника...»

За скупыми строками наградного листа стояли полные мужества и драматизма события войны, непосредственным участником которых был командир бронекатера лейтенант Абдрахманов. Небольшим был этот корабль и невелика его команда. Но врагу урон наносили весьма ощутимый! Катер вел орудийно-пулеметный огонь по вражеским береговым базам, громил караваны судов противника, охранял советские суда от налетов фашистской авиации. В любую погоду, в любое время года бронекатера выполняли свою трудную боевую работу. Часто им приходилось нести дозорную службу на морских коммуникациях.

Корабли Азовской флотилии, помогая наступающим войскам, совершали набеги на занятые оккупантами прибрежные районы, высаживали десанты, уничтожали укрепления.

Приказом № 09 командующего Азовской военной флотилией Черноморского флота от 7 сентября 1943 г. «От имени Президиума Верховного совета Союза ССР, за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» командир бронекатера БКА-121 1-го дивизиона бронекатеров Азовской военной флотилии Черноморского флота лейтенант Абдрахманов Асаф Кутдусович был награжден орденом Красного Знамени.

В сентябре 1943 г. от захватчиков был освобожден город Бердянск. Одним из бронекатеров Азовской военной флотилии, принимавших участие в освобождении города с моря, командовал 24-летний старший лейтенант Асаф Кутдусович Абдрахманов.

В ходе Новороссийско-Таманской наступательной опе-

рации, проходившей с 9 сентября по 9 октября 1943 г., корабли Азовской военной флотилии успешно действовали на морских сообщениях противника, срывая эвакуацию частей вермахта и техники. Умело взаимодействуя, силы советских сухопутных войск, авиации и флота освободили Новороссийск и порты Таманского полуострова. Создались благоприятные условия для ударов по вражеской группировке в Крыму с моря и через Керченский пролив.

### **Звезда Героя Асафа Абдрахманова**

С 31 октября по 11 декабря 1943 г. советское командование организовало и провело Керченско-Эльтигенскую десантную операцию, целью которой было создание оперативного плацдарма на Керченском полуострове для последующего освобождения Крыма. В планах командования было намечено провести силами Азовской военной флотилии одновременную высадку десантов 56-й армии в количестве трех стрелковых дивизий (с 20 ноября — Отдельной Приморской армии) в районе северо-восточнее и восточнее Керчи. Это было главное направление удара. В районе Эльтигена (Георгиевское) производилась высадка десанта в количестве одной дивизии 18-й армии силами кораблей Черноморского флота. Части десанта должны были нанести удары по сходящимся направлениям и овладеть восточной частью Керченского полуострова с портами Керчь и Камыш-Бурун (Аршинцево).

Было намечено провести одновременную высадку десантов в ночь на 1 ноября 1943 г. Однако в ночь на 1 ноября из-за сильного шторма высадка десанта 56-й армии была отложена.

В то же время 1 ноября в 4.50 десанту 18-й армии удалось скрытно высадиться в районе Эльтигена и Коммуны «Инициатива», захватить и укрепиться на плацдарме 5 км по фронту и 2 км в глубину. Стянув крупные силы, противник контратаковал позиции десантников и попытался сбросить их в море. Но поддержанные огнем артиллерии с Таманского полуострова и косы Чушка, а также авиацией Черноморского флота десантники отразили все контратаки немецко-фашистских войск.

С наступлением темноты началась высадка последующих эшелонов войск 18-й армии. За ночь было высажено 3270 человек. Не сумев выбить десантников, противник

блокировал Эльтигенский плацдарм с моря и с воздуха. Именно поэтому в ночь на 3 ноября с кораблей и судов Черноморского флота удалось высадить лишь 840 человек. Положение на плацдарме становилось крайне сложным. С установлением противником блокады перевозка пополнений, боеприпасов и продовольствия для закрепившихся на плацдарме десантников резко сократилась.

Воспользовавшись тем, что противник сосредоточил основные силы для борьбы с десантом в районе Эльтигена, в ночь на 3 ноября корабли Азовской военной флотилии высадили десант 56-й армии северо-восточнее Керчи. К исходу 3 ноября десантники, преодолевая упорное сопротивление противника, вышли на рубеж Еникале, восточнее Баксы и закрепились на захваченном плацдарме.

Командир бронекатера БКА-121 2-го отряда 1-го гвардейского дивизиона бронекатеров Азовской военной флотилии старший лейтенант Асаф Абдрахманов 3 ноября 1943 г., форсировав Керченский пролив, под вражеским артиллерийским огнем высадил первые штурмовые отряды десантников 56-й армии.

«К первой операции по высадке десанта на Керченский полуостров, — вспоминал Асаф Кутдусович, — мы готовились очень тщательно. Бронекатер с десантниками в ночной темноте скрытно подошел к берегу и высадил десант. Рядом высаживали морских пехотинцев и другие корабли. Но тут нас обнаружили. Фашисты открыли ураганный огонь. Несколько судов было подбито, однако нам удалось уйти в море». Отважный командир и экипаж БКА-121 повторяли этот подвиг снова и снова: круглые сутки, курсируя от берега Кавказа к Крыму, многократно переправляли на Керченский полуостров войска и боеприпасы. Указом Президиума Верховного совета СССР от 22 января 1944 г. «За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками» старшему лейтенанту А. К. Абдрахманову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 2904). В его наградном листе сказано: «Мужественный и бесстрашный командир катера. В боях за Керченский полуостров офицер Абдрахманов проделал большую работу, его катер под ураганным огнем вражеской артиллерии и авиации днем и ночью, в штормовые погоды смело высаживал десантников на берег, занятый противником.

Выполняя особое задание по обеспечению нашего десанта боезапасом, продовольствием и техникой, Абдрах-

манов сумел организовать все силы личного состава на выполнение этой сложной задачи.

За исключительное мужество при выполнении боевого задания по высадке десантов на Керченском полуострове тов. Абдрахманов заслуживает высокой правительственной награды — присвоения звания “Герой Советского Союза”».

Более подробно о подвиге старшего лейтенанта Асафа Абдрахманова сообщается в донесении политотдела Азовской военной флотилии Политуправлению Черноморского флота от 2 марта 1944 г. о мужестве и героизме моряков-краснофлотцев при форсировании Керченского пролива и о присвоении им звания Герой Советского Союза.

«Указом Президиума Верховного совета СССР от 22 января 1944 г. за форсирование Керченского пролива, высадку десантных войск и переброску техники на Керченский полуостров и проявленные при этом отвагу и героизм присвоено звание Героя Советского Союза офицерскому, старшинскому и рядовому составу Военно-Морского Флота, в числе которых 9 офицеров, старшин и краснофлотцев Азовской военной флотилии...

Герой Советского Союза лейтенант Асаф Кутдусович Абдрахманов, кандидат в члены ВКП(б), по национальности татарин.

Бронекатер, которым командует т. Абдрахманов, участвовал во многих боевых операциях по освобождению Таганрога, Мариуполя, Осипенко, Таманского полуострова. Более 30 раз катер т. Абдрахманова успешно выполнял поставленную боевую задачу командования.

Однажды глубокой ночью катер лейтенанта Абдрахманова находился в дозоре. Вдали показались силуэты вражеских кораблей. Соотношение сил было далеко не равное. Навстречу шло несколько фашистских катеров и одна самоходная баржа. Несмотря на это, т. Абдрахманов смело вступил в бой. В этом беспримерном по дерзости морском бою победителем вышел катер офицера Абдрахманова. Один фашистский корабль был потоплен, а остальные спаслись бегством. Через несколько дней вновь катер т. Абдрахманова появился у берегов, занятых противником. На этот раз против одного катера появилось 3 немецких самоходных баржи и катер. Тов. Абдрахманов первым открыл артиллерийский огонь по вражеским кораблям, в результате чего с первых залпов катер противника был выведен из строя. Много раз т. Абдрахманов ходил на обстрел вражеских позиций. Во время этих операций орудийным и пу-

лементным огнем своего катера нанес врагу немалый урон: уничтожил 9 вражеских огневых точек, 2 прожектора и истребил большое количество живой силы противника. Исключительное мужество, отвагу и высокую боевую выучку показал Абдрахманов при форсировании Керченского пролива. В самых сложных условиях он доставлял десантные войска, перебрасывал боезапас, продовольствие на Керченский полуостров. Боевые дела т. Абдрахманова были отмечены командованием. Он был награжден орденом Красного Знамени. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 января 1944 г. лейтенанту Абдрахманову присвоено звание Героя Советского Союза...

Начальник политического отдела

Азовской военной флотилии Черноморского флота капитан 1-го ранга Панченко»<sup>456</sup>.

В коллекции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, расположенного в городе-герое Керчи, есть листовка, посвященная подвигам старшины 1-й статьи Николая Воробьева и лейтенанта Асафа Абдрахманова. Листовка призывала моряков-черноморцев выполнять свой воинский долг так, как это делают Николай Воробьев и Асаф Абдрахманов. В конце листовки были помещены незамысловатые, но написанные от души стихотворные строки:

Груженный тендер водит неустанно  
Через пролив отважный Воробьев.  
Разит врагов азовец Абдрахманов.  
Победа или смерть — вот лозунг моряков.

Мы будем так за Крым родной бороться,  
Чтоб матери могли сказать:  
«Умейте бить врага как моряки-азовцы,  
И как они, умейте побеждать!»

В 1972 г. увидела свет книга А. А. Казаряна «Герои боев за Крым». В ней автор в художественно-документальной форме дает описание подвига лейтенанта Абдрахманова: «Ноябрьской ночью 1943 года наши корабли с десантом двинулись через Керченский пролив к Эльтигену. Над волнами плясали слепящие лучи вражеских прожекторных установок. В небо сериями взвивались осветительные ракеты. Батареи противника вели ураганный огонь.

В головном отряде одним из первых шел катер под командованием лейтенанта Асафа Абдрахманова. Лейтенант

зорко следил за курсом и обстановкой вокруг. Вдруг сигнальщик доложил:

— Мина по правому борту!

Командир немедленно маневрировал, и “плавающая смерть”, покачиваясь, проплыла мимо. Немцы продолжали обстреливать катер. Рядом с ним вздымались столбы воды. Над палубой свистели осколки. Наши комендоры и пулеметчики открыли ответный огонь.

— Пробоина в носовом отсеке! — доложили снизу.

Абдрахманов распорядился заделать повреждение; катер продолжал двигаться вперед. Судно еще не подошло к берегу, как десантники стали покидать его палубу. По грудь в воде они добирались до берега и с ходу атаковали огневые точки и траншеи врага.

А лейтенант уже вел катер к побережью Тамани за подкреплением. Иссеченный осколками, с несколькими пробоинами в бортах, катер двенадцать раз прорывался сквозь плотную завесу огня и высаживал десантников.

Высокое мастерство командира, беззаветный героизм, решительность, отвага всего экипажа судна обеспечивали успех выполнения заданий командования»<sup>457</sup>.

## Суровые мили войны. Продолжение подвига

К 12 ноября 1943 г. плацдарм на Керченском полуострове был расширен от побережья Азовского моря до Керчи. Войска 56-й армии удерживали его до начала Крымской наступательной операции (8 апреля — 12 мая 1944 г.). Корабли Азовской военной флотилии с момента высадки десанта и захвата Керченского плацдарма, вплоть до апреля 1944 г. ежедневно под огнем противника выполняли задачи по снабжению всем необходимым войск Отдельной Приморской армии на плацдарме.

Но даже в таких крайне тяжелых условиях частых боевых выходов в море старший лейтенант Асаф Абдрахманов находил время для писем родным, которых не забывал и в самые трудные дни войны. Его сердце и душа не очерствели, он по-прежнему оставался любящим сыном и братом. Искренней теплотой и заботой наполнено его письмо сестре — Сюембике Кутдусовне Абдрахмановой от 20 марта 1944 г. «Дорогая сестра! Шлю тебе горячий привет и желаю успехов и здоровья, — писал Асаф Кутдусович.

От тебя одновременно получил два письма. Очень бла-

годарен, дорогая, за поздравление и за ту радость, которую проявляешь в отношении меня.

Мне так радостно получать письма от родных, эти письма я перечитываю по нескольку раз. Поэтому обычно я всегда в первую очередь пишу домой, а потом товарищам, а их очень много, некоторые в госпиталях, некоторые в море...

Я вспомнил Вас, передо мной один за другим прошли те, которых я так жажду увидеть, горячо поцеловать...

Пиши подробнее какие есть новости, как жизнь.

Благодарю за твое фото, я его ношу в левом нагрудном кармане и очень часто рассматриваю.

Целую твой брат Асаф»<sup>458</sup>.

За них, родных и близких, за свою землю, за Родину, бил врага герой-катерник Асаф Абдрахманов.

Война уже повернула на запад. Моряки Азовской военной флотилии принимали активное участие в Крымской наступательной операции, поддерживая наступление частей и соединений Отдельной Приморской армии и осуществляя последующую переброску ее тылов в Крым, препятствуя эвакуации вражеских войск с полуострова морем. При этом было высажено несколько тактических десантов во фланг противника.

На базе Азовской военной флотилии 19 апреля 1944 г. была вновь создана Дунайская военная флотилия. Ее корабли поддерживали артиллерийским огнем приречные фланги сухопутных войск, освобождавших те немногие южные территории страны, все еще остававшиеся оккупированными врагом, высаживали тактические десанты при форсировании Днестровского лимана, в Жебрияны — Вилково, в Килию Новую.

В сентябре—октябре 1944 г., в ходе Белградской наступательной операции, корабли Дунайской военной флотилии оказывали постоянную поддержку с реки развивавшим наступление на Белград войскам 57-й армии 3-го Украинского фронта, продвигавшимся вдоль берега Дуная, высаживали десанты в Радуевац, Прахово, Смедерево. Бронекатера уничтожили укрепления и огневые точки врага еще до подхода наступавших советских частей, предопределив тем самым не только успех десантов, но и дальнейшего наступления сухопутных войск.

Дунайская военная флотилия практически не имела специальных транспортных средств для переброски боевой техники, поэтому к перевозкам привлекли боевые корабли.



Бронекатера принимали личный состав во внутренние помещения, а на палубах размещали артиллерийские орудия, повозки, лошадей. Для переправы танков и тяжелых артиллерийских орудий, проявляя флотскую смекалку, катерники создавали своеобразные катамараны из двух кораблей. При значительном разрушении противником железных и шоссейных дорог, мостов, во время осенней распутицы водный путь оказался единственно способным обеспечить в сжатые сроки массовые перевозки советских войск, особенно артиллерии и тяжелой боевой техники и, кроме того, позволял сохранить моторесурс танков, самоходной артиллерии, автомобилей, что также имело немалое военно-экономическое и оперативное значение.

«После освобождения Белграда и всей Югославии, — отмечал в своих мемуарах «Курсом к победе» Адмирал Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов, возглавлявший в годы Великой Отечественной войны Народный комиссариат ВМФ, — началась перегруппировка войск 2-го и 3-го Украинских фронтов, готовившихся к Будапештской операции. Дунайская флотилия принимала в этом самое активное участие. Она производила переправу и перевозку войск. Только с 18 по 25 октября на участке Дубровица — Гроцка было переправлено на левый берег Дуная более 18 500 человек, 400 орудий и минометов 57-й армии...»<sup>459</sup> В этой операции по переброске советских войск через Дунай самое активное участие принимал и бронекатер БКА-121, которым командовал старший лейтенант А. К. Абдрахманов.

Представляя к награждению за проявленные мужество и героизм командира бронекатера БКА-121 21 октября 1944 г., командир 3-го дивизиона бронекатеров Керченской бригады бронекатеров Дунайской военной флотилии капитан-лейтенант И. С. Соляников отмечал, что «во время переброски армейского соединения через реку Дунай в районе Дубровица тов. Абдрахманов показал себя смелым, решительным командиром. Катер под его командованием в короткий срок перебросил на левый берег множество личного состава армейского соединения, повозок, лошадей, боевой техники и боезапаса. Несмотря на плохие метеорологические условия тов. Абдрахманов отлично выполнил поставленную командованием соединения задачу и обеспечил переброску войск.

За его боевые дела представляю его к правительственной награде орденом «Красная звезда»...»

В ходе Будапештской наступательной операции 30 но-

ября — 1 декабря 1944 г. бронекатера Дунайской военной флотилии участвовали в высадке Герьенского тактического десанта.

В конце ноября 1944 г. перешли в наступление войска 4-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта. 20-й и 21-й гвардейские стрелковые корпуса армии начали наступление вдоль правого берега Дуная, а 31-й корпус той же армии находился на левом берегу реки, имея задачу по мере развития наступления основных сил 4-й гвардейской армии переправиться на правый берег Дуная и вместе с двумя другими корпусами продолжать наступление в западном и северо-западном направлениях.

Однако, встретив упорное сопротивление противника, наступление войск 4-й гвардейской армии не достигало намеченных целей. Вместо глубокого обхода Будапешта с юго-запада армия медленно продвигалась вперед с тяжелыми боями. Чтобы ускорить наступление, командующий фронтом Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин приказал командиру Дунайской флотилии вице-адмиралу С. Г. Горшкову высадить тактический десант в населенном пункте Герьен на правом берегу Дуная, с целью захвата опорного пункта противника на приречном фланге его обороны, создания угрозы с тыла обороняющимся против главных сил армии войскам противника и последующей переправы на захваченный плацдарм всего 31-го стрелкового корпуса с целью ускорения темпов наступления.

Для высадки десанта были выделены десять бронекатеров из состава 1-й бригады речных кораблей флотилии. Еще три бронекатера составляли отряд прикрытия, имевший задачу вступить в бой с артиллерией противника и отвлечь ее на себя от отряда высадки десанта. В состав десанта были выделены 475 человек из состава 83-й морской стрелковой бригады. При этом в Герьене с шести бронекатеров высаживались 402 десантника, а в ближайшем населенном пункте Доромлаши с трех бронекатеров высаживался отвлекающий отряд в количестве 75 человек. Небольшая численность десанта была обусловлена как нехваткой кораблей, так и тем фактором, что немецкие войска на данном участке были практически полностью введены в бой против активно наступавших по всему фронту советских войск. Предусматривалось наращивание численности десанта повторными рейсами катеров.

В ночь с 30 ноября на 1 декабря 1944 г. бронекатера с десантниками отошли от пристани в городе Байя, скрытно

прошли вверх по Дунаю и незамеченными подошли к Герьену. Для достижения внезапности маршрут перехода был проложен не по фарватеру, поскольку правый берег Дуная был занят противником, а вдоль занятого советскими войсками левого берега, под прикрытием речных островов. Моряки и здесь проявили смекалку. Создав искусственный крен, катера на опасных участках шли только под одним мотором со стороны подтопленного борта, выбрасывая выхлопные газы под поверхностью воды. В итоге высадка стала полной неожиданностью для врага. Отряд прикрытия также выполнил свою задачу, отвлекая на себя внимание врага.

После мощной артподготовки артиллерии берегового отряда сопровождения флотилии и бронекатеров отряда поддержки в 0.15 1 декабря десант высадился на берег. В трехчасовом ночном бою десант выбил противника из Герьена. В этом бою десантники уничтожили 200 вражеских солдат и офицеров, 120 захватили в плен. Потери личного состава десанта были незначительными, потери в кораблях отсутствовали.

План операции был выполнен. В тылу противника был захвачен плацдарм, угроза удара с которого заставила войска противника на фронте против главных сил 4-й гвардейской армии начать отход. На плацдарм силами флотилии оперативно были переправлены 31-й стрелковый корпус, 83-я бригада морской пехоты, затем дополнительные части 4-й гвардейской армии. К исходу 1 декабря десант соединился с наступавшими частями армии, сломившими сопротивление врага. Развивая успех, 4-я гвардейская армия совершила глубокий обход и замкнула с юга кольцо окружения вокруг Будапештской группировки.

И вновь родина отметила высокой наградой ратные заслуги командира бронекатера БКА-121 старшего лейтенанта А. К. Абдрахманова — участника Герьенской десантной операции. Командир 3-го дивизиона бронекатеров Керченской бригады бронекатеров Дунайской военной флотилии капитан-лейтенант К. И. Бутвин в наградном листе на старшего лейтенанта Абдрахманова отмечал следующее: «Командир бронекатера старший лейтенант Абдрахманов, участник высадки десанта в тыл противника, селение Герьен. Несмотря на сильный артиллерийско-пулеметный огонь противника, его катер форсировал укрепления, с боем прорвался в тыл противника и высадил десант. При высадке десанта личным примером и бесстрашием содействовал скорейшему броску и занятию плацдарма.

При высадке десанта в г. Дунатентель в сложных навигационно-метеорологических условиях сплошного тумана и огня противника, его катер с первой группой ворвался в порт и высадил десант, чем дал возможность высадке основной группы десанта. Высадка десанта обеспечила уничтожение Дунатентельской группировки противника.

За проявленную храбрость и бесстрашие достоин правительственной награды».

Представление утвердил командир 1-й Краснознаменной Керченской бригады речных кораблей Дунайской военной флотилии Герой Советского Союза капитан 2-го ранга П. И. Державин. Приказом № 032 командующего Дунайской флотилией от 22 мая 1945 г. и от имени Президиума Верховного совета СССР «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» командир бронекатера БКА-121 3-го дивизиона Керченской бригады бронекатеров Дунайской флотилии, старший лейтенант Абдрахманов был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

Зима 1945 г. выдалась холодной, Дунай сковал лед. Однако погода не стала серьезной помехой для моряков Дунайской военной флотилии. В марте 1945 г. ее бронекатера воевали уже в Австрии. Золотыми буквами в историю Великой Отечественной войны вписаны страницы дерзкого прорыва 11 апреля 1945 г. бронекатеров Дунайской военной флотилии в центр оккупированной фашистами Вены и захват Имперского моста — единственного уцелевшего в городе моста через Дунай. Прорыв катеров был исключительно трудным и рискованным, но его успех сломил боевой дух оборонявших Вену фашистских войск и значительно ускорил освобождение города. Это позволило предотвратить подготовленное фашистами разрушение Вены и гибель огромного числа ее жителей. Позднее благодарные жители столицы Австрии собрали средства и установили памятник советским воинам, спасшим от разрушения бесценную историческую реликвию города, с высеченными золотом в черном граните словами: «Героям-десантникам, морякам-гвардейцам от жителей благодарной Вены».

Приказом Верховного главнокомандующего № 085 от 17 мая 1945 г. 1-й Краснознаменной Керченской бригаде речных кораблей было присвоено почетное наименование «Венская», а на груди героя-катерника старшего лейтенан-

та Асафа Абдрахманова как почетные вехи его боевых заслуг появились медали «За освобождение Белграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»...

В фотоальбоме Героев Советского Союза, выпущенном в послевоенные годы Главным политуправлением Вооруженных сил СССР, под портретом старшего лейтенанта Абдрахманова дано краткое описание его боевого пути: «Герой Советского Союза Асаф Кутдусович Абдрахманов — командир бронекатера Азовской военной флотилии. В 1943 г. активно участвовал в освобождении Азовского побережья, высаживал десанты в Таганроге, Мариуполе, Осипенко, на Таманский полуостров. Более 30 раз его корабль участвовал в боевых операциях. На пути к победе вставало много препятствий, ураганный артиллерийский обстрел, яростная бомбежка с воздуха, жестокий шторм. Однако личный состав во главе со своим командиром умело преодолевал все трудности и преграды. В ходе боев экипаж катера своим метким огнем потопил 2 вражеских корабля, уничтожил 9 огневых точек, 2 прожектора и много живой силы противника... А за всю войну Абдрахманов участвовал более чем в 60 боевых операциях».

## Морские дороги к звездам

После войны Асаф Кутдусович Абдрахманов продолжил службу в Военно-морском флоте СССР. Способного боевого командира корабля направили в Ленинград на учебу на Высшие специальные классы офицерского состава ВМФ. После окончания учебы А. К. Абдрахманов продолжал службу на кораблях и частях флота. С 1963 по 1968 г. он командовал кораблем измерительного комплекса «Сучан», входившего в состав 4-й Тихоокеанской океанографической экспедиции (ТОГЭ-4).

В составе Военно-морского флота СССР в то время была серия из шести специальных кораблей: «Сибирь», «Сучан», «Сахалин», «Чажма», «Чумикан» и «Чукотка», предназначенных для контроля параметров полета ракет на различных отрезках траектории, как продолжение наземных научно-измерительных пунктов и обеспечение испытаний межконтинентальных советских баллистических ракет на предельной дальности.

Будущие корабли измерительного комплекса были пе-

реоборудованы на Балтийском заводе, а затем совершили переход Северным морским путем в Петропавловск-Камчатский, в бухту Тарья. Они принимали участие и в обеспечении полетов первых пилотируемых космических кораблей. В их многочисленные задачи входила подстраховка на случай аварии или посадки спускаемого аппарата в океане.

Так жизнь и судьба офицера флота Асафа Кутдусовича Абдрахманова вновь оказались тесно связаны с морем. Только горизонты были другими — космическими.

## ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1984. С. 335.
- <sup>2</sup> *Guderian H.* Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951. S. 182.
- <sup>3</sup> «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 217.
- <sup>4</sup> Там же. С. 265.
- <sup>5</sup> *Батов П. И.* В походах и боях. М., 1974. С. 11–12.
- <sup>6</sup> Там же. С. 13.
- <sup>7</sup> Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО). Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 90. Л. 47–48.
- <sup>8</sup> ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9852. Д. 1. Л. 104–105.
- <sup>9</sup> Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). М., 1996. С. 115.
- <sup>10</sup> *Батов П. И.* Перекоп. 1941. Симферополь, 1970. С. 13.
- <sup>11</sup> См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 1941 год. Т. 23 (12-1). М., 1998. С. 128.
- <sup>12</sup> *Мощанский И., Савин А.* Борьба за Крым (сентябрь 1941 — июль 1942 года). М., 2002. С. 2.
- <sup>13</sup> *Кузнецов Н. Г.* Курсом к победе. М., 2000. С. 45.
- <sup>14</sup> *Горшков С. Г.* На южном приморском фланге. М., 1989. С. 31–32.
- <sup>15</sup> *Манштейн Э.* Утерянные победы. М.; СПб., 1999. С. 223.
- <sup>16</sup> См.: *Батов П. И.* В походах и боях... С. 27.
- <sup>17</sup> Там же. С. 50.
- <sup>18</sup> Крымские известия. 2009. 13 мая.
- <sup>19</sup> Крым в период Великой Отечественной войны. 1941–1945. Сборник документов и материалов. Симферополь, 1973. С. 54–57.
- <sup>20</sup> Очерки по истории Крыма. Ч. 4. Симферополь, 1967. С. 9.
- <sup>21</sup> См.: *Горшков С. Г.* Указ. соч. С. 34.
- <sup>22</sup> Центральный военно-морской архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦВМА). Ф. 107. Д. 911. Л. 16–17.
- <sup>23</sup> ЦВМА. Ф. 155. Д. 145. Л. 13–17.
- <sup>24</sup> Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1)... С. 206–207.
- <sup>25</sup> См.: *Горшков С. Г.* Указ. соч. С. 39.
- <sup>26</sup> Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1)... С. 212.
- <sup>27</sup> *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 125.
- <sup>28</sup> *Болосов А. Н., Болосов М. А.* Флот России день за днем. Книга-календарь. М., 2000. С. 429.
- <sup>29</sup> Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012. С. 193; ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 90. Л. 91.

- <sup>30</sup> *Маништейн Э.* Указ. соч. С. 231.
- <sup>31</sup> *Крылов Н. И.* Не померкнет никогда. М., 1984. С. 243.
- <sup>32</sup> См.: *Горшков С. Г.* Указ. соч. С. 43.
- <sup>33</sup> Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 195.
- <sup>34</sup> Там же.
- <sup>35</sup> ЦАМО. Ф. 407. Оп. 9852. Д. 1. Л. 31.
- <sup>36</sup> Там же. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 16. Л. 93–94.
- <sup>37</sup> *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 146.
- <sup>38</sup> *Караваяев А. Т.* По срочному предписанию. М., 1967. С. 215.
- <sup>39</sup> *Болосов А. Н., Болосов М. А.* Указ. соч. С. 338–339.
- <sup>40</sup> *Борисов Б. А.* Школа жизни. М., 1971. С. 137–138.
- <sup>41</sup> *Борисов Б. А.* Записки секретаря горкома. М., 1964. С. 52.
- <sup>42</sup> *Борисов Б. А.* Подвиг Севастополя. М., 1957. С. 70–71.
- <sup>43</sup> *Поляков В. Е.* Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно». М., 2009. С. 12.
- <sup>44</sup> *Крылов Н. И.* Указ. соч. С. 249.
- <sup>45</sup> Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 3... С. 196.
- <sup>46</sup> *Горшков С. Г.* Указ. соч. С. 49.
- <sup>47</sup> См. подробнее: *Гаврилкин Н. В., Стогний Д. Ю.* Батарейя № 30. 70 лет в строю // Альманах «Цитадель». 2006. № 12–13.
- <sup>48</sup> ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 233. Л. 24–25.
- <sup>49</sup> Там же. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 57. Л. 270–271.
- <sup>50</sup> Там же. Д. 5. Л. 73.
- <sup>51</sup> *Маништейн Э.* Указ. соч. С. 241–242.
- <sup>52</sup> ЦВМА. Ф. 2094. Оп. 17481. Д. 11. Л. 136–137.
- <sup>53</sup> Там же. Оп. 17268. Д. 22. Л. 70–143.
- <sup>54</sup> Там же. Ф. 2. Д. 40275. Л. 8.
- <sup>55</sup> *Годлевский Г. Ф., Гречанюк Н. М.* и др. Походы боевые. М., 1966. С. 83.
- <sup>56</sup> ЦАМО. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 33. Л. 138.
- <sup>57</sup> Там же. Оп. 9895. Д. 20. Л. 15.
- <sup>58</sup> См.: *Моргунов П. А.* Героический Севастополь. М., 1979. С. 141.
- <sup>59</sup> *Крылов Н. И.* Указ. соч. С. 333.
- <sup>60</sup> Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. 72. Д. 833. Л. 72.
- <sup>61</sup> Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941–1945 гг. Симферополь, 1963. С. 134.
- <sup>62</sup> *Маништейн Э.* Указ. соч. С. 241.
- <sup>63</sup> *Диксон Ч. О., Гейльбрунн О.* Коммунистические партизанские действия. М., 1957. С. 81.
- <sup>64</sup> См.: *Моргунов П. А.* Указ. соч. С. 144.
- <sup>65</sup> ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1093. Д. 18. Л. 292.
- <sup>66</sup> РГА ВМФ. Ф. 72. Д. 798. Л. 133.
- <sup>67</sup> Там же. Д. 799. Л. 36.
- <sup>68</sup> Там же. Л. 59, 80.
- <sup>69</sup> Там же. Д. 830. Л. 102–104, 119.



- <sup>70</sup> *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. М., 1973. С. 267.
- <sup>71</sup> РГА ВМФ. Ф. 72. Д. 1244. Л. 64.
- <sup>72</sup> *Ванеев Г. И.* Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны. В 2 кн. Кн. 1 (30.10.1941–02.01.1942). Киев, 1995. С. 38.
- <sup>73</sup> См.: *Моргунов П. А.* Указ. соч. С. 163.
- <sup>74</sup> РГА ВМФ. Ф. 3. Д. 27804. Л. 107; Ф. 83. Д. 9670. Л. 72; Ф. 10. Д. 19. Л. 279.
- <sup>75</sup> См.: *Крылов Н. И.* Огненный бастион. М., 1973. С. 148; *Ванеев Г. И.* и др. Героическая оборона Севастополя. 1941–1942. М., 1969. С. 136.
- <sup>76</sup> РГА ВМФ. Ф. 1087. Оп. 017217. Д. 32. Л. 191; Ф. 2092. Оп. 017227. Д. 124. Л. 406.
- <sup>77</sup> См.: *Моргунов П. А.* Указ. соч. С. 161.
- <sup>78</sup> РГА ВМФ. Ф. 10. Д. 39634. Л. 59.
- <sup>79</sup> ЦАМО. Ф. 20. Оп. 1093. Д. 22. Л. 647; Ф. 32. Оп. 22150. Д. 72. Л. 127.
- <sup>80</sup> РГА ВМФ. Ф. 2. Оп. 003181. Д. 14. Л. 179.
- <sup>81</sup> Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 3... С. 202.
- <sup>82</sup> РГА ВМФ. Ф. 72. Д. 800. Л. 52.
- <sup>83</sup> Флаг Родины. 1957. 21 декабря.
- <sup>84</sup> *Ванеев Г. И.* и др. Указ. соч. С. 154.
- <sup>85</sup> РГА ВМФ. Ф. 72. Д. 800. Л. 43.
- <sup>86</sup> Там же. Л. 50.
- <sup>87</sup> ЦАМО. Ф. 32. Оп. 22150сс. Д. 72. Л. 139; РГА ВМФ. Ф. 2092. Оп. 017227. Д. 124. Л. 278.
- <sup>88</sup> См.: *Крылов Н. И.* Огненный бастион... С. 160.
- <sup>89</sup> Там же. С. 167–168.
- <sup>90</sup> РГА ВМФ. Ф. 54. Д. 9163. Л. 129–130.
- <sup>91</sup> Там же. Ф. 3. Д. 6532. Л. 165; *Дубровский В. Г.* На фарватерах Севастополя. Симферополь, 1989. С. 107.
- <sup>92</sup> ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3412. Д. 760. Л. 49–50.
- <sup>93</sup> Там же. Оп. 3408. Д. 5. Л. 206.
- <sup>94</sup> *Аммон Г. А.* Морские памятные даты. М., 1987. С. 307.
- <sup>95</sup> *Горшков С. Г.* Указ. соч. С. 59.
- <sup>96</sup> *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 182.
- <sup>97</sup> ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5. Л. 210–215.
- <sup>98</sup> ЦВМА. Ф. 175. Д. 32678. Л. 5, 18; Ф. 10. Д. 32591. Л. 97–150.
- <sup>99</sup> Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 3... С. 207.
- <sup>100</sup> *Руге Ф.* Война на море. 1939–1945. М., 1957. С. 217.
- <sup>101</sup> *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. В 3 т. Т. 3. М., 1976. С. 72.
- <sup>102</sup> *Маништейн Э.* Указ. соч. С. 261.
- <sup>103</sup> Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. М., 1995. С. 331.
- <sup>104</sup> Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 3... С. 207–208.

- <sup>105</sup> *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. М., 1971. С. 275.
- <sup>106</sup> ЦАМО. Ф. 224. Оп. 781. Д. 43. Л. 613–617.
- <sup>107</sup> Там же. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 433.
- <sup>108</sup> Итоги Второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1957. С. 148.
- <sup>109</sup> *Гладков В. Ф.* Десант на Эльтиген. М., 1972. С. 225.
- <sup>110</sup> История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. Т. 4. М., 1962. С. 89.
- <sup>111</sup> *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. М., 1956. С. 360.
- <sup>112</sup> *Еременко А. И.* Годы возмездия. 1943–1945. 2-е изд. М., 1985. С. 145.
- <sup>113</sup> *Бирюзов С. С.* Когда гремели пушки. М., 1961. С. 268–269.
- <sup>114</sup> Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 41–43.
- <sup>115</sup> Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 252. Л. 237–241.
- <sup>116</sup> Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина к обеим палатам Федерального Собрания Российской Федерации в связи с предложением Государственного Совета Республики Крым о принятии республики в состав Российской Федерации. Москва, Кремль, 18 марта 2014 года. Источник: <http://www.kremlin.ru/news/20603>, обращение 20.1.2019.
- <sup>117</sup> *Крылов Н. И.* Не померкнет никогда... С. 240–241.
- <sup>118</sup> Там же. С. 243.
- <sup>119</sup> Цит. по: *Азаров И. И.* Сражающаяся Одесса. М., 1965. С. 107–108.
- <sup>120</sup> *Крылов Н. И.* Не померкнет никогда... С. 226.
- <sup>121</sup> *Карпов В. В.* Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. Полководец. М., 1990. С. 118.
- <sup>122</sup> Там же. С. 127–128.
- <sup>123</sup> *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 127.
- <sup>124</sup> *Петров И. Е.* Севастополь в Великой Отечественной войне // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып. 5. М., 1955. С. 30.
- <sup>125</sup> *Крылов Н. И.* Не померкнет никогда... С. 248.
- <sup>126</sup> *Петров И. Е.* Указ. соч. С. 30.
- <sup>127</sup> Великая Отечественная война. 1941–1945. Т. 1. Роль Крыма в войне. Документы и материалы. М., 2014. С. 75.
- <sup>128</sup> Там же. С. 107.
- <sup>129</sup> Цит. по: *Басов А. В.* Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1987. С. 92.
- <sup>130</sup> Там же.
- <sup>131</sup> *Рыжи Н. К.* На севастопольских рубежах // У черноморских твердынь. Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя. М., 1967. С. 146, 150.
- <sup>132</sup> *Басов А. В.* Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1987. С. 98.

- <sup>133</sup> Рыжи Н. К. На севастопольских рубежах // У черноморских твердынь. Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя. М., 1967. С. 148.
- <sup>134</sup> Ласкин И. А. На пути к перелому. М., 1977. С. 64.
- <sup>135</sup> Там же. С. 66.
- <sup>136</sup> Карпов В. В. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. Полководец. М., 1990. С. 171.
- <sup>137</sup> Петров И. Е. Севастополь в Великой Отечественной войне // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып. 5. М., 1955. С. 36.
- <sup>138</sup> Моргунов П. А. Героический Севастополь. М., 1979. С. 156.
- <sup>139</sup> «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: документы и материалы. М., 1967. С. 342–343.
- <sup>140</sup> Рыжи Н. К. На севастопольских рубежах // У черноморских твердынь. Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя. М., 1967. С. 158–159.
- <sup>141</sup> Цит. по: Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1987. С. 110.
- <sup>142</sup> Великая Отечественная война. 1941–1945. Т. 1... С. 106.
- <sup>143</sup> Крылов Н. И. Не померкнет никогда... С. 362.
- <sup>144</sup> Цит. по: Басов А. В. Указ. соч. С. 112.
- <sup>145</sup> Моргунов П. А. Указ. соч. С. 186.
- <sup>146</sup> Там же. С. 188.
- <sup>147</sup> Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 3. Кн. 2. С. 155.
- <sup>148</sup> Петров И. Е. Указ. соч. С. 36–37.
- <sup>149</sup> Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1982. С. 252.
- <sup>150</sup> Манштейн Э. Указ. соч. С. 273.
- <sup>151</sup> Басов А. В. Указ. соч. С. 166.
- <sup>152</sup> Петров И. Е. Указ. соч. С. 40.
- <sup>153</sup> Маношин И. С. Июль 1942 года. Падение Севастополя. М., 2009. С. 273–274.
- <sup>154</sup> Крылов Н. И. Не померкнет никогда... С. 485.
- <sup>155</sup> Ласкин И. А. Указ. соч. С. 110.
- <sup>156</sup> Кулаков Н. М. Доверено флоту. М., 1985. С. 283.
- <sup>157</sup> Цит. по: Карпов В. В. Указ. соч. С. 242.
- <sup>158</sup> Петров И. Е. Указ. соч. С. 41.
- <sup>159</sup> Ласкин И. А. Указ. соч. С. 170.
- <sup>160</sup> Там же. С. 179.
- <sup>161</sup> Петров И. Е. Указ. соч. С. 41–42.
- <sup>162</sup> Маношин И. С. Указ. соч. С. 96.
- <sup>163</sup> Крылов Н. И. Не померкнет никогда... С. 555.
- <sup>164</sup> Маношин И. С. Указ. соч. С. 80–81, 152.
- <sup>165</sup> Цит. по: Карпов В. В. Указ. соч. С. 274.
- <sup>166</sup> Кузнецов Н. Г. Указ. соч. С. 17.
- <sup>167</sup> Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 2. М., 1990. С. 8, 9.

- <sup>168</sup> Кулаков Н. М. Указ. соч. С. 22.
- <sup>169</sup> Там же. С. 22–23.
- <sup>170</sup> Там же. С. 24.
- <sup>171</sup> Там же. С. 26.
- <sup>172</sup> Панов И. М. Адмирал Филипп Октябрьский // Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1979. С. 256.
- <sup>173</sup> Кулаков Н. М. Указ. соч. С. 23–24.
- <sup>174</sup> Там же. С. 26.
- <sup>175</sup> Там же. С. 27.
- <sup>176</sup> Там же. С. 29.
- <sup>177</sup> Кузнецов Н. Г. Указ. соч. С. 19.
- <sup>178</sup> Морозов М. Э. Воздушная битва за Севастополь. 1941–1942. М., 2007. С. 27.
- <sup>179</sup> Кузнецов Н. Г. Указ. соч. С. 21.
- <sup>180</sup> Морозов М. Э. Указ. соч. С. 32.
- <sup>181</sup> Панов И. М. Указ. соч. С. 259.
- <sup>182</sup> Там же.
- <sup>183</sup> Там же. С. 260.
- <sup>184</sup> Морозов М. Э. Указ. соч. С. 34.
- <sup>185</sup> Там же. С. 35.
- <sup>186</sup> Панов И. М. Указ. соч. С. 265.
- <sup>187</sup> Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1)... С. 212.
- <sup>188</sup> Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: Сборник документов и материалов. М., 2000. С. 163–164.
- <sup>189</sup> Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 103.
- <sup>190</sup> ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 90. Л. 47, 48.
- <sup>191</sup> Куроедов В. И., Монаков М. С., Усиков А. В. Стратегическое взаимодействие Красной армии и Военно-морского флота в 1941–1945 гг.: проблемы и решения // Морской сборник. 2015. № 6. С. 40.
- <sup>192</sup> ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 90. Л. 47, 48.
- <sup>193</sup> Жидилов Е. И. Мы отстаивали Севастополь. М., 1960. С. 43–46.
- <sup>194</sup> Кулаков Н. М. Указ. соч. С. 123–125.
- <sup>195</sup> ЦАМО. Ф. 406. Оп. 9835. Д. 1. Л. 46.
- <sup>196</sup> РГА ВМФ. Ф. 155. Д. 9670. Л. 69; ПМП — полк морской пехоты, МСП — местный стрелковый полк, БО — береговая оборона, ДВФ — Дунайская военная флотилия, ФКП — флагманский командный пункт.
- <sup>197</sup> Кузнецов Н. Г. Указ. соч. С. 152.
- <sup>198</sup> ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 233. Л. 24, 25; ЗА — зенитная артиллерия; МБР — морской ближний разведчик; СКВО — Северо-Кавказский военный округ.
- <sup>199</sup> Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. М., 2000. С. 157.
- <sup>200</sup> ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 57. Л. 270–271.
- <sup>201</sup> Там же. Д. 5. Л. 73.
- <sup>202</sup> ЦВМА. Ф. 72. Д. 823. Л. 143, 182, 185.

- 203 ЦАМО. Ф. 288. Оп. 9895. Д. 20. Л. 15.
- 204 *Крылов Н. И.* Не померкнет никогда... С. 333.
- 205 См.: *Моргунов П. А.* Указ. соч. С. 144.
- 206 РГА ВМФ. Ф. 72. Д. 798. Л. 133.
- 207 ЦАМО. Ф. 20. Оп. 1093. Д. 22. Л. 647; Ф. 32. Оп. 22150. Д. 72.
- Л. 127.
- 208 РГА ВМФ. Ф. 72. Д. 836. Л. 150.
- 209 Там же. Д. 800. Л. 65–67; Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1)... С. 406–407; *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 181.
- 210 ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 5. Л. 197–198.
- 211 РГА ВМФ. Ф. 72. Д. 837. Л. 8.
- 212 Там же. Д. 801. Л. 17–20.
- 213 Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 3...
- С. 207.
- 214 *Саркисьян С. М.* 51-я армия. М., 1983. С. 66.
- 215 История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 5. М., 1975.
- С. 133.
- 216 ЦАМО. Ф. 224. Оп. 781. Д. 43. Л. 613–617.
- 217 Там же. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 433.
- 218 Российский государственный архив фонодокументов. Архивный шифр: № М-3315. Дата записи: 1965 г.
- 219 *Октябрьский Ф. С.* Письмо к Линчику. Фонд Музея КЧФ. Д. НВМ. Л. 174.
- 220 *Турин В. Е.* Воспоминания. Фонд музея КЧФ. Д. НВМ. Л. 333.
- 221 *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1988. С. 431–433.
- 222 *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1985. С. 125.
- 223 *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. С. 73.
- 224 *Иванов С. П.* Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990.
- С. 34–35.
- 225 Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М., 1998.
- С. 43.
- 226 Там же. С. 45.
- 227 Русский архив. Великая Отечественная. Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. Т. 12 (1). М., 1993. С. 184–185.
- 228 Во славу Родины (Белорусская военная газета). 2016. 8 декабря.
- 229 *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 183.
- 230 Великая Отечественная война. 1941–1945. Т. 1... С. 117–118.
- 231 Там же. С. 119.
- 232 ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 139. Л. 17.
- 233 Там же. Ф. 16. Оп. 1025. Д. 30. Л. 35.
- 234 *Кузнецов Н. Г.* Накануне. М., 1966. С. 268.

- <sup>235</sup> ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 150. Л. 53, 64а.
- <sup>236</sup> Цит. по: *Рубцов Ю. В.* Мехлис. Тень вождя. М., 2017. С. 253.
- <sup>237</sup> Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК: документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2)... С. 117, 503.
- <sup>238</sup> АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 441. Л. 62–64.
- <sup>239</sup> *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 3. Кн. 2. С. 220.
- <sup>240</sup> «Совершенно секретно! Только для командования!» С. 381.
- <sup>241</sup> *Невзоров Б. И.* Май 1942-го: Ак-Монай, Еникале // Военно-исторический журнал. 1992. № 8. С. 34–35.
- <sup>242</sup> ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 139. Л. 172–174.
- <sup>243</sup> *Басов А. В.* Указ. соч. С. 142.
- <sup>244</sup> *Кузнецов Н. Г.* Накануне... С. 268.
- <sup>245</sup> Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК: документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 193.
- <sup>246</sup> ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 139. Л. 602.
- <sup>247</sup> Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК: документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2)... С. 199.
- <sup>248</sup> Там же. С. 201.
- <sup>249</sup> ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 140. Л. 77.
- <sup>250</sup> Цит. по: *Рубцов Ю. В.* Указ. соч. С. 269–270.
- <sup>251</sup> *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 3. Кн. 2. С. 246, 248–249.
- <sup>252</sup> ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 116. Л. 223–224.
- <sup>253</sup> Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 1. М., 1998. С. 332; Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М., 2001. С. 346.
- <sup>254</sup> Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК: документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2)... С. 236–239.
- <sup>255</sup> *Ласкин И. А.* Указ. соч. С. 101.
- <sup>256</sup> Красная звезда. 2005. 12 апреля.
- <sup>257</sup> *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 298.
- <sup>258</sup> *Василевский А. М.* Дело всей жизни. Кн. 2. М., 1988. С. 238.
- <sup>259</sup> *Иванов С. П.* Указ. соч. С. 388–389.
- <sup>260</sup> Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 2. М., 1998. С. 189.
- <sup>261</sup> *Москаленко К. С.* На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Кн. 1. М., 1969. С. 452–453.
- <sup>262</sup> *Шафаренко П. М.* На разных фронтах. Записки командира дивизии. М., 1978. С. 180.
- <sup>263</sup> *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск, 1999. С. 221.
- <sup>264</sup> Независимое военное обозрение. 2016. 12 августа.
- <sup>265</sup> *Иванов С. П.* Указ. соч. С. 91.
- <sup>266</sup> *Крейзер Я. Г.* В боях между Березиной и Днепром // Военно-исторический журнал. 1966. № 6. С. 74.
- <sup>267</sup> *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 42.
- <sup>268</sup> *Кошевой П. К.* В годы военные. М., 1978. С. 170.
- <sup>269</sup> Там же. С. 164–165.
- <sup>270</sup> *Крейзер Я. Г.* Сиваш — Севастополь // Военно-исторический журнал. 1969. № 5. С. 76.

- 271 Кошевой П. К. Указ. соч. С. 165.  
272 Там же. С. 170.  
273 Там же. С. 170–171.  
274 Там же. С. 172.  
275 Василевский А. М. Указ. соч. С. 101.  
276 Цит. по: Басов А. В. Указ. соч. С. 233.  
277 Василевский А. М. Указ. соч. С. 103.  
278 Кошевой П. К. Указ. соч. С. 181–182.  
279 Крейзер Я. Г. Сиваш — Севастополь... С. 76.  
280 Саркисян С. М. Указ. соч. С. 185.  
281 Крейзер Я. Г. Сиваш — Севастополь... С. 78.  
282 Бирюзов С. С. Указ. соч. С. 259.  
283 Там же. С. 260.  
284 Кошевой П. К. Указ. соч. С. 204.  
285 Там же. С. 205.  
286 Там же. С. 208.  
287 Великая Отечественная война. 1941–1945. Т. 1... С. 250.  
288 Бирюзов С. С. Указ. соч. С. 262.  
289 Крейзер Я. Г. Сиваш — Севастополь... С. 80.  
290 Цит. по: Басов А. В. Указ. соч. С. 270–271.  
291 Кошевой П. К. Указ. соч. С. 226.  
292 Там же. С. 230–231.  
293 Саркисян С. М. Указ. соч. С. 199.  
294 Там же. С. 199.  
295 Крейзер Я. Г. Сиваш — Севастополь... С. 81.  
296 Бирюзов С. С. Указ. соч. С. 269.  
297 Кошевой П. К. Указ. соч. С. 233.  
298 Там же.  
299 Там же. С. 234.  
300 Там же.  
301 Там же. С. 235.  
302 Там же. С. 235, 236.  
303 Саркисян С. М. Указ. соч. С. 200.  
304 Там же. С. 213.  
305 Кошевой П. К. Указ. соч. С. 270–271.  
306 Там же. С. 271.  
307 Крейзер Я. Г. Сиваш — Севастополь... С. 83.  
308 Саркисян С. М. Указ. соч. С. 217.  
309 Там же. С. 221.  
310 Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Сборник. М., 1975. С. 149.  
311 Великая Отечественная война. 1941–1945. Т. 1... С. 270.  
312 Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М., 1977. С. 345–346.  
313 Выборных И. С. Родники мужества. М., 1980. С. 66–67.  
314 Кошевой П. К. Указ. соч. С. 26.  
315 Там же.  
316 Там же. С. 32.

- 317 Красная звезда. 1997. 7 июня.  
318 Кошевой П. К. Указ. соч. С. 120–121.  
319 Там же. С. 135.  
320 Там же. С. 162.  
321 Там же.  
322 Там же. С. 163.  
323 Там же. С. 165.  
324 Крейзер Я. Г. Сиваш — Севастополь... С. 76.  
325 Кошевой П. К. Указ. соч. С. 168.  
326 Там же. С. 169.  
327 Кулиев К. Так растет дерево. М., 1975. С. 449.  
328 Кошевой П. К. Указ. соч. С. 170.  
329 Там же. С. 171.  
330 Там же. С. 172.  
331 Там же. С. 173–174.  
332 Василевский А. М. Указ. соч. С. 103.  
333 Кошевой П. К. Указ. соч. С. 177.  
334 Там же. С. 187–188.  
335 Там же. С. 188.  
336 Там же. С. 189–190.  
337 Там же. 190.  
338 Там же. С. 191.  
339 Там же. С. 192–194.  
340 Там же. С. 195.  
341 Там же.  
342 Там же.  
343 Там же. С. 200.  
344 Там же. С. 202–203.  
345 Там же. С. 203.  
346 Там же. С. 203–204.  
347 Там же. С. 205.  
348 Там же.  
349 Там же. С. 206.  
350 Там же. С. 207.  
351 Саркисьян С. М. Указ. соч. С. 191.  
352 Кошевой П. К. Указ. соч. С. 209.  
353 Там же. С. 211–212.  
354 Там же. С. 213.  
355 Там же. С. 215.  
356 Бирюзов С. С. Указ. соч. С. 265.  
357 Кошевой П. К. Указ. соч. С. 212.  
358 Там же. С. 223.  
359 Там же. С. 228.  
360 Там же.  
361 Саркисьян С. М. Указ. соч. С. 201.  
362 Кошевой П. К. Указ. соч. С. 236.  
363 Там же. С. 238–239.  
364 Там же. С. 233.



- 365 Там же. С. 238.
- 366 Там же. С. 239.
- 367 *Бирюзов С. С.* Указ. соч. С. 270–271.
- 368 *Кошевой П. К.* Указ. соч. С. 242.
- 369 Там же. С. 251.
- 370 Там же. С. 261.
- 371 *Саркисьян С. М.* Указ. соч. С. 201.
- 372 *Кошевой П. К.* Указ. соч. С. 261.
- 373 Там же. С. 262.
- 374 Там же. С. 263.
- 375 Там же. С. 264.
- 376 Там же.
- 377 Там же. С. 268–269.
- 378 Там же. С. 266.
- 379 Там же. С. 271.
- 380 Там же.
- 381 Там же.
- 382 Там же. С. 272.
- 383 Там же. С. 273.
- 384 Там же. С. 278–279.
- 385 Там же. С. 279.
- 386 Там же.
- 387 *Василевский А. М.* От красноармейца до Маршала Советского Союза // Военно-исторический журнал. 1974. № 12. С. 27.
- 388 *Кошевой П. К.* Указ. соч. С. 280–281.
- 389 *Павличенко Л. М.* Я — снайпер. В боях за Севастополь и Одессу. М., 2015. С. 39.
- 390 *Руднева Л.* Людмила Павличенко // Героини войны. Очерки о женщинах — Героях Советского Союза. М., 1963. С. 443.
- 391 Комсомольская правда. 1942. 2 июля.
- 392 *Павличенко Л. М.* Я — снайпер... С. 47.
- 393 Там же. С. 50–52.
- 394 Там же. С. 60.
- 395 Там же. С. 67.
- 396 Там же. С. 68.
- 397 Там же.
- 398 *Павличенко Л. М.* Героическая быль. М., 1958. С. 39.
- 399 Красная звезда. 1942. 31 мая.
- 400 *Павличенко Л. М.* Героическая быль... С. 39–40.
- 401 *Бегунова А. И.* Ангелы смерти. Женщины-снайперы. 1941–1945. М., 2014.
- 402 *Павличенко Л. М.* Я — снайпер... С. 156–158.
- 403 Там же.
- 404 *Павличенко Л. М.* Героическая быль... С. 41.
- 405 Известия. 1942. 17 мая.
- 406 *Павличенко Л. М.* Я — снайпер... С. 189.
- 407 Там же. С. 244.

- <sup>408</sup> *Ортенберг Д. И.* Год 1942. Рассказ-хроника. М., 1988. С. 205–206.
- <sup>409</sup> Комсомольская правда. 1942. 4 июня.
- <sup>410</sup> Там же. 2 июля.
- <sup>411</sup> ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 612. Л. 34.
- <sup>412</sup> *Павличенко Л. М. Я — снайпер...* С. 286.
- <sup>413</sup> Там же. С. 291–292.
- <sup>414</sup> *Пчелинцев В. Н.* Особая миссия. М., 1991. С. 66.
- <sup>415</sup> Там же. С. 88.
- <sup>416</sup> *Павличенко Л. М. Я — снайпер...* С. 333.
- <sup>417</sup> Там же. С. 114.
- <sup>418</sup> *Пчелинцев В. Н.* Указ. соч. С. 129.
- <sup>419</sup> Там же. С. 157.
- <sup>420</sup> Там же. С. 152.
- <sup>421</sup> Там же. С. 209.
- <sup>422</sup> *Майский И. М.* Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. М., 1965. С. 79.
- <sup>423</sup> *Павличенко Л. М. Я — снайпер...* С. 361.
- <sup>424</sup> *Бегунова А. И.* Указ. соч. С. 22.
- <sup>425</sup> ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 48. Л. 224.
- <sup>426</sup> URL: <http://www.proza.ru/2013/08/03/1616> (дата обращения: 2.04.2018)
- <sup>427</sup> *Смолянников С. А., Михайлов В. А.* Заветный утес бессмертия, памяти и скорби. Киев, 1997. С. 12.
- <sup>428</sup> *Лещенко А., Лещенко В.* Выверено жизнью и смертью. История башенной батареи № 35 Черноморского флота. Киев, 2011. С. 87.
- <sup>429</sup> Там же.
- <sup>430</sup> Там же. С. 60.
- <sup>431</sup> Там же. С. 62.
- <sup>432</sup> Там же. С. 81.
- <sup>433</sup> Там же. С. 78.
- <sup>434</sup> Там же. С. 84.
- <sup>435</sup> Там же. С. 87.
- <sup>436</sup> Там же. С. 96.
- <sup>437</sup> Там же. С. 112–113.
- <sup>438</sup> Там же. С. 118–119.
- <sup>439</sup> Там же. С. 136.
- <sup>440</sup> *Моргунов П. А.* Указ. соч. С. 365.
- <sup>441</sup> Там же. С. 142.
- <sup>442</sup> Там же. С. 143–144.
- <sup>443</sup> Там же. С. 160.
- <sup>444</sup> Там же. С. 171.
- <sup>445</sup> Там же. С. 179.
- <sup>446</sup> *Азаров И. И.* Непобежденные. М., 1973. С. 234.
- <sup>447</sup> Цит. по: *Маношин И. С.* Указ. соч. С. 91.
- <sup>448</sup> Там же. С. 205–206.
- <sup>449</sup> Там же. С. 207.

<sup>450</sup> Там же. С. 213.

<sup>451</sup> *Азаров И. И.* Указ. соч. С. 237.

<sup>452</sup> Объекты культурного наследия Республики Татарстан. Т. 1. М., 2017. С. 24.

<sup>453</sup> *Иванов В. Б.* ЧВВМУ им. П. С. Нахимова. История. Люди. События. Энциклопедическое издание. Севастополь, 2012. С. 49–99.

<sup>454</sup> См. Портал муниципальных образований Республики Татарстан [http://agryz.tatarstan.ru/65\\_let\\_Pobedi/veteran/Abdrahmanov.htm](http://agryz.tatarstan.ru/65_let_Pobedi/veteran/Abdrahmanov.htm); обращение 20.1.2019.

<sup>455</sup> ЦВМА. Ф. 175. Д. 23409. Л. 87.

<sup>456</sup> Там же. Ф. 2092. Оп. 1. Д. 248. Л. 150–162.

<sup>457</sup> Герои боев за Крым. Симферополь, 1972. С. 116.

<sup>458</sup> Письмо Абдрахманова Асафа Кутдусовича сестре Абдрахмановой Сюембике Кутдусовне, 20 марта 1944 г. // Источник: Музей истории села Иж-Бобья, филиал МБУК «Музей истории и культурного наследия Агрызского муниципального района Республики Татарстан».

<sup>459</sup> *Кузнецов Н. Г.* Курсом к победе... С. 445.

## ОСНОВНЫЕ ДАТЫ И СОБЫТИЯ

- 1941, 24 сентября* – немецкие войска переходят в наступление на Перекопском перешейке.
- 26 сентября* – немецкие войска прорываются через Турецкий вал и берут Армянск.
- 18 октября* – немецкие войска переходят в наступление на Ишуньские позиции, начало Крымской оборонительной операции.
- 22 октября* – создание советского командования войск Крыма.
- 30 октября – 21 ноября* – немецкие войска предпринимают попытку взять Севастополь с ходу (первый штурм); начало обороны Севастополя.
- 16 ноября* – остатки 51-й советской армии эвакуированы из Крыма на Таманский полуостров; окончание Крымской оборонительной операции.
- 28–29 декабря* – высадка советского десанта в районе Керчи и Феодосии; начало Керченско-Феодосийской десантной операции.
- 17–30 декабря* – немецкие войска предпринимают вторую неудачную попытку штурма Севастополя.
- 1942, 2 января* – советские войска полностью заняли Керченский полуостров; окончание Керченско-Феодосийской десантной операции.
- 5–8 января* – тактический морской десант Красной армии в Евпатории.
- 15–18 января* – немецкие войска наносят поражение Красной армии и захватывают Феодосию.
- 27 февраля – 3 марта, 13–20 марта, 24–31 марта, 3 апреля, 9–11 апреля* – неудачные попытки наступления Красной армии на Керченском полуострове.
- 7–15 мая* – немецкие войска проводят операцию «Охота на дроф», в ходе которой советские войска были вынуждены оставить Керченский полуостров.
- 7 июня* – немецкие войска начинают штурм Севастополя.
- 17 июня* – немецкие войска захватывают форт «Сталин», батарею ББ-30 и ряд других фортов Севастополя.
- 30 июня* – взятие немецкими войсками Малахова кургана в Севастополе; начало эвакуации из города высшего и старшего командного состава армии и флота, партактива.
- 4 июля* – немецкие войска подавили последние очаги сопротивления Красной армии в Севастополе.
- 1943, 31 октября – 11 декабря* – Керченско-Эльтигенская десантная операция; советские войска захватывают плацдарм в районе Керчи.
- 30 октября* – советские войска освободили Генчешек и заня-

ли побережье Сиваша; 17-я немецкая армия блокирована в Крыму.

*1 ноября* – советские войска прорвали немецкую оборону на Турецком валу (Перекопский перешеек).

*5 ноября* – советские войска форсировали Сиваш.

*1944, 8 апреля* – войска 4-го Украинского фронта переходят в наступление и освобождают Армянск; начало Крымской наступательной операции.

*11 апреля* – советские войска освободили Керчь и Джанкой.

*13 апреля* – советские войска освободили Феодосию, Симферополь, Евпаторию, Саки.

*14 апреля* – советские войска освободили Судак.

*15 апреля* – советские войска освободили Алушту.

*16 апреля* – советские войска вышли к Севастополю и предприняли неудачную попытку взять город с ходу.

*5 мая* – начало генерального штурма Севастополя.

*9 мая* – советские войска освобождают Севастополь.

*12 мая* – остатки 17-й немецкой армии, отошедшие на мыс Херсонес, капитулировали.

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. В. Картаполов. Великая Отечественная война — в лицах ее героев. Слово к читателю.</i> . . . . .	5
Крым непокоренный ( <i>Д. Н. Филипповых</i> ) . . . . .	8
Иван Ефимович Петров ( <i>Ю. В. Рубцов</i> ) . . . . .	88
Филипп Сергеевич Октябрьский ( <i>Д. Н. Филипповых, Ю. В. Рубцов</i> ) . . . . .	136
Дмитрий Тимофеевич Козлов ( <i>Ю. В. Рубцов</i> ) . . . . .	178
Яков Григорьевич Крейзер ( <i>Ю. В. Рубцов</i> ) . . . . .	212
Петр Кириллович Кошевой ( <i>Ю. В. Рубцов</i> ) . . . . .	252
Людмила Михайловна Павличенко ( <i>Ю. В. Рубцов</i> ) . . . . .	286
Алексей Яковлевич Лещенко ( <i>Ю. В. Рубцов</i> ) . . . . .	323
Асаф Кутдусович Абдрахманов ( <i>Д. Н. Филипповых</i> ) . . . . .	358
Примечания . . . . .	381
Основные даты и события . . . . .	394

**Рубцов Ю. В., Филипповых Д. Н.**  
Р 82 Герои битвы за Крым: Таврида в пламени Великой  
Отечественной / Юрий Рубцов, Дмитрий Филиппо-  
вых. — М.: Молодая гвардия, 2019. — 396[4] с.: ил. —  
(Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1794).

ISBN 978-5-235-04308-4

Таврида... Так еще древние греки именовали Крымский полуостров. Это же название было принято и в Российской империи после присоединения Крыма в 1783 году.

Благословенная крымская земля от века привлекала жадные взоры завоевателей. Полуостров, в первую очередь колыбель Черноморского флота Севастополь пережили две тяжелейшие войны в борьбе с иноземцами — Крымскую 1853—1856 годов и Великую Отечественную.

Без преувеличения обильной русской кровью писалась эпопея Тавриды/Крыма в 1941—1944 годах, когда на территории полуострова и в акватории Черного и Азовского морей развернулись ожесточенные сражения и бои с немецкими и румынскими захватчиками. Навсегда останутся в истории боевые дела защитников Крыма. Их — сотни тысяч, и за рассказом о героях этой книги — адмирале Ф. С. Октябрьском, генералах И. Е. Петрове, Д. Т. Козлове, Я. Г. Крейзере, П. К. Кошевом, офицерах Л. М. Павличенко, А. Я. Лешенко, А. К. Абдрахманове — встает коллективный и бессмертный подвиг народа.

УДК 355.48(47+57:430)  
ББК 63.3(2)622,88

знак информационной  
продукции **16+**

**Рубцов Юрий Викторович, Филипповых Дмитрий Николаевич**  
ГЕРОИ БИТВЫ ЗА КРЫМ:  
ТАВРИДА В ПЛАМЕНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Редактор К. А. Залесский  
Художественный редактор А. В. Никитин  
Технический редактор М. П. Качурина  
Корректор Г. В. Платова

Сдано в набор 06.02.2019. Подписано в печать 04.03.2019. Формат 84×108/32.  
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.  
21,0+1,68. Тираж 3000 экз. Заказ № 1904980

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,  
Сушешская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: [dsel@gvardiya.ru](mailto:dsel@gvardiya.ru)

Отпечатано в полном соответствии с качеством  
**arvato** предоставленного электронного оригинал-макета  
**BERTELSMANN** в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»  
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04308-4

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

# ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

С. Михеенков  
«МАРГЕЛОВ»

В. Лопатников  
«ДАНИИЛ ГРАНИН»

Е. Матонин  
«СИДНЕЙ РЕЙЛИ»

Митрополит Иларион  
«ИИСУС ХРИСТОС»

И. Фаликов  
«БОРИС СЛУЦКИЙ»

В. Бондаренко  
«ОТЕЦ ИОАНН (КРЕСТЬЯНКИН)»



Телефоны для оптовых покупателей:  
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64  
<http://gvardiya.ru>. E-mail: [dsel@gvardiya.ru](mailto:dsel@gvardiya.ru)



СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

# ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Горбунов  
«ВИКТОР МАСЛОВ»

В. Антонов  
«КЕМБРИДЖСКАЯ ПЯТЕРКА»

Н. Михайлова  
«БАРКОВ»

А. Бондаренко  
«ГЕРОИ “СМЕРШ”»

Н. Бодрихин  
«АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВ»

С. Михеенков  
«БЕРЛИН-45»



Телефоны для оптовых покупателей:  
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64  
<http://gvardiya.ru>. E-mail: [dsel@gvardiya.ru](mailto:dsel@gvardiya.ru)

---

# ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

---

*Склад  
издательства «Молодая гвардия»  
находится в центре Москвы  
по адресу:  
Сущевская ул., д. 21  
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*



**В отделе реализации действует  
гибкая система скидок**



**Доставка книг по территории  
Москвы и Московской области  
БЕСПЛАТНО**

**ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ**

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

**ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА**

8(495) 787-65-39    8(495) 787-63-64



ISBN 978-5-235-04308-4



9 785235 043084 >

М О Л О Д А Я   Г В А Р Д И Я